

15
M 23

P102406

КНИГА
В СОХРАНЕНИИ

тк

ПАОЛО МАНТЕГАЦЦА,
профессоръ антропологиі во Флоренціи.

157/104 / № 11

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА.

Qui dabit mihi pennas sicut columbae et volabo et regnabam?
Псаломъ LV, 9.

Перевелъ съ 5-го итальянскаго изданія

Д-ръ Н. Лейненбергъ.

Изданіе Ф. Павленкова.

ЦѢНА 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ», ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЬ, д. 115.

1890.

17102406.

В. К. Андреевой.
~ ~ ~ ~ ~

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

	Стр.
I. ЧТО ТАКОЕ ЭКСТАЗЪ. Экстазъ въ обыденной рѣчи, въ словарь и въ науки.—Опредѣленіе автора и защита этого опредѣленія.—Отношенія между экстазомъ, гипнотизмомъ, наслажденіемъ и опьяненіемъ и ихъ разграниченіе.—Схематическая топографія экстаза.—Развитіе экстатического процесса.—Происхожденіе экстаза.—Нервная система и окружающая среда.—Постоянныя и преходящія органическія причины.—Вѣчный кругъ, въ которомъ заключенъ человекъ.	1
II. КЛАССИФИКАЦІЯ ЭКСТАЗОВЪ. Рокоевое проклятіе, титублющее надъ сыномъ Прометей.—Классификація экстазовъ.—Малые и большіе экстазы.—Краткій набросокъ малыхъ экстазовъ.—Продолжительные и временные экстазы.—Большіе экстазы.—Превращеніе экстазовъ въ полезный трудъ.—Классификація всѣхъ экстазовъ по ихъ происхожденію	22
III. ЭКСТАЗЫ У ЖИВОТНЫХЪ. Смутныя формы экстаза у животныхъ.—Маленькіе мышечные, музыкальные и эстетическіе экстазы.—Мышечныя органы дѣтей и животныхъ.—Музыкальный экстазъ.—Эстетическій экстазъ.—Соловьи въ Акви.—Мой красивый попугай.—Райскія птицы и ихъ эстетическіе экстазы.—Смутныя формы маленькихъ экстазовъ у нашихъ дѣтей и у дикарей.—Антологія безграмотныхъ народовъ	31
IV. АФФЕКТИВНЫЕ ЭКСТАЗЫ. Различныя формы малыхъ аффективныхъ экстазовъ.—Экстазы милосердія.—Вліяніе религіи, страданія и раскаянія.—Спасеніе.—Смѣшанные экстазы милосердія и эстетики.—Созерцаніе прекраснаго.—Красота доброты	54

V. ЭКСТАЗЫ ДРУЖБЫ И БРАТСКОЙ ЛЮБВИ 78

~~XVI. ЭКСТАЗЫ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ.~~ Очарованія подь вліянієм созерцанія. — Человѣческое дитя въ глазахъ всѣхъ и въ глазахъ матери. — Материнская гордость. — Жертва. — Очарованіе отцовскою любовью. — Отець и дочь 92

~~XVII. ЭКСТАЗЫ ДѢТСКОЙ ЛЮБВИ.~~ Наша мать. — Три статуи и три женщины. — Удивленіе. — Нашъ отецъ. — Дочь и ея возвышенная жертва. — Старець. — Почитаніе старости 107

VIII. ЭКСТАЗЫ ПЛАТОНИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ. Существованіе и описаніе этой любви. — Тридцать опредѣлений платонической любви и опредѣленіе автора. — Психологическій анализъ этой формы любви. — Великія привязанности. — Ураганы любви. — Аскетическая стыдливость. — Видѣнія платонической любви. — Формы, общія съ нѣкоторыми другими экстазами 119

IX. РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭКСТАЗЫ. Глубокая аналогія между религиознымъ экстазомъ и любовью. — Благословіе. — Данте и святая Тереза. — Уничженіе, жертва, добровольное мученичество. — Аскетическія видѣнія, простыя и сложныя, веселыя и печальныя. — Психическое вліяніе свѣта. — Вторичныя явленія аскетическаго видѣнія. — Молитва, по опредѣленію богослововъ и психологовъ. — Молитва по опредѣленію св. Терезы. — Почему молятся. — Предести молитвы. — Окружающая среда при религиозномъ экстазѣ. — Церковь, колокола и органъ. — Религиозные экстазы графини ***. 133

X. КАТОЛИЧЕСКАЯ СВЯТАЯ ТЕРЕЗА. Тереза — самая выдающаяся личность въ мірѣ религиозныхъ экстазовъ. — Первые проявленія ея аскетизма. — Ея угрызенія совѣсти и ея возвышенная нравственность. — Ея анализъ предестей молитвы. — Невыразимое очарованіе аскетическаго экстаза. — Глубокій аналитическій умъ благочестивой испанки. — Тѣсная связь между аскетическимъ экстазомъ и любовью. — Веселыя и страшныя видѣнія. — Высшія ступени экстаза. — Видѣніе Бога. — Высшія вершины нравственнаго альпинизма 172

~~XI. РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭКСТАЗЫ ДРУГИХЪ ПОДВИЖНИЦЪ И ПОДВИЖНИКОВЪ.~~ Религиозные экстазы у нѣкоторыхъ женщинъ и мужчинъ. — Марія дель Анжели. — Анна Катерина Эммерихъ. — Маргарита Марія Алакокъ. — Баттиста Варани, прорицатель Камерино. — Монахъ Жаконо дельа Масса. — Монахъ Джованни дельа Вериня. — Монахъ Леонъ 193

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Стр.

- I. **ЭКСТАЗЫ ЛЮБВИ ИЪ ОТЕЧЕСТВУ.** Маска Мадзини.— Отечество и религія, Герои отечества и святые.— Лучшее шовинизмъ, чѣмъ недостатокъ любви къ отечеству.—Различныя формы экстазовъ любви къ отечеству.—Возвращеніе автора изъ Индіи въ Италію.— Экстазы великихъ героевъ любви къ отечеству.— Герои исторіи и безвѣстные герои.—Эпидемическіе экстазы.—Лѣсные пожары и пожары въ сердцахъ народнонь.—Сравненія и размышленія. 1
- II. **СМѢШАННЫЕ ЭКСТАЗЫ.** Любовь къ животнымъ.—Собаки, лошади и волю.—Экстазы богатства.—Дѣй стороны модаль.—Скупой.—Патологическіе экстазы. 17
- III. **ЭСТЕТИЧЕСКІЕ ЭКСТАЗЫ.** Теорія эстетики и будущая книга.—Различныя эстетическія очарованія.—Различныя эстетическіе вкусы и необходимыя условія экстаза.—Энтузіазмъ.—Какого человѣка я болѣе всего жалю.—Экстазы, вызываемые картинами природы и произведеніями и искусства.—Какой экстазъ самый великій? 25
- IV. **ЭКСТАЗЫ, ВЫЗЫВАЕМЫЕ ПРИРОДОЮ.** Экстазы, вызываемые моремъ.—Земля и море.—Экстазы человѣка при созерцаніи неба 38
- V. **ДѢЙСТІЕ ЦВѢТОВЪ.** Экстазы, вызываемые цвѣтами.—Линней и сѣверная Калипсо.—Слабые экстазы ботаниковъ и чувствительныхъ натуръ предъ цвѣтами.—Эстетическая экскурсія въ область цвѣтовъ.—Адеарди, Войто и авторъ.—Всеобщая любовь къ цвѣтамъ.—Формы, краски, безконечное разнообразіе ихъ красоты.—Картина цвѣтовъ въ Норвегіи.—У Ріо Гвазлогвайку.—У *Frontera de Salta* 50
- VI. **МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЭКСТАЗЫ.** Музыка, быть можетъ, величайшее изъ человеческихъ творчествъ.—Простой или акустическій музыкальный экстазъ и его замѣчательная экспансивная сила.—Различныя характеры музыкальнаго экстаза: любовный, меланхолическій, воинственный и фантастическій 71
- VII. **ЭКСТАЗЫ МЫСЛИ.** Стремленіе къ истинѣ.—Постепенное развитіе этого стремленія отъ любопытства до религіи и до экстаза.—Очарованія, вызываемая лабораторіей.—Математическій экстазъ.—Экстазъ въ библіотекѣ.—Слава всѣмъ стремящимся къ истинѣ. 82

- VIII. **ЭКСТАЗЫ ФАНТАЗИИ.** Бездны глубины и вышины.—Ничтожное и громадное въ фантастическихъ полетахъ.—Искусственные и самопроизвольные, простые и сложные экстазы фантазии.—Возможное и будущее 96
- X IX. **ЭКСТАЗЫ КРАСНОРЪЧІЯ.** Обь отцѣ Августинѣ.—Разница между писаннымъ и устнымъ словомъ.—Всемогущество слова и его причины.—Ораторъ и его слушатели.—Экстазы обохъ.—Орфей 103
- X. **ЭКСТАЗЫ БОРЬБЫ И МОГУЩЕСТВА.** Очарованія Кавура, Гарибальди, Мольтве и Бисмарка.—Сложная и неопредѣлимая природа этихъ экстазовъ.—Два слова о психологійи воли.—Локомотивы и гениіи дѣла.—Кратковременность и интенсивность этихъ экстазовъ 111
- XI. **ЭКСТАЗЫ ТВОРЧЕСТВА.** Моисей и Дарвинъ.—Создатель и его созданіе.—Различные роды творчества.—«А все-таки движется».—Какой экстазъ самый возвышенный? какая вершина самая выдающаяся на Гималаяхъ мысли?—Природа и творчество.—Заключеніе 121

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

В. Н. Андреевой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эта книга—борьба.—Экстазъ въ обыденной рѣчи, въ словарѣ и въ наукѣ.—Опредѣленіе автора и защита этого опредѣленія.—Отношенія между экстазомъ, гипнотизмомъ, наслажденіемъ и опьяненіемъ и ихъ разграниченіе.—Схематическая топографія экстаза.—Развитіе экстастическаго процесса.—Происхожденіе экстаза.—Первая система и окружающая среда.—Постоянныя и преходящія органическія причины.—Вѣчный кругъ, въ которомъ заключенъ человѣкъ.

Книга эта, которую, мой благосклонный читатель, ты только что развернулъ, есть борьба,—борьба, которой я не искалъ, но которую принялъ, борьба, въ которой я являюсь обороняющимся, а не нападающимъ. Никогда гнѣвъ не господствовалъ надо мною болѣе одной ночи.

Именно поэтому я охотно посвятилъ-бы этотъ трудъ всѣмъ тѣмъ, которые, искренно или лицемерно, прокляли мою книгу „*Любовь у людей*“ (Gli amori degli uomini); но я предпочелъ, все-таки, посвятить его дорогому мнѣ человѣку, имя котораго славится во всей Италіи.

Если-бы не эти проклятія, посылавшіяся на мою голову съ нетерпѣніемъ давней ненависти и яростью внезапно вызваннаго гнѣва, я не только никогда не сталъ-бы писать о человѣческихъ экстазахъ, но даже, можетъ быть, и не подумалъ-бы объ этомъ. Задѣтый, я сумѣлъ-бы дать отпоръ; осмысленный цѣлымъ потокомъ презрительныхъ издѣвательствъ и жалкихъ ругательныхъ статей, я также могъ-бы бросать въ лагерь своихъ враговъ грязь и песокъ, всѣ тѣ осколки, которые набрали мои враги въ своемъ безсиліи. Но я предпочелъ все свое презрѣ-

ніе къ такой несправедливости, всю желчь и всю досаду превратить въ книгу, стараясь достигнуть этимъ того видоизмѣненія силъ, которое облагораживаетъ матерію въ послѣдовательномъ ряду развитія; ибо я всегда съ удивленіемъ созерцалъ всемогущество природы, превращающей навозъ въ розы и виноградъ. И негодованіе—сила: почему-же и ему не видоизмѣниться въ полезную и хорошую работу? Одни камни нечувствительны, а я хочу быть человѣкомъ; впрочемъ, можетъ быть, не отвѣчать на оскорбленіе—значить поступать не почеловѣчески, но по христіански. Превратить негодованіе въ благородную месть, въ гимнъ, въ гармонію, въ книгу—значить сдѣлать нѣчто великое, по крайней мѣрѣ, благородное, достойное попытки, потому что не все великое можно совершить по своему желанію, а попытка никого не позорить. Въ виду всего этого я продумалъ и написалъ эту книгу: „*Экстазы человѣка*“.

Если я въ своей книгѣ о „Любви у человѣка“ ризнулъ опуститься въ грязное вопиющее болото человѣческихъ пороковъ; если я вынужденъ былъ туда спуститься, потому что человѣкъ живетъ и тамъ,—то почему-бы мнѣ и не выйти изъ этого болота и, обмытому съ головы до ногъ чистой и прозрачной водой науки, не устремиться на самыя крайнія вершины чувства и мысли, куда человѣкъ можетъ добраться лишь пыхтя и отдуваясь, но счастливый тѣмъ, что такъ высоко поднялся, и откуда, становясь на кончики пальцевъ, онъ оглядывается, нѣтъ-ли еще болѣе высокой вершины, куда можно-бы взобраться, нѣтъ-ли болѣе широкаго горизонта, которымъ онъ могъ-бы овладѣть.

Если я изучалъ самыя скотскія формы человѣческой любви, то почему-бы мнѣ не попытаться изучить и человѣческіе экстазы?

Подъ экстазомъ я разумѣю не все явленія, заключающіяся въ этомъ словѣ, а точно опредѣленную и ограниченную группу психическихъ фактовъ.

Обыкновенно говорятъ, что сладострастіе любви, предлести музыки, чары вина и даже произведенія кухни приводятъ насъ въ экстазъ. Но здѣсь, въ этой книгѣ, рѣчь идетъ лишь о высшей превосходной степени, о *tras los montes*, о высшей, неподдающейся описанію степени ощущенія, мысли, чувства. На всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ за большимъ слѣдуетъ наибольшее; но за наибольшимъ слѣдуетъ еще *нѣчто больше чѣмъ наибольшее*, для котораго существуютъ различныя странныя выраженія, которыя я въ общемъ представляю себѣ въ видѣ знака ∞ , принятаго въ математикѣ для обозначенія безконечности. *Экстазъ*, какъ это слово понимается въ обыденной рѣчи, есть одна изъ этихъ наивысшихъ степеней, примѣняемыхъ къ наслажденію, къ вдохновенію, къ самымъ смѣлымъ полетамъ мысли.

Но не объ этихъ экстазахъ я желаю бесѣдовать съ вами, а *отинотизмъ мысли и чувства,—чаще чувства, чѣмъ мысли*.

Къ этому опредѣленію, которое я считаю новымъ и, можетъ быть, научно вѣрнымъ, я пришелъ лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ размышленія, ибо понятіе объ экстазѣ, даже помимо обычнаго употребленія этого слова, крайне эмпирично, даже запутанно. Это одинъ изъ тѣхъ стенографическихъ знаковъ, одно изъ тѣхъ „*почти*“, которыми нашъ бѣдный несовершенный языкъ обозначаетъ неопредѣленный и весьма запутанный предметъ нашего изслѣдованія.

Чтобы выяснитъ неопредѣленный, запутанный, темный фактъ, мы часто хорошо дѣлаемъ, если отмѣчаемъ его границы по отношенію къ другимъ подобнымъ явленіямъ, природа которыхъ намъ болѣе знакома, и это бываетъ лучше категорическаго и схоластическаго опредѣленія его. Такъ географъ, желая описать страну, сначала указываетъ ея границы.

Экстазъ граничитъ съ *опьяненіемъ*, съ *галлюцинаціей*, съ *наслажденіемъ*, съ *сомнамбулизмомъ*, съ *бредомъ*, съ *катаlepsіей*, не будучи ни однимъ изъ этихъ состояній.

Экстазъ—всегда исключительное, временное состояніе, и большинство людей его никогда не испытывали. Нѣкоторые болѣе грубые и необразованные люди даже съ трудомъ сумѣютъ вообразить себѣ его. Его греческая этимологія *εκ—σῆσις*, *быть вне себя* прекрасно выражаетъ это понятіе.

Слово „экстазъ“, слѣдовательно, греческаго происхожденія, и греки, болѣе поэтической народъ чѣмъ римляне, должны были лучше знать это состояніе возвышеннаго идеализма, между тѣмъ какъ римляне, положительныя и практическія люди, люди дѣла; не знали экстаза, а обозначали это состояніе въ описательной формѣ: *mentis excessus, animi abalienatio*.

Поискавъ въ словаряхъ значеніе слова „экстазъ“, мы находимъ слѣдующее опредѣленіе: *„экстазъ—это подъемъ духа для созерцанія вещей, превышающихъ человѣческія способности“*.

Но это—не точное и не научное опредѣленіе, потому что оно можетъ быть примѣнимо развѣ только къ религіозному экстазу, правда самой обыкновенной, но не единственной формѣ экстаза.

Мое опредѣленіе выражаетъ, если я не ошибаюсь, самую существенную, самую характерную сторону состоянія экстаза.

Гипнотизмъ—это искусственный, болѣе или менѣе глубокой сонъ, во время котораго нѣкоторыя части мозга находятся какъ-бы въ парализованномъ, а другія въ возбужденномъ состояніи. Мы усыпляемъ данную личность, заставляя ее смотрѣть намъ въ глаза или на какойнибудь блестящій предметъ, или-же производя *магнети-*

чешкіе пачсы по ея тѣлу. Продолжительный, однообразный шумъ, звукъ камертона, легкое поглаживаніе и дотрогиваніе рукой и т. п. также могутъ вызвать подобное состояніе. Въ экстазѣ-же мы вмѣсто внѣшняго ощущенія имѣемъ односторонній избытокъ отправления мысли или чувства, задерживающій отправления всѣхъ остальныхъ мозговыхъ центровъ; и наше изолированное отъ внѣшняго міра сознаніе ограничивается однимъ лишь восприниманіемъ интенсивной, неопредѣленной и не поддающейся опредѣленію силы чувства или мысли, находящейся въ состояніи самой экзальтированной дѣятельности.

Почти всегда это состояніе „виѣ себя“, это концентрированіе всѣхъ душевныхъ силъ въ одномъ пунктѣ сопровождается чувствомъ величайшаго наслажденія.

Поэтому слово „экстазъ“ часто употребляется для обозначенія сладострастія любви или другого крайне восторженнаго наслажденія.

Хотя сладострастіе любви и доставляетъ человѣку величайшія степени наслажденія, вызывая болѣе или менѣе продолжительное состояніе экстаза, но оно, все таки, заключено въ такія тѣсныя границы, что не можетъ войти въ кругъ дѣйствительныхъ экстазовъ, и мы оставляемъ его поэтому въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ „*Физиологій наслажденія*“ и въ „*Физиологій любви*“ я достаточно подробно объ этомъ говорилъ. Я хочу изслѣдовать лишь дѣйствительные экстазы, имѣющіе свой источникъ въ высшихъ чувствахъ зрѣнія и слуха, въ извѣстныхъ ощущеніяхъ и нѣкоторыхъ формахъ мыслительныхъ процессовъ.

Чтобы лучше понять физиологическій процессъ экстаза, мы должны вкратцѣ указать на то, что наука даетъ намъ достовѣрнаго о гипнотизмѣ, такъ какъ первый, по нашему мнѣнію, лишь болѣе высокая и рѣдкая форма послѣдняго. И подобно тому какъ современная наука съумѣла вырвать изъ рукъ шарлатановъ и поставить на должное мѣсто основанія животнаго магнетизма, освѣтивъ своимъ свѣтомъ нѣкоторыя наиболѣе темныя области нервной жизни,—позитивная и эксперименталь-

ная психологія путемъ изученія состояній экстаза съумѣетъ поставить на научную почву то, что до сихъ поръ было достояніемъ суевѣрія, что одними боготворилось, а другими осмѣивалось.

Благодаря работамъ Брада, Вельпо, Герино, Азама, Брока, Шарко, Рише, Гейденгейна, Грютцнера, Бергера, Тамбурины, Сенпилли, Де-Джованни, Боццо ди Момбелло, Сильва, Чермака, Прейера, Льюиса и мн. друг., мы познакомились съ главными фактами и съ сущностью гипнотизма.

Докторъ Льебо различаетъ въ гипнотизмѣ пять послѣдовательныхъ стадій:

- 1) *Сонливость; притупленіе чувствъ.*
- 2) *Легкій сонъ*, при которомъ загипнотизированный еще слышитъ то, что вокругъ него говорится.
- 3) *Глубокій сонъ*: усиленный не можетъ вспомнить того, что онъ дѣлалъ, говорилъ или слышалъ во время сна, но сохраняетъ все время сношенія съ присутствующими и гипнотизировавшимъ его лицомъ.
- 4) *Очень глубокій сонъ*: усиленный вполне изолированъ отъ внѣшняго міра и находится въ связи лишь съ магнетизеромъ.
- 5) *Сомнамбулизмъ.*

Профессоръ Бергеймъ, загипнотизировавшій 1,014 человекъ, могъ у нихъ вызвать слѣдующія явленія:

Сомнамбулизмъ	у	162,	т.-е.	у	15,9°/о
Очен.глуб.сонъ	"	232,	"	"	22,8 "
Глубокій сонъ.	"	460,	"	"	45,3 "
Легкій сонъ. . .	"	100,	"	"	9,8 "
Сонливость . . .	"	33,	"	"	3,2 "
Никакоговліян.	"	27,	"	"	2,6 "

1,014

До сихъ поръ думали, что женщинъ легче гипнотизировать, чѣмъ мужчинъ; но новѣйшія наблюденія, напротивъ, доказали, что въ этомъ отношеніи оба пола на-

ходятся въ равныхъ условіяхъ: Льебо наблюдалъ сомнамбулизмъ у 18,8°/о мужчинъ и 19,4°/о женщинъ.

Сомнамбулизмъ особенно часто наблюдается въ дѣтствѣ и въ ранней молодости: 26,5°/о отъ 1 до 7 лѣтъ; 55,3°/о отъ 7 до 14 лѣтъ. У стариковъ онъ очень рѣдокъ (7—11°/о).

Профессоръ Бони въ своемъ сочиненіи „*Le somnambulisme provoqué*“ слѣдующимъ образомъ изложилъ выдающіеся симптомы этого страннаго состоянія

Какъ только индивидуумъ усыпленъ какимъ-бы то ни было искусственнымъ путемъ, онъ находится въ состояніи сомнамбулизма. Члены принимаютъ то положеніе, которое имъ даетъ гипнотизаторъ, и автоматически продолжаютъ сообщенное имъ движеніе.

Усыпленный чувствуетъ присутствіе лишь того лица, которое его загипнотизировало; только его одного онъ слышитъ, ему одному онъ отвѣчаетъ. Ему одному онъ пассивно повинуется и только его *внушеніямъ* онъ можетъ покоряться.

Во время сна усыпленный хорошо припоминаетъ то, что съ нимъ случилось во время бодрствованія и во время предыдущаго сеанса; но по пробужденіи онъ забываетъ все, что съ нимъ происходило во время вызваннаго сна.

Для незнакомыхъ съ чудесами внушенія я приведу здѣсь слѣдующій анекдотъ доктора Бони.

„Во время каникулъ мнѣ пришлось покинуть Нанси на вѣсколько мѣсяцевъ, и госпожа А. Е., которую я почти ежедневно усыплялъ, сказала мнѣ однажды утромъ:

— Вы уѣзжаете и не слумѣете болѣе усыплять меня.

— Почему-же нѣтъ?

— Потому, что вы вѣдь не можете этого дѣлать въ отсутствіи.

— Это ничего не значитъ. Я вамъ дамъ намагни-

тизированные марки; когда вамъ пожелается заснуть, бросьте только одну такую марку въ стаканъ сахарной воды—и вы будете спать четверть часа.

Затѣмъ я прибавилъ:

— Но есть еще болѣе простое средство. Когда вы пожелаете заснуть, вамъ стоитъ лишь произнести мое имя и прибавить: „спите“ и вы тотчасъ-же заснете.

— Вы шутите.

— Я не шучу, а говорю вполне серьезно.

— Не могу повѣрить.

— Это легко испытать. Попробуйте теперь-же; вы убѣдитесь, что опытъ удастся.

— Попытаюсь.

Однако я видѣлъ, что она не была увѣрена въ успѣхѣ, да и я самъ, признаться, порядкомъ сомнѣвался въ немъ.

— Пойдите въ садъ, а я останусь здѣсь; такимъ образомъ на васъ не будутъ производить вліянія ни мой взглядъ, ни мое присутствіе.

Нѣсколько минутъ спустя мнѣ дали знать, что она спитъ. Я иду въ садъ и застаю ее спящей въ стоячемъ положеніи.

Но это, все таки, еще можно было объяснить моимъ присутствіемъ, и мнѣ поэтому было крайне любопытно знать, наступитъ-ли тоже явленіе и послѣ моего отъѣзда изъ Нанси. Я попросилъ д-ра Льебо, котораго она часто навѣщала, слѣдить за нею и извѣщать меня обо всемъ. Успѣхъ былъ такой-же полный: ей достаточно было произнести вышеприведенныя слова, чтобы тотчасъ-же заснуть“.

Самые поразительные факты, сопровождающіе религіозный экстазъ, находятъ въ настоящее время объясненіе въ гипнотизмѣ.

Бони обращается къ дѣвицѣ А. Е., находящейся

въ состояніи гипноза: „Когда вы проснетесь, на томъ мѣстѣ, до котораго я теперь дотрогиваюсь, выступитъ красное пятно“. При этомъ онъ слегка касается пальцемъ одного мѣста на ея рукѣ. Черезъ десять минутъ по пробужденіи дѣвушки, на этомъ мѣстѣ показывается сначала легкая краснота, которая затѣмъ становится интенсивнѣе и постепенно исчезаетъ.

32 Говорятъ даже, что путемъ внушенія можно заставить напирсеную бумагу дѣйствовать въ качествѣ мушки ¹⁾). Точно такъ-же путемъ внушенія можно возбудить отдѣленіе мочи, пота, слезъ, молока.

Бурри, профессоръ терапіи при морской медицинской школѣ въ Рошфорѣ, и его ассистентъ *Бюре* сообщили 11-го іюля 1885 года биологическому обществу о случаяхъ носовыхъ кровотеченій и кроваваго пота, вызванныхъ посредствомъ гипнотическаго внушенія у чловека съ параличами и потерей чувствительности на одной сторонѣ тѣла. Опыты эти были провѣрены *Мабилемъ* на томъ-же индивидуумѣ и съ тѣмъ-же успѣхомъ ²⁾).

Одинъ изъ этихъ опытовъ заслуживаетъ того, чтобы мы привели его дословно.

Врачъ чертитъ свое имя на предплечіи больного тупымъ инструментомъ и отдаетъ ему послѣ этого слѣдующее приказаніе: „Сегодня въ 4 часа пополудни ты заснешь, и начерченные мною линіи покроются выдѣленной тобою кровью.“

Въ назначенный часъ больной засыпаетъ. На лѣвой рукѣ буквы рѣзко выдѣляются на блѣдномъ фонѣ руки, а на нѣкоторыхъ мѣстахъ показываются кровавыя капельки. Три мѣсяца спустя буквы еще можно было различить, хотя онѣ уже значительно поблѣднѣли. На правой, парализованной рукѣ никакихъ явленій не было видно.

¹⁾ BEAUNIS, op. cit. p. 73.

²⁾ BERJON. *La grande hysterie chez l'homme*. Paris 1866.

Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ Бони сравнилъ въ своей диссертациі ¹⁾ эти факты съ кровавыми потоками и другими подобными явленіями, наблюдаемыми у фанатиковъ во время религіозныхъ экстазовъ.

Достаточно только внимательно разсматривать какую-нибудь часть своего тѣла, напряжено думать о ней втеченіе нѣкотораго времени или подвергнуть ее магнитическимъ манипуляціямъ (*пассы*), чтобы вызвать неопредѣленнаго ощущенія жженія, коликъ, пульсацій и т. д. Доказательства этого можно найти въ подробныхъ описаніяхъ гипнотическихъ экспериментаторовъ или въ жизнеописаніяхъ средневѣковыхъ мучениковъ, у которыхъ въ часы экстаза наблюдали внезапно наступившія кровоизліянія, кровоподтеки и даже раны на лбу, на рукахъ и на ногахъ.

Я самъ во время ипохондріи, которою страдалъ цѣлыхъ три года, могъ по своему желанію вызывать боль, иногда даже красноту и зудъ въ какой угодно части своего тѣла.

Брадъ, Карпентеръ, Льебо и многіе другіе авторы объясняютъ явленія гипнотизма *напряженнымъ вниманіемъ, концентрированіемъ мысли*. Однако, такое объясненіе не совѣмъ ясно и не даетъ намъ возможности достаточно глубоко проникнуть въ природу этого процесса. *Дюрангъ-де-Гро* глубже проанализировалъ эти факты. По его мнѣнію самый существенный моментъ гипнотизма заключается въ томъ, что онъ низводитъ до минимума дѣятельность мысли, вслѣдствіе чего мозгъ подчиняется исключительному возбужденію со стороны какого-нибудь простого, однообразнаго, продолжительнаго ощущенія. Такимъ образомъ происходитъ угнетеніе умственной дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ, за не-

¹⁾ BEAUNIS. *De l'habitude en général*. Montpellier. 1856.

ключеніемъ какого-нибудь одного, въ которомъ она можетъ дѣйствовать; но нервная сила, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ производиться въ мозгу, гдѣ она, не будучи израсходованной, накапливается, и въ результатѣ получается *приливъ нервной силы*.

Эта-то скопленная въ мозгу нервная сила можетъ передаться той или другой части организма, тому или другому нерву, тому или другому органу чувствъ, значительно усиливая его обыкновенную дѣятельность. Слѣдовательно, гипнотическія явленія заключаются лишь въ отклоненіи скопленной въ мозгу нервной силы и подчиненіи ея тому только направленію, которое угодно сообщить ей гипнотизатору. Отклоненіе-же это происходитъ подѣ влияніемъ внушенной идеи.

Эта теорія мнѣ кажется самой ясной; она же и оправдываетъ мое опредѣленіе *экстаза*.

Подобно тому, какъ при сомнамбулизмѣ мы посредствомъ блестящихъ предметовъ или *магнитическихъ пассивъ* изолируемъ часть мозга перераздраженіемъ ея, въ то время какъ всѣ остальные нервные участки остаются въ бездѣйствіи,—такъ и при экстазѣ человѣкъ посредствомъ интенсивнаго приковыванія мысли къ одному какому-нибудь желанію, къ одному какому-нибудь чувству, концентрируетъ всѣ свои душевныя силы въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ. Такимъ образомъ наступаютъ и всѣ явленія гипнотизма: каталепсія, галлюцинаціи, бредъ, анестезія и даже мелкія подкожныя кровоизліянія (*stigmata*).

Подобно тому, какъ при гипнотизмѣ ощущеніе, чтобы привести насъ въ состояніе сомнамбулизма, должно быть сильнымъ и постояннымъ, а подвергающійся гипнозу индивидуумъ долженъ быть весьма чувствителенъ къ этому ощущенію,—и при экстазѣ лишь самыя интенсивныя ощущенія могутъ вызвать то-же странное и удивитель-

ное состояніе, причемъ необходимо, чтобы возбужденіе часто повторялось, и повторялось въ одномъ и томъ-же направленіи.

Изъ нашихъ пяти чувствъ лишь зрѣніе и слухъ могутъ повести къ экстазу, такъ какъ они самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ мыслью и чувствомъ. Мы должны находиться въ состояніи крайняго расслабленія и болѣзненной раздражимости, словомъ, въ ненормальномъ состояніи, для того чтобы обоняніе или вкусъ могли привести насъ въ экстазъ. А ощущенія осязанія лишь тогда могутъ достигнуть этой цѣли, когда они тѣсно связаны съ половымъ инстинктомъ.

Кромѣ этихъ необыкновенныхъ и болѣзненныхъ состояній, мы наблюдаемъ со стороны чувствъ лишь эстетическіе и музыкальные экстазы. Но это далеко не самыя обыкновенныя формы экстаза. Они являются въ болѣе высокихъ сферахъ—тамъ, гдѣ любовь не сопровождается желаніемъ, или тамъ, гдѣ влюбляются въ невидимыя существа, въ созданія нашей собственной фантазіи, гдѣ умъ, поглощенный созерцаніемъ собственныхъ построеній, предчувствій, открытій, удивляется самому себѣ.

Зуда относятся экстазы любви и религіи, экстазы поэта, писателя, ученаго, открывающаго ненасытному глазу новые горизонты.

Галлюцинаціи, видѣнія, каталепсія, бредъ, общая или частичная нечувствительность, сомнамбулизмъ, подкожные капиллярныя кровоизліянія,—все это можетъ наблюдаться вмѣстѣ или порознь въ состояніи экстаза, вызывающаго и управляющаго всѣми этими разнообразными явленіями нервной жизни и кровообращенія.

Но экстазъ граничитъ еще съ другими, лучше намъ знакомыми психическими фактами, каковы: *наслажденіе* и *опьяненіе*.

Бываютъ интенсивныя наслажденія безъ экстаза; бываетъ и экстазь, не сопровождающійся наслажденіемъ. Но, все-таки, это два явленія, идущія всегда рядомъ, часто даже сплетающіяся и, во всякомъ случаѣ, очень родственныя между собою.

Самыя высокія и сильныя наслажденія могутъ изолировать насъ отъ всего внѣшняго міра, заставляя насъ испытывать одно только ощущеніе, въ той концентраціи, какъ мы это видѣли при гипнозѣ. Отсюда до экстаза одинъ только короткій шагъ.

Съ другой стороны, экстазь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ,—всегда восторженное состояніе, сопровождаемое чувствомъ наслажденія, и кто разъ испыталъ его, для того оно становится такой потребностью, что онъ начинаетъ предпочитать его всякой другой жизненной радости, старается какъ можно чаще вызывать его, такъ что экстазь становится для него первой и послѣдней цѣлью жизни, предъ которой блѣднѣетъ всякое другое желаніе, притуляется всякое честолюбіе, погасаетъ всякое пламя страсти. Мы это увидимъ послѣ на примѣрахъ католической Терезы и нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ, проведенныхъ долгіе годы въ состояніи непрерывнаго экстаза.

Почему экстазь вызываетъ такое интенсивное удовольствіе—трудно сказать. Въ общемъ всѣ физиологическія наслажденія суть послѣдствія удовлетворенія какойнибудь потребности, и чѣмъ сильнѣе и неопределимѣе потребность, тѣмъ большимъ удовольствіемъ сопровождается ея удовлетвореніе.

Но относительно многихъ экстазовъ слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ объ исключительныхъ потребностяхъ, вызванныхъ особеннымъ и даже ненормальнымъ состояніемъ нашихъ нервныхъ центровъ. Иногда даже, именно, неудовлетвореніе самыхъ могучихъ потребностей нашего организма ведетъ къ религіозному экстазу или къ экстазу платонической любви, и тогда это, никогда не удовлетворяемое желаніе, вѣчно остающееся въ по-

тениціальному состоянію, какъ-бы превращаетъ все страсти въ одну страсть, все наслажденія—въ одно наслажденіе.

Опьяненіе также находится въ тѣсной связи съ экстазомъ и имѣетъ съ нимъ много общаго; но не всякое опьяненіе. Алкоголическое опьяненіе можетъ доставить человѣку большое удовольствіе, очарованіе, галлюцинаціи; но въ общемъ при этомъ господствуетъ шумный безпорядокъ во всехъ душевныхъ элементахъ, а центробѣжныя проявленія нервной жизни препятствуютъ развитію истиннаго экстаза, который почти всегда представляетъ собою внутреннюю концентрацію безъ центробѣжныхъ проявленій.

Когда-же опьяненіе доходитъ до того, что мы теряемъ сознаніе того, что происходитъ съ нами и вокругъ насъ, то мы имѣемъ дѣло не съ экстазомъ, а съ летаргіей, со сномъ или даже съ мнимой смертью. При экстазѣ наше сознаніе находится скорѣе въ состояніи гиперестезіи, но оно лишь направлено на одинъ какой нибудь пунктъ нашего психическаго міра; при алкогольномъ-же опьяненіи сознаніе сначала помутняется, а потомъ совсемъ исчезаетъ.

Въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ экстазомъ находится опьяненіе наркотическое. Нѣкоторыя формы послѣдняго такъ поразительно похожи на состояніе экстаза, что *наркозъ* можно было-бы назвать искусственнымъ экстазомъ, вызваннымъ введеніемъ въ кровь извѣстныхъ веществъ, а экстазъ, съ своей стороны, можно было-бы назвать добровольнымъ, психическимъ наркозомъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою полное или почти полное отдѣленіе отъ внѣшняго міра, нечувствительность, галлюцинаціи или видѣнія, иногда и каталепсію; тутъ и тамъ всегда мы находимъ до самозабвенія доходящее созерцаніе картинъ, создающихся въ

самою мозгѣ. Никто такъ не походитъ на *дервиша* въ порывѣ религіознаго экстаза, какъ болівіанецъ, жующій свою *коку*, или индеецъ, курящій опій, и если-бы я былъ живописцемъ, я могъ-бы вамъ набросать на эту тему много сценъ, видѣнныхъ мною во время моихъ путешествій по Новому и Старому Свѣту¹⁾.

И въ данномъ случаѣ мы вовсе не имѣемъ дѣла со случайнымъ сходствомъ двухъ весьма различныхъ вещей, благодаря случайному сочетанію побочныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ. Мы должны предположить естественное родство анатомическихъ и біологическихъ фактовъ, родство, которое сумѣетъ опредѣлить лишь наука будущаго.

Дуракъ, влюбленный и куритель опія могутъ проявлять одни и тѣ-же симптомы, хотя причины, вызывающія ихъ, весьма различны. Но гистологія и химія будутъ, можетъ быть, въ состояніи въ не столь далекомъ будущемъ опредѣлить и выяснить, какимъ образомъ на нервахъ и мозгѣ могутъ одинаковымъ образомъ отражаться и патологическое измѣненіе мозга, и любовь и опій.

Галлюцинаціи при наркозѣ и при экстазѣ до того сходны между собою, что въ обоихъ случаяхъ веселыя картины часто смѣняются грустными и страшными. Курящій опія видитъ сначала очаровательный рай, а затѣмъ адъ, полный призраковъ и труповъ; а Терезѣ, какъ мы это послѣ увидимъ, являются сначала ангелы, затѣмъ демоны.

Гете вполне вѣрно замѣтилъ, что „*молодость—опьяненіе безъ вина*“, то-же самое мы можемъ сказать объ экстазѣ: это—наркотическое опьяненіе безъ опія, безъ гашиша и безъ коки.

¹⁾ См. MANTEGAZZA. *Quadri della natura humana*. (Картины человеческой природы).

Поставивъ экстазъ на его естественное мѣсто, мы прошли уже половину пути, чтобы понять его тайны и кажущіяся противорѣчія. Занимая положеніе выше гипнотизма и опьяненія, онъ находится, быть можетъ, въ равномъ разстояніи отъ обоихъ, и я не могу этого изобразить лучше, какъ посредствомъ слѣдующаго чертежа.

Такова топографія экстаза въ мірѣ психическихъ фактовъ.

А теперь мы попытаемся прослѣдить развитіе процесса экстаза, какъ Дарвинъ и дарвинисты пытались дѣлать это по отношенію къ видамъ живыхъ существъ.

Для того чтобы экстазъ могъ проявиться, необходимо сочетаніе особеннаго состоянія нервной системы съ внѣшними условіями. Можно родиться съ самой восторженной натурой въ мірѣ, но если окружающія условія тому не благоприятствуютъ, — мы можемъ умереть, ни разу не испытавъ того, что такое экстазъ; съ другой стороны, если нервы наши притуплены и въ мозгѣ нѣтъ *ubi consistam*, — напрасно вокругъ насъ будутъ раздаваться божественные звуки бетховенской симфоніи: они не вызовутъ и намека на восторженное состояніе. Если-же нервная система и внѣшній міръ другъ другу благопрі-

итетвуютъ, то мы можемъ испытывать частые, продолжительные и самые разнообразныя экстазы.

Это—вѣчная исторія про почву и сѣмя: растеніе немислимо безъ обоихъ этихъ элементовъ. Каждое сѣмя требуетъ своей почвы, и вотъ начинается изслѣдованіе окружающей среды и природы, природы и искусства, начинается напряженное стараніе науки опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, какое вліяніе оказываетъ почва и какое—сѣмя, начинается усиліе представить эти двѣ неизвѣстныя величины въ видѣ точныхъ чиселъ; но при этомъ однако не слѣдуетъ забывать, что и сѣмя съ своей стороны есть уже продуктъ другихъ сѣмянъ, взрослыхъ на другой почвѣ.

Однако, съ большою вѣроятностію можно утверждать, что изъ обоихъ этихъ элементовъ—*нервной системы* и *внѣшнихъ условій*—первый гораздо болѣе способствуетъ происхожденію экстаза, чѣмъ второй. Окружающая среда можетъ видоизмѣнять форму экстаза. Но когда мозгъ и нервы мощно вибрируютъ; когда сила шумно разрываетъ оковы, оставляя на короткіе промежутки огонь потухшимъ и машину бездѣйствующей; когда рождаешься для того, чтобы, подобно орлу или кондору, жить въ области льда и метеоровъ,—тогда достаточно самой ничтожной вѣшной случайности, чтобы привести насъ въ экстазъ. Если бы Тереза родилась въ наше время, въ какомъ-нибудь промышленномъ центрѣ, напр., въ Бристолѣ или въ Манчестерѣ, то она, быть можетъ, вовсе не стала бы подвижницей и не имѣла бы аскетическихъ видѣній, а испытывала бы эстетическіе восторги, экстазы любви или другіе подобныя.

Извѣстны нѣкоторыя историческія эпохи, когда внѣшнія условія въ высшей степени благоприятствовали развитію у многихъ сокрытаго зародыша экстаза и даже развитію его въ одномъ какомъ-нибудь направленіи предпочтительно предъ другими. Безъ претензіи сказать что нибудь новое или оригинальное, можно утверждать, что въ древней Греціи весьма часто должны были происхо-

экстазы человека.

дять эстетическіе экстазы; между тѣмъ, какъ средніе вѣка, какъ вѣмъ намъ хорошо извѣстно, были весьма богаты религіозными экстазами. Въ настоящее время нервозность сильно развита, но за то вѣра поколеблена, а культъ прекраснаго распространился на слишкомъ много алтарей, чтобы сконцентрироваться въ одномъ пунктѣ и дойти до экстаза. Конечно, и въ наше время нѣтъ недостатка въ религіозныхъ, чувственныхъ и эстетическихъ экстазахъ; но они до того рѣдки, единичны и сокрыты за стѣнами домовъ и монастырей, что ускользають отъ нашихъ глазъ и проходятъ незамѣченными. Во всѣ времена, впрочемъ, экстазь любилъ тишину и темноту. Сильная любовь, возвышенный идеализмъ, экстазь исполненный стыдливости, робости и таинственности—это извѣстно лишь жителю альповъ, безстрашно взбирающемуся на вершины и карабкающемуся по утесамъ, чтобы сорвать альпійскій цвѣтокъ. Нѣкоторыя растенія требуютъ для своего развитія эфирнаго воздуха высокихъ горъ, холоднаго свѣта, отражаемаго глетчерами, и облаковъ, освѣщаемыхъ сѣвернымъ сіяніемъ.

Нѣкоторыя органическія условія нервной системы, предрасполагающія къ экстазу, врождены, а потому постоянны; другія связаны съ какимъ-нибудь преходящимъ состояніемъ, а потому временны.

Если бы человекъ, заключенный въ мрачной тюрьмѣ въ теченіи десяти лѣтъ, вдругъ былъ выпущенъ на свободу, то, не будучи даже одареннымъ особенной эстетической воспримчивостью, онъ невольно впалъ-бы въ экстазь, созерцая величественную картину природы, великолѣпные солнца, радугу цвѣтовъ, сіяющую лазурь неба и зеленую одежду полей. И вовсе не рѣдки случаи, когда, при подобныхъ условіяхъ, внезапное душевное потрясеніе приводило къ обмороку или даже къ смерти.

Точно также долгая и строгая непорочность можетъ

вызвать состояніе экстаза у наименѣ восторженнаго юноши въ мірѣ, если онъ вдругъ очутится передъ греческой статуей, изображающей женскія формы во всей ихъ красѣ.

Такимъ-же образомъ, какая-нибудь музыкальная пѣса, которая ето разъ игралась намъ, не производя на насъ ровно никакого впечатлѣнія, можетъ привести насъ въ экстазъ, если мы слишкомъ возбуждены напиткомъ, или близостью любимой женщины, или славной побѣдой, одержанной нами на полѣ искусства, науки или битвы.

Весьма незначительно число тѣхъ людей, которые никогда не испытали чувства, хотя бы лишь напоминающаго какой-нибудь экстазъ. И я ихъ отъ души жалѣю, потому что они не испытали прелестей земнаго рая.

Имѣя почву, т. е. подходящую окружающую среду, имѣя сѣмя, т. е. нервную систему, имѣя основаніемъ эти два элемента, экстазъ, все таки, никогда не является вдругъ, какъ молнія на безоблачномъ небѣ, а подготавливается, отѣняется, очерчивается, развивается и принимаетъ ясную форму, чтобы предстать во всемъ ослѣпительномъ блескѣ своего апогеоза.

Вотъ схематическая лѣстница развитія. Вотъ гдѣ *A. de Мюссэ* могъ-бы сказать:

Montez: voila l'échelle!

И вотъ ступени этой лѣстницы:

Направленіе всего вниманія на одинъ какой-нибудь фактъ сознанія, будь это ощущеніе вѣшняго или внутренняго міра, дѣятельная мысль или вибрирующее чувство.

Возрастающее помутненіе и охлажденіе всѣхъ другихъ ощущеній, всѣхъ другихъ мыслей, всѣхъ другихъ прошедшихъ и настоящихъ чувствъ.

Бурное стремленіе всѣхъ энерій къ одному пункту, какъ-бы подъ вліяніемъ притяженія непреодолимаго бѣдствія.

Исчезновение всѣхъ формъ внешней и внутренней чувствительности.

Параличи и еще чаще катаlepsія всѣхъ мышцъ, а вслѣдствіе этого долгое и судорожное пребываніе въ одномъ и томъ-же положеніи, что, большей частью, выражаетъ крайнее уничтоженіе или крайнюю экзальтацию.

Неудержимое стремленіе вверхъ хотя-бы одними глазами.

Появленіе образовъ, соединяющихся въ одной картинѣ, или-же одного образа, соединяющаго въ себѣ всѣ красоты рисунка и красокъ.

Конечный результатъ: одно, потрясающее ощущеніе, поглотающее всѣ меньшія; одно потрясающее ощущеніе, въ которое превращаются всѣ остальные аффективные силы.

Испусканіе изъ этого единичнаго пункта свѣтовыхъ лучей, переходящихъ въ молніи.

Восторгъ или экстазъ.

Человѣкъ, взобравшійся по этой лѣстницѣ, протягиваетъ руки тѣла и мысли къ безконечному и вдыхаетъ полною грудью опьяняющій воздухъ того, что въ человѣкѣ имѣется возвышеннаго. И тогда, достигнувъ крайнихъ границъ человѣчнаго, онъ видитъ и мечтаетъ о человѣкѣ, который въ большей степени человекъ, чѣмъ онъ самъ, объ ангелѣ или о Богѣ, и чувствуетъ себя самого превратившимся въ ангела или въ Бога, т. е. въ крылатаго человѣка или въ незримое, всемогущее существо, по необходимости независящее отъ пространства, т. е. безконечное. Мы становимся внѣ обыденной дѣятельности; мы становимся изъ пѣшеходовъ акробатами.

Кто смотритъ на человѣка въ состояніи экстаза, тотъ удивляется ему или осмѣиваетъ его, смотря по собственной вѣрѣ или по собственному скептицизму; или бо-

готовить его или отправляетъ его въ домъ умалишенныхъ, дѣлаетъ изъ него бога или сумасшедшаго; такъ близки другъ къ другу крайніе полюсы чувствуемаго и понимаемаго; такъ близко соприкасаются слезы радости со слезами страданія, улыбки ребенка съ улыбками скептика, судороги сладострастія съ судорогами агоніи, лирическій бредъ съ маніей, пророчество поэта съ гипотезой ученаго.

Кругъ и шаръ; змѣя, кусающая свой хвостъ; листъ цвѣтка, превращающійся въ навозъ, и навозъ, превращающійся въ листъ цвѣтка; стонъ умирающаго, вновь зажигающійся въ колыбельномъ вздохѣ;—кругъ и шаръ, заключающіе въ своей безжалостной темницѣ все челоуѣческія мысли, все чувства, все надежды сыновъ Прометея!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роковое проклятіе, тяготящее надъ сыномъ Прометея.—Классификація экстазовъ.—Малые и большіе экстазы.—Краткій набросокъ малыхъ экстазовъ.—Продолжительные и временные малые экстазы.—Большіе экстазы.—Превращеніе экстазовъ въ полезный трудъ.—Классификація вѣхъ экстазовъ по ихъ происхожденію.

Изучать—значить познавать, а познавать очень часто значитъ разсѣкать, отдѣлять сухожиліе отъ мускула и нервъ отъ мяса; разбѣднять вещи, вмѣстѣ увидѣвшія свѣтъ и созданія для того, чтобы вмѣстѣ умереть, разъ онѣ связаны между собою въ пространствѣ или во времени. Это одно изъ тѣхъ мученій, которыя сопровождаютъ мыслящаго естествоиспытателя во время его изслѣдованій, и оно не перестаетъ и не перестанетъ терзать меня до послѣдняго вздоха.

Въ этой печальной необходимости разсѣкать члены изслѣдуемаго организма я какъ-бы вижу самое вѣрное изображеніе первороднаго грѣха, затемняемаго столькими религіями; я какъ-бы слышу голосъ Бога, насмѣшливо отвѣчающаго вызывающему его человѣку:—вѣтъ, я тебя не пригвозжу къ скалѣ и не ниспущу коршуна, который-бы пожиралъ твои внутренности; я буду къ тебѣ снисходительнѣе, чѣмъ къ Прометею: я дамъ тебѣ ножъ, и ты будешь вѣчно держать его въ своей рукѣ. Это—не оружіе для убійства, а инструментъ, необходи-

мый для отыскиванія истины. Ты желаешь проникнуть въ тайну вещей? Хорошо, такъ проникай-же туда при помощи ножа; ты желаешь въ каждомъ мышечномъ волокнѣ, въ каждой капелькѣ крови искать причину жизни? Хорошо,—рѣжь. *Дѣли и узнавай!*

Этотъ роковой ножъ, который оставляетъ кровавые слѣды при каждомъ шагѣ нашихъ изслѣдованій, сталъ вѣчной пыткой для нашихъ рукъ и для нашей мысли; и лишь путемъ этой вѣчной пытки мы умѣемъ заставлять природу давать намъ отвѣтъ на наши робкіе вопросы. Счастливы тотъ, кто рѣжетъ, не пуская много крови и не причиняя многихъ страданій; достоинъ безсмертія тотъ, кому удастся отдѣлать, не прибѣгая къ ножу!

И я, осужденный, подобно всѣмъ остальнымъ, на ту же кару, опускаю конецъ своего ножа въ одинъ изъ тончайшихъ организмовъ психологін, чтобы попытаться вмѣстѣ съ вами разграничить экстазы и классифицировать ихъ. Я сочту себя счастливымъ, если мнѣ удастся причинить мало вреда вѣжнымъ мышцамъ и нервамъ этого организма.

При опредѣленіи естественныхъ отличій между экстазами, приходится прежде всего отдѣлать истинный и полный экстазъ отъ нѣкоторыхъ начальныхъ, неясныхъ состояній, очень похожихъ на экстазъ, но не проявляющихъ его высшихъ и сложныхъ феноменовъ.

Отсюда и подраздѣленіе на *малые экстазы* и на *большіе экстазы*.

Мы наблюдаемъ здѣсь почти то-же, что при гипнотизмѣ, въ которомъ, какъ мы выше видѣли, различаются стадіи сонливости, легкаго сна, глубокаго сна, глубочайшаго сна и сомнамбулизма.

Малые экстазы, само собою разумѣется, самые обыкновенные, и нѣтъ почти ни одного человѣка между

высшими рассами, который-бы не испыталъ ихъ въ какой-нибудь часъ своей жизни.

Музыка, созерцаніе произведеній искусства или картинъ природы, многія душевныя волненія, религія могутъ вызвать состояніе необыкновенной экзальтаціи. исполненной восторга и удивленія.

Каковъ-бы ни былъ источникъ нашего увлеченія, мы всегда въ такомъ случаѣ чувствуемъ себя какъ-бы совершенно отдѣленными отъ внѣшняго міра, къ которому насъ привязываетъ еще только то единственное ощущеніе, то единственное чувство, которое было причиной экстаза. Почти всегда мы къ такому случаѣ проявляемъ крайнюю разбѣяность и поглощеніе всѣхъ органовъ и всѣхъ ощущеній однимъ пунктомъ нервной системы.

Пока, однако, мы анализируемъ источники экстаза, пока вниманіе сопровождается всей силой нашего сознанія, экстазъ не можетъ проявиться. Мы можемъ удивляться, любить, сильно чувствовать, но пока черты реального или психическаго образа, или музыкальныя ноты ясно воспринимаются нашимъ глазомъ или нашимъ ухомъ, экстаза не существуетъ.

Лишь тогда, когда напряженіе нашей нервной системы переходитъ за извѣстный предѣлъ,—черты этого образа исчезаютъ, музыкальныя ноты сливаются, а сознаніе какъ-бы растворяетъ всѣ отдѣльные элементы ощущенія въ одномъ безграничномъ морѣ, которое все поглощаетъ и смѣшиваетъ.

Минуту тому назадъ мы смотрѣли на дѣву Рафаэля или на живую дѣвушку и удивлялись всѣмъ отдѣльнымъ красотамъ этого созданія.

Мягкія и волнистыя линіи фигуры, заключающія въ себѣ цѣлый міръ граціи и красоты, тысяча частныхъ, терявшихся въ гармоніи формъ и красокъ, заставляли дрожать всѣ наши эстетическія чувства отъ величайшаго

наслажденія; но все время мы оставались наблюдателями, мыслителями, быть можетъ, даже критиками, экстаза-же не было.

Но вотъ наступаетъ моментъ, когда мы перестаемъ различать линіи и грацію этого образа; мы не различаемъ болѣе ни лба, ни глазъ, ни цѣта лица, ни другихъ частностей: все отдѣльныя красоты смѣшались въ одну общую красоту. Нѣтъ болѣе ни очертаній, ни красокъ, ни точекъ, ни линій, а имѣется лишь сочетаніе всеѣхъ этихъ очертаній, красокъ, точекъ и линій, овладѣвающихъ нашимъ сознаніемъ, которое какъ-бы заключаетъ въ свои могучія объятія это чудо искусства или природы.

Тогда наступаетъ экстазъ, и за ясными ощущеніями слѣдуетъ неясное, неопредѣленное. Тогда мы вступаемъ въ первыя стадіи анестезіи и каталепсіи, не проявляя вполне ни той, ни другой; другими словами, мы испытываемъ *малый экстазъ*. Это—изысканное, высокое и, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдкое удовольствіе. Образъ, бывшій причиною экстаза, часто совсемъ исчезаетъ предъ нашими глазами; музыка, унесенная насъ въ высшія сферы, болѣе не слышна, хотя глаза и уши, повидимому, продолжаютъ пребывать въ состояніи напряженнаго вниманія; и мы видимъ въ воздухѣ другую фигуру, слышимъ другую музыку, видимъ и слышимъ вещи, которыя уносятся насъ въ рай. Мысли летятъ къ намъ, подобно ласточкамъ, свѣщающимъ на помощь какой-нибудь подругѣ, жалобно пищащей подъ жалобомъ крыши; но эти мысли, едва возникнувъ, исчезаютъ, испаряются, не успѣвъ принять какой-нибудь опредѣленной формы, подобно тѣмъ розовымъ, золотистымъ облачкамъ, которыя проносятся внезапнымъ утреннимъ вѣтеркомъ и поглощаются безконечнымъ небеснымъ пространствомъ. Такъ и все мысли, слетающіяся со всеѣхъ сторонъ, какъ-бы для того чтобы принять участіе въ великомъ банкетѣ экстаза; мысли, родившіяся изъ неясныхъ воспоминаній, явившіяся отголосками не позабытыхъ еще стиховъ, прилетѣвшія изъ по-

кинутыхъ гнѣздъ исчезнувшей любви, выпорхнувшія изъ чашечекъ всѣхъ цвѣтовъ; всѣ эти мысли, то холодныя со льдинъ алмазнаго глетчера, то теплыя изъ сладострастныхъ гнѣздъ влюбленныхъ голубей, то горячія изъ опьяняющей жары тропическихъ лѣсовъ; всѣ эти мысли, слетѣвшіяся изъ глубины, съ вышины, изъ всѣхъ отдаленныхъ или близкихъ точекъ міра, отъ всѣхъ земныхъ существъ или изъ пропастей, наполненныхъ призраками и духами,—всѣ онѣ склоняются предъ нашимъ эзальтированнымъ сознаниемъ, но быстро улетаютъ, не успѣвъ еще прикрыть своей наготы плащомъ словъ и фразъ. Онѣ приходятъ и уходятъ, возвращаются и прячутся, а мы вовсе и не стараемся поймать и удержать ихъ. Это—тучки, увеличивающія своими странными контрастами глубокую красоту лазурнаго неба; но въ эту лазурь мы погружаемъ наше сознание; въ этомъ океанѣ свѣта мы испытываемъ всю прелесть экстаза.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ выдающимся моментомъ въ исторіи человѣческой мысли, потому что, достигнувъ этихъ высшихъ и отдаленныхъ границъ ощущаемаго, сила, освободившаяся изъ нашихъ нервныхъ центровъ, либо оканчивается экстазомъ, т. е. явленіями сознанія, или же превращается въ произведенія искусства, въ произведенія пера, рѣзца или кисти. Тогда экстазъ исчезаетъ, такъ какъ чувствованіе переходитъ въ движеніе, такъ какъ *сила* становится *работой*.

У женщины, у мужчины съ женскимъ складомъ души, у созерцательныхъ натуръ каждое сильное удивленіе, каждое интенсивное чувство заключаетъ въ себѣ стадію экстаза, въ которой онъ теряется и кончается. У мужчины же и вообще у всѣхъ *дѣятельныхъ натуръ*, экстазъ, едва возникнувъ, уже превращается въ полезный трудъ, въ поэтическое произведеніе, въ краснорѣчивую страницу, въ портретъ, въ статую. У психолога-натура-

листа могучая потребность наблюденія одерживаетъ верхъ надъ экстазомъ, и онъ останавливаетъ его и изучаетъ его. Нѣтъ того великаго произведенія искусства или литературы, которое бы не имѣло своей стадіи экстаза; нѣтъ того продолжительнаго экстаза, который бы не потребилъ большей части мыслительной силы, если только можно назвать потребленіемъ—вкушеніе наслажденія, одно воспоминаніе о которомъ можетъ наполнить жизнь радостью.

Это общій законъ—что чрезмѣрная чувствительность развивается въ ущербъ движенію; поэтому поэты очень рѣдко бываютъ людьми дѣла. Но если бы всѣ женщины, испытавшія въ области чувства всѣ святыя восторги экстаза, могли оставить своимъ потомкамъ картину тѣхъ фантастическихъ міровъ, которые онѣ посѣтили,—сколько произведеній искусства мы имѣли бы тогда между сокровищами нашихъ библіотекъ! А между тѣмъ сколько потоковъ эстетическаго наслажденія безмолвно тонутъ въ глубинѣ моря или теряются въ пескѣ пустынь, не оплодотворивъ ни одного кусточка фіалокъ, ни одного пше-ничнаго колоса.

Очень часто *малые экстазы* бываютъ лишь началомъ, введеніемъ, первой стадіей *большихъ*. Чтобы дойти до послѣднихъ, нужно почти всегда пройти черезъ первые; тогда отдѣленіе сознанія отъ вѣшняго міра становится полнѣе, достигаетъ высшей степени напряженія, и мы имѣемъ предъ собою каталепсію, полный экстазъ.

Чтобы дойти до большаго экстаза, почти никогда не бываетъ достаточно одного восторженія, а требуется еще порывъ страсти. За немногими исключеніями, этой высоты душевнаго порыва можно достигнуть лишь посредствомъ двухъ лѣстницъ, представляемыхъ любовью и религіознымъ чувствомъ, этими двумя колоссальнѣйшими человѣческими силами, изъ которыхъ одна созидаетъ, а другая заставляетъ благоговѣть и уповать.

Изъ этихъ двухъ видовъ экстаза религіозный самый частый и совершенный: Бога нельзя ни увидѣть, ни обнять; между тѣмъ какъ Венера гораздо ближе къ намъ, и если мы даже не въ состояніи прижать ее къ любящей груди, она и тогда окутываетъ и ласкаетъ насъ своими большими бархатными крыльями вѣчной женственности. Мы еще увидимъ это далѣе, когда займемся подробнымъ изученіемъ наивысшихъ доступныхъ человѣку экстазовъ. Но и теперь уже мы можемъ сказать, что платоническая любовь, открывающая путь къ самымъ высшимъ восторгамъ, всегда предполагаетъ стремленіе къ живому существу. При экстазѣ влюбленныхъ всегда слышится болѣе или менѣе высокая нота чувственности, между тѣмъ какъ при экстазѣ аскетовъ или при религіозномъ экстазѣ эта нота такъ далека, такъ слаба, что совершенно исчезаетъ.

Кромѣ подраздѣленія экстазовъ по степени ихъ интенсивности, мы естественно можемъ различать ихъ по роду ихъ происхожденія. Я скромно предлагаю слѣдующую классификацію:

Первая группа. — Аффективные экстазы.

Вторая группа. — Эстетическіе экстазы.

Третья группа. — Уметвенные экстазы.

ПЕРВАЯ ГРУППА.

Аффективные экстазы.

1. Экстазы любви.
 2. Экстазы семейной привязанности.
 3. Экстазы дружбы.
 4. Экстазы любви къ ближнему и къ обществу.
 5. Экстазы самопожертвованія.
 6. Религіозные экстазы
	{	<i>благоговѣніе,</i>
		<i>уничтоженіе, протрація,</i>
		<i>видѣнія,</i>
		<i>молитва.</i>

ВТОРАЯ ГРУППА.

Эстетическіе экстазы.

1. Эстетич. экстазы фигуры и формы.
2. Экстазы красокъ.
3. Экстазы симметріи.
4. Экстазы безконечно малаго.
5. Экстазы безконечно большаго.
6. Экстазы сложнаго.
7. Музыкальные экстазы.

ТРЕТЬЯ ГРУППА.

Умственные экстазы.

1. Экстазы познанія истины.
2. Экстазы творчества.
3. Экстазы краскорѣчія.
4. Экстазы могущества и дѣятельности.
5. Метафизическіе экстазы.

Я не утверждаю, что привелъ здѣсь всѣ формы и основанія экстазовъ; но я надѣюсь, что указалъ на самыя главныя, сведя сложныя къ болѣе элементарнымъ формамъ, которыя опять-таки группируются и сплетаются на сто различныхъ ладовъ, представляя нашему очарованному глазу сцены и картины возвышенной красоты.

Минералогъ, измѣряющій точными инструментами различныя формы кристалловъ, можетъ требовать абсолютной точности, хотя нѣкоторыя промежуточныя или переходныя формы какъ бы смѣются иногда надъ его рубриками. Точно также и химикъ, опредѣляющій при помощи вѣсовъ и реактивовъ крайнія границы всевозможныхъ соединеній матеріи, можетъ похвастать, что даетъ въ своихъ формулахъ настоящую фотографію истины, вѣрную исторію развитія сложныхъ тѣлъ. Но бѣдный психологъ не имѣетъ въ своихъ рукахъ ни кристалловъ, ни матема-

тически-правильныхъ соединеній молекулъ; ему приходится изучать невидимыя движенія самаго подвижнаго, самаго эластичнаго изъ веществъ: мыслящаго мозга;—и ему приходится довольствоваться приблизительными величинами, предположеніями. Для него всякая задача распредѣленія или классификаціи сводится почти всегда къ слѣдующей формулѣ: *измѣрить безконечное и взвѣсить невѣсомое.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Экстазы у животныхъ.

Смутныя формы экстаза у животныхъ.—Маленькіе мышечныя, музыкальныя и эстетическіе экстазы.—Мышечныя оргіи дѣтей и животныхъ.—Музыкальный экстазъ.—Эстетическій экстазъ.—Соловьи въ Акви.—Мой красный попугай.—Райскія птицы и ихъ эстетическіе экстазы.—Смутныя формы маленькыхъ экстазовъ у нашихъ дѣтей и у дикарей.—Антологія безграмотныхъ народовъ.

Хотя экстазъ находится на самыхъ крайнихъ вершинахъ психической жизни человѣка, а наша гордость издавна привыкла приписывать лишь одному человѣку все возвышенное и прекрасное, но безпристрастная наука, указывающая каждой вещи свое мѣсто и не закрывающая глазъ, когда какой-нибудь естественный фактъ какъ-бы задѣваетъ наше самолюбіе,—эта наука должна признать, что и у животныхъ наблюдаются маленькіе экстазы, смутныя формы очарованія.

Если я говорю о гордости и униженіи, то это только для того, чтобы пользоваться обыденной рѣчью, а не потому чтобы я самъ испытывалъ и то и другое, когда, при разсѣченіи своего тѣла, своей мысли или своихъ чувствъ, я вижу себя рядомъ съ насѣкомыми, съ птицами или съ млекопитающими. Я даже чувствую себя счастливымъ при сознаніи этого всемірнаго братства въ великой республикѣ живыхъ существъ, гдѣ если и имѣются

угнетатели и угнетенные, великаны и карлики, — всё они передают однако изъ рукъ въ руки свѣточъ жизни; а колыбель и могила, наслажденіе и страданіе сближаютъ насъ въ кругу одной и той же семьи и связываютъ болѣе тѣсными узами, чѣмъ родовитость или каста.

Ближайшія къ намъ животныя не только могутъ подвергаться гипнотизму, но способны и на несложные, скоро-преходящіе экстазы; и кто станетъ утверждать, что они не сопровождаются видѣніями и каталепсіей?— Психологія животныхъ не ушла еще дальше азбуки, но съ каждымъ днемъ границы ея расширяются, и животныя оказываются все ближе и ближе къ намъ.

Я не скажу, что изучалъ нашихъ братьевъ, нашихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ такъ подробно, какъ Одюбонъ, Бремъ, Дарвинъ и нѣкоторые другіе натуралисты; но среди четырехъ стѣнъ своего домашняго жилища и въ лѣсахъ Санъ-Росоре (когда я былъ студентомъ въ Пизѣ), а также позднѣе въ дѣственныхъ лѣсахъ Южной Америки и Индіи, на поляхъ и въ садахъ Европы, я проводилъ долгіе часы, наблюдая соловьевъ, попугаевъ, лошадей, обезьянъ, гуанако, газелей и другихъ нашихъ пернатыхъ и волосатыхъ родственниковъ, и думаю, что я видалъ ихъ въ состояніи экстаза. Я даже полагаю, что ихъ экстазы можно подраздѣлить на слѣдующія три группы:

1. Мышечные и вегетативные экстазы;
2. Музыкальные экстазы;
3. Эстетическіе экстазы;

не упоминая здѣсь о любовномъ экстазѣ, который принадлежитъ къ сладострастію и о которомъ я говорилъ уже въ другихъ своихъ сочиненіяхъ.

Изъ cadaго пункта центральной нервной системы непрерывно освобождаются скрытыя силы, которыя суть не что иное, какъ видоизмѣненія движенія, и которыя,

если не переходят въ какую-нибудь работу, собираются и сгущаются, оставаясь въ потенциальномъ состояніи. Когда же напряженіе становится чрезмѣрнымъ, нервныя клѣточки не могутъ болѣе сдерживать этой силы, и она вдругъ освобождается подѣ тысячей различныхъ формъ: то въ видѣ пѣсни, то въ видѣ бѣга, скачка, то въ видѣ неправильной и судорожной дѣятельности всѣхъ мышцъ. Я назову это *мышечной оргіей*.

Вотъ, напримѣръ, дикая лошадь, которая стоитъ предѣ вами, поднявъ голову и оглашая окрестности своимъ страстнымъ ржаніемъ; вдругъ она опрометью бросается въ степь, становится на дыбы и, не нуждаясь въ бичѣ или въ шпорахъ, прерываетъ свой бѣгъ, чтобъ попрыгать, покружиться вокругъ самой себя; наконецъ, она бросается на землю, кусаетъ траву, которой не ѣсть; она вся судорожно дрожитъ, счастливая, въ полномъ ошьяненіи движеніемъ и жизнью.

Вотъ собачка, подымающаяся съ своего ложа; посмотрите, какъ она гоняется за воображаемыми мухами, лаетъ на невидимыхъ враговъ, прыгаетъ и кружится, востъ и возбуждаетъ себя своимъ собственнымъ движеніемъ и ошьяненіемъ, силой, освобождаемой каждымъ мускуломъ.

Вотъ гиббонъ, который, повиснувъ обѣими руками на вѣтви дерева въ лѣсу Суматры или Борнео, дѣлаетъ отчаянныя сальтомортале, кружится и выкидываетъ такіе гимнастическіе фокусы, отъ которыхъ у насъ начинается кружиться голова.

Вотъ сотни попугаевъ на берегу парагвайскаго озера, окруженнаго густымъ лѣсомъ; они кружатся по песку, кричатъ, шути кусаютъ другъ друга, чистятъ свои зеленныя, красныя и желтыя перья, бросаются въ воду и купаются другъ друга судорожными взмахами крыльевъ.

Такъ вотъ, во всѣхъ этихъ *мышечныхъ оргіяхъ*, во всѣхъ радостныхъ ликованіяхъ здоровыхъ и счастливыхъ существъ бывають моменты, когда всякое движеніе прекращается, всякій голосъ смолкаетъ, и животное, пернатое или волосатое, остается погруженнымъ въ одно ощу-

щеніе, въ ощущеніе полноты жизни. Несомнѣнно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со смутной формой экстаза, потому что животное въ такіе блаженные моменты забываетъ про самыя настоятельныя жизненныя потребности и можетъ подвергаться самымъ большимъ опасностямъ, рискуя быть настигнутымъ своими врагами.

Музыкальный экстазъ намъ извѣстенъ лишь у повторяющихъ птицъ; но кто знаетъ, не проявляется-ли восторженное состояніе и въ звукахъ, издаваемыхъ осломъ, гиббопомъ и насѣкомыми, когда они говорятъ на своемъ языкѣ, который нашему уху кажется такимъ непріятнымъ и даже несноснымъ?

Почти все животныя сохраняютъ свои лучшія мелодіи до поры любви. Голоса женщины бываетъ иногда достаточно, чтобы мы влюбились въ нее, и многіе пѣвцы переносятъ безжалостныя пораженія женскимъ сердцамъ одними звуками своей гортани; точно также и многія птицы привлекаются въ объятія пѣвцевъ, а весьма многія изъ нихъ и пѣть умѣютъ долько во время любви. Пѣніе—ихъ радостный гимнъ, ихъ сердечный посредникъ, несущій на своихъ крыльяхъ чары любви и страсти. Зябликъ, стремящійся обладать самкой и гнѣздомъ, садится на самую верхушку вишневаго дерева и посылаетъ къ небу свои громкія трели. Другіе соперники присоединяются къ нему и вызываютъ его на странный поединокъ, разнообразя свои эротическія мелодіи. Между тѣмъ бѣдная самка, спрятавшись въ листьѣ, съ большимъ кокетствомъ направляетъ перья на своихъ крыльяхъ и отдается наибольшей сильному и искусному пѣвцу. И претенденты поютъ и повторяютъ свои любовныя пѣсни, до безконечности разнообразя интонацію и силу; они вкладываютъ въ свои пѣсни столько страсти, что не разъ наблюдались случаи, когда птица падала съ дерева, пораженная апopleксіей вследствие слишкомъ напряженнаго пѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ явленіи экстазъ принимаетъ извѣстное участіе, хотя трудно сказать, какая часть экстаза при-

ходится на долю музыкальнаго звука и какаѣ—на долю полового влеченія.

Я не разъ наблюдалъ, какъ многія птицы вдругъ прерывали свое пѣніе и оставались съ устремленнымъ въ одну точку взоромъ, съ неподвижнымъ тѣломъ, поглощенные настоящимъ экстазомъ. Чаще всего я наблюдалъ это на воробѣѣ.

Павлинь, раскрывающій свой роскошный хвостъ, и надувшійся пѣтухъ также могутъ служить примѣрами эстетическихъ экстазовъ у птицъ; и они часто испытываютъ ихъ даже помимо полового возбужденія.

Эти и многія другія животныя приходятъ въ восторгъ отъ своей собственной красоты; они влюбляются въ свою собственную красоту, которая ихъ до того экзальтируетъ, что они постепенно доходятъ до экстаза. Объ участіи, которое можетъ принять любовь въ этомъ хвостовомъ красотою, я не стану говорить, такъ какъ этимъ вопросомъ занимались уже многіе естествоиспытатели до меня, въ особенности Дарвинъ въ своемъ сочиненіи „*Половой подборъ*“. Не могу, однако, не замѣтить, что предположеніе, будто упомянутые экстазы всегда и обязательно составляютъ лишь эпизодъ половой жизни, крайне ошибочно. Многія другія психическія энергіи имѣютъ строго опредѣленную цѣль, но и вѣѣ своего естественнаго круга дѣятельности онѣ распространяютъ влияніе на другія области нервной системы и психологическаго міра. Если голосъ служитъ орудіемъ соблазна при любовномъ увлеченіи, то это не значитъ, что нельзя пѣть или позитивировать изъ простаго эстетическаго влеченія, какъ это бываетъ съ павлиномъ, съ пѣтухомъ и, какъ мы послѣ увидимъ, съ райскими птицами.

Три года къ ряду мнѣ пришлось проводить три самыхъ жаркихъ мѣсяца въ Акви, гдѣ жалобы многочис-

сленныхъ паралитиковъ и подагриковъ, конечно, не доставляли матеріала для наблюденія восторженнаго состоянія, экстаза. Единственное мое утѣшеніе въ теченіи долгихъ дней состояло въ ободреніи больныхъ, единственная радость—въ доставленіи капли радости страдальцамъ. Но и я нуждался, по крайней мѣрѣ, въ одномъ часѣ, исполненномъ поэзіи, среди двадцати четырехъ часовъ, которые Провидѣніе правильно отмѣряетъ каждый день веѣмъ смертнымъ,

И я находилъ этотъ часъ на холмахъ, блестящихъ виноградными лозами и колосьями, увѣчивающими эту мѣстность. Акви — это яма, наполненная плутонической грязью и человѣческими страданіями и заключенная въ веселую, роскошную, блестящую оригинальной красотой раму.

Я дѣлалъ свою прогулку въ самую жаркую пору дня, когда даже подагрики переставали стонать и служителя засыпали; я избирался на ближайшій холмъ, гдѣ можно было отыскать немного душистой тѣни.

Во время этихъ одинокихъ прогулокъ единственнымъ обществомъ для меня были соловьи, которые въ этотъ жаркій часъ дня, когда человѣческое приеутствіе не могло потревожить ихъ, назначали собѣ свиданія для музыкальныхъ соревнованийъ.

Не веѣ соловьи поютъ одинаково хорошо, потому что и у нихъ индивидуы отличаются, смотря по виду и расѣ; и птицы имѣютъ своихъ России, Патти, Тамберликовъ. Аквиѣскіе соловьи принадлежатъ къ отличѣйшимъ пѣвцамъ, какихъ мнѣ когда-либо приходилось слышать, и Провидѣніе, вѣроятно, умышленно поселило ихъ въ этой мѣстности, чтобы они служили противовѣсомъ столькимъ стомамъ, столькимъ человѣческимъ страданіямъ.

Я всегда старался занять мѣсто какъ можно поближе къ соловью; не будучи замѣченнымъ имъ, я садился на землю или на камень позади забора и наблюдалъ его. Большею частью пѣвецъ сидѣлъ на вязѣ или на сливѣ.

Какъ скромнѣе нарядъ этого созданія! Двухъ или трехъ тѣней полутраура было-бы достаточно, чтобы нарисовать его; немного сѣрой, немного коричневой краски, здѣсь и тамъ темное перышко—вотъ и все. Одни только живые, блестящія, искрящіяся, весьма подвижныя глаза обличаютъ въ этой птичкѣ интеллигентность и страсть.

Можно быть некрасивымъ, какъ Эзонъ или Сократъ, незамѣтнымъ и скромнымъ, какъ соловей, тяжеловѣснымъ и неуклюжимъ, какъ слонъ; но у Эзона, Сократа, соловья и слона достаточно увидѣть глаза, чтобы сказать, что въ этомъ безобразномъ, или заурядномъ, или неуклюжемъ тѣлѣ витаетъ гений, звучитъ гармонія или горитъ высшая страсть. Глазъ—это фокусъ, въ которомъ сходятся все эстетическія, душевныя и умственныя силы; въ немъ, какъ въ зеркалѣ, соединяются все лучи, неупускаемые жизнью во всехъ ея страстяхъ, стремленіяхъ, идеальныхъ вдохновеніяхъ.

И соловей пѣлъ, весь ушедши въ себя, такъ что его маленькое сѣрое тѣло какъ бы совсѣмъ исчезло и сливалось съ шеей, которая вздувалась отъ напряженнаго пѣнія и трелей. Головка съ тоненькимъ клювомъ, казалось, вся превращалась въ глаза, и въ глазахъ этихъ свѣтилось все наслажденіе, испытываемое пѣвцомъ при его вдохновенныхъ импровизаціяхъ. Вначалѣ совсѣмъ тихіе, медленные, прерываемые томленьемъ, эти звуки учащались по мѣрѣ возрастанія страсти, представляя настоящую мольбу любви, усиливавшуюся при каждой новой просьбѣ. И волны страсти съ каждой секундой поднимаются все выше и выше; онѣ несутся все стремительнѣй и стремительнѣй и, наконецъ, переходятъ въ бурный потокъ, въ которомъ звучитъ уже не просьба, а страстная мольба, судороги, бредъ; это уже не элегія, а лирическій гимнъ, звучащій въ голубомъ, пронизанномъ лучами солнца воздухѣ, и просящій любви со всею пылостью могучей страсти.

Трели мѣнялись и гармоничныя звуки пѣсни сливались на разные лады, образуя вариации, какъ въ нашей

музыкѣ; но могучій *мотивъ* оставался неизмѣннымъ; это тотъ мотивъ, который въ каждой птичьей пѣснѣ, какъ и въ каждомъ человѣческомъ стихотвореніи, повторяетъ одну и ту-же вѣчную исторію страсти: сначала просьба, затѣмъ сила; сначала дождь, затѣмъ буря; сначала едва замѣтный бутонъ, затѣмъ вполнѣ распустившійся цвѣтокъ во всей роскоши красокъ и благоуханія; сначала надежда, затѣмъ любовь;—все это выражаетъ пѣніе соловья, одно изъ многихъ зеркалъ, въ которыхъ отражается природа.

Однако скромный пѣвецъ пребываетъ въ счастливомъ невѣдѣніи всего этого; но за то ему хорошо извѣстна вся прелесть его пѣнія, которое всецѣло его поглощаетъ. Если-же онъ послѣ краткаго перерыва слышитъ въблизи себя другого соловья, отвѣчающаго на его пѣнь, то пытается превзойти соперника болѣе нѣжными и высокими нотами, и когда это ему удается, онъ гордо поднимаетъ головку съ видомъ торжествующаго оратора, устремляетъ глаза въ пространство и впадаетъ въ экстазъ.

Не разъ я въ этотъ моментъ поднимался съ своего мѣста и близко подходилъ къ соловью,—онъ смотрѣлъ на меня, не видя меня и не думая о томъ, чтобъ улѣтѣть. И если это не экстазъ, то экстаза не существуетъ вовсе въ животномъ мірѣ.

Въ большой, красной клеткѣ у меня заключенъ другой узникъ, одна изъ красивѣйшихъ птицъ въ мірѣ, на которой я часто могу наблюдать состояніе экстаза.

Я купилъ ее на базарѣ въ Бомбей, въ Индіи. Тамъ, гдѣ длинными рядами выставлены цвѣты, фрукты и животныя, имѣется небольшое мѣсто, воонючее, но въ тоже время и привлекательное; тутъ, продаются птицы и обезьяны. Земля пропитана здѣсь нечистотами и грязью; туземцы весьма нечистоплотны, несмотря на частыя омовенія; отвратительный запахъ людскаго пота смѣ-

шивается тутъ съ зловонными испареніями разлагающихся подъ тропическимъ солнцемъ животныхъ экскрементовъ.

Но зато здѣсь вы увидите тысячи бенгальскихъ зябликовъ, которые какъ-бы вырастаютъ изъ-подъ земли, подобно муравьямъ, щеголяя самыми нестрыми красками, отъ сѣрой, переходящей въ черную, до каштановой, распускающейся въ розовую; здѣсь вы увидите тысячи зеленыхъ попугаевъ, кричащихъ и старающихся перегорланить другъ друга, подобно базарнымъ торговкамъ; здѣсь вы увидите, какъ сотни обезьянъ изображаютъ въ каррикатурномъ видѣ все человѣческія гримасы и все человѣческія страсти. Крики, пѣніе, ворчаніе, свистъ— все это смѣшивается въ одинъ нестройный хоръ, а черные и смуглые люди кричатъ, ворчатъ и свистятъ вмѣстѣ съ животными: настоящій праздникъ животныхъ, опьяненныхъ жизнью.

Среди этого шума и движенія я нашелъ своего попугая, который теперь смотритъ на меня изъ своей кѣтки. Среди всего этого праздника онъ выдѣлялся какъ король, и былъ красивѣйшимъ существомъ между всеми окружающими его тысячами существъ. Я влюбился въ него и пожелалъ обладать имъ. Я не обращалъ вниманія на все убѣжденія не покусать его, такъ какъ, рожденный подъ жгучими лучами тропического солнца, онъ, по мнѣнію опытныхъ людей, не сумѣетъ перенести длиннаго и труднаго пути въ Европу и умереть еще въ дорогѣ, а если и выдержитъ путь, то умереть при первомъ дуновеніи итальянской зимы. Но я хотѣлъ владѣть имъ хотя-бы въ теченіи нѣсколькихъ дней, а потому купилъ его. Мое упрямство было основательно, такъ какъ попугай не только прибылъ невредимымъ во Флоренцію, но благополучно перенесъ три зимы и сталъ такимъ настоящимъ флорентинцемъ, что я нисколько не удивился-бы, если бы въ одно прекрасное утро засталъ его ругающимся, какъ кучеръ на Соборной площади.

Я не далъ ему никакого имени, такъ какъ не могъ

подъискать ни одного достойнаго его. Да и что намъ въ его имени?

Мнѣ сказали, что въ научныхъ архивахъ онъ извѣстенъ, какъ *Eclectas Linnaei*, и я преклоняюсь предъ авторитетомъ науки. Съ меня достаточно знать, что мой попугай принадлежитъ къ красивѣйшимъ крылатымъ созданіямъ нашей планеты. Онъ почти весь красный; онъ пурпурно-краснаго цвѣта, какъкъ кажется шелкъ при бенгальскомъ освѣщеніи. У него красная голова, красная грудь, красный животъ, красныя плечи; черныя ноги, зеленныя крылья и зеленныя перья на хвостѣ близъ туловища; клювъ янтарнаго цвѣта. На огненно красной головѣ горятъ два черныхъ брилліанта, заключенные въ золотыя оправы,—это глаза. Тысяча красокъ сочетались въ этомъ тепломъ, бархатистомъ, свѣтящемся тѣлѣ, которое можно держать въ рукахъ, ласкать, какъ головку ребенка или ножку женщины.

Кромѣ красоты, въ моемъ попугаѣ поражаютъ быстрота его движеній и глѣбкость голоса. Начиная отъ неопредѣленныхъ звуковъ *ррр*, *кккк*, *фррр*, онъ проходитъ всю гамму своихъ свистовъ, вздоховъ, трелей и криковъ, доходя до человѣческаго голоса, которому онъ подражаетъ съ бѣльшимъ совершенствомъ, чѣмъ его знаменитый соперникъ изъ Южной Америки. Онъ знаетъ много дорогихъ мнѣ именъ и имѣетъ свой довольно обширный словарь.

Но пѣнія и рѣчи недостаточно этому крылатому обитателю Молукскихъ острововъ для проявленія всѣхъ его душевныхъ силъ. Въ то время, какъ онъ поетъ или говоритъ, онъ цѣпляется за перекладину клеткы и, повиснувъ головою внизъ, раскачивается всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ онъ вдругъ становится на ноги и начинаетъ танцевать, поднимаясь и опускаясь въ тактъ своему голосу; онъ расширяетъ крылья и дѣлаетъ самыя замысловатые акробатическіе фокусы, какъ истый *клоунъ*, подражая при этомъ смѣху людей и какъ бы издѣваясь надъ ними. Иногда онъ раскрываетъ крылья и судорожно по-

водитъ ими, или расширяетъ хвостъ, подобно вѣру, обнаруживая двойной рядъ красивѣйшихъ перьевъ, сверху красныхъ, снизу зеленыхъ.

Сколько выраженія, сколько мимики, сколько жизненной полноты въ этомъ тѣлѣ, завернутомъ въ пылающій бархатъ! То онъ становится совсемъ маленькимъ и ползаетъ по землѣ; то онъ выпрямляется во весь ростъ и поднимаетъ голову, шею и грудь, какъ гордый орелъ; то онъ начинаетъ шутить, то вѣжничать; онъ то ворчливый пессимистъ, то лѣнивый пьяница.

Всѣми этими проявленіями полноты и избытка своей внутренней жизни попугай самъ восхищается; они ошьяняютъ его и доводятъ до экстаза. Онъ вдругъ становится неподвижнымъ, уходитъ въ себя, забывъ о всемъ окружающемъ его мірѣ живыхъ существъ; я пристально вглядываюсь въ него и начинаю думать, что имѣю предъ своими глазами сцену живаго міра, ведущую къ экстазамъ творящаго поэта, живописующаго художника, молящагося аскета.— Въ такой моментъ этотъ попугай болѣе похожъ на человѣка, чѣмъ многія обезьяны, и даже болѣе, чѣмъ многіе люди, которымъ невѣдомы предести экстаза.

Райскія птицы принадлежатъ къ роскошнѣйшимъ твореніямъ животнаго міра, и красота ихъ перьевъ доставила имъ то имя, которое онѣ носятъ. Но онѣ не только красивы, а у нихъ еще въ высшей мѣрѣ развито чувство прекраснаго; о проявленіяхъ эстетическаго чувства у этихъ замѣчательныхъ птицъ знаменитый путешественникъ, ботаникъ и мыслитель Эдуардъ Беккари собралъ драгоценнѣйшія свѣдѣнія. Его наблюденія, похороненныя въ кладовой одного научнаго журнала, заслуживаютъ того, чтобы съ ними познакомились даже люди, стоящіе въ сторонѣ отъ науки, но любящіе прекрасное, гдѣ бы они его ни находили, не будучи ни ботаниками, ни зоологами.

Не подлежит сомнѣнію, что райскія птицы проявляютъ душевныя настроенія, весьма близкія къ экстазу. Если вамъ угодно будетъ подать мнѣ руку, то мы вмѣстѣ съ Беккари сдѣлаемъ прогулку въ Новую Гвинею и въблизи посмотримъ на этихъ чудесныхъ крылатыхъ созданий.

Райская птица — *Paradisaea apoda* — садится при восходѣ и закатѣ солнца на самые высокіе предметы и, повидимому, вся поглощается созерцаніемъ солнца. Въ тѣхъ странахъ закатъ солнца великолѣпенъ. По вечерамъ дальнія тучки окрашиваются въ золотистый или пурпуровый цвѣтъ и рѣзко выдѣляются на небесной лазури. Дѣнь становится зеленѣе съ наступленіемъ ночи, и всѣ неувидимые оттѣнки вечерней зари вы встрѣчаете на роскошномъ одѣяніи, въ которое закутана эта райская птичка.

Въ желтыхъ перьяхъ вы узнаете иѣжныя золотистыя полоски, которыя видны на горизонтѣ, цвѣтъ мягкихъ волосъ на груди вполне походитъ на цвѣтъ пурпурныхъ тучекъ, клювъ и ноги имѣютъ голубой тонъ неба, на шеѣ вы находите зеленый цвѣтъ лѣса, а голова сверкаетъ золотомъ заходящаго солнца.

И райская птичка влюбляется въ эту красоту неба, отражающуюся въ ея собственной красотѣ, и впадаетъ въ экстазъ. Она перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, дѣлаетъ различныя судорожныя движенія крыльями и головою, кричитъ, вертитъ хвостомъ и восторгается.

Беккари, бывшій неоднократно счастливымъ свидѣтелемъ этой чудной картины природы, попытался установить смѣлую теорію для объясненія роскошныхъ цвѣтовъ райской птицы. Гипотеза эта вполне достойна его ума; она можетъ казаться слишкомъ смѣлой, но развѣ мы не знаемъ много другихъ не менѣе смѣлыхъ гипотезъ и предположеній, находившихъ впоследствии подтвержденіе въ экспериментальной наукѣ?

Дадимъ ему слово.

„Нѣтъ ничего страннаго въ предположеніи, что сильное желаніе и длинный рядъ извѣстныхъ впечатлѣній могутъ обусловить извѣстный типъ красоты, вызвать переѣну въ окраскѣ и формѣ перьевъ. Я не думаю, чтобъ это было несбыточно. И вотъ что меня особенно поражаетъ: въ странѣ, обитаемой *папуасскими райскими птицами*, закаты солнца почти всегда золотисты, а на островѣ Войгей (Woigheu) они, напротивъ, огненно красны; и, представьте себѣ, виды райскихъ птицъ, находящихся въ этихъ мѣстностяхъ, имѣютъ опереніе, похожее на то небесное явленіе, которое тамъ почти ежедневно повторяется! Ужели-же это простая случайность?“.

„Почему *Schlegelia calva* имѣетъ обнаженную голову цвѣта неба, которымъ ей приходится любоваться сквозь вѣтви деревъ въ часы ея вечернихъ любовныхъ походовъ? Почему при томъ-же условіи *Paradisea magnifica* имѣетъ на спинѣ рисунокъ, похожій по цвѣту и формѣ на половину луны? Неужели *Cicinnurus* только вълѣдствіе простой случайности имѣетъ такой-же точно цвѣтъ, какъ растение *Costus*, съѣменами котораго онъ питается?“.

„Почему многія ночныя птицы имѣютъ темные цвѣта? Почему мы не встрѣчаемъ между ними ни одного вида съ болѣе яркими цвѣтами, напримѣръ, зеленымъ, которые-бы служили имъ большей защитой втеченіе дня, тогда какъ ночью, повидному, было-бы безразлично, какого-бы цвѣта онѣ ни были? Почему пятна нѣкоторыхъ козодоевъ напоминаютъ то состояніе неба, когда луна пробивается сквозь тучки, и почему подобными пятнами обладаютъ именно тѣ козодои, которые, расположившись на вѣткѣ дерева, именно въ такія лунныя ночи по цѣлымъ часамъ повторяютъ своимъ монотоннымъ голосомъ одни и тѣ-же звуки, напоминающіе правильные удары палкой по стволу дерева“¹⁾.

¹⁾ O. BECCARI. *Le capanne e i giardini dell' Amblyornis inornata*. Annali del Museo Civico di Storia Naturale di Genova. Vol. IX, 76—77, 3—4 aprile 77.

Беккари объясняет эти явления превращением чувства прекраснаго въ актъ питанія перьевъ: въ *мимикризмъ*, желаемый и приобретаемый самимъ животнымъ. Новѣйшія открытiя въ области гипнотизма, кровоизлитiя и кровоподтеки, вызываемые путемъ внушенiя, придаютъ этой смѣлой теорiи нѣкоторую вѣроятность...

Беккари видѣлъ *райскую птицу* въ экстазѣ при золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца, но другiя райскiя птицы, не обладающiя такими красивыми перьями, какъ эта, превращаютъ свое эстетическое чувство въ другiя психическiя энергiи; и я не сомнѣваюсь, что *Amblyornis inornata* впадаетъ въ экстазъ, когда созерцаетъ свои странные садки, которые она сама себѣ строитъ и которые такъ хорошо были изучены, описаны и нарисованы тѣмъ-же путешественникомъ.

Чрезвычайно странно, что, въ то время какъ самыя красивыя райскiя птицы совсѣмъ не строятъ себѣ ни домиковъ, ни садиковъ.—одна изъ ихъ сестеръ, очень скромная по наружности, выражаетъ свое эстетическое чувство въ прекраснѣйшихъ постройкахъ. Мы знаемъ уже, что многiя замѣчательно красивыя птицы совсѣмъ не умѣютъ пѣть или поютъ очень плохо, между тѣмъ какъ незамѣтный, скромный солоней усаждаетъ себя самого и насъ чудными звуками своего увлекательнаго пѣнiя. Развѣ это явленiе не наблюдается и въ человѣческой семьѣ, гдѣ многiя красавицы не отличаются никакой душевной доблестью, въ то время какъ многiя заурядныя по внѣшности или прямо уродливыя женщины поражаютъ силой своего могучаго ума и твердой воли?—Природа, расточая слишкомъ много на одно, часто бываетъ вынуждена соблюдать экономiю на другомъ.

Послѣ любви у *райской птицы*, посмотримъ на домики и садки *Amblyornis'a*, съ которыми мы

имѣли возможность познакомиться, опять-таки благодаря тому-же Беккари.

Быль июньскій день, и прошло уже пять дней какъ Беккари покинулъ Анда, направляясь къ Гатаму на горѣ Арфакъ (на сѣверо-востокѣ Новой Гвиней). Однако онъ былъ вынужденъ остановиться на одинъ день въ Варменди, чтобы дать отдохнуть своимъ носильщикамъ. Въ этотъ день его сопровождало лишь пять человѣкъ, такъ какъ онъ оставилъ позади себя нѣсколькихъ заболѣвшихъ лихорадкой и остальныхъ носильщиковъ, которые полагали, что недостаточно еще отдохнули.

Они двинулись въ путь на разсвѣтѣ и около часа по полудни очутились на утомительной и трудной дорогѣ, ведущей къ хижинамъ Гатама—цѣля ихъ путешествія.

Беккари находился на выступѣ Арфака; вокругъ него разстилался высокій и прекрасный дѣвственный лѣсъ, черезъ который лишь мѣстами, какъ бы украдкой, еле-еле проникалъ солнечный лучъ. Почва была почти совсѣмъ свободна отъ низшихъ растений, а протоптанная тропинка говорила о томъ, что недалеко должны находиться жилища постройки; на пути ему попался даже небольшой источникъ, изъ котораго, какъ видно было по слѣдамъ, часто черпали воду.

На каждомъ шагѣ онъ встрѣчалъ что нибудь новое; въ особенности его поражали стройныя пальмы и другія новыя растенія. Но вниманіе его все время нарушалось пѣньемъ и криками птицъ, повидимому, незнакомыхъ ему, какъ это всегда случается, когда впервые попадаешь въ неизслѣдованную еще страну. Каждый шелестъ листка заставлялъ предполагать открытіе, а птицы, встрѣчавшіяся ему, большею частью, не только различались отъ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ на равнинѣ, но очень часто дѣйствительно были совершенно новыми для него.

Вдругъ, при одномъ поворотѣ, на краю дороги онъ увидѣлъ самое чудное произведеніе, какое умъ животного когда-либо могъ создать.

Это была хижина посреди усеянного цвѣтами луга; разумеется, все было въ миніатюрномъ видѣ. Онъ тотчасъ-же узналъ знаменитыя гнѣзда, о которыхъ разсказывали ему охотники изъ Бруйжина; но при этомъ-же предположилъ, что они должны имѣть другое назначеніе, хотя постройки *Chlamydoeder*'овъ ему были тогда совершенно незнакомы. Онъ удовольствовался пока поверхностнымъ осмотромъ этого чуда и строго запретилъ своимъ охотникамъ портить его. Но пауасаамъ, очевидно, не нужно было запрещать этого, потому что, хотя хижина-бесѣдка находилась на самомъ краю дороги, она все-таки была въ полной цѣлости и говорила о томъ мирѣ и спокойствіи, которымъ пользовались ея обитатели, пока злой рокъ не привелъ туда Беккари и его спутниковъ, чтобы нарушить ихъ тихое и безмятежное пребываніе. Путешественники находились на высотѣ 4800 футовъ; еще полчаса ходьбы по крутому обрыву, и они будутъ у цѣли.

.

Нѣсколько дней спустя, нашъ путешественникъ, взявъ карандаши, краски и ружье, которое онъ поручилъ нести туземцу, отправился къ мѣсту жительства *Amblyornis* а...

Послѣдняя выбираетъ обыкновенно ровное мѣсто вокругъ небольшого кустика, толщиною приблизительно въ обыкновенную трость, и строить тамъ изъ прутьевъ родъ конуса, служащаго центральнымъ столбомъ, на вершинѣ котораго воздвигается все зданіе; но вышина столба нѣсколько менѣе вышины всей хижины, достигающей $\frac{3}{4}$ аршина. Вокругъ центрального столба, въ наклонномъ положеніи, съ замѣчательной правильностью расположены вѣтви, касающіяся однимъ концомъ вершины столба, а другимъ земли; одна лишь передняя сторона остается свободной. Такимъ образомъ, когда работа доведена до конца, получается строеніе правильной конической формы. Затѣмъ вся постройка покрывается еще другими вѣтвями

и прутьями, расположенными въ различныхъ направле-
ніяхъ, чтобы сдѣлать это подобіе крыши прочнымъ и
непромокаемымъ.

Вы видите такимъ образомъ, что между срединнымъ
столбомъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прутья касаются земли,
остается круглая или скорѣе подковообразная галлея.
Вся постройка имѣетъ около $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметръ. Вѣтви,
которыми *Amblyornis* пользуется для своей постройки,
принадлежатъ одному виду орхидей (*Dendrobium*),
паразитному растенію, растущему большими пучками на
мшистыхъ вѣтвяхъ деревьевъ; онѣ тонки, какъ соломенки
и имѣютъ около $\frac{1}{2}$ арш. въ длину. Листья на нихъ были
прикрѣплены къ дереву, и, казалось, продолжали ро-
сти, такъ что можно было подумать, что птицаумыш-
ленно выбрала это растеніе, чтобы предупредить быстрое
разрушеніе своего жилища и возможно дольше поддер-
жать жизнь того матерьяла, изъ котораго оно было по-
строено, такъ какъ извѣстно, что большая часть тропи-
ческихъ орхидей продолжаютъ расти, даже когда онѣ
отдѣлены отъ ствола.

Утонченный вкусъ садовника не ограничивается по-
стройкой бесѣдки. Странно, какъ чувство прекраснаго у
Amblyornis онѣ походить на то-же чувство у чело-
вѣка; достаточно сказать, что все то, что имъ нравится,
нравится также и намъ. Любовь къ цвѣтамъ и къ садамъ—
признакъ хорошаго и изысканнаго вкуса, такъ что Бек-
кари былъ пораженъ, видя, какъ жители Арфака, имѣя
предъ собой примѣръ въ лицѣ *Amblyornis*, могутъ
проявлять такъ мало эстетическаго чувства при своихъ
постройкахъ, окруженныхъ такой грязью, что къ нимъ
невозможно подойти близко. Ихъ загрязненныя нечи-
стотами, золой и сажой тѣла заставили Беккари срав-
нить дикаря со свиньей, на которую онѣ болѣе всего
походить привычками и полуобнаженной лоснящеюся
кожей.

Вотъ какъ устроены сады *Amblyornis'a*: Предъ жи-
лищемъ находится мѣсто, занимающее гораздо больше

пространства, чѣмъ само зданіе. Это небольшой лужокъ, весь покрытый нанесеннымъ мхомъ, весь чистый и безъ травы, безъ камней и другихъ предметовъ, которые могли бы нарушить въ немъ гармонію. По этому граціозному зеленому ковру разбросаны цвѣты и плоды, поражающіе разнообразіемъ красокъ, такъ что все вмѣстѣ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе изящнаго сада.

Наибольшее число украшеній находится у входа: здѣсь, вѣроятно, самецъ преподноситъ самкѣ свои импровизаціи во время ежедневныхъ любовныхъ свиданій. Предметы, лежащіе здѣсь, весьма разнообразны, но все они отличаются нестротою красокъ.

Между указываемыми Беккари предметами мы находимъ у входа нѣкоторые плоды *Garciniae*, величиною въ небольшое яблоко фіолетоваго цвѣта, плоды *Gardeniae* также довольно большіе, раскрытые мѣстами и обнаруживающіе красивый шафрановый цвѣтъ содержамаго и сѣмянъ. Затѣмъ тамъ лежали розовыя виноградины, заключавшія желтыя ядрышки, наполовину выглядывавшія изъ своихъ чашечекъ. Розовыя цвѣты роскошнаго вида *Vaccinium* составляли одно изъ главныхъ украшеній; надо полагать, что съ переменою времени года одни предметы замѣняются другими. Но интересующая насъ птица ищетъ для себя украшеній не только между цвѣтами и плодами; она собираетъ и пестро раскрашенные грибы и насѣкомыхъ, которыхъ въ немаломъ числѣ находили въ садахъ и ходахъ жилища *Amblyornis'a*. Когда эти предметы послѣ долгаго лежанія теряютъ свою свѣжесть, они выбрасываются вонъ и замѣняются другими.

Но смысленность этой птицы не исчерпывается умѣньемъ построить себѣ такое *place de plaisir*. Это умная птица, и одно изъ наиболѣе удачныхъ ея мѣстныхъ именъ— *Viginti guru* означаетъ „мастеръ-птица“, потому что она умѣетъ подражать пѣнію и крикамъ множества другихъ птицъ и разнообразить свое пѣніе при всякомъ случаѣ. Она приводила въ отчаяніе охотниковъ Беккари,

которые, услышавъ новый, незнакомый имъ звукъ, тотчасъ-же мечтали объ открытїи, но наталкивались всегда все на ту-же *Amblyornis*. Другое ея прозвище—*Tukan Koton*, т. е. *садовникъ*—Беккари сохранилъ въ итальянскомъ языкѣ.

Жилища и сады *Amblyornis*—это мѣста для развлечения и свиданій, гдѣ въ извѣстныя времена года самцы, влекомые любовью, собираются, чтобъ ухаживать за самками и бороться между собой за ихъ расположеніе.

Другія птицы строятъ галлерей, бесѣдки, жилища, украшая ихъ, смотря по вкусу, для удовлетворенія своего чувства прекраснаго.

Вѣкъ извѣстны постройки *Chlamydoxer* овъ. Англичане назвали ихъ *playing* или *sporting places, halls, play houses*—мѣста для развлечения—удачнѣе-же всего было слово *bowers*, что означаетъ *бесѣдки* или *хатки*. Птицъ-же, строящихъ себѣ такія хатки, англичане назвали *bower birds*.

Эти постройки казались такими замысловатыми, что вначалѣ ихъ не рѣшались принимать за дѣло животныхъ, а считали люльками, построенными туземцами для ихъ малютокъ. Вскорѣ, однако, убѣдились, что это и не гнѣзда, такъ какъ *Chlamydoxera* строятъ послѣднія по обыкновенному способу между вѣтвями деревьевъ, и гнѣзда эти по величинѣ и по формѣ очень походятъ на гнѣзда нашихъ соекъ.

Chlamydoxera nuchalis немного больше дрозда; она коричневаго цвѣта, который дѣлаетъ ее очень незрочной, но за то у нея имѣется красивое розовое пятно на затылкѣ. Ея бесѣдка имѣетъ форму галлерей, построенной изъ прутьевъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и соединенныхъ въ одной вершинѣ, образуя какъ-бы крышу примитивнаго шалаша. Почва вокругъ входа вся усыпана раковинами. Можно было на-

блюдать, какъ эта птица перелетала съ одной стороны бесѣдки на другую, перенося туда въ своемъ клювѣ эти раковины.

Галлерей *Chlamydoderae maculatae* также построены изъ прутьевъ, но онѣ, кромѣ того, покрыты богатой высокою травою; украшеній вокругъ нихъ очень много: большей частью, онѣ состоятъ изъ двустворчатыхъ раковинъ, череповъ маленькихъ млекопитающихъ и другихъ костей, побѣлѣвшихъ отъ долгаго пребыванія на солнцѣ. Судя по разсказамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, раковины приносятся иногда изъ очень отдаленныхъ мѣстъ, такъ какъ ближайшія рѣчи, откуда ихъ достаютъ, находятся на довольно далекомъ разстояніи.

Многіе увѣряютъ, что у этого вида птицъ нѣсколько особей собираются въ одномъ и томъ-же паркѣ, чтобы ухаживать за самками, и, какъ видно, одинъ и тотъ-же паркъ можетъ служить для этой цѣли въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. *Chlamydodera guttata* строитъ также прямыя галлерей, у входовъ въ которыя находили вещи, доставаемыя изъ моря, которыя птица эта могла перенести къ своему мѣсту жительства лишь послѣ долгихъ и терпѣливыхъ усилій.

Галлерей *Chlamydoderae cerviniventris* отличается отъ построекъ всѣхъ другихъ видовъ, такъ какъ ея стѣны весьма плотны и почти прямы или-же слегка наклонны одна къ другой при вершинѣ. Она имѣетъ въ длину и ширину болѣе 1½ аршина, а для украшенія вокругъ входа разбросаны раковины и другіе предметы.

Съ неменьшимъ вкусомъ и умомъ устраиваетъ свои галлерей и *Ptilonorhynchus*. — *P. violaceus*, названный англичанами *satin bower bird*, устраиваетъ сады и бесѣдки, какъ *chlamydodera*, и украшаетъ ихъ самыми разноцвѣтными предметами, какіе только можетъ достать, напримѣръ, красивыми птичьими перьями, бѣлыми костями и раковинами, разбросанными вокругъ входа въ хижину.

У этой птицы склонность къ похищенію разныхъ привлекательныхъ вещей такъ велика, что туземцы обыкновенно ищутъ всякую пропавшую маленькую вещь прежде всего въ галереяхъ этой птицы. Тамъ находили даже каменные топорики и куски свѣтлоголубой матеріи¹⁾.

И у насъ сорока напоминаетъ намъ инстинктъ нѣкоторыхъ членовъ вороньяго рода, находящихся въ тѣсномъ зоологическомъ родствѣ съ райскими птицами, инстинктъ, заключающійся въ подбораніи блестящихъ предметовъ.

Я припоминаю, что въ дѣтствѣ видѣлъ гнѣздо, въ которомъ нашли золотую монету.

У дѣтей, умственно недоразвитыхъ людей вышнихъ расъ и дикарей, находящихся на самой нижней ступени культурнаго развитія, экстазъ почти всегда проявляется въ тѣхъ-же смутныхъ формахъ, какія мы находимъ у животныхъ.

У нашихъ дѣтей мы часто наблюдаемъ непреодолимое желаніе двигаться, прыгать, дѣлать всевозможныя мышечныя упражненія, и очень часто они, продѣлывая все это, поютъ, кричатъ, хохочутъ. Отъ времени до времени, опьяненные этой полнотой и теплотой жизни, они, останавливаются, позабывъ объ окружающемъ ихъ мірѣ. Это — маленькій экстазъ, вполне похожій на экстазъ у попугаевъ, обезьянъ, лошадей и многихъ другихъ молодыхъ, здоровыхъ, полныхъ жизни животныхъ, поглощаемыхъ въ безсознательномъ наслажденіи жизнью однимъ этимъ ощущеніемъ, которое и приводитъ ихъ въ экстазъ.

Въ своихъ „*Картинахъ человеческой природы*“ я, пытаясь дать монографію опьяненія, очень подробно описалъ мышечное опьяненіе кружащихся дервишей. Вотъ здѣсь именно мы находимся на границѣ, отдѣляющей

¹⁾ Вессан, op. cit.

опьяненіе отъ экстаза, гдѣ одно состояніе переходитъ въ другое. Пока дerviшъ кружится, пляшетъ и вричитъ, онъ находится въ состояніи опьяненія; когда же движеніе прекращается, то можетъ наступить экстазъ, который длится недолго и кажется лишь паузой для отдыха, отъ котораго можно снова перейти къ отчаянному мышечному бреду.

Болѣе высокія эстетическія чувства недоступны дѣтямъ, но не дикарямъ, у которыхъ украшенія предшествуютъ плятью и которые иногда оказываются весьма впечатлительными къ величественнымъ картинамъ природы. Солнце и море, небо и обширная панорама земли говорятъ такимъ доступнымъ для каждаго языкомъ, что все его понимаютъ, и изъ сотни доказательствъ, на которыя можно было-бы сослаться, я приведу лишь нѣсколько наиболѣе краснорѣчивыхъ, выбранныхъ мною изъ обширной области сравнительной анатоміи.

Однажды у негра племени *бечуана* изъ Замбези спросили, что онъ понимаетъ подъ святостью, и онъ отвѣтилъ:

„Когда ночью пролилъ обильный дождь и хорошо обмылъ землю, растенія и скоть; когда съ восходомъ солнца травка блеститъ золотистыми каплями, а люди могутъ дышать чистымъ и свѣжимъ воздухомъ,—то я все это называю святостью“.

Это поистинѣ лирическій порывъ, экстазъ, выраженіе высшаго эстетическаго чувства въ устахъ негра!

Въ Патагоніи имѣются прекраснѣйшіе источники, окруженные маленькими кругообразными озерами съ прозрачной водой и роскошнымъ бѣлымъ пескомъ на днѣ.

Индѣйцы охотно моютъ себѣ тамъ руки и ноги, стоятъ подолгу въ восторженномъ созерцаніи этихъ озеръ и называютъ ихъ *глазами пустыни*.

Негры изъ Лоанго отличаются замѣчательно развитымъ чувствомъ прекраснаго, позволяющаго имъ цѣнить нѣкоторые малозамѣтные, почти неуловимые элементы красоты человѣческаго тѣла, ускользающіе отъ вниманія многихъ обыкновенныхъ людей. Они не только цѣнятъ хорошо развитыя икры на ногахъ, которыя называютъ *tschicwutu tschi Kulu*, т. е. *животомъ ноги*, но восхищаются также ямочками на рукахъ, на подбородкѣ и на щекахъ. Они даже доходятъ до такихъ тонкостей, что умѣютъ отличать ямочки на щекахъ, появляющіяся во время смѣха, отъ ямочекъ, постоянно существующихъ ¹⁾).

Если мнѣ когда-нибудь удастся написать *Антологию безграмотныхъ народовъ*, то вы увидите, какъ всегда уже въ первомъ лепетѣ эстетическаго чувства у дикихъ слышится нота удивленія предъ величественными картинами природы и предъ красотой живыхъ созданий. Отъ удивленія и восторга до экстаза лишь одинъ шагъ, и даже жалкій негръ, австраліецъ и житель Огненной Земли способны въ нѣкоторые рѣдкіе моменты ихъ трудовой, горемычной жизни унести въ высоту, въ ту высоту, гдѣ они могутъ коснуться первыхъ ступеней лѣстницы, ведущей къ эстетическимъ экстазамъ Рафаэля, Бетховена и Байрона, или къ аскетическому экстазу св. Терезы ²⁾...

¹⁾ FESCHEL - LOESCHE. *Indiscretos aus Loango. Zeitschrift für Ethnologie.* Berlin 1878. Н. 1, р. 29.

²⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я опубликовалъ въ «*Fanfulla della Domenica*» нѣсколько очерковъ о литературѣ безграмотныхъ народовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Аффективные экстазы.

Различныя формы малых аффективныхъ экстазовъ. — Экстазы милосердія. — Вліяніе религій, страданія и раскаянія. — Спасеніе. — Смѣшанные экстазы милосердія и эстетики. — Созерпаніе прекраснаго. — Красота доброты.

Не всѣ чувства и не всѣ степени чувства могутъ унести человѣка въ область экстазовъ. Большинство людей никогда не испытывали экстаза въ этомъ смыслѣ, или-же смѣшивали сладострастіе любви съ экстазомъ чувства.

Для того, чтобы чувство довело насъ до экстаза, оно должно принадлежать къ самымъ сильнымъ и, кромѣ того, находится въ состояніи необыкновеннаго напряженія. Только въ видѣ рѣдкаго исключенія дружба, человѣколюбіе, братская любовь или дѣтская привязанность могутъ довести насъ до истиннаго и дѣйствительнаго экстаза. И отеческая любовь также въ большинствѣ случаевъ бываетъ спокойной и невозмутимой и не вызываетъ этого экзальтированнаго состоянія. Экстазъ почти исключительно свойствененъ лишь двумъ высшимъ энергіямъ репродуктивной жизни: любви мужчины къ женщиной и женщины къ мужчиной и материнской любви. Но и эти два чувства ведутъ къ экстазу лишь при извѣст-

ной степени напряженія и въ извѣстные моменты ихъ существованія. Нужны особенно страстное желаніе, необыкновенная радость или героическое самопожертвованіе для любимаго существа, чтобы это состояніе могло проявиться.

Отсюда возникаютъ три особыя формы экстазовъ, примѣнимыя и ко всѣмъ другимъ чувствамъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда особенная чувствительность индивидуума или особенныя условія окружающей среды дѣлаютъ возможнымъ возникновеніе экстаза.

Экстазы желанія представляютъ собою постоянныя влеченія къ одному извѣстному полюсу аффективнаго міра, которыя почти всегда облечены какой-то меланхолической поэзіей и очень часто сопровождаются сильной степенью восторженія.

Мы отдѣлили экстазы чувства отъ эстетическихъ экстазовъ, но оба эти вида экстазовъ почти всегда подаютъ другъ другу руку и сплетаются между собою. Любимый и желаемый предметъ всегда прекрасенъ въ глазахъ сердца, а восторженіе, вызываемое въ насъ прекрасными вещами, всегда сопровождается тѣмъ движеніемъ сердца, которое заставляетъ насъ любить и желать ихъ. Эта двойственная природа всякаго влеченія вполнѣ проявится предъ нами далѣе, на каждомъ шагѣ нашихъ изслѣдованій.

Экстазы радости и удовлетворенія принадлежать къ самымъ высшимъ, но и къ самымъ мимолетнымъ, потому что въ нихъ вся сила переходитъ въ наслажденіе и устанавливается полное равновѣсіе между желаніемъ и радостью обладанія желаемымъ предметомъ. Сладострастіе—это второстепенный фактъ, который можетъ сопровождать любовный экстазъ или слѣдовать за нимъ, но послѣдній можетъ обойтись и безъ него.

Есть еще одна форма экстазовъ, третья, въ которую входятъ *страданіе, состраданіе* и *самопожертвова-*

ніе и въ которой всё наши душевныя силы направляются къ одному только пункту, къ полюсу милосердія. Для того, чтобы этотъ экстазъ могъ проявиться, всегда необходимо, чтобы нѣкоторые нравственные элементы, усложняющіе это явленіе, находились въ состояніи высшей экзальтаціи.

Бросимъ сначала взглядъ на малые экстазы болѣе слабыхъ чувствъ, чтобы затѣмъ перейти къ великимъ экстазамъ двухъ наивысшихъ формъ человѣческой любви: *половой* и *материнской*.

Человѣкъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ общественнымъ животнымъ, и нужно быть мизантропомъ до сумасшествія, чтобы ненавидѣть общество другихъ людей. Самъ Шопенгауэръ даетъ намъ своею жизнью самый разительный примѣръ того, какъ слово можетъ расходиться съ дѣломъ: то, что онъ писалъ, слишкомъ часто противорѣчило тому, что онъ дѣлалъ.

Потребность дышать однимъ воздухомъ съ другими людьми, дѣлать съ ними трудъ и отдыхъ, радость и страданіе, заглядывать, какъ въ зеркало, въ другія, подобныя намъ, существа,—эта потребность имѣетъ различныя степени интенсивности. Самую слабую степень ея мы наблюдаемъ у эгоиста или у человѣка, вышедшаго изувѣченнымъ и искалѣченнымъ изъ жизненной борьбы; самыя сильныя степени—у женщины и у мужчины съ развитой душевной энергіей. Многие отказались-бы отъ счастья, еслибы не могли дѣлать его съ другими, и встрѣчаются даже такіе люди, которые въ своей жизни не имѣли ни одной мысли, не совершили ни одного поступка, чтобы не подѣлиться этимъ съ другими. Скажу болѣе: существуютъ люди, которые не могутъ мыслить, чтобы не говорить—

настолько сильна въ нихъ потребность сообща думать, чувствовать и дѣйствовать.

Однако, случается очень рѣдко, чтобы потребность въ человѣческомъ обществѣ могла довести насъ до экстаза, ибо по своей природѣ эта сила распространяется на слишкомъ много точекъ, чтобы она могла сосредоточиться въ одной изъ нихъ; а если это случается, то потому, что въ такомъ случаѣ возникаетъ новое чувство, которое поэтому слѣдовало-бы назвать новымъ именемъ.

Любовь къ людямъ можетъ довести до экстаза лишь въ томъ случаѣ, когда проявляется въ видѣ *милосердія*. Не даромъ это милое, пріятное слово „милосердіе“ происходитъ отъ слова „милый“: они оба говорятъ о любви. Слово это написано крупными буквами на знамени христіанства, и его одного уже достаточно, чтобы христіанство заняло первое мѣсто между всеми религіями, хотя, злоупотребляя человѣческой глупостью, и старались изуродовать его.

Въ комъ живетъ святая потребность дѣлать добро, тотъ выполняетъ ее не изъ полового влеченія, не руководствуясь кровными узами или полученными благодареніями, а изъ дѣйствительной любви къ людямъ, которыхъ онъ любитъ только потому, что они люди; и свою любовь онъ измѣряетъ лишь страданіями другихъ. Для эгоиста магнитомъ служитъ счастье, для филантропа—страданіе другихъ людей.

Чтобы дойти до экстаза милосердія, необходимо обладать деликатной, возвышенной, исключительной натурой; ставя себѣ задачу любить ближняго болѣе, чѣмъ самого себя, приходится какъ-бы находить квадратуру круга. Любить ближняго болѣе, чѣмъ самого себя—неестественно, и даже Христосъ не рѣшился потребовать этого отъ людей; и, все-таки, имѣются люди, достигающіе этого идеала. Это—исключительныя личности, которыя въ области чувства занимаютъ ту-же высоту, какую геніи занимаютъ въ области мысли.

Если, однако, Христосъ не рѣшился потребовать отъ

людей, чтобы они любили ближняго болѣе, чѣмъ самихъ себя, то онъ, все-таки, далъ имъ тому примѣръ собою, а Будда, желая идеализировать своихъ учениковъ, довести ихъ до высшей степени самоотреченія, повелѣвалъ имъ отречься отъ всѣхъ своихъ богатствъ, отъ всякой собственности въ пользу бѣдныхъ. Предлагаемое, но не обязательно Христомъ, завѣщаемое избранной кастѣ Буддой и браманизмомъ, замѣщеніе *эгоизма альтруизмомъ* доступно человѣку, который этимъ путемъ достигаетъ наивысшей степени душевнаго идеализма. И въ исторіи всѣхъ этихъ религій мы встрѣчаемъ мужчинъ и женщинъ, поставившихъ высшей цѣлью своей жизни милосердіе въ самомъ широкомъ и благородномъ значеніи этого слова.

Давать, всегда давать и получать отъ другихъ лишь для того, чтобы отдавать; оставлять себѣ лишь самое необходимое для существованія; радоваться лишь радостями, доставляемыми другимъ; улыбаться лишь при видѣ улыбки другихъ; искать своего счастья лишь въ счастіи другихъ людей—вотъ мечта милосерднаго человѣка, мечта, которая никогда не осуществляется, жажда, которая никогда не утоляется, такъ какъ онъ имѣетъ предъ собою горизонтъ безконечнаго, гдѣ только и возможно усмирить безконечныя желанія и увестись въ область экстазовъ.

Можетъ-ли кто-нибудь быть увѣреннымъ, что онъ дѣлалъ одно только добро, что могъ осушить всѣ слезы, что могъ дать кусокъ хлѣба всѣмъ голоднымъ и утѣшить всѣхъ несчастныхъ? Человѣческая семья такъ велика, а источникъ человѣческихъ страданій такъ неиссякаемъ, что искренній филантропъ не найдетъ-бы удовлетворенія даже послѣ многолѣтней жизни. Онъ похожъ на вѣчнаго жидка, но его странствованія приносятъ утѣшеніе. Никакой повелительный голосъ его не гонитъ впередъ; но голоса несчастныхъ, плачъ дѣтей, горе старика, вопли отчаянія изываютъ къ его помощи со всѣхъ сторонъ, и когда онъ на минуту останавливается, чтобы

отдохнуть, новыя жалобы, новыя стоны, новыя вопли заставляютъ его векочить и снова отдаться дѣлу милосердія.

Чтобы дойти до экстаза этимъ путемъ, человѣкъ не долженъ знать ни гордости, ни тщеславія, ни потребности въ благодарностяхъ. Кто дѣлаеть добро изъ гордости или изъ тщеславія, тотъ слишкомъ мало удаляется изъ круга личныхъ интересовъ; онъ чувствуетъ себя вознагражденнымъ, въ то время какъ платитъ; онъ получаетъ въ то время какъ даетъ, и какъ-бы ни было полезно его дѣло, оно все-таки является выраженіемъ эгоизма. Если-же человѣкъ, дѣлающій добро, требуетъ еще за это благодарности, то онъ немногимъ отличается отъ ростовщика, причемъ еще необходимо замѣтить, что никакой капиталъ не приноситъ большихъ процентовъ, какъ оказываніе добра. Одна рука даетъ, а другая уже открыта, чтобъ получить.—Все это, конечно, не можетъ повести къ экстазу.

Чтобы дойти до экстаза, необходимо поставить дѣло благотворительности, утѣшенія, вспоможенія выше нашего личнаго желанія; необходимо, чтобы ненасытная потребность дѣлать добро уносила насъ отъ одного несчастнаго къ другому, отъ постели умирающаго въ хижину бѣдняка, отъ колыбели осиротѣвшаго младенца въ адъ больницы. Рукопожатія и слова признательности, получаемыя нами на этомъ длинномъ пути, быстро забываются, такъ какъ насъ ждуть другія страданія, насъ зоветъ другое горе. И когда одобреніе и удивленіе толпы доходить до желанія окружить насъ триумфомъ, когда великіе міра сходятъ со своихъ троновъ, чтобы преклониться предъ нами, мы убѣгаемъ, не желая такой благодарности за наше безкорыстное дѣло. Мы испытываемъ тогда отвращеніе человѣка, который, утоляя свою жажду свѣжей водою альпійскаго источника, получаетъ совѣтъ подлить туда коньяку. И мы стараемся даже вырвать изъ нашей груди всякое зарождающееся чувство самовосхваленія или самоодобренія и доходимъ до того, что на-

чинаемъ считать свои поступки не заслуживающими похвалы и одобренія, такъ какъ милосердіе само по себѣ достаточно вознаграждаетъ насъ. И скромность сопровождаетъ насъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, подобно тому какъ въ сказкахъ ангелы сопровождаютъ дѣтей, и она защищаетъ насъ своими широкими крыльями отъ всякихъ соблазновъ тѣславія.

Экстазъ милосердія служитъ наградою милосердію. Мы перестаемъ тогда видѣть тѣлесными глазами послѣдняго несчастнаго, которому мы пришли на помощь, несчастнаго, потерпѣвшаго крушеніе и выброшеннаго на берегъ одною изъ многихъ жизненныхъ бурь. Мы всецѣло ушли въ созерцаніе человѣческихъ страданій, среди которыхъ мы чувствуемъ себя лишь слугами невѣдомаго Бога добра, таинственнаго и загадочнаго Провидѣнія. Мы переносимся на поле сраженія, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ при громѣ пушекъ и сверканіи сабель летѣли во всѣ стороны оторванные члены и виднѣлись разбитыя головы; гдѣ дикіе вопли радости побѣдителя цинически смѣшались съ проклятіями раненныхъ и умирающихъ; гдѣ слышались то тутъ, то тамъ крики о помощи, отдаленный вой и близкіе стоны; гдѣ руки, хватившіяся за чужія руки, удерживали ихъ втеченіе минуты, пока не освобождали ихъ, парализованныя смертію; гдѣ все стонало, просило пощады и помощи.

Теперь-же тамъ не слышно ни стоновъ, ни жалобъ, не видно болѣе крови; поле убійства превратилось въ поле милосердія; поле битвы превратилось въ больницу. Раны перевязываются, изувѣченныя конечности отрѣзываются или вправляются, пылающія головы освѣжаются льдомъ, отчаяніе смѣняется надеждой; стоны, проклятія смѣняются словами благодарности, мучительныя судороги переходятъ въ улыбки признательности, руки, обогрѣныя человѣческой кровью, складываются для молитвы.—

Радуга прорѣзала тучи, неся въ своихъ веселыхъ лучахъ надежду и разливая ее по опустошенному ураганомъ полю. И радуга этого неба — вы сами; къ вамъ несутся все эти благословенія, все эти благодарныя слезы. Приятный, теплый воздухъ окружаетъ и ласкаетъ васъ; вы глубоко чувствуете всю прелесть успокоенныхъ страданій, усмиранныхъ бурь; а тамъ, въ тихой глубинѣ вашей совѣсти, находятъ откликъ все тѣ безчисленныя благодарности, которыя посылаютъ къ небу несчастные страдальцы, обязанные вамъ, быть можетъ, своею жизнью. И вы впадаете или, скажу лучше, возвышаетесь до экстаза. Это — одинъ изъ самыхъ чудныхъ и возвышенныхъ экстазовъ, какіе только доступны человѣку, потому что при немъ вы чувствуете раздавленными у ногъ своихъ эгоизмъ, гордость, тщеславіе, этихъ ядовитыхъ гадовъ и пресмыкающихся человѣческаго міра; потому что вы чувствуете себя исправителемъ ошибокъ въ великой книгѣ жизни; потому что вы видите, какъ на нашихъ-же глазахъ все человѣческія страданія сливаются въ одно благословеніе; потому что вами овладѣваетъ необыкновенно сладкое чувство при мысли, что изъ одного человѣка вы стали цѣлою тысячею людей; ибо тысяча радостей, доставленныхъ другимъ, все въ одно время отражаются въ вашемъ сознаниі. Въ самомъ горячемъ и страстномъ объятіи двухъ влюбленныхъ вы имѣете лишь простое удвоеніе человѣческаго сознанія и человѣческаго счастья. Въ героизмъ благотворительности, въ той благотворительности, которая совершаетъ евангельское чудо умноженія хлѣбовъ и рыбъ, отражаются безконечныя радости многихъ въ радости одного человѣка.

Милосердіе, доведенное до энтузіазма и фанатизма, желаніе дѣлать добро, доходящее до экстаза, — уже одинъ въ состояніи сдѣлать человѣка живымъ чудомъ, и католическая церковь провозгласила святыми тѣхъ немногихъ, которые могли дойти до такого энтузіазма, до такого экстаза. Сюда относятся *Санъ Джованни ди Діо* и *Санъ Винченцо де Паоли*. Многіе другіе (въ особенно-

ети женщины) такъ скромно выполняли дѣла милосердія, что не обратили на себя вниманія канонизаторовъ; однако, они ислѣдствіе того не менѣе святы и блаженны. Они святы, потому что этимъ словомъ мы выражаемъ высшую степень нравственности; они блаженны, т. е. счастливы, потому что узнали высшее доступное чловѣку наслажденіе.

Этихъ высшихъ степеней милосердія чловѣкъ обыкновенно достигаетъ, лишь поднимаясь на *крыльяхъ религіи, глубокаго страданія или глубокаго раскаянія.*

Смотря по различію природныхъ склонностей, мистицизмъ приводитъ однихъ къ созерцательному аскетизму, другихъ—къ милосердію. Когда до этой высшей радости, заключающейся въ оказываніи добра другимъ, доходятъ путемъ религіи, то экстазъ всегда принимаетъ характеръ мистицизма, который золотитъ и покрываетъ его блестящей мантией невыразимой красоты.

Въ желаніи дѣлать людямъ добро и приближаться къ Богу, осушая слезы людскаго горя и страданія, несомнѣнно сказывается высшее проявленіе религіознаго чувства. Уже одно это могло-бы поставить христіанскую религію выше буддизма и браманизма, такъ какъ Евангеліе прежде всего—кодексъ милосердія. Возможно, что это филантропическое направленіе религіи Христа потому лучше могло привиться, что между первыми обращенными находились латинскіе народы, люди практики, люди дѣла. Если-бы римскій пана водрузилъ свой тронъ между восточными народами, то созерцательный мистицизмъ одержалъ-бы верхъ надъ дѣятельнымъ чловѣколюбіемъ. И дѣйствительно, хотя предписанія Будды мало отличаются отъ христіанской этики, но тамъ мы имѣемъ болѣе аскетовъ, а здѣсь—болѣе благодѣтелей чловѣчества.

Многія смертельныя страданія могутъ быть излечены двумя протинуположными лекарствами: мезтью и благодѣянiемъ. Наиболье обыкновеннымъ и легкимъ считается первое лекарство, и гораздо, гораздо рѣже прибѣгаютъ ко второму.

Великія страданія ведутъ многихъ къ самоубійству, весьма многихъ къ мести и лишь немногихъ къ милосердію.

Кто переживаетъ великое и незаслуженное несчастье, тотъ можетъ усыпать страданіемъ и зломъ все пути жизни. Каждое, нанесенное другимъ людямъ страданіе, становится личной и въ то-же время безличной мезтью, и человекъ, бывшій, быть можетъ, весьма добраго нрава, становится злымъ вслѣдствіе несчастья. Я страдалъ; хорошо-же, пусть и другіе страдаютъ. Меня избили—и я побью другихъ; меня осмѣяли, истоптали, оклеветали—и я буду осмѣивать, топтать, клеветать. Уродливые мужчины и безобразныя женщины нерѣдко бывають злы лишь по одной этой причинѣ.

Но избранныя, благороднѣйшія натуры платятъ благодареніями за перенесенныя отъ людей страданія и издѣвательства. Они думаютъ излечиться отъ большихъ страданій, излечивая страданія другихъ. Это—месть Христа, просящаго прежде за враговъ, а потомъ за друзей. Я не отрицаю, что въ этомъ превращеніи ненависти въ любовь можетъ заключаться иногда и немного гордости; но кто изъ насъ посмѣетъ назвать порокомъ эту гордость, кто не попытается назвать ее какимъ-нибудь другимъ именемъ?

Мы родились для любви, а насъ ненавидѣли; мы созданы были для того, чтобы жить лаской и поцѣлуями, а встрѣтили лишь оскорбленія и побои. Но сокровищница любви, которую мать наша дала намъ при рожденіи, осталась неприкосновенной въ нашихъ сердцахъ, и вотъ однажды, послѣ долгаго и мучительнаго размышленія о причинахъ зла и горя въ жизни, о тайнахъ спра-

ведливости и несправедливости, мы открыли эту сокровищницу и стали расточать заключенныя въ ней богатства между людьми. *Тебѣ надо? Изволь!—Желаешь еще? Бери!* Еще, еще, и безъ конца еще.—Мы уплачиваемъ такъ долги другихъ, потому что не нашлось никого, кто бы уплатилъ наши долги.

Другой экстазъ, не столь возвышенный, какъ тотъ, который мы теперь изучаемъ, а потому и болѣе обыкновенный, мы наблюдаемъ у людей, платящихъ добромъ за зло и благодареніемъ за оскорбленія. Многіе моралисты полагаютъ, что Евангеліе ужь слишкомъ далеко зашло, требуя, чтобы человѣкъ, получившій пощечину въ лѣвую щеку, подставилъ оскорбителю и правую. Если толковать это слово въ буквальномъ смыслѣ, то и я готовъ присоединиться къ этимъ моралетамъ, потому что въ такомъ случаѣ христіанская мораль стала-бы моралью всѣхъ евнуховъ и трусовъ; но образный восточный языкъ св. писанія требуетъ, чтобы мы толковали это слово въ болѣе возвышенномъ и широкомъ смыслѣ.

Оскорбляющему насъ мы должны показать, что оскорбленіе не доходитъ до насъ. Человѣкъ, увѣренный въ себя, въ своемъ достоинствѣ, въ своей неуязвимости, стоитъ твердо и съ приподнятой головой, не боясь стрѣлъ низменной зависти, не пугаясь низкихъ оскорбленій; направленные въ него стрѣлы онъ ловко ловитъ руками, ломаетъ, какъ соломинки, бросаетъ въ грязь и топчетъ ногами. Когда затѣмъ враги устаютъ и теряютъ мужество, видя его неуязвимымъ, онъ улыбается и уходитъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда наступитъ часъ мести.

А месть эта не за горами, ибо и оскорбители—люди, которымъ не избѣгнуть своихъ страданій. Тогда мы неожиданно и незамѣтно подходимъ къ врагу и утѣшаемъ его въ страданіи, помогаемъ ему въ несчастіи, чувствуя себя счастливыми, если наша помощь оказывается своевременной и дѣйствительной. Нашъ врагъ оклеветалъ насъ, и мы защищаемъ клеветника, если онъ не виновентъ; приводимъ смягчающія обстоятельства, если

онъ виновенъ. Мы желаемъ справедливости для того, кто былъ несправедливъ къ намъ, и поддерживаемъ того, кто насъ хотѣлъ толкнуть въ грязь. Жена, дѣти и друзья нашего врага становятся нашими друзьями; вѣдь они связаны съ этимъ врагомъ тѣсными узами, а слѣдовательно, заслуживаютъ нашей мести. Мы счастливы, если наша благородная месть остается неузнанной; мы счастливы до экстаза, если оскорбитель узнаетъ косвеннымъ путемъ, кто ему пособилъ, кто его защитилъ или спасъ.

Этотъ экстазъ милосердія наблюдается чаще другихъ, потому что къ нему примѣшивается и гордость: въ такой моментъ мы чувствуемъ себя на недоступной скалѣ, съ которой насъ никто не можетъ прогнать, чувствуемъ себя опьяненными побѣдой, неуязвимыми снаружи и внутри.

Раскаяніе—другой путь, ведущій къ великимъ экстазамъ милосердія. Даже помимо гражданскихъ и религиозныхъ законовъ, цивилизованный человѣкъ не можетъ безнаказанно дѣлать зла, и первый судья, который его обвинить и осудить—его собственная совѣсть.

Люди, дѣлающіе зло ради зла, неспособные на угрызения совѣсти, составляютъ рѣдкія исключенія, атавистическіе скачки назадъ къ нашимъ прародителямъ—людобѣдамъ; все-же остальные сѣятели зла дѣлаютъ это либо изъ интереса, либо подъ вліяніемъ внезапно возникшей сильной страсти. Когда потребность въ хлѣбѣ, въ страсти или въ порокѣ удовлетворена, когда мы вернулись на путь обыденной спокойной жизни, мы чувствуемъ себя какъ-бы раненными или отравленными. Мы чувствуемъ себя внутренне надломленными или узленными; въ нашей крови обращается нѣчто, дѣлающее намъ жизнь горькой и противной. Мы можемъ принудить себя къ различнымъ развлеченіямъ и удовольствіямъ, можемъ прыгать и смѣяться; но мысленно мы не разстаемся съ нашимъ грѣ-

хоть; на нашихъ устахъ улыбка, а внутри насъ раздаются рыданія. Вода, которую мы пьемъ, хлѣбъ, который мы ѣдимъ, пропитаны желчью; въ улыбкѣ нашихъ дѣтей и женъ мы видимъ ироническую улыбку издѣвающагося надъ нами Мефистофеля; энтузіазмъ нашъ надломленъ и разрушенъ. Мы невольно уходимъ въ себя и оглядываемся назадъ; и въ насъ, и позади насъ мы видимъ одно и то-же пятно на одномъ и томъ-же мѣстѣ; и чѣмъ болѣе мы на него смотримъ, тѣмъ болѣе оно расплывается въ нашихъ глазахъ, пока не пропитаетъ грязью и жиромъ всѣхъ фибръ нашего тѣла, всей поверхности нашей кожи. Мы должны щекотать себя, чтобъ улыбнуться, мы должны напиваться, чтобы не видѣть этого пятна, которое, подобно летающимъ мухамъ, не покидаетъ нашего поля зрѣнія; но щекотка вызываетъ судорожное состояніе, которое длится лишь нѣсколько минутъ, а опьяненіе—позоръ или сонъ, который длится нѣсколько часовъ. Когда щекотка прекратится, а винные пары испарятся, пятно снова появляется и мучитъ насъ, какъ фиксированная идея маниака, терзаетъ насъ, какъ назойливая муха, какъ кошмаръ.

Жанъ Вальжанъ, превращающійся изъ каторжника въ великаго филантропа,—возвышенная утопія поэта. Кто рождается тигромъ, тотъ и умираетъ тигромъ, и все успѣя превратить его въ ягненка путемъ воспитанія или религіи, подобны мечтамъ алхимика, желающаго превратить свинецъ въ золото и вѣрующаго еще въ философскій камень. Но тигровъ немного, и все мы, имѣя въ нашихъ жилахъ нѣсколько капель крови тигра, чувствуемъ угрызеніе совѣсти, когда эти капли окрашиваютъ въ красный цвѣтъ ненависти и преступленія пути, по которымъ мы ходимъ, и горизонтъ, который мы предъ собою видимъ.

Раскаяніе доступно почти всемъ людямъ; оно служитъ главнымъ и справедливейшимъ наказаніемъ для виновнаго. Раскаяніе—это болѣзнь, отъ которой толпа излечивается, уплачивая извѣстную таксу суду или

священнику, а болѣе развитой и благородный человекъ излечивается благодѣяніями. Этотъ методъ леченія, на который способны лишь весьма немногіе, требуетъ огромной нравственной силы, святаго энтузіазма къ добру, изысканной идеальности чувства; но и не доходя до экстаза, вѣдь хорошіе, даже посредственные люди безсознательно направляютъ свою ладью къ этимъ волшебнымъ берегамъ.

Сколько разъ всякому изъ насъ случалось видѣть, что кто-нибудь изъ нашихъ дѣтей вдругъ прибѣгаетъ къ намъ, обнимаетъ, цѣлуетъ насъ, осыпаетъ насъ нѣжными ласками. Вы поражены этой порывистостью и желаете узнать причину ея. Наше дитя согрѣшило, оно опозорило имя, которое мы дали ему вмѣстѣ съ нашей кровью, и вотъ оно чувствуетъ острую потребность наказать себя, оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, разсыпая цѣлѣты тамъ, гдѣ оно набросало шиповъ и колючекъ.

Въ другой разъ это наша жена, которая внезапными жгучими поцѣлуями и нѣжными ласками доказываетъ намъ свою любовь и до слезъ растрогивается отъ нашихъ поцѣлуевъ и ласкъ, которыми мы, изумленные неожиданностью, отвѣчаемъ ей. Эта необыкновенная ласковость часто бываетъ ничѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ краденаго, раскаяніемъ, превращеннымъ въ дѣло милосердія. Благо намъ, если мы не знаемъ причины этого поведенія; благо намъ, если мы можемъ пользоваться красотой и благоволеніемъ цвѣтка, не зная, въ какомъ саду онъ выросъ, какими руками онъ былъ выхолоенъ.

Это—самыя обыкновенныя превращенія зла въ добро, раскаянія въ милосердіе, желчи въ медь; но много и другихъ психическихъ чудесъ мы наблюдаемъ въ такихъ натурахъ, которыя могутъ парить въ высотѣ и способны на великіе восторги чувства.

Не нуждаясь въ наказаніяхъ судей или въ отпущеніяхъ грѣховъ исповѣдника, мы сами наложили на себя жизнь обновленія и спасенія. Исторія Иисуса Христа, смывающаго своими страданіями на крестѣ великій грѣхъ нашихъ прародителей, можетъ казаться поверхностному взгляду дюжинныхъ филозофовъ мистической сказкой. Для меня-же этотъ миѳъ—цѣлая поэма, исполненная самаго возвышеннаго идеализма, цѣлый кодексъ нравственности, котораго одного уже достаточно, чтобы наложить печать благородства на религію.

Каждый человѣкъ, излечивающійся отъ угрызений совѣсти жизнью, полной самопожертвованія и самоотверженія, становится Богомъ. Въ такихъ каторжниковъ, ставшихъ святыми, въ такихъ Магдалинъ, умывающихъ ноги Христа своими волосами, запятнанными столькими грязными поцѣлуями, и я вѣрю.

На одной сторонѣ—грѣхъ, рана, пятно; на другой—самоотреченіе, обновленіе, путемъ самоизлеченія полученное душевное здоровье. На одной сторонѣ—человѣческія слабости Геосиманскаго сада, на другой — божественный крестъ, на которомъ приносится въ жертву Богъ. Ни одинъ ростовщикъ не требуетъ болѣе безжалостныхъ процентовъ, чѣмъ человѣкъ, желающій смыть какое-нибудь пятно, излечиться отъ какой-нибудь раны; ни одинъ честолюбецъ не бываетъ требовательнѣе искренно раскаявающагося человѣка. За каждый грѣхъ онъ желаетъ вознаградить себя десяткомъ, сотней, тысячу благородныхъ, возвышенныхъ поступковъ; за каждую провинность онъ желаетъ заплатить тысячу жертвъ, за каждую пролитую по его винѣ слезу—тысячью ласкъ и услугъ, за каждую нанесенную, хотя бы и ничтожную, ранку—тысячью благодарній. Человѣкъ слабъ, но въ порывѣ благородной страсти онъ можетъ быть очень силенъ, благороденъ, возвышенъ. Надъ грязной лужей онъ способенъ воздвигнуть высокую до неба пирамиду и, передъ тѣмъ какъ умереть, можетъ съ законной гордостью подняться на вершину этой пирамиды, воздвигнутой его

собственными руками, и, поднявъ голову, сказать самому себѣ: здѣсь, у основанія этой пирамиды, навсегда похороненъ грѣхъ, который существуетъ лишь въ видѣ грустнаго воспоминанія. Вина отомщена, человѣкъ собственными усиліями сталъ ангеломъ, справедливость восторжествовала. Существуютъ утесы и острова въ моряхъ, которые со временемъ станутъ материками съ новой цивилизаціей; и остовъ этого новаго міра состоитъ изъ микроскопическихъ клѣточекъ микроскопическихъ низшихъ существъ. Прекрасенъ человѣкъ, никогда не согрѣшившій, потому что въ его крови нѣтъ ни одной капли яда; но прекраснѣе всего—существо, ставшее изъ изъ гусеницы бабочкой, изъ человѣка ангеломъ.

Если вы когда-нибудь на жизненномъ пути встрѣтитесь съ такими святыми, посвятившими себя служенію религіи долга, то почитайте ихъ, какъ спасителей, приудившихъ себя добровольно къ кресту и на самихъ себѣ выполнившихъ правосудіе. Почитайте ихъ и не допытывайтесь у нихъ причинъ ихъ энтузіазма, ихъ экстазовъ милосердія. Не осмѣливайтесь надругаться надъ этими мучениками, производя надъ ними судебное слѣдствіе; не требуйте у нихъ главной книги ихъ текущихъ счетовъ: они—честные должники, которые много работаютъ, чтобы поддержать славу своей фирмы, которые не сомнутъ глазъ, пока не заплатятъ веѣхъ своихъ долговъ со веѣми причитающимися процентами. Они, быть можетъ, умрутъ бѣдняками, но они умрутъ счастливыми съ сознаніемъ исполненнаго долга, вкушая веѣ прелести экстаза милосердія и самопожертвованія. Буддисты или христіане, евреи или невѣрующіе—они веѣ ученики одной религіи, быть можетъ, не имѣющей названія въ исторіи мистицизма, но составляющей религію веѣхъ тѣхъ, которые вѣрятъ въ наслажденіе и страданіе, которые вѣрятъ въ справедливость, требующую, чтобы каждая слеза осушалась лаской, чтобы каждое страданіе вознаграждалось какой-нибудь радостью.

Милосердіе можетъ насъ также привести въ пріят-

ный экстаз своей красотой; оно может увлечь насъ, даже когда оно лишь созерцается нами у другихъ, а не составляетъ личной нашей доблести. Я не имѣю, однако, въ виду говорить о той добротѣ, которая заключается въ проливаніи слезъ при видѣ слезъ другаго, или въ опусканіи руки въ карманъ при видѣ каждаго нищаго. Я хочу говорить о томъ милосердіи, о томъ человѣколюбіи, которое, подобно охотничьей собакѣ, издали чувствуетъ самыя скрытыя страданія, которое понимаетъ униженія самодлюбія и разочарованіе коварной любви, которое расточаетъ ласки, поцѣлуи, сладкія слова, которое умѣетъ вести себя у постели больнаго, находить лекарство для всякаго страданія, утѣшеніе для всякаго горя, широкое и благородное снисхожденіе для всякаго проступка, для всякой человѣческой слабости.

Есть руки, изъ которыхъ я не принялъ-бы веѣхъ сокровищъ Ротшильда, и есть другія руки, которыя могутъ осчастливить меня одной лаской; изъ нѣкоторыхъ устъ я не принялъ-бы обѣщанія цѣлаго міра, другія уста меня могутъ обрадовать одной улыбкой.

Существуютъ такія избранныя, благородныя, симпатичныя натуры, которыя на каждомъ шагѣ сѣютъ радости, каждой улыбкой успокоиваютъ страданіе, въ каждое слово умѣютъ вложить ласку или милосердіе. Они все отдаютъ веѣмъ, и ихъ богатство заключается лишь въ расточеніи полными руками сокровищъ ихъ сердца. Они проходятъ по жизненной нивѣ, благовора и утѣшая; вблизи нихъ испытываешь всю прелесть тѣни и прохлады въ знойный день, всю пріятность теплой комнаты при сѣверномъ вѣтрѣ, холодной воды при жадѣ, пици при голодѣ. Они представляютъ собою какъ-бы олицетворенное Провидѣніе, какимъ его изображаютъ художники оптимизма.

Красоты душевной доброты весьма разнообразны. Это — вѣжливый и скоропреходящій аромат цвѣтка, живущаго одинъ день, волшебная картина таинственнаго пейзажа, котораго не могъ-бы воспроизвести на полотнѣ ни одинъ художникъ. Я коснусь лишь нѣкоторыхъ изъ этихъ красотъ.

Первая красота доброты—грація, одна изъ наиболѣе трудно поддающихся опредѣленію вещей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ наивысшихъ сокровищъ человѣческой психологій.

Греки говорили о трехъ граціяхъ, но кто когда-либо могъ сосчитать формы граціи? Кто когда-либо могъ дерзнуть сосчитать или описать ихъ?

Грація—это блескъ красоты, это безавѣтность юности, улыбка дѣтства, снисходительность мужества, аромат вкуснаго плода, изящество пальмы, качающейся подъ ласковымъ дуновеніемъ вѣтра; грація—это поэзія красоты. Счастливы художники, умѣющіе выразить это на полотнѣ.

И доброта обладаетъ граціей, составляющей первую красоту ея. Мы, врачи, чтобы лечить язву, нуждаемся въ ѣдкихъ камняхъ, грубыхъ тканяхъ, грязныхъ мазяхъ, тугихъ повязкахъ. Доброта-же, эта граціозная и вѣжливая доброта, кладетъ свои бальзамы легкой и незримой рукой, освѣжаетъ язвы ароматомъ дѣтскаго дыханія, ласкаетъ рукою, которая вся какъ-бы состоитъ изъ нервовъ, безъ мышцъ,—рукою, которая мягка, какъ бархатъ, сладка, какъ ласка, тепла, какъ гнѣздо.

Доброта, отягченная граціей, не спрашиваетъ у друга: „не нуждаешься-ли ты въ деньгахъ?“ Она даетъ ихъ, прежде чѣмъ ихъ требуютъ. Сестрѣ милосердія, находящейся у постели больнаго, послѣднему не приходится напоминать, когда ему нужно подать воду или лекарство или когда ему слѣдуетъ поправить постель.

Вторая красота доброты—*скромность*.

Ваша правая рука не должна знать того, что дѣлаетъ лѣвая, сказала Христосъ, и послѣ него это повторяли многіе поклонники добра. Кто дѣлаетъ добро изъ тщеславія, кто съ пренебреженіемъ бросаетъ сверху внизъ монету изъ кошелька или слово утѣшенія изъ усть, тотъ можетъ превратить благодѣяніе почти въ оскорбленіе.

Кто дѣлаетъ добро изъ гордости, тотъ желаетъ, чтобы облагодѣтельствованный тотчасъ-же заплатилъ за это униженіемъ своего самолюбія.

Скромность въ добрыхъ дѣлахъ—тоже самое, что стыдливость въ любви. Благотворительность, которая кричитъ о себѣ на всѣхъ перекресткахъ, трубить въ рогъ, такая благотворительность не производитъ впечатлѣнія. Конечно, газеты много говорятъ объ ней въ отдѣлѣ городской хроники, но избранные люди только усмѣхаются, но не аплодируютъ.

Простота въ благотворительности есть истинный аристократизмъ доброты, цѣломудріе здоровой юности, сила благороднаго сердца.

Щеголяніе, хвастовство своею добротой, всякая акробатическая форма милосердія доказываютъ убогость сердца; это—искусственные мѣры, которыми думаютъ прикрыть отсутствіе любви къ истинѣ, это—*мицелъріе* доброты.

Скромная доброта—это чистое золото, золото, которое вы можете ломать и плавить, превращать въ порошокъ или пластинки, прятать въ землю или бросать въ огонь, но которое при всемъ этомъ остается тѣмъ, чѣмъ оно было: самымъ благороднымъ, самымъ красивымъ, самымъ дорогимъ металломъ.

Нужность—это ласка души, сопровождающая благодѣянія; это—вздохъ, слѣдующій за страданіемъ, симпатія сердець, притупленіе всѣхъ концовъ, округленіе всѣхъ угловъ человѣческой природы.

Нѣжность — одинъ изъ тѣхъ психическихъ элементовъ, которые труднѣе всего поддаются опредѣленію, но она также одна изъ лучшихъ красотъ, сопровождающихъ нѣкоторыя формы доброты.

Въ ней чувствуется веселая простота ребенка и кротость женщины. Кажется, будто въ нѣжности сила прячется, чтобы не дать замѣтить себя слабости, а богатство — чтобы не заставить краенѣе нищету; кажется, будто доброта вся растворяется, становясь голубымъ и яснымъ озеромъ, подобно маленькимъ озерамъ Сиккима, чтобы предстать предъ нашими глазами въ видѣ улыбки утѣшенія, въ видѣ слезы сочувствія.

Другая великая красота доброты — *щедрость*. Обладая этимъ качествомъ, доброта не измѣряетъ своихъ даровъ экономическимъ аршиномъ и предварительнымъ счеденіемъ расхода и прихода. Она отдаетъ все сразу и, отдавъ все, желала-бы дать *еще*; она спрашиваетъ себя, нѣтъ-ли еще гдѣ страданія, которое-бы нужно было утѣшить, раны, которую-бы нужно было излечить, слезы, которую-бы нужно было осушить.

Она подобна природѣ, которая милліонами засываетъ свои плоды и распространяетъ по воздуху безконечныя облака оплодотворяющей пыли, не размышляя о томъ, найдетъ-ли все это гостепримную почву. Что намъ въ благодарности, что намъ за дѣло, если справедливость не можетъ одобрить всѣхъ нашихъ благодѣній? Какое намъ дѣло до того, что тотъ или другой человекъ страдаетъ по собственной винѣ? Мы видимъ предъ собою лишь страдальца, котораго нужно утѣшить, голоднаго, котораго нужно накормить, жаждущаго, котораго нужно напоить.

Щедрая доброта подобна юности, которая разжигаетъ весь благородный пылъ своихъ страстей, которая на вершинахъ всѣхъ горъ зажигаетъ костры — источники свѣта и теплоты для всѣхъ.

О, дайте мнѣ хоть втеченіе одного часа налюбоваться щедрой, расточительной, безкорыстной добротой, добротой, не знающей ни мѣры, ни вѣса, и забывающей сегодня то, что сдѣлано вчера; добротой, щедрой, какъ юность, и великой, какъ природа!

Истинная и прекрасная доброта, весьма далекая отъ того, чтобы быть слабостью, часто нуждается въ силѣ и мужествѣ.

Викторъ Гюго, который, когда не декламируетъ, является также великимъ философомъ (что, впрочемъ, наблюдается у всѣхъ великихъ поэтовъ), сказалъ: *être bon, c'est bien, être juste—c'est mieux encore; быть добрымъ хорошо, но быть справедливымъ еще лучше.*

И онъ былъ правъ: справедливость часто недоступна доброте; она представляетъ сама по себѣ гармонію между добромъ и истинной и соединяетъ въ себѣ многія добродѣтели, а это требуетъ различныхъ способностей и соблюденія равновѣсія въ добрыхъ дѣлахъ.

И справедливость прекрасна, такъ какъ она въ одно время удовлетворяетъ всѣ наши возвышенныя потребности въ истинѣ и добрѣ и излечиваетъ насъ отъ скептицизма, отъ горькаго сомнѣнія, отъ мрачной мысли, что міръ—лишь трагикомедія, гдѣ могущественные счастливы, а слабые несчастны, „унижены и оскорблены“.

Справедливость — это исправительница безобразной части человѣческой комедіи, той части ея, которая представляется мною о дьяволѣ. Она представляетъ собою доброту, идущую объ руку съ истиной, на которую она опирается, какъ на болѣе сильное и надежное существо.

Когда я вижу предъ собою красивую и беззаботную дѣвушку, идущую объ руку со старикомъ-отцомъ, на котораго она любовно и довѣрчиво опирается, то мнѣ кажется, что я вижу вѣрное изображеніе справедливости.

Сильная и мужественная доброта покидаетъ протоп-

танную дорожку легких благодѣяній и ведетъ насъ въ область жертвъ. Тогда мы вступаемъ на Олимпъ доброты, и идеаль является намъ во всей красотѣ своихъ блестящихъ молній и роскошныхъ панорамахъ.

И вотъ тогда-то добрый человѣкъ выбираетъ самую трудную изъ добродѣтелей; онъ освобождается отъ ига своего эгоизма, самолюбія, отъ всѣхъ самыхъ естественныхъ слабостей нашей хрупкой природы и совершенствуется до того, что ему удается полюбить и облагодѣтельствовать того, кто его оскорбилъ или предалъ. Тогда смолкаетъ самая справедливая злоба, стихаетъ самое святое негодованіе души, и мы прощаемъ, нѣтъ, не только прощаемъ, а отплачиваемъ еще добромъ за зло.

Самый возвышенный примѣръ этого даетъ намъ Христосъ, со слезой на глазахъ смотрящій на Иуду и прощающій его,—просящій, поднявъ глаза къ небу, снисхожденія для тѣхъ, которые мучили и распяли его, „не вѣдая, что дѣлаютъ“.

Сколько сокрыто во мракѣ хижины бѣдняка алмазовъ, блестящихъ, подобно божественнымъ дѣяніямъ Христа! Слабыя и малокровныя дѣти, голодающія по цѣлымъ днямъ, чтобы быть въ состояніи готовить бульонъ для больной матери; чахоточныя жены, съ необыкновенными усиліями просиживающія день у ткацкаго станка, скрывая свои страданія, чтобы имѣть средства приготовить ужинъ для возвращающагося изъ мастерской мужа; старцы, орошающіе землю своимъ потомъ, чтобы приготовить приданное беззаботной внучкѣ, никогда не узнающей, сколькихъ страданій стоилъ тотъ жемчугъ, которымъ она будетъ щеголять на своей свадьбѣ.

Этого рода чудную доброту, освященную самопожертвованіемъ, вы найдете повсюду, гдѣ только живетъ или дѣйствуетъ человѣкъ. Капитаны, покидающіе потерпѣвшее крушеніе судно лишь послѣ спасенія всѣхъ пассажировъ; врачи, высасывающіе ядовитую рану ребенка, подвернушагося операциі вследствие крупа; мужья, спящіе подъ однимъ одеяломъ съ чахоточной женой, чтобы не

пугать ея; государи, простаивающіе по цѣлымъ часамъ у постелей умирающихъ, чтобы поднять мужество народа, охваченнаго паническимъ страхомъ; солдаты, защищающіе знамя до послѣдней капли крови — все это святые и возвышенныя красоты героической, мученической доброты, освятившей колыбель религіи и борьбу свободы противъ тиранніи.

Я отлично знаю, что красоты доброты далеко не ограничиваются тѣмъ, что я бѣгло здѣсь намѣтилъ. Нѣтъ: грація, скромность, простота, нѣжность, щедрость, сила, мужество — не единственныя красоты, свойственныя добротѣ. Есть еще много другихъ, меньшихъ красотъ, которыя трудно описать, а еще труднѣе опредѣлить.

Кто дастъ мнѣ слова и краски, чтобы описать всѣ смутныя проявленія чувства, всѣ особенности нѣжной доброты? кто когда-нибудь сумѣетъ разгадать эти загадки, полныя возвышенныхъ опасеній и непонятнаго безпокойства, которыя сокрыты въ самыхъ нѣжныхъ и деликатныхъ натурахъ человѣческой семьи?

Человѣкъ открылъ во время своихъ мистическихъ сновъ и фантастическихъ полетовъ много ложныхъ и истинныхъ троиць. Одна изъ наиболѣе истинныхъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе прекрасныхъ — это троица добра, истины и красоты. При помощи этихъ трехъ звуковъ поэтъ сумѣлъ-бы дать намъ поэму, полную гармоніи и мелодіи, а философъ могъ-бы набросать цѣлую космогонію дѣйствительнаго и воображаемаго міра.

Въ красотахъ добра и въ добротѣхъ красоты, въ сочетаніяхъ истины съ добромъ и прекраснаго съ истинной мы находимъ столько чудныхъ пластическихъ группъ, что передъ ними блѣднѣютъ поразительныя фигуры Трехъ Грацій Фидія, Кановы, Торвальдсена и Фосколо.

Художники будущаго, будь они художниками кисти или рѣзца, ножа или пера, быть можетъ, сумѣютъ дать

нашимъ дѣтямъ другія божественныя изображенія этихъ сочетаній, но вѣчно плодovitая природа будетъ всегда богаче Фидія, Кановы, Торвальдсена и Фосколо, и представить намъ безконечно-разнообразныя божественныя картины красоты, добра и истины, которыя будутъ восхищать нашихъ внуковъ и правнуковъ.

А вы, милыя, красивыя, изящныя женщины, составляющія прелесть и муку нашей жизни, вамъ слѣдуетъ быть весталками этой прекрасной доброты. Мы, люди сильнаго и грубаго пола, также можемъ дѣлать много хорошихъ вещей, но рѣдко умѣемъ придать имъ черты прекраснаго. Вы-же всегда прекрасны во всѣхъ движеніяхъ вашего сердца, всегда ибжны въ выраженіи вашей доброты.

Поставленная природой стражами формы въ физическомъ мірѣ,—вы должны быть и въ мірѣ мысли и чувства весталками доброй красоты и прекрасной доброты. Намъ, вашимъ рабамъ и поклонникамъ, приходится быть лишь стражами истины.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экстазы дружбы и братской любви.

И безъ полового влеченія, безъ узы крови человѣкъ можетъ любить человѣка тѣмъ чувствомъ, которое называется дружбой. Я уже довольно подробно говорилъ объ этомъ чувствѣ въ своей „*Физиологій наслѣжденій*“ и въ другихъ своихъ книгахъ; я не намѣренъ повторяться, а хочу лишь подвергнуть здѣсь изслѣдованію тѣ чрезвычайно рѣдкія формы дружбы, которыя могутъ довести насъ до экстаза.

Дружба возможна между мужчинами и мужчинами, между мужчинами и женщинами, между женщинами и женщинами; но различіе пола обыкновенно служитъ помѣхой для всякаго другаго чувства, кромѣ любви, и такимъ образомъ дружба между двумя особами различнаго пола наблюдается крайне рѣдко; если даже чувства молчатъ и дружба не сопровождается желаніемъ, то она все-таки претерпѣваетъ глубокое измѣненіе вслѣдствіе той непреодолимой нѣжности, которую мужчина питаетъ къ женщинѣ, и той потребности въ защитѣ, которую женщина испытываетъ по отношенію къ мужчинѣ. Вотъ почему я предпочелъ-бы отдѣлить отъ группы истинной дружбы ту дружбу, которая можетъ связывать мужчину и женщину и которую я скорѣе отнесъ-бы къ отдѣлу платонической любви.

Дружба—чувство роскоши, котораго мы вовсе не находимъ или находимъ въ атрофической формѣ у людей съ низкимъ складомъ души. Ея силы слабы, и ей часто приходится внезапно уступать мѣсто другимъ, болѣе могущественнымъ чувствамъ, имѣющимъ выдающееся значеніе въ кругѣ жизни. Уже по одному этому женщины рѣже даютъ примѣры теплой и нѣжной дружбы. У нихъ любовь и материнское чувство занимаютъ такую обширную часть сердца, что совѣмъ не оставляютъ мѣста для другихъ болѣе слабыхъ чувствъ; сверхъ того, легкое поведение мужчины дѣлаетъ женщинъ соперницами, съѣтъ ревность, поджигаетъ тщеславіе и подстрекаетъ злословіе и клевету; поэтому дружба между женщинами—рѣдкое растеніе, живущее очень недолго, и то лишь въ четырехъ замкнутыхъ и теплыхъ стѣнахъ теплицы.

Что дружба—растеніе роскоши, это доказывается разцвѣтомъ ея въ періодъ высшаго развитія душевныхъ силъ, т.-е. въ періодъ юности. Съ первымъ появленіемъ сѣдыхъ волосъ новая дружба заключается очень рѣдко, а старая поддерживается частью изъ привычки, частью изъ признательности, но эти привязанности слабѣютъ и уходятъ на задній планъ въ ряду другихъ чувствъ.

Если такимъ образомъ дружбу приходится причислить къ рѣдкимъ чувствамъ, то за то оно и витаетъ въ сферѣ самаго возвышеннаго идеализма, являясь однимъ изъ нѣжнѣйшихъ чувствъ. Я говорю объ истинной, высокой дружбѣ, о томъ чувствѣ, которое соединяетъ двухъ людей въ одного человѣка, два сердца въ одно сердце, двѣ души въ одну душу. Въ большинствѣ случаевъ въ обыденной жизни принято называть дружбой временныя симпатіи, коммерческіе союзы, случайныя привязанности и другія еще болѣе вульгарныя вещи. Само собою разумѣется, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ объ экстазѣ не можетъ быть и рѣчи.

Что придаетъ дружбѣ печать благородства, такъ это свободный выборъ, составляющій мозгъ и скелетъ ея. Выборъ, замѣнившій наслѣдственность или насиліе, яв-

ляется гигантскимъ прогрессомъ не только въ области политики: онъ точно также и въ области чувствъ и привязанностей переноситъ послѣднія изъ низменныхъ мѣсть органической необходимости на небо идеализма. Въ любви, въ патріотизмъ, въ материнской любви, во всѣхъ могучихъ привязанностяхъ, связывающихъ человѣка семейными узами, имѣется непреоборимая, высшая сила, но въ то-же время мы чувствуемъ, что насъ влечетъ здѣсь *судьба, необходимость*. Эта драгоценная необходимость дѣлаетъ насъ счастливыми, но наше *я*, наше гордое *я* чувствуетъ надъ собою нѣчто посильнѣе себя и покорно повинуется законамъ природы.

Въ дружбѣ же нѣтъ ничего этого: ни *судьбы*, ни *необходимости*, ни гнета со стороны людей, вещей или времени. Двѣ человѣческія души встрѣтились на жизненномъ пути; онѣ взглянули другъ на друга и поняли другъ друга. Общая улыбка, вмѣстѣ пролитая слеза, крикъ энтузіазма, вырвавшійся одновременно изъ двухъ человѣческихъ грудей, сближаютъ сердца и соединяютъ руки. Это два музыкальныхъ звука, которые, исходя изъ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга инструментовъ, сливаются въ воздухъ, образуя одинъ гармоничный аккордъ.

И это рукопожатіе въ простѣйшемъ видѣ выражаетъ всю глубину и тонкость психологій дружбы. Въ любви *уста* сливаются для поцѣлуя, въ дружбѣ *руки*, орудія мысли и труда, соединяются для пожатія. Вмѣстѣ чувствовать и одинаково чувствовать, увлекаться одними и тѣми-же вещами и презирать однихъ и тѣхъ-же людей, любить однихъ и тѣхъ-же поэтовъ и однимъ голосомъ благословлять солнце, — вотъ что сближаетъ, дѣлаетъ родственнымъ наши души, подобно тому какъ въ любви симпатія дѣлаетъ изъ двухъ видовъ крови одну кровь, изъ двухъ желаній одно желаніе, такъ что изъ близкаго сліянія двухъ существъ создается третья жизнь.

Дружба — это подборъ родственныхъ душъ, любовь двухъ сердець, созвучіе между мыслями двухъ мозговъ; при дружбѣ наши чувства, симпатіи, стремленія всегда

находятъ откликъ въ душѣ того втораго существа, которое понимаетъ насъ и отвѣчаетъ намъ. Это все — невыразимыя предести, высшія наслажденія, заставляющія человека гордиться тѣмъ, что онъ человекъ.

Этого взаимнаго сочувствія, этого цѣльнаго и полнаго слиянія двухъ душъ, этого свободнаго брака между двумя человѣческими натурами можетъ быть достаточно, чтобы привести насъ въ экстазъ, а въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда мы спѣшимъ въ объятія друга, чтобы уйти отъ ропота *грубой толпы*, когда насъ преслѣдуетъ лай собакъ, когда мы задыхаемся отъ вонючей грязи, по которой такъ часто должны ходить и въ которую иногда вынуждены даже погружаться. И если тогда оазисъ дружбы открываетъ намъ свой кровъ и принимаетъ насъ въ свою освѣжающую тѣнь, то мы испытываемъ блаженную радость человека, вышедшаго изъ грязной и мрачной клоаки и очутившагося подъ свѣтлымъ и прозрачнымъ небомъ, на чистомъ благоухающемъ воздухѣ, а, быть можетъ, и среди пахучихъ цвѣтовъ и улыбающихся дѣтей.

Экстазъ двухъ друзей, понимающихъ другъ друга, пожимающихъ другъ другу руки и смотрящихъ другъ другу въ глаза, въ которыхъ каждый изъ нихъ видитъ свое изображеніе, этотъ экстазъ нѣмъ, подобно многимъ другимъ восторгамъ въ жизни. Онъ нѣмъ и глубокъ; онъ ясенъ и свѣтелъ, какъ само небо. Не знаешь, гдѣ онъ начинается и гдѣ кончается, точно такъ-же какъ, глядя вверхъ, мы не знаемъ, гдѣ начинается небо и гдѣ оно кончается. Мы глубоко-глубоко вдыхаемъ, и наше я сливается съ другимъ я, какъ двѣ части одной души, которыя, какъ будто были насильно разъединены въ пространствѣ и теперь опять встрѣчаются, становясь снова однимъ цѣлымъ. Въ такіе счастливые моменты всякая рѣзко опредѣленная граница сознанія затмевается и исчезаетъ. Намъ кажется, что насъ двое, потому что мы вдвоемъ испытываемъ и вкушаемъ прелесть красоты и радости истины и добра; намъ кажется, что мы со-

ставляемъ одно лицо, потому что мы чувствуемъ, какъ два сознанія сливаются въ одно сознаніе, двѣ души — въ одну душу.

Святое, дорогое, сладкое опьяненіе дружбы, возвышающееся, благодаря своей чистотѣ, до самыхъ высокихъ областей человѣческихъ чувствъ! Если въ тебѣ нѣтъ столько теплоты, сколько въ любви, за то ты постояннѣе и янѣе; если въ тебѣ меньше сладострастія, то за то больше мысли; если въ тебѣ менѣе огня, то за то болѣе свѣта.

Но къ чему эти бесплодные и пустыя сравненія? Зачѣмъ и намъ приносить жертвы тому проклятому нѣтуху Эскулана, который всегда заставляетъ человѣка сравнивать между собою изучаемыя и описываемыя имъ вещи? Развѣ можно разрѣшить вопросъ о томъ, что красивѣе: роза или лилія; что лучше блеститъ: сапфиръ или алмазь; что прекраснѣе: лошадь или левъ? Оставимъ всякую красоту на своемъ мѣстѣ—творящая великодушная природа не написала нумеровъ на своихъ созданіяхъ; нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ; и микроскопическій мохъ, который растетъ и благоденствуетъ въ щеляхъ ствола гордой пальмы, такъ-же прекрасенъ, какъ и величественное растеніе, оказывающее ему гостепрѣимство; а рукопожатіе дружбы имѣетъ столько-же своеобразной прелести, сколько и поцѣлуй любви.

Экстазы дружбы проявляются въ весьма различныхъ формахъ, но почти всѣ они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ: къ *экстазамъ симпатіи* и къ *экстазамъ утѣшенія*.

О первыхъ я только-что говорилъ. Послѣдніе принадлежатъ къ болѣе легкимъ и обыкновеннымъ. Это тѣ-же экстазы милосердія, но въ болѣе интензивной,

болѣ теплой, болѣ поэтической формѣ, такъ какъ чувству, вдохновляющее ихъ, болѣ возвышенной природы. При человѣколюбіи мы оказываемъ добро другимъ только за то, что они люди; другу-же мы отдаемъ самихъ себя, для него мы приносимъ самыя крупныя жертвы, потому что, во-первыхъ, онъ человѣкъ, а во вторыхъ, онъ нашъ другъ.

Отъ унижающей насъ милостыни до самыхъ изысканныхъ формъ благодѣянія ведетъ длинная восходящая лѣстница съ тысячью ступенекъ.

На самой высокой ступени всегда находится дружба, утѣшающая, помогающая и приходящая на помощь, не унижая и не оскорбляя; при этомъ она умѣетъ преподнести даръ съ такой нѣжностью, что трудно было-бы сказать, что драгоцѣннѣе: самый даръ или способъ, которыми онъ былъ преподнесенъ.

Умалить жертву до того, чтобы сдѣлать ее какъ-бы не существующей; сдѣлать видъ, что дающій будто-бы еще остается въ долгу у берущаго; предупредить невольную краску стыда на лицѣ у берущаго—все это чудеса, которыя дружба совершаетъ съ самой замѣчательной легкостью и естественностью въ жрѣ.

Угадать страданіе и безъ слезъ, предчувствовать нужду, когда никто этого не ждетъ, предвидѣть несчастье и опасность, прежде чѣмъ до нашего слуха доходитъ крикъ о помощи,—все это первыя буквы азбуки дружбы, элементарныя задачи, сразу разрѣшаемыя сердцемъ, не прибѣгающимъ для этого къ математикѣ.

Поистинѣ, въ этихъ случаяхъ трудно сказать, кто изъ двухъ болѣе радуется, кто скорѣе впадаетъ въ экстазъ: тотъ, кто оказываетъ благодѣяніе, или тотъ, кто чувствуетъ горячую признательность.

Одинъ предвидѣлъ, предчувствовалъ, предугадалъ. Другъ страдаетъ, и я могу заставить молчать его страданія. Другъ нуждается въ помощи, въ утѣшеніи, и я буду тѣмъ счастливецемъ, который сумѣетъ придти на помощь и утѣшить его. Сердце усиленно бьется въ груди,

руки дрожатъ отъ волненія и невольная ангельская улыбка озаряетъ наше лицо. Мы употребляемъ самыя лукавыя мѣры, чтобы заставить считать легкимъ то, что трудно, естественнымъ то, что для насъ было, быть можетъ, горькой жертвой. Нѣтъ лукавства столь утонченнаго, нѣтъ лицемѣрія столь искуснаго, нѣтъ воображенія столь богатаго, какъ лукавство, лицемѣріе и воображеніе друга, желающаго скрыть благодѣяніе, придти во время на помощь, украсить милосердіе блескомъ неожиданности. Даръ, полученный отъ друга,—это прекрасный благоухающій цвѣтокъ, который подносить намъ рука ребенка, невиннаго и веселаго, какъ доброта великодушнаго чело-вѣка, улыбающагося, какъ весна жизни и природы.

И если получающему не приходится стыдиться полученнаго, если онъ угадалъ всѣ святныя хитрости и тонкія измышленія, сопровождающія дѣло утѣшенія, если онъ измѣрилъ всю высоту души, пришедшей ему на помощь, то онъ приходитъ въ смущеніе и волненіе и изъ пропасти отчаянія уносится въ область возвышеннаго счастья. Другъ угадалъ насъ и отвѣчаетъ намъ потокомъ признательности; улыбка дѣлающаго добро такъ же благородна, какъ улыбка принимающаго его, и два экстаза сливаются въ одинъ экстазъ.

Кто изъ двухъ счастливѣе? Никто. — Кто выше? Никто.—Кто кредиторъ и кто должникъ? Никто изъ нихъ: или-же они оба кредиторы и оба должники.

Что красивѣе: солнце, освѣщающее землю, или земля, ласкаемая солнцемъ? Что красивѣе: небо, отражаемое зеркальной поверхностью моря, или море, принимающее голубой цвѣтъ при улыбающемся небѣ?—Сколько прелести, блаженства въ этой невозможности отличить двухъ красотъ, сливающихся въ одну красоту, двухъ радостей, сливающихся въ одну радость, двухъ величинъ, теряющихся въ одной безконечности!

Не будемъ-же проклипать жизни, если она дастъ намъ мѣсто и время, чтобы быть однимъ изъ этихъ друзей или чтобы присутствовать при одной изъ этихъ

сцевъ нравственнаго міра. Сколько низости, подлости и грязи надобно встрѣтить на жизненномъ пути, чтобы забыть одну изъ этихъ картинъ; сколько надобно мрака, чтобы потушить весь этотъ свѣтъ; сколько зла, чтобы заставить забыть столько добра! Ни одна рѣка, какъ-бы грязна она ни была, не могла еще лишиться океана его прозрачности; ни одно дуновение челоуѣка не могло еще потушить солнца и никакой ледъ не могъ охладить его.

Привязанность, сближающая потомковъ одного отца и одной матери, имѣется въ смутной формѣ и у животныхъ. Часто птицы, выросшія въ одномъ и томъ-же гнѣздѣ, продолжаютъ жить вмѣстѣ и любить другъ друга, уже покинувъ его; часто даже обезьяны и другія млекопитающія чувствуютъ себя братьями, но это—слабое и непрочное братство. Ружейные выстрѣлы охотника, долгія странствованія, новыя любовныя связи—все это очень скоро разрываетъ братскіе узы, иногда черезъ нѣсколько дней, иногда черезъ нѣсколько недѣль, иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, смотря по случаю; всякое распознаваніе своихъ близкихъ по крови ступенчато и исчезаетъ. Братья могутъ построить себѣ новыя гнѣзда, завязать кровосмѣнительную любовь, или вести другъ съ другомъ самыя жестокія войны.

И у людей братская любовь проявляется лишь въ слабой, блѣдной формѣ; различіе характеровъ, борьба противоположныхъ интересовъ, частныя и необходимыя разлуки могутъ до извѣстной степени ослабить или порвать братскія узы. Тогда въ отношеніяхъ между братомъ и братомъ, между сестрой и сестрой проявляется ржавчина тщеславія и соперничества, и эта ржавчина дѣйствуетъ разрушительнѣе сильныхъ страстей. Все это дѣлаетъ сильную братскую любовь очень рѣдкой, и еще рѣже она доходитъ до экстаза.

Я позволю себѣ, однако, сказать, что, за немногими исключеніями, братская любовь лишь тогда проявляется

въ трогательной и возвышенной формѣ, когда усиливается симпатіей различія половъ. Мы рѣдко наблюдаемъ интенсивную привязанность между двумя братьями, быть можетъ, еще рѣже между двумя сестрами, но за то чаще всего между братомъ и сестрой.

Когда братъ и сестра искренно и сильно любятъ другъ друга, то чувство, связывающее ихъ и усиливающееся, благодаря общности крови, можетъ дойти до такого идеализма, что граничить уже съ платонической любовью. Это два существа, которыя не могутъ любить другъ друга половой любовью, потому что похожи другъ на друга, потому что вышли изъ одной и той-же утробы, потому что изъ однихъ и тѣхъ-же утѣ получили первый поцѣлуй, потому что изъ одной и той-же груди высосали ту вторую кровь, которая составляетъ вторую родственную связь. Кроме того, они вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ дышали втеченіе многихъ лѣтъ воздухомъ одного гнѣзда, спали въ стѣнахъ одного дома: столько разъ вмѣстѣ плакали, вмѣстѣ дѣлили дѣтскіе страхи и восторги, вмѣстѣ переживали всѣ бури юности и молодости. Какъ такія два существа могутъ не любить другъ друга? Общія воспоминанія сближаютъ сердца, и намека, улыбки, слова достаточно, чтобы возсоздать это поэтическое, чарующее прошлое. Эти два существа, быть можетъ, вмѣстѣ провели половину жизни, быть можетъ, вмѣстѣ похоронили отца или мать, и ежегодно въ извѣстный день сходятся у одной и той-же могилы. Какъ такія два существа могутъ не любить другъ друга сильно и неизмѣнно?

Любимая сестра не только походитъ на насъ лицомъ и жестами, но даже питаетъ однѣ и тѣ-же желанія, смѣется надъ одними и тѣми-же шутками, имѣетъ тѣ-же слабости, изъ-за которыхъ намъ часто приходится краснѣть. И мы улыбаемся и краснѣемъ вмѣстѣ, шепча другъ другу на ухо: *И ты тоже?—Да, и я тоже!*

И наша сестричка (потому что такъ мы называемъ ее, если сильно ее любимъ) такъ походитъ на мать, что ее можно было-бы назвать помолодѣвшей матерью. Она

питаетъ къ намъ материнскую нѣжность, материнскую снисходительность; она можетъ обнимать и цѣловать насъ, несмотря на то, что она женщина. Какъ она снисходительна и добра!—Ей мы можемъ повѣдать нашъ гнѣвъ и наши огорченія; съ нею мы можемъ подѣлиться всей горечью оскорбленной гордости, задѣтаго самолюбія, разрушенныхъ надеждъ. Она не завидуетъ намъ, а любитъ насъ; она не станетъ смѣяться надъ нами и не станетъ утѣшать насъ тѣмъ, что мы сами вызвали свою бѣду. Она—женщина, и въ обращеніи съ нами почти наша мать; она не позволитъ себѣ ни одного замѣчанія, ни одного упрека, прежде чѣмъ не излечить и не утѣшить насъ; она не задастъ намъ ни одного неудобнаго или нескромнаго вопроса, прежде чѣмъ не перевяжетъ нашу рану. Мы можемъ быть старше ея годами, но она все-таки будетъ обращаться съ нами, какъ съ ребенкомъ; она способна даже взять насъ на руки и убаюкать насъ.

И сестра бросается въ объятія брату, какъ не можетъ этого сдѣлать ни съ однимъ другимъ мужчиной. По отношенію къ мужу она чувствуетъ себя подчиненной, къ отцу она относится съ почтеніемъ, передъ сыномъ она желаетъ казаться безгрѣшной. Братъ-же, не будучи ни мужемъ, ни отцомъ, ни сыномъ, заключаетъ въ себѣ понемногу всего этого. Онъ—мужчина, и сестра можетъ опереться на него, какъ на силу, которая покровительствуетъ и защищаетъ; онъ—мужчина, но онъ никогда не будетъ строгимъ судьей, потому что и онъ, прежде чѣмъ осудить грѣшника, захочетъ излечить нанесенную ему рану. Сестра увѣрена, что братъ ея точно также согрѣшилъ-бы, еслибы былъ на ея мѣстѣ; она знаетъ, что найдетъ снисхожденіе и прощеніе.

Но вовсе не нужно согрѣшить, для того чтобы имѣть случай броситься брату въ объятія. Братъ разумнѣе насъ, онъ больше учился и больше видѣлъ. Онъ доставитъ

намъ свѣтъ, чтобы пробираться по темнымъ тропинкамъ жизни; онъ подастъ намъ сильную руку, на которую можно опереться; онъ будетъ нашимъ компасомъ въ великомъ морѣ человѣческихъ сомнѣній. *„Что ты содѣлалъ-бы въ такомъ случаѣ? Какъ ты вышелъ-бы изъ этого лабиринта? Скажи мнѣ, хорошо-ли я поступила? Скажи мнѣ, существуетъ-ли еще средство отъ такого недуга?“*

Вопросы слѣдуютъ за вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ, и отвѣты съ своей стороны становятся новыми вопросами, такъ что происходитъ запутанный обмѣвъ словъ, улыбокъ, слезъ. Объятія прерываютъ вопросы и отвѣты, поцѣлуи имѣютъ больше значенія, чѣмъ цѣлый томъ доводовъ, вздохи теряются въ сладости ласкъ, а ласки, которыя должны служить упреками, не достигаютъ своей цѣли и остаются милыми ласками. Это—двѣ души мужская и женская, которыя, не краснѣя, могутъ обнажать себя другъ предъ другомъ, потому что у нихъ нѣтъ пола и потому что онѣ подобны Адаму и Евѣ, до того какъ имъ пришлось прикрыться листвою смоковницы мистическаго Эдема.

Въ такихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ душевное волненіе можетъ дойти до экстаза, который тогда проявляется со всеми свойственными ему особенностями: отчужденіемъ отъ вѣшняго міра и концентрированіемъ всехъ силъ чувства и мысли въ одномъ пунктѣ психологическаго міра.

Братская любовь—также чувство роскоши, поэтому она такъ не ясно выражена у животныхъ и у низшихъ растъ и натуръ. Эти чувства роскоши принадлежатъ къ самымъ неопредѣленнымъ, имѣющимъ самыя неясныя границы, и потому они часто теряются, смѣшиваясь съ другими, имъ подобными чувствами. Братская любовь, какъ мы уже видѣли, граничитъ съ платонической любовью

и съ дружбой; это настолько вѣрно, что очень часто мы слышимъ, какъ двое друзей, несколько при этомъ не думая о психологiи, восклицаютъ:

Я люблю тебя больше, чѣмъ брата.— Ты для меня скорѣе братъ, чѣмъ другъ.— Наша дружба—истинное братство нашихъ душъ.— Мы не друзья, а братья!

Съ другой стороны можно услышать, какъ двое братьевъ восклицаютъ:

Наша привязанность—святая дружба.— И безъ кровныхъ узъ мы были-бы друзьями.

Если-бы мнѣ позволено было попытаться установить характерныя особенности экстазовъ дружбы и экстазовъ братской любви, то я сказалъ-бы, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ великое братство человѣчности, возвышающее насъ надъ толпою и надъ всѣмъ вульгарнымъ, и что во второмъ случаѣ голосъ крови держитъ насъ ближе къ гнѣзду, а потому поддерживаетъ въ насъ больше теплоты и вѣжности. Въ очарованiяхъ дружбы больше мысли, въ экстазахъ братской любви больше души. При первыхъ различiе пола мѣшаетъ экстазу или уноситъ его въ другія области; при послѣднихъ-же это различiе пола почти всегда необходимо и способствуетъ воспламененiю сердець и обогащенiю душъ, которыя вмѣстѣ возносятся на этотъ Олимпъ чувствъ.

Описать всѣ возможныя формы человѣческихъ экстазовъ—значитъ истощить весь психологическiй мiръ, на что не хватило-бы никакой человѣческой силы. Я ограничусь лишь указанiемъ нѣкоторыхъ экстазовъ братской любви, нѣкоторыхъ картинъ, взятыхъ съ природы, которыя могли-бы вдохновить поэта, живописца, скульптора.

Два брата живутъ далеко другъ отъ друга и косвеннымъ путемъ узнаютъ, что отецъ ихъ находится въ затруднительныхъ коммерческихъ условіяхъ. Не ожидая, пока ихъ призовутъ, они приѣзжаютъ и встрѣчаются на порогѣ отцовскаго дома. Они поражены и осыпаютъ другъ друга вопросами. Они явились, побуждаемые одной и той-же причиной, повинуваясь одному и тому-же внутреннему голосу. У нихъ одновременно возникла одна и та-же мысль, одинъ и тотъ-же планъ: спасти честь отца. Они въ состояніи это сдѣлать и сдѣлаютъ это.

Глубоко взволнованные, увлеченные, они бросаются другъ другу въ объятія и вкушаютъ одинъ изъ самыхъ сладкихъ восторговъ.

Два брата, работающіе вмѣстѣ, продумали одну и ту же книгу, не обвинявшись ни однимъ словомъ. Сообщая-же другъ другу свои проекты, они находятъ, что послѣдніе во всемъ сходятся и даже сливаются. Изумленіе переходитъ въ удивленіе, а удивленіе — въ счастье. Они приходятъ въ экстазъ отъ радости, что сдумали слить двѣ мысли въ одну мысль.

Братья Гонкуры, вѣроятно, не разъ испытывали этотъ драгоцѣнный экстазъ.

Двѣ сестры потеряли единственнаго брата, вдовца и отца многочисленной семьи. Надъ трупомъ дорогаго человека онѣ обвиняются поцѣлуемъ, который означаетъ молчаливую клятву. Онѣ никогда не выйдутъ замужъ и отдадутъ все свое состояніе, все время своимъ племянникамъ, которые станутъ ихъ дѣтьми и которыхъ они теперь прижимаютъ къ сердцу въ порывѣ благороднаго милосердія.

И эти два существа, счастливыя тѣмъ, что въ молчаливомъ согласіи приняли одно и то-же рѣшеніе, прижи-

мають другъ друга крѣпко накрѣпко къ сердцу; ихъ слезы, вздохи, улыбки сливаются, и онѣ испытываютъ одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ и могучихъ экстазовъ братской любви, какіе только доступны человѣческой душѣ.

Женщина узнаеть, что ей измѣнили въ святилищѣ семьи, и она падаетъ съ высоты безоблачнаго счастья въ пропасть отчаянія. Все становится мрачнымъ, воздухъ становится ледянымъ, земля тернистой, небо ураганомъ. У нея есть братъ, и она пишетъ ему лишь нѣсколько словъ: *Пріѣзжай и спаси меня!*

Но братъ узнаеть о несчастьи своей сестры, до того какъ письмо было написано. Звонокъ; дверь открывается; вбѣгаетъ человѣкъ. Сестра глядитъ на него, не будучи въ состояніи ни плакать, ни смѣяться. Она показываетъ ему письмо съ невысохшими еще буквами; онъ читаетъ эти четыре слова и также не можетъ ни смѣяться, ни плакать, ни говорить.

Какъ же этимъ двумъ счастливицамъ не впасть въ экстазъ въ такой моментъ?

Два существа, потерпѣвшіе крушеніе въ водоворотѣ жизни, остались одинокими въ этомъ мірѣ. У женщины дифтеритъ въ одинъ мѣсяць похитилъ всѣхъ ея дѣтей; мужчина остался холостякомъ и ослѣпъ. У нихъ нѣтъ болѣе ни отца, ни матери, ни дядей, ни двоюродныхъ братьевъ, но они—братъ и сестра. Они пробѣжали материки и моря, чтобы обняться и никогда болѣе не разставаться. Какъ-же имъ не впасть въ экстазъ?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Экстазы материнской любви.

Экстазы материнской любви.—Очарованія подь вліянієм созерцанія.—Человѣческое дитя въ глазахъ всѣхъ и въ глазахъ матери.—Материнская гордость.—Жертва.—Очарованіе отцовской любви.—Отецъ и дочь.

Женщина — всегда мать, даже когда она еще дѣвица. Каждая вещь, каждое существо, которое женщина любитъ, — для нея дитя. Кукла въ дѣтствѣ, братъ въ юности, возлюбленный въ весну жизни — всегда для женщины ея дѣти. Ни въ какое слово женщина не влагаетъ столько огня, столько страсти, столько нѣжности, сколько въ слова: *мой сынъ* или *мое дитя*.—Мужчины, опасяющиеся, что ихъ разлюбили, могутъ въ этомъ вполнѣ убѣдиться, если любимая ими женщина перестала произносить эти слова.

Женщина вся пропитана материнской любовью, и священная печать этой любви лежитъ на всемъ ея организмѣ; она сказывается въ ея походкѣ и въ улыбкѣ, во всѣхъ ея слабостяхъ и во всѣхъ ея силахъ.

Когда дѣвочка со скрытымъ восторгомъ обнимаетъ свою куклу и прижимаетъ ее къ груди, которая только

должна развиться, она уже смутно чувствует бiеніе материнскаго сердца, и если она, обливаясь потомъ отъ напряженія, поднимаетъ съ пола ребенка почти такой-же величины, какъ она сама, то она чувствуетъ себя счастливой, такъ какъ представляетъ собою будущую мать.

Женщина, не имѣющая дѣтей, можетъ быть матерью въ сердцѣ или въ мысляхъ; да она всегда этимъ и бываетъ. Она любитъ дѣтей своихъ родственниковъ или знакомыхъ, любитъ несчастныхъ и слабыхъ, любитъ сиротъ и обездоленныхъ; она всегда любитъ кого-нибудь, котораго могла-бы назвать дитятей. Женщина безъ физическаго или психическаго материнскаго чувства можетъ быть женой и человѣкомъ, но она не женщина.

Лишь *женщину-мать* можно назвать женщиной въ полномъ смыслѣ этого слова. Молодая, красивая, богатая женщина, которой завидуютъ всѣ другія женщины и къ которой стремится всѣ мужчины, можетъ быть царицей міра и сердца, но она не можетъ быть счастливой, если въ ней нѣтъ материнской любви. Она можетъ быть цвѣткомъ, но никогда не будетъ плодомъ; она можетъ быть орудіемъ сладострастія или работницей въ великой общественной мастерской, поэтессой или художницей, святою или философомъ, но она никогда не будетъ совершенной женщиной, выполняющей то высокое назначеніе, которое ей довѣрила природа.

Женщина, не бывающая матерью, — внухъ своего пола, и запутавшіяся условія нашего цивилизованнаго общества создаютъ въ изобиліи такихъ калѣкъ. Кто знаетъ, не создастъ-ли еще когда-нибудь неумолимый законъ Мальтуса особую касту нейтральныхъ существъ, у которыхъ материнское чувство такъ-же будетъ отсутствовать, какъ, напримеръ, у муравьевъ и у многихъ другихъ насѣкомыхъ? Однако, пока это странное существо не создано, — одна лишь женщина-мать должна считаться совершенной женщиной.

Материнское чувство—страсть и назначеніе, любовь и жертва, напряженіе мысли и чувствъ, хлѣбъ и вино, сердце и мозгъ; это—весь человѣкъ, жертвующій собою для существъ, которыя будутъ жить послѣ него; это—настоящее, которое рождаетъ будущее.

Какъ только сердечко новаго созданія начинаетъ биться въ утробѣ матери, дитя становится живымъ членомъ ея, плотью отъ плоти и кровью отъ крови ея; но даже и тогда, когда плодъ отдѣлится отъ питавшей его вѣтви, онъ все-таки не перестаетъ оттого быть однимъ изъ членовъ матери. Теперь его обнимаютъ любящія руки, ласкаютъ нѣжныя уста; а вторая кровь, молоко, питаетъ его материнскимъ сокомъ. Когда же этотъ источникъ изсякаетъ, ребенокъ переходитъ въ новый міръ, въ міръ чувства и мысли, которыми мать его окружаетъ и согреваетъ. Зародышемъ или дитятей, ребенкомъ или юношей, мужчиной или старцемъ, человѣкъ всегда носитъ на своей кожѣ, въ своемъ сердцѣ и мозгѣ слѣды той материнской оболочки, которая втеченіе девяти мѣсяцевъ, охраняла и питала его. Пока наша мать живетъ, невидимые нервы и жилы тѣсно связываютъ насъ съ нею, и каждый ударъ нашего сердца отражается въ ея сердцѣ, каждое страданіе нашей души находитъ откликъ въ ея душѣ.

Люди рождаются и умираютъ, поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, но каждый, рожденный женщиною, сохраняетъ на всю жизнь слѣдъ материнской оболочки, которою впервые Ева покрыла перваго сына Адама, и въ ткани этой незримой для толпы оболочки имѣется всегда та нѣжность, которая наблюдается и у самаго чертоваго каторжника, у самаго послѣдняго царя человѣческой семьи. Только человѣкъ, не рожденный женщиною, могъ бы быть вполне и окончательно дурнымъ, жестокимъ, извергомъ.

Материнская любовь заключаетъ въ себѣ всю силу, всю нѣжность, весь идеализмъ чувства. Она владѣетъ голосомъ и когтями львицы для защиты своего ребенка и въ то же время всей мягкой нѣжностью счастливой любви; она обладаетъ недовѣрчивостью всѣхъ слабыхъ, лицемѣріемъ кошки, геройствомъ солдата и хитростью дипломата, ревностью капризной страсти и самопожертвованіемъ мученика, мистицизмомъ религіи и всей поэзіей сердца. Кто смѣетъ утверждать, что природа указала женщинѣ подчиненное мѣсто, тотъ не прочиталъ даже первой страницы въ исторіи чувства. Въ материнскомъ чувствѣ столько страсти, столько возвышеннаго труда, столько творчества, что оно не уступитъ по важности всѣмъ мужскимъ занятіямъ, носящимъ громкія названія политики, промышленности, коммерціи, науки, искусства и проч., и проч.

Всѣ кодексы въ мірѣ всегда повелѣвали человѣку любить своихъ родителей, братьевъ, друзей; они указывали ему пути, ведущіе къ справедливости, къ счастью, къ славѣ, къ наукѣ. Но ни одинъ кодексъ, божественный или человѣческій, никогда не находилъ нужнымъ предписывать женщинѣ любовь къ ея ребенку.

Такое вполне человѣчное и могучее чувство естественно должно имѣть свои экстазы; и дѣйствительно, эти экстазы существуютъ и проявляются въ весьма разнообразной формѣ и сопровождаются самыми высокими степенями наслажденія. Но возвышеннѣйшія очарованія материнской любви никогда не были описаны, потому что женщины пишутъ гораздо меньше насъ, а можетъ быть и потому, что эти чувства не поддаются описанію.

Это — экстазы восхищенія, любви, самопожертвованія, отраженія славы другаго въ насъ самихъ; это — сіяющіе апофеозы, гдѣ каждый сердечный цвѣтокъ имѣетъ свои краски и свой запахъ, радостные гимны, вырывающіеся изъ души счастливѣйшаго на землѣ созданія.

X

Нѣтъ никого счастливѣе счастливой матери: даже влюбленный, обладающій любимой женщиной, не счастливѣе ея!

Видъ ребенка вызываетъ столько сердечной нѣжности, такія бурныя проявленія любовнаго восторга, что мужчины и женщины, старики и дѣти—все чувствуютъ себя растроганными предъ этимъ крошечнымъ созданищемъ, нѣжнымъ, какъ лепестокъ розы и сіяющимъ отъ улыбокъ. Я видѣлъ, какъ отчаянные эгоисты, сердца которыхъ были тверже и суше пергамента, ласкали своихъ дѣтей; я видѣлъ, какъ хирурги, прославившіеся своей ученой жестокостью, растрогивались и улыбались, когда на кроваткѣ въ ихъ клиникѣ оказывался ребенокъ.

Да и какъ не почувствовать нѣжности къ ребенку? Какъ не позабыть про все огорченія, про разливы желчи, когда видишь это существо, которое улыбается жизни, свѣту, глазамъ матери, которое не вѣдаетъ ничего и нуждается во всемъ? Величайшая изъ слабостей—полнѣйшее невѣдѣніе, соединенное съ полнѣйшимъ отсутствіемъ мысли! Цвѣтокъ, безсознательно и доврчиво раскрывающійся на краю пропасти, или посреди дороги, гдѣ непрерывно снуютъ экипажи и пѣшеходы!

X

Ребенокъ—это человекъ, подобный намъ, но онъ не убиваетъ, не завидуетъ, не ненавидитъ, не издѣвается. Это человекъ, подобный намъ, но онъ не можетъ стоять на ногахъ; оставьте его одного на часъ, и онъ можетъ заболѣть; ударьте его, и онъ можетъ умереть. Если жадность присоединяется къ привязанности, то кажется, будто капля страданія, смѣшиваясь съ радостью, дѣлаетъ ее сильнѣе и нѣжнѣе, подобно тому какъ нѣкоторыя печенія отъ прибавленія къ сахару крупинки соли выхлѣбятъ еще слаще.

И къ этому созерцанію человѣческой красоты, къ этой нѣжности, составленной изъ любви и ласки, присоединяется еще вся предельная неизвѣстности.

X

Дитя—одна изъ самыхъ неизвѣстныхъ величинъ въ человѣческомъ мірѣ. Будетъ ли оно еще въ живыхъ че-

резь годъ? Не будетъ ли оно черезъ пять или черезъ десять лѣтъ принадлежать къ тому легиону существъ, которыя рождаются для того, чтобы преждевременно умереть, заставивъ своихъ родителей проливать горячія слезы. Или же если оно останется въ живыхъ, то во что оно превратится, когда возмужаетъ? Во что превратится, когда страданіе и порокъ, раны и язвы начертать на этой нѣжной кожѣ свою постыдную или ужасную исторію? Какъ будетъ любить, что будетъ думать и дѣлать—этотъ человѣческій X? Будетъ ли онъ радостью семьи или мукой для всѣхъ? Будетъ ли онъ кретиномъ или гениемъ? святымъ или злодѣемъ?

Сколько невѣдомаго въ будущемъ этого розоваго и беззащитнаго существа! Сколько добра и сколько зла, сколько радостей и сколько страданій, сколько славы и сколько низости, быть можетъ, заключаетъ въ себѣ это хрупкое тѣльце! Но пока мы глубокомысленно раздумываемъ надъ этимъ ребенкомъ, надъ близкимъ и дальнимъ его будущимъ, ребенокъ этотъ улыбается и какъ-бы съ недоумѣніемъ смотритъ на наше меланхолическое раздумье.

Онъ улыбается, но что заставляетъ его улыбаться?

Онъ улыбается, а вѣдь, едва увидѣвъ свѣтъ, уже плакалъ, да и теперь продолжаетъ плакать ежедневно, потому что страданіе есть, повидному, самый общечеловѣческій языкъ. Языкъ дитяти состоитъ лишь изъ двухъ словъ—изъ плача и смѣха; прежде всего и чаще всего ребенокъ пользуется первымъ, поздиѣе и рѣже послѣднимъ. Роковая загадка!—этими двумя словами это воплощенное невѣдѣніе умѣетъ высказать все; ихъ вполне достаточно для него. Дитя счастливо, несмотря на то, что чаще плачетъ, чѣмъ смѣется; оно счастливо, такъ какъ не знаетъ еще мученій всякихъ „отчего“ и „почему;“ такъ какъ не знаетъ еще ужасовъ азбуки и позоровъ политики; не знаетъ ни дома умалишенныхъ, ни тюрьмы, ни домовъ, гдѣ продается любовь, ни палатъ, гдѣ продается совѣтъ; не знаетъ

еще, что такое значать веревки, скрученные судьбою, и ложь, изобрѣтенная людьми для оклеветанія боговъ!

Бѣдное, нѣжное дитя! Мы смотримъ на него съ такимъ трогательнымъ состраданіемъ, а между тѣмъ изъ него можетъ вырасти Наполеонъ или Цезарь, Титъ или Тиберій!

Я видалъ, какъ глубокой зоологъ и художникъ Бурмейстеръ подолгу и почти въ экстазѣ смотрѣлъ на красивыхъ дѣтей; я самъ не разъ довилъ себя въ аналогичныхъ состояніяхъ. Но это лишь эстетическія очарованія, въ которыя только въ видѣ побочныхъ элементовъ могутъ войти явленія со стороны мысли и чувства.

Одна лишь мать можетъ впасть въ аффективный экстазъ при созерцаніи своего ребенка. И тогда вы имѣете предъ собою возвышенныя сцены эстетической морали, которыя нѣкоторые великіе художники сумѣли передать на полотнѣ и обезмертвить. На первомъ мѣстѣ между ними стоитъ, конечно, божественный Рафаэль, который въ своихъ многочисленныхъ мадоннахъ съ ребенкомъ поставилъ женскую красоту на такую высоту, что сдѣлалъ ее достойной матери Бога; онъ съ такимъ совершенствомъ сумѣлъ изобразить состояніе глубокаго созерцательнаго экстаза, что доводитъ насъ самихъ до этого состоянія.

Психологическій критикъ (какими должны были-бы быть всѣ недожизненные критики) могъ-бы уже по одиному мадоннамъ Рафаэля сдѣлать сравнительное изученіе различныхъ степеней мистицизма и материнской любви, которыя тотъ умѣлъ воплотить въ своихъ божественныхъ твореніяхъ. То мы имѣемъ предъ собою женщину, обожжающую божественное дитя, и тогда мистицизмъ преобладаетъ надъ чувствомъ; то, наоборотъ, мать одерживаетъ верхъ надъ аскеткой; то эти два наимогущест-

венныхъ чувства, заставляющія трепетать все фибры человеческой души, соединяются и сплетаются, такъ что трудно было бы сказать, что въ нихъ болѣе выдается: благоговѣнне или любовь, полеть мысли или теплое бѣненіе сердца.

Если ребенокъ вызываетъ сочувствіе постороннихъ людей, если нужно состоять изъ камня или изъ грязи, чтобы не отвѣтить улыбкой на его улыбку, то легко вообразить себѣ, какъ сильно должно быть чувство матери, созерцающей свое дитя.

Она смотритъ на него и своимъ взглядомъ какъ-бы желаетъ перелить въ него всю свою душу. Въ такой моментъ она вся—одна улыбка, одна радость, и экстазъ ея великъ и полонъ; это—эстетическій и аффективный экстазъ въ одно и тоже время. Онъ прерывается лишь горячими ласками, которыми она осыпаетъ это розовое мягкое тѣло и которыя порою бывають до того интенсивны, что объятія переходятъ чуть-ли не въ удары, а поцѣлуй—въ укусы. Последняя ступенька любви граничитъ съ первой ступенькой жестокости, и обожающій ангелъ завидуетъ зубамъ людоѣда, которыми тотъ пожираетъ человеческое мясо. Въ такихъ сценахъ много о происхожденіи человека изъ земли, въ которую Богъ вдохнулъ душу, является выраженнымъ лучше всего.

Мать, впадающая въ экстазъ предъ своимъ голымъ и улыбающимся ребенкомъ, не цѣлуетъ его, а *пожираетъ* его поцѣлуями; не ласкаетъ, а кусаетъ его, и въ этомъ проявленіи восхищенія и животности, въ этомъ бреду мысли и чувства мы видимъ одинъ изъ тѣхъ урагановъ сердца, въ которыхъ небо и земля соприкасаются и сливаются, какъ-бы желая вернуться къ тому хаосу, изъ котораго ихъ, какъ говорятъ, выдѣлилъ иѣкогда голосъ свыше.

За конвульсіей слѣдуетъ пауза наслажденія, достав-

ляющая отдыхъ. Когда ребенокъ спокойно и увѣренно спитъ, освѣяемый материнскимъ взглядомъ, экстазъ матери спокойно продолжается. Глаза ея ни на минуту не рзстаются съ крошечнымъ созданиемъ, и даже дыханіе ея непроизвольно учащается, чтобы слиться съ короткимъ и скорымъ дыхательнымъ ритмомъ ребенка. Когда онъ вздыхаетъ, изъ груди матери также вырывается невольный вздохъ, а когда его розовыя губки складываются въ бессознательную улыбку, уста матери также улыбаются. Лицо счастливой женщины при этомъ такъ близко наклонено къ головкѣ этого счастливаго малютки, что оба дыханія сливаются въ одно. И развѣ эти существа не два члена одного тѣла, развѣ они не представляютъ собою сплетенія двухъ прекраснѣйшихъ жизненныхъ моментовъ—настоящаго и будущаго?

Это—самые обыкновенные экстазы материнской привязанности, доступные одинаково женщинѣ Австраліи и Европы, индйянкѣ и негритянкѣ. Но еще много другихъ и болѣе высокихъ восторговъ можетъ испытывать материнское сердце, то самое сердце, которое такъ противорѣчить всѣмъ законамъ физики и математики; потому что оно не уменьшается, съ увеличеніемъ числа дѣтей, между которыми его приходится дѣлить, а, напротивъ, какъ-бы увеличивается.

Мать двухъ, трехъ, десяти дѣтей всѣмъ имъ одинаково расточаетъ теплоту своего сердца, подобно солнцу, одинаково освѣщающему и согревающему всѣ созданія на землѣ. Мать, окруженная семьей, отъ груднаго ребенка до юноши и дѣвицы, представляетъ одну изъ предестнѣйшихъ картинъ: художники и поэты часто пытались изобразить ее, но никогда не могли возвыситься при этомъ до величія природы.

Материнскій взглядъ спокойно и ясно переходитъ отъ новорожденнаго ребенка къ ребенку, играющему на коврѣ,

елѣдить за игрою дѣвочки, поконится на головкѣ подроставшаго сына, созерцаетъ дочь, которая при работѣ то вдругъ задумается, то вдругъ вздохнетъ. Всѣ эти существа — плоть отъ плоти и кровь отъ крови ея. Всѣ они покойно отдыхаютъ подъ широкими крыльями материнской любви, въ тепломъ гнѣздѣ, которое она одна стережетъ и защищаетъ.

Взглядъ этой женщины, пробѣжавъ всю эту человеческую лѣтницу отъ груднаго ребенка до юности и обратно, устремляется въ пространство; надежды и опасенія вызываютъ въ ней неопредѣленное чувство нѣжности, страха, радости. И кто сѣумѣлъ-бы сдѣлать количественный анализъ тѣхъ чувствъ, которыя въ такіе моменты возникаютъ, слетаются и сливаются воедино въ сердцѣ этой счастливой матери?

То экстазъ ея чисто эстетическій, то онъ исключительно аффективный: то онъ выражаетъ удивленіе и обожаніе, то жажду самопожертвованія.

„О, какъ блестятъ на солнцѣ золотистыя косички маленькой Лауры!—Такія-же самыя имѣла моя мать!“

„А дерзкій носикъ Петра! А его локоны, цвѣтъ которыхъ вполне напоминаетъ волосы Лауры.“

„Сколько душевной красоты изображено на лицѣ Адели! Какъ будетъ счастливъ тотъ мужчина, которому она будетъ подругой жизни!“

„А какъ прекрасна и божественна вся фигурка маленькой Бичи! Кто когда-либо имѣлъ дитя прекраснѣе ея?“

И затѣмъ удивленіе, восторги, надежды, опасенія сливаются въ одно неопредѣленное чувство, составляющее сумму всѣхъ опасеній, всѣхъ нѣжностей, всѣхъ порывовъ материнской страсти. И тогда мы имѣемъ предъ собою экстазъ матери во всей красотѣ своего величія.

Если-бы нашъ словарь не былъ такъ бѣденъ, такъ лживъ, такъ неразвитъ, то онъ долженъ былъ-бы обладать особеннымъ словомъ для обозначенія материнской гордости, одного изъ самыхъ возвышенныхъ, самыхъ благородныхъ самыхъ благотворныхъ чувствъ. А между тѣмъ мы имѣемъ лишь одно слово для выраженія двухъ чувствъ, столь различныхъ между собою и столь отдаленныхъ другъ отъ друга на лѣстницѣ морали и развитія.

Материнская гордость настолько-же исполнена стыдливости и нѣжности, насколько наша обыкновенная, такъ называемая, гордость полна безстыдства и глупости. Для того чтобы почувствовать гордость за свое дитя, мать должна пройти чрезъ цѣлый рядъ опасеній, заботъ и подозрѣній. Когда-же она приходитъ къ сознанию, что вправе гордиться своимъ ребенкомъ, то она прячетъ эту гордость, какъ похищенное сокровище, которое рука правосудія каждую минуту можетъ потребовать назадъ и конфисковать.

Она прячетъ ее, но не скрываетъ: нѣтъ такого объемистаго сосуда, который вмѣстилъ-бы столько радости; къ тому-же свѣтъ вообще очень трудно скрыть.

Нѣтъ болѣе стыдливой и скромной гордости, какъ материнская. У матери, гордящейся своимъ ребенкомъ, глаза широко раскрываются, уста складываются въ счастливую улыбку, а поцѣлуй, долгій и горячій поцѣлуй долженъ выразить то, чего слова не могутъ и не умѣютъ высказать.

Сколько блаженства! Какой экстазъ! Нравственная красота или слава, благородство души или блескъ ума — все это отражается въ душѣ матери, которая созерцаетъ и говоритъ: эта красота, эта слава, этотъ умъ принадлежатъ моему ребенку! — Эта женщина, которую все такъ любятъ и благословляютъ, которой одни удивляются, а другіе завидуютъ, — моя дочь! Этотъ мужчина, котораго превозносятъ толпа и предъ которымъ преклоняются даже великіе міра, — мой сынъ! Вы этого не знаете? — Тотъ

юноша, который бросился въ рѣку, чтобы спасти утопающаго,—мой сынъ.—Та дѣвушка, которую всеъ называютъ ангеломъ,—моя дочь!..

Въ ожиданіи, пока будущіе словари дадутъ намъ новое слово для выраженія материнской гордости, скажемъ, что въ этомъ чувствѣ мы всегда находимъ восторгъ, вѣжность и въ особенности любовь, очень много любви.

Эту высшую радость, эту гордость за своихъ дѣтей испытываютъ многія матери; она вознаграждаетъ ихъ за всеъ жертвы, за всю преданность и даетъ имъ право надѣяться, что поколѣніе людей, которымъ онѣ дали жизнь, будетъ слѣдовать лучшимъ традиціямъ.

Каждый аффективный экстазъ можетъ принять ту высшую и особенную форму очарованія, которая ведетъ къ жертвѣ. Мы называли и называемъ мучениками религій, отечества, науки, милосердія всеъхъ тѣхъ людей, которые, принеся на алтарь какого-нибудь чувства всеъ цвѣты и плоды, отдають ему затѣмъ самихъ себя, принося въ жертву свои богатства, свое тщеславіе, свое самолюбіе и, наконецъ, свою жизнь. Французское слово *dévouement* прекрасно выражаетъ это состояніе.

Исторія заботливо собираетъ и хранитъ имена мучениковъ отчизны, религій и науки; но и самыя скромныя жизненныя тропинки, самыя тѣсныя хижины кишатъ сотнями мученицъ материнской любви, мученицъ, о которыхъ исторія не упоминаетъ, но которыя облагораживаютъ человѣческую семью и съють добродѣтель, нравственность, поэзію на той почвѣ, гдѣ рождаются и вырастають люди.

Материнская любовь—это цѣлое мученичество, обозначающее кровавымъ слѣдомъ тотъ путь, по которому женщины приходится идти въ жизни. Кровь при первомъ поцѣлудѣ, кровь при первомъ и при послѣднемъ ребенкѣ, а затѣмъ еще другая, болѣе сладкая кровь—молоко ея груди. Мать своею собственною кровью пишетъ исторію самаго человѣчнаго, самаго благороднаго изъ чувствъ.

Но это все вещи, общія для всѣхъ матерей; многія же матери отдаютъ своимъ дѣтямъ всю свою кровь, лишая себя послѣдняго куска хлѣба, проживая въ крайней бѣдности, чтобы доставить достатокъ и образованіе своимъ дѣтямъ. Онѣ отдаютъ имъ кровь, хлѣбъ и трудъ, дневной потъ и ночной сонъ, только-бы они имѣли покой и удовольствіе,—ну, точь въ точь норвежская утка, которая подъ ледянымъ небомъ крайняго сѣвера вырываетъ изъ своей груди самыя мягкія перья, чтобы сдѣлать изъ нихъ теплое гнѣздо для своихъ малютокъ. Такъ и у человѣка мать часто свиваетъ изъ своихъ страданій теплое гнѣздо для своихъ дѣтей и, отдавъ имъ всю свою кровь, всю свою жизнь, какъ-бы сожалѣетъ о томъ, что у нея нѣтъ еще другой крови и еще одной жизни, которую-бы также можно было отдать, чтобы чувствовать, что живешь лишь жизнью другихъ и радуешься лишь радостямъ другихъ.

Отцовская любовь гораздо слабѣе материнской и когда даже доходить до извѣстной идеальной степени, когда даже проявляется въ болѣе интенсивномъ видѣ,—она все-таки представляетъ собою лишь второстепенное или третьестепенное чувство.

Для того чтобы отцовская привязанность была высокою и пылкой, она почти всегда должна усиливаться половой симпатіей. И мать въ общемъ любитъ сына сильнѣе, чѣмъ дочь; но отецъ, будучи мужчиной, суро-

и въ своихъ чувствахъ и менѣе справедливъ, вслѣдствіе чего его чаще влечетъ къ дочери. Это—правило, которое, конечно, имѣетъ свои исключенія, гдѣ мать обожаетъ свою дочь, а отецъ—своего сына.

Все это нисколько не унижаетъ человѣка и не низводитъ его на низшую нравственную ступень. Кто хоть минуту подумаетъ о той различной роли, которую отецъ и мать играютъ при воспроизведеніи рода, кто вспомнитъ о ненормальной силѣ полового влеченія, тотъ навѣрное пойметъ и проститъ эту инстинктивную неравномерность въ распредѣленіи любви среди человѣческой семьи.

Любовь отца къ своей дочери также можетъ дойти до экстаза. Видѣть свои черты, свои движенія, свой характеръ отражающимися, какъ въ зеркалѣ, на молодой, изыщной женщинѣ, которая къ тому еще, можетъ быть, красива и добра; видѣть свои шероховатости сглаженными граціей женщины; видѣть, какъ наше мужское насиліе становится у нея энтузіазмомъ, упрямство твердостью, сила граціей,—все это приносить съ собою такое глубокое чувство удовольствія, что оно можетъ увлечь насъ въ самыя высокія области идеализма.

Это сходство между отцомъ и дочерью широко раскрываетъ двери рая, исполненнаго высшихъ душевныхъ наслажденій. Наша дочь любить насъ такъ-же, какъ и мы ее любимъ, и хотя она женщина, она все-таки можетъ сидѣть у насъ на колѣняхъ, обнимать руками нашу шею и цѣловать насъ долго и крѣпко, не совершая этимъ никакого грѣха. Этотъ человѣкъ, которому, быть можетъ многіе поклоняются и повинуются, этотъ сильный человѣкъ поклоняется и повинуется ей, маленькой и слабой. Этотъ мужчина, который умѣетъ лишь кричать, осуждать, управлять, имѣетъ для нея лишь однѣ улыбки; онъ, сильнѣйшій, слабъ лишь передъ нею.

И при видѣ этой любимой дочери, предмета нашихъ радостей и привязанности, мы впадаемъ въ экстазъ.

Счастливы тѣ отцы, у которыхъ имѣется такая любимая и любящая дочь, у которыхъ имѣется надежда, что она закроетъ имъ глаза, когда наступитъ часъ разлуки съ этой жизнью.

Экстазы отцовской любви могутъ быть вызваны, если нашей дочери, читающей въ нашихъ глазахъ терзающія насъ страданія и злобу, удастся, не говори ни слова, однимъ поцѣлуемъ, одной лаской разогнать страданіе, укротить негодованіе.

Очень часто дочь, обожающая отца, становится его совѣтницей, воспитательницей; съ чуткостью любящей души и возвышенной смѣлностью преданнаго сердца она предупреждаетъ катастрофу, удаляетъ опасность, спасаетъ, можетъ быть, отъ преступленія; она становится Провидѣніемъ всей семьи. Сколько такихъ героическихъ подвиговъ остается не признанными, сколько такихъ душевныхъ сокровищъ переходятъ изъ одного сердца въ другое, не будучи отмѣченными ни однимъ хроникеромъ, не будучи воспѣтыми ни однимъ поэтомъ!

Отецъ и дочь, обмѣнявшись улыбкой или рукопожатіемъ, пишутъ въ нѣсколько мгновеній цѣлую поэму, какой не могъ-бы написать ни одинъ поэтъ въ мірѣ.

Отецъ далъ дочери жизнь; подъ его ласками она стала дѣвочкой, дѣвницей, женщиной; но дочь въ одно мгновеніе возвратила отцу всю полученную отъ него любовь; взамѣнъ жизни она дала ему счастье, а, быть можетъ, и почетъ. Чудный обмѣнъ, сопровождающийся слезами, которыя слаще улыбокъ, и улыбками, которыя трогательнѣе слезъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Х Экстазы дѣтской любви. Х

Наша мать.—Три статуи и три женщины.—Удивленіе.—Нашъ отецъ.—Дочь и ея возвышенныя жертвы.—Старецъ.—Почитаніе старости.

У животныхъ дѣтенышъ любить мать и отца, пока получаетъ отъ нихъ пищу и защиту; поздиѣе, когда эта питательная миссія кончается, всякая семейная связь рывается и исчезаетъ. У человѣка-же признательность, сила привычки, сходство во вкусахъ, общая среда создаютъ новую силу: дѣтскую любовь.

Но желая клеветать на себя, мы должны однако признать, что и у человѣка это чувство—чувство роскоши; одна лишь материнская любовь составляетъ необходимую привязанность, и глубокая пропасть раздѣляетъ эти двѣ силы, исходящія изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ. Даже самый нѣжный и любвеобильный сынъ не возвращаетъ своимъ родителямъ, въ особенности матери, ни одного процента того, что получилъ отъ нихъ. Неизмѣнные законы природы, пословицы всѣхъ народовъ, исторія всѣхъ временъ и повседневный опытъ хоромъ твердятъ эту суровую истину. Фатальный потокъ гонить

жизнь все впередъ и впередъ, а маленькіе водовороты и слабыя противныя теченія не могутъ удержать напора рѣчки, стремящейся къ морю. Любовь матери—это рѣчная волна, которая неужержимо стремится впередъ наперекоръ пескамъ и камнямъ, скаламъ и утесамъ. Любви ребенка—это струйка, которая лишь на мгновеніе возвращается назадъ, чтобы приласкать произведшую ее волну.

Если чувствамъ роскоши недостаетъ сильнаго скелета физиологической необходимости, то имъ за то свойственны особенности и прелести всѣхъ предметовъ роскоши. У людей-же съ высокоразвитой душою эти чувства могутъ проявиться съ необыкновенной страстью и величайшей энергіей. Многие сыновья могутъ съ высокоприподнятой головой сказать себѣ, что они любили или любятъ родителей такъ сильно, какъ только возможно любить человѣку; и любовь сына можетъ дойти до высшаго экстаза. Эти экстазы возвышенны, но рѣдки, потому что любовь матери—настоящее, которое рождаетъ будущее, а любовь сына—настоящее, которое оглядывается на прошедшее.

Мать—единственная женщина, которой невозможно
X | измѣнить, единственная религія, которая не имѣетъ ни еретиковъ, ни невѣрующихъ, единственное существо, которое любишь втеченіе всей жизни одною и тою-же любовью.
X | Мать не можетъ имѣть соперницъ, ее нельзя унизить ни презрѣніемъ, ни клеветой. Она неприкосновенна и единственна, какъ Богъ монотеистовъ. Она, какъ море: извѣстно, что ея любовь имѣетъ границы, но никто не можетъ обнять ихъ взглядомъ; извѣстно, что она имѣетъ дно, но никто не знаетъ, какъ оно глубоко. Она имѣетъ свои бури и утесы, гнѣвные порывы и водовороты; но когда буря проходитъ и утесъ благополучно остается позади, она улыбается намъ, зоветъ насъ въ свои объятія чарами всего того, что есть великаго и вѣчнаго, чего никто никогда не могъ ни изеушить, ни загрязнить.

Цѣлыхъ девять мѣсяцевъ мы провели въ утробѣ нашей матери, питались ея кровью, переживали и дѣлили съ нею дневныя опасности и ночной покой. Отъ нашей матери мы получили первый поцѣлуй, когда глаза наши впервые увидѣли свѣтъ Божій; нашей-же матери мы дали и свой первый поцѣлуй. Отъ ея рукъ мы узнали первую ласку; изъ ея груди мы получили первую пищу. Наши первыя слезы она осушила своими устами, а первая наша улыбка была отвѣтомъ на ея улыбку. Наши первые шаги по землѣ мы сдѣлали при ея помощи и первое наше паденіе произошло въ ея объятія. Первое произнесенное нами слово было ея имя; первая мысль, возникшая въ нашемъ неразвитомъ еще мозгу, означала благодарность. Всю дѣвственную чистоту жизни, чувства и мысли мы получили изъ ея устъ, пожирившихъ насъ своими поцѣлуями, опьянявшихъ насъ своимъ теплымъ и приятнымъ дѣханіемъ. Всякое начало чего-бы то ни было мы совершили при ея помощи или подъ ея руководствомъ, и первыя наши воспоминанія связаны съ нею, съ охраняемою ею колыбелью и съ первыми сдѣланными вмѣстѣ съ нею шагами. Наше я мы получили отъ матери, первую жизненную радость мы вкусили вмѣстѣ съ нею, первая наша слеза смѣшалась вмѣстѣ съ ея слезою. Прежде чѣмъ начать видѣть собственными глазами, слышать собственными ушами, осязать своими руками, мы видѣли, слышали и осязали ея глазами, ея ушами и ея руками—этими вѣжными, милыми, кроткими руками. Никакіе дождевыя потоки и морскія волны не въ состояніи будутъ смывать материнскихъ ласкъ, никакія уста влюбленныхъ женщинъ не уничтожатъ сладости нѣкогда полученныхъ материнскихъ поцѣлуевъ. Она была нашей первой возлюбленной и останется послѣдней. X

Одна любовь уничтожаетъ другую и—увы!—отъ многихъ привязанностей въ глубинѣ нашего сердца остается лишь нѣсколько пепла. Но отъ материнскихъ поцѣлуевъ и ласкъ ничто не теряется и не пропадетъ. Эти X ласки накаплиются и остаются, какъ-бы образуя вокругъ

насъ панцырь, защищающій насъ отъ зла. А когда мать находится уже подъ землею и не можетъ болѣе ласкать насъ, мы пощѣщаемъ ея могилу и сохраняемъ ея изображеніе, которое какъ-бы продолжаетъ смотрѣть на насъ и цѣловать насъ; во снѣ намъ святыя эти пѣжныя, страстные поцѣлун, которыхъ ни одна женщина въ мѣрѣ не сѣмѣетъ замѣнить намъ.

Между многими славными произведеніями, которыя должны быть созданы въ будущемъ, я ясно вижу въ домахъ нашихъ отдаленныхъ потомковъ три божественныя статуи, изваяныя не родившимся еще Фидіемъ. Онѣ представляютъ собою три Божества каждой семьи: супружескую любовь, материнскую любовь и дѣтскую любовь.

X | Три статуи и три женщины, потому что въ области любви женщиныѣ подобаетъ первое мѣсто, и ни одинъ пессимистъ, ни одинъ врагъ истины не посмѣетъ сорвать съ ея головы этого ореола.

X | Три статуи и три женщины, три статуи и три вѣдкія привязанности, между которыми нѣтъ ни первой, ни послѣдней, которыя все сіяютъ божественной, но весьма разнообразной красотой. Въ любви мужчины и женщины мы чувствуемъ огонь, въ любви матери—солнечный свѣтъ, въ любви дитяти сіяетъ намъ тотъ другой свѣтъ, который называется святостью.

При половой любви мы имѣемъ дѣло со страстнымъ желаніемъ двухъ жизней, стремящихся соединиться въ одну жизнь, съ бурнымъ теченіемъ двухъ потоковъ, стремящихся соединиться въ одну рѣку.

При материнской любви мы видимъ лишь неистощимый источникъ нѣжности, ненасытную потребность отдавать все, что есть самаго лучшаго; мы видимъ, какъ солнце, теплота, свѣтъ, кровь, молоко, медъ каждаго улья, нектаръ каждаго цвѣтка, теплота каждаго гнѣзда становится одной вещью: *матерью*.

При дѣтской любви обожаніе и любовь къ матери отражаются въ зеркалѣ безконечной признательности. X

При половой любви уста, сердца и желанія сливаются воедино; при материнской любви руки всегда раскрыты, чтобы давать, а уста—чтобъ благословлять; X
при дѣтской любви колѣна преклоняются предъ тѣми двумя святыми, которые называются отцомъ и матерью.

Три статуи и три женщины; три женщины и три божества религій будущаго, религій менѣе мистической, но болѣе человѣчной, культа, предметомъ котораго имѣють быть великіе идеалы чувства и мысли.

Есть-ли на свѣтѣ такой человѣкъ, который-бы достаточно любилъ свою мать?

Я полагаю, что нѣтъ, и вотъ почему это безпредѣльное и ненасытное желаніе достигнуть вершины, которой не коснулась ни одна человѣческая нога, можетъ вызвать состояніе экстаза удивленія и привязанности.

Какъ мила, какъ хороша, какъ добра къ намъ наша мать! Заблудившись на сбивчивыхъ дорогахъ жизни, опьяненные столькими наслажденіями, манимые столькими чарующими голосами, безпокойные, бурные, нетерпѣливые, сколько разъ мы преклонялись предъ идолами, сколько разъ мы позволяли проникнуть въ святилище нашего сердца мутной волнѣ страсти, а быть можетъ и порока! Можетъ быть, это влѣдетвіе зуда любопытства или щекотки самолюбія, но мы всегда имѣемъ какое-нибудь пятно на каждомъ лоскутѣ кожи, рубецъ на каждомъ членѣ, язву на каждомъ нервѣ. Но есть одно святилище, оберегаемое за семью печатями, въ которое не могутъ проникнуть ни грязь, ни мутная вода, ни болотныя міазмы. Мы осмѣяли все и всехъ; мы скомкали своими грубыми и жадными руками нѣжные листья лиліи и бѣлоснѣжныя одежды весталокъ; мы насмѣялись надъ богами; мы подвергли все чувства качественному и коли-

чественному анализу; мы извѣсили энтузіазмъ и растираемъ на пробномъ камнѣ сомнѣнія самыя благородныя металлы и золотистый порошокъ съ крыльевъ бабочекъ; мы привлекли идеалъ къ суду науки....; но есть нѣчто такое, чего мы никогда не касались, чего мы никогда не подвергали поруганію, надъ чѣмъ мы никогда не смѣялись...

Х Это „нѣчто“ — наша мать, существо, которое, если мы вѣримъ, мы возносимъ на небо и ставимъ выше ангеловъ и херувимовъ, а если не вѣримъ — въ еще болѣе возвышенный рай, гдѣ каждый человѣкъ создаетъ себѣ свое собственное небо, куда не проникаютъ ни человѣческое дыханье, ни испареніе болотъ. Мы воздвигаемъ для нея алмазный тронъ среди никогда не заходящаго солнца, куда не доходятъ ни сомнѣнія, ни споры, ни горечь души. — Она мать, и этого достаточно; она неоспорима, неприкосновенна, безконечна и вѣчна, какъ самъ Богъ.

Когда дѣтская привязанность сочетается съ великимъ благовѣніемъ предъ добродѣтелью, предъ физической и нравственной красотой женщины, родившей насъ на свѣтъ, экстазъ можетъ повторяться очень часто и оцѣплять насъ самыми изысканными восторгами сердца. Если при этомъ какое нибудь несчастье изолировало насъ отъ внѣшняго міра, и всякая наша мысль, всякое душевное движеніе сосредоточивается на одной лишь любви къ нашей матери, тогда наше чувство можетъ достигнуть наибольшей высоты и интенсивности, на какую только оно способно.

Х Нѣкоторые дѣти такъ сильно любили и любятъ свою мать, что въ этой любви какъ-бы растворяется всякая другая любовь, что они переносятъ самую ужасную жизнь изъ одной лишь любви къ матери. И нерѣдко огорченіе вслѣдствіе потери матери бываетъ столь сильнымъ, что ребенокъ вскорѣ слѣдуетъ за нею въ могилу.

Было-бы бесполезнымъ и утомительнымъ трудомъ—перечислять для каждаго чувства все формы экстаза, на которыя оно способно. Я желаю лишь указать каждому экстазу свое мѣсто и отмѣтить самыя характерныя для него черты, чтобы его можно было отличить отъ другихъ ему подобныхъ. И естественныи испытатель, описывая намъ растение или животное, не указываетъ намъ всехъ его особенностей, а лишь самыя выдающіяся изъ нихъ, тѣ, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для опредѣленія его вида.

Все экстазы сходны между собою, потому что все они представляютъ собою родственныя явленія, имѣющія много общихъ первостепенныхъ особенностей. Тѣмъ не менѣе каждое чувство, каждая мысль даетъ экстазу известное направленіе, известный отпечатокъ.

Все рѣки направляются къ морю, но одиѣ текутъ прямо, другія извилисто, одиѣ медленно, другія быстро; одиѣ имѣютъ соленую или мутную воду, другія сладкую или прозрачную. Точно также обстоитъ дѣло и съ экстазами: каждое чувство можетъ повести къ экстазамъ желанія, восторга, самопожертвованія; но при каждомъ чувствѣ—желаніе, восторгъ, жертва различнымъ образомъ соприкасаются и сплетаются, принимая тотъ или другой оттѣнокъ, смотря по натурѣ и темпераменту личности.

Мы можемъ любить нашего отца также сильно, какъ мать, но если даже оба эти чувства равны по интенсивности, то они все-таки весьма различны по своей природѣ. И чувства, подобно тѣлу, имѣютъ полъ. Любовь къ отцу менѣе вѣжна и бываетъ болѣе почитательной; подобно тому какъ во многихъ другихъ случаяхъ, когда полъ проявляетъ свою тираннію, въ этой любви больше мысли и меньше чувства. Поэтому-то и любовь къ отцу рѣже приводитъ къ экстазу.

Дочь гораздо чаще сына обожаетъ отца и можетъ въ этомъ чувствѣ дойти до того, что иногда приноситъ ей въ

жертву любовь къ мужчигь. Исторія сохраняет на своихъ золотыхъ скрижаляхъ невыразимыя мученичества дочерей, которыя, жертвуя собою, своею жизнью и своимъ счастьемъ, доходили до экстаза дѣтской любви. И каждому изъ насъ навѣрное приходилось иногда восторгаться лицезрѣнiемъ той возвышенной картины, гдѣ слабость становится силой, гдѣ дитя защищаетъ отца, молодость приходитъ на помощь старости, а грація окружаетъ вѣчно зеленымъ плющомъ и никогда не увядающими цвѣтами старую гранитную или мраморную колонну, полуразрушенную отъ молнiй и отъ разъядающаго дѣйствiя времени. Отецъ можетъ стать для дочери главнымъ божествомъ на землѣ, и любовь къ нему можетъ дойти до такой святости и сиять такимъ свѣтомъ, что превращается въ настоящую религiю.

Больницы, тюрьмы, все жилища, гдѣ люди плачутъ и голодаютъ, — скрываютъ за своими стѣнами отъ глазъ непосвященныхъ или счастливыхъ картины поразительнаго величiя; картины, въ которыхъ одичанiе, физическое или нравственное вырожденiе, язвы и недуги не только не отталкиваютъ сердца дочерей, а напротивъ неудержимо притягиваютъ ихъ чарами преданности и самопожертвованiя; здѣсь каждая слеза находитъ кроткую руку, осушающую ее; здѣсь жизнерадостная юность почтительно склоняется предъ ложемъ страданiя, подавляя крикъ радости, чтобы не оскорбить имъ отчаянiя; здѣсь женщина вырываетъ изъ своей груди все цвѣты любви и желанiя, изъ боязни, чтобы ихъ ароматъ не заставлялъ страдать больныхъ, истощенныхъ отъ сильнаго нервнаго горя. Женщина всегда и вездѣ является ангеломъ-хранителемъ, порхающимъ у кровати больного, поддерживающимъ хромаго и обращающимъ въ бѣгство все прiвидѣнiя зла.

Дѣтская любовь къ отцу или къ матери обыкновенно становится нѣжной и интенсивнѣе и принимаетъ

новья своеобразныя формы, когда преклонный возраст дѣлаетъ родителей болѣе почтенными въ нашихъ глазахъ.

Старикъ, даже не будучи нашимъ родственникомъ, вызываетъ въ насъ чувство уваженія, почтенія, быть можетъ, даже состраданія. Крайнія ступени жизни, ея начало и конецъ привлекаютъ нашъ глазъ, очаровываютъ сердца, трогаютъ душу. Дитя вызываетъ въ насъ нѣжность, старикъ—уваженіе; дитя заставляетъ насъ улыбаться, старикъ—почтительно склонять голову. При видѣ нѣкоторыхъ старцевъ рука невольно поднимается, чтобы привѣтствовать ихъ; при видѣ дѣтей она поднимается, чтобы приласкать ихъ.

Старикъ—это человѣческій памятникъ, въ которомъ горитъ еще жизнь, и почтенная сѣдина образуетъ ореолъ на его головѣ, какъ вѣчные снѣга на горахъ. Голова старика подобна вершинѣ Альповъ; высокая и ясная, она созерцается съ восторгомъ и удивленіемъ. Сколько нужно терпѣнія и страданій, сколько нужно борьбы и разочарованій, чтобы достигнуть этой высоты! Снѣгъ и сѣдина—двѣ вещи, похожія другъ на друга: обѣ бѣлыя и чистыя, онѣ находятся на порогѣ вѣчности. Время, этотъ сонъ и мучитель, этотъ отецъ и палачъ всѣхъ живыхъ существъ, повидимому, торжествуетъ на этихъ вершинахъ надъ человѣкомъ и горою.

На обѣихъ этихъ высотахъ торжествуетъ вѣчный свѣтъ, проникающій и освѣщающій всѣ сотворенные предметы. Мало цвѣтовъ растетъ на этой высотѣ, но они отличаются самыми живыми красками и, подобно тому какъ съ вершины горы мы любуемся разстилающимися предъ нами ландшафтами и чудными зрѣлищами восхода и заката солнца, — мы со снѣжныхъ вершинъ старости созерцаемъ дѣла людскія съ возвышеннымъ спокойствіемъ долгаго опыта, кротости и прощенія. Туда не достигаютъ ни мязмы, ни рычаніе звѣрей; тамъ не выются гнѣзда; тамъ все молчитъ, все отдыхаетъ среди этого глубокаго и ничѣмъ невозмутимаго спокойствія.

Скажите, многіе-ли изъ бойцовъ на полѣ жизненной

борьбы достигаютъ этой вершины? Быть можетъ, одинъ изъ тысячи, одинъ изъ десяти тысячъ. Остальные погибаютъ у подошвы горы, на склонахъ ея, на тропинкахъ, вьющихся по ней, на скалахъ, выступающихъ изъ нея. Одни терпѣливые и сильные достигаютъ свѣга глетчеровъ, свѣга сѣдины. Старость есть побѣда счастливыхъ и сильныхъ, и мы почтительно склоняемся предъ сильнымъ, завидуя его счастью. Удастся ли и намъ выйти побѣдителями изъ жизненной битвы, или же мы преждевременно сложимъ наши кости у одного изъ горныхъ утесовъ?

Ребенокъ заключаетъ въ себѣ все очарованіе невѣдомаго, старикъ — все величіе извѣданнаго; ребенокъ срываетъ въ себѣ все увлеченія будущаго, старикъ — всю прелесть воспоминаній. Какая дивная исторія начертана въ головѣ старика, будь онъ самымъ незначительнымъ человекомъ въ мірѣ! Это — исторія, которую читаешь безъ надобности перелистывать сотни страницъ, которую можно прочитать однимъ взглядомъ на глубокія морщины, на сотни рубцовъ, полученныхъ въ сотни жизненныхъ бурь и битвъ...

Часто слабость тѣла сочетается съ величіемъ души, дрожащія руки съ орлинымъ взглядомъ; болѣзненность членовъ со всемогуществомъ мысли. Какой чудный контрастъ! — Своими руками мы поддерживаемъ этого старика, а устами разспрашиваемъ его о самыхъ трудныхъ задачахъ жизни. Это — больной, котораго лечатъ, и оракулъ, съ которымъ совѣтуются; слабый, котораго поддерживаютъ, и маякъ, который свѣтитъ; ложе страданія и алтарь мудрости. Мы чувствуемъ себя ничтожными и великими, слабыми и сильными предъ этимъ памятникомъ прошлаго, вызывающимъ въ насъ столько мыслей, возбуждающимъ столько почтенія.

Та пропасть, которая находится по ту сторону жизни и къ которой мы неоднократно направляли свои пугливые взгляды, лежитъ у ногъ этого старика. Онъ, быть можетъ, видитъ ее и смотритъ въ тотъ мракъ, въ ко-

торый онъ завтра погрузится; онъ, быть можетъ, знаетъ уже тотъ другой невидимый міръ, котораго мы боимся и который мы отрицаемъ, но о которомъ мы не перестаемъ думать. Мы еще далеки отъ него, но старикъ со своей высоты, можетъ быть, могъ-бы кое-что сообщить намъ о немъ.

Сколько вопросовъ просятся намъ на уста при видѣ старца! Хватить-ли у насъ времени, чтобы предложить ихъ и выслушать отвѣты на нихъ? Вѣдь завтра, быть можетъ, его уже не станетъ. Изъ нетерпѣнія узнать все, интересующее насъ, мы готовы стать назойливыми, но почтеніе удерживаетъ насъ и сковываетъ намъ уста; а между тѣмъ, дни безвозвратно проходятъ, и съ каждымъ изъ нихъ нашъ обожаемый старецъ приближается къ той пропасти, которая должна навсегда поглотить его.

Сколько заботъ, сколько уваженія окружаютъ эту человѣческую вершину! Не даромъ во все времена и у всехъ цивилизованныхъ народовъ предавали проклятію тѣхъ, которые дерзали оскорбить старца; не даромъ почтеніе къ старости стало добродѣтелью всехъ сильныхъ народовъ; не даромъ многіе преклоняются предъ стариками, какъ представителями науки и опыта; не даромъ внезапнаго появленія почтенной головы старца среди бушующей и жаждущей крови толпы бывало достаточно, чтобъ развеять собиравшуюся грозу. Не даромъ христіанскій мифъ изображаетъ Создателя въ видѣ старца.

Теперь представьте себѣ, какія чувства должны возбудить въ насъ этотъ старикъ, когда онъ нашъ отецъ, или эта старуха, когда она наша мать; когда къ почти-тельности присоединяется нѣжность, когда мы готовы отдать много нашихъ дней, чтобъ удлинить жизнь этихъ дорогихъ существъ; когда намъ каждое утро приходится спрашивать себя, не будетъ-ли этотъ день послѣднимъ для обожаемаго нами старца; когда мы по нѣсколько разъ въ день анализируемъ нашу совѣсть и экзаменуемъ

прошедшее и настоящее, чтобъ узнать, не будемъ-ли мы испытывать угрызений совѣсти и упрековъ въ недостаточной любви, когда крышка гроба покроетъ навсегда нашего отца или нашу мать!

Несомѣнно, что при этихъ возвышенныхъ опасеніяхъ любви, обожанія, священнаго трепета мы не разъ можемъ впасть въ экстазъ, какъ это случается съ набожными людьми среди священной тишины храма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Экстазы платонической любви.

Существованіе и отрицаніе этой любви.—Тридцать опредѣлений платонической любви и опредѣленіе автора.—Психологическій анализ этой формы любви.—Великія привязанности.—Ураганы любви.—Аскетическая стыдливость.—Видѣнія платонической любви.—Формы, общія съ нѣкоторыми другими экстазами.

На языкахъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ вы находите выраженіе: „*платоническая любовь*“. Разъ всѣ народы не могли обойтись безъ этого слова, то надобно предположить, что и вещь, которую оно выражаетъ, существуетъ либо въ дѣйствительности, либо въ мысляхъ человѣка. Мы не обращаемъ достаточно вниманія на отношеніе словъ къ выражаемымъ ими предметамъ и часто охотно допускаемъ, что человѣкъ между другими своими прихотями имѣетъ и прихоть выдумывать слова для не существующихъ вещей. Но это не совсѣмъ вѣрно, а если вѣрно, то лишь отчасти. Если мы создаемъ слова для *воображаемой* вещи, то это значитъ, что эта вещь находится въ нашемъ *воображеніи*, слѣдовательно существуетъ или существовала въ нашемъ мозгѣ.

Настоящая бѣда при изученіи словъ, какъ обозначеній вещей, состоитъ въ томъ, что не всѣ люди упо-

требляютъ одно и то-же слово для означенія одной и той-же вещи, въ особенности когда дѣло идетъ о психическихъ явленіяхъ. Отсюда возникаютъ путаница и анархія; потоки чернилъ и нескончаемыя усилія, чтобы придти къ соглашенію, а еще чаще—чтобы вызвать новые споры и словопренія.

Всѣ мы знаемъ, что такое значить ножъ, рука, глазъ, и, гоноря объ этихъ вещахъ, всѣ употребляютъ одни и тѣ-же слова. Мы также почти всегда и всѣ согласны въ обозначеніи наслажденія, страданія, ненависти, гнѣва и многихъ другихъ явленій психическаго міра, имѣющихъ для всѣхъ людей одно и то-же значеніе, а въ словарѣ свое извѣстное объясненіе.

Совсѣмъ другое пронесходитъ, когда дѣло идетъ о случайныхъ запутанныхъ явленіяхъ, о едва уловимыхъ моментахъ впечатлѣнія, или о сплетеніи въ одно цѣлое многихъ элементовъ. Тогда слово лишь грубо и приблизительно можетъ выразить настроеніе или же прямо вводитъ въ заблужденіе; и мы однимъ и тѣмъ-же словомъ обозначаемъ самыя разнообразныя вещи, какъ-бы насильно напяливая на нихъ платье, сшитое вовсе не для нихъ.

Это именно и случилось съ *платонической любовью*. Всѣ употребляютъ это слово въ шутку или серьезно, для насмѣшки или для защиты, изъ лицемѣрія или изъ убѣжденія; но понятія, выражаемыя этимъ словомъ, такъ-же различны, какъ да и вѣтъ, какъ порокъ и добродѣтель, какъ лицемѣріе и идеализмъ.

Попытаемся-же привлечь къ суду это слово, пригласивъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей людей толпы и философовъ, умныхъ, здравомыслящихъ мужчинъ и благородныхъ женщинъ, скептиковъ и вѣрующихъ, матеріалистовъ и идеалистовъ.

Что такое платоническая любовь?

Платоническая любовь—парадоксъ, утопія; она никогда не существовала и никогда не будетъ существовать.

Платоническая любовь — лицемѣріе, скрывающее со-
вѣтъ другой товаръ.

Платоническая любовь — свидѣтельство, которое даетъ
возможность провезти контрабанду.

Платоническая любовь — поддѣльный ключъ, дающій
возможность проникнуть въ чужой домъ, не рискуя быть
замѣченнымъ.

Платоническая любовь — замаскированное половое
безенліе.

Платоническая любовь — маска для воровъ и злодѣевъ.

Платоническая любовь — это квадратура круга.

Платоническая любовь есть сотый переводъ басни о
лисицѣ, считавшей кислымъ виноградъ, котораго она не
могла достать.

Платоническая любовь — дружба между мужчиной и
женщиной.

Платоническая любовь — истинная и настоящая лю-
бовь, но безъ грѣха.

Платоническая любовь — любовь со всеми преградами,
устанавливаемыми религіей, моралью или необходимостью.

Платоническая любовь означаетъ: *я хочу, но не могу.*

Платоническая любовь — любовь безъ желанія.

Платоническая любовь — братство душъ безъ облада-
нія тѣломъ.

Платоническая любовь — удивленіе безъ желанія.

Платоническая любовь — полная любовь, но безъ
обладанія другъ другомъ.

Платоническая любовь — любовь, свободная отъ всего
животнаго.

Платоническая любовь — обоюдная ложь, которой не
вѣрить ни одинъ изъ обоихъ лжецовъ.

Платоническая любовь — первая стадія великой любви
и послѣдняя фаза малой.

Платоническая любовь — союзъ, въ которомъ покля-
лись два существа, которыя завтра же нарушать его.

Платоническая любовь — клятва моряка, данная во
время бури.

Платоническая любовь — это признаніе, сдѣланное сегодня одною изъ сторонъ въ надеждѣ или увѣренности обладать другою стороною завтра или послѣ завтра.

Платоническая любовь можетъ быть фиктивной борьбой между двумя существами, не ухѣющими драться и боящимися крови.

Платоническая любовь — метафизика любви.

Платоническая любовь — глубѣйшая пародія на самую прекрасную, самую великую и самую пылкую изъ человѣческихъ страстей.

Платоническая любовь — левъ изъ гипса, тигръ изъ папьемаше, дѣтское пугало или игрушка.

Платоническая любовь есть высшее выраженіе идеальной любви.

Платоническая любовь есть торжество человѣка надъ животнымъ, любовь, увѣковѣченная идеальностью стремленій.

Платоническая любовь — надежда: дѣйствительная любовь — вѣра.

Вотъ вамъ тридцать различныхъ и отчасти даже противоположныхъ опредѣленій, приблизительно выражающихъ всевозможныя мнѣнія. Оставляя въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которыя совѣмъ отрицаютъ платоническую любовь, и тѣ, которыя выражаютъ иронію или злобу, мы можемъ сказать, что во всѣхъ остальныхъ опредѣленіяхъ заключается извѣстная доля истины; и если мы всѣ эти опредѣленія бросимъ въ хорошую агатовую ступку — ибо благородная матерія требуетъ и благороднаго инструмента — и растолчемъ ихъ съ терпѣливостью химика и усердіемъ фармацевта, то мы, быть можетъ, сумѣемъ получить такую квинтэссенцію, которая будетъ служить истиннымъ, единственнымъ и непогрѣшимымъ опредѣленіемъ платонической любви.

Я усердно взялся за эту химико-фармацевтическую операцію и получилъ въ результатѣ вещь, напоминаю-

щую самые причудливые препараты средних вѣковъ. Поэтому я бросилъ въ сторону ступку и обратился непосредственно къ здравому смыслу, который такъ часто рѣшаетъ намъ самыя замысловатыя психологическія задачи, и вотъ этотъ здравый смыслъ далъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ:

Платоническая любовь есть чувство, соединяющее мужчину и женщину, которые хотя и желаютъ обладать другъ другомъ, но добровольно отказываются отъ соединенія тѣлъ, соединяя лишь души.

До чего можетъ дойти эта любовь, какъ долго она можетъ продлиться—я не знаю. Чтобы доказать возможность платонической любви, я написалъ свою книгу „*Три грации*“, но одна умная и образованная англійская писательница остроумно замѣтила въ журналѣ „*Academy*“, что я лишь разрубилъ гордиевъ узелъ, а не развязалъ его. Я обращался ко многимъ англичанамъ, этимъ глубокимъ знатокамъ лицемѣрія въ любви, съ вопросомъ, что значить „*flirtation*“, въ какихъ предѣлахъ вращается это труднѣйшее для перевода слово, и получилъ столько различныхъ, то метафизическихъ, то циническихъ отвѣтовъ, что потерялъ мужество и отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Въ ожиданіи, пока болѣе глубокіе знатоки человѣческаго сердца дадутъ болѣе точное опредѣленіе, я остаюсь при своемъ и ограничиваюсь утвержденіемъ, что вполне вѣрю въ существованіе платонической любви, въ ея рѣдкое возникновеніе и высокую идеальность, что я считаю ее однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ и пахучихъ цвѣтковъ, какіе только могутъ произрастать въ человѣческомъ сердцѣ. Она способна на невыразимые восторги и доходить до экстаза, который заслуживаетъ быть поставленнымъ наряду съ религіознымъ экстазомъ и съ экстазомъ материнской любви.

Я не допускаю платонической любви между двумя стариками, между двумя уродами, между двумя существами, которыя не могут желать обладать другъ другомъ. Принято говорить, что души не старѣются, но это заблужденіе: души такъ-же старѣются, какъ тѣла, и души, соединяющіяся священными узами платонической любви, должны быть молоды и прекрасны.

Это возвышенное чувство доступно лишь тѣмъ избраннымъ натурамъ, которыя умѣютъ лишитъ свою душу всякой тѣлесной оболочки, которыя умѣютъ отдѣлать свою страсть отъ всякаго плотскаго желанія, которыя среди взаимныхъ восторговъ и очарованій удивляются другъ другу и любятъ другъ друга.

И души, подобно тѣламъ, имѣютъ свой полъ, и при платонической любви онѣ стоятъ лицомъ къ лицу и, вѣчно созерцая другъ друга, обмѣниваются потоками теплоты и свѣта, безъ тѣснаго соприкосновенія. Это— два небесныхъ свѣтила, двигающихся по одной орбитѣ, но никогда не соприкасающихся; они вмѣстѣ восходятъ и заходятъ, теряясь въ глубокой пропасти безконечнаго.

Они вѣчно въ движеніи, но вѣчно отдалены другъ отъ друга; они притягиваются однимъ и тѣмъ-же центромъ и отталкиваются одними и тѣми-же полюсами; единственное, что связываетъ ихъ между собою, это—свѣтъ и теплота.

Душа мужчины состоитъ изъ силы и дѣйствія, душа женщины—изъ граціи и доброты, и эти двѣ человѣческія натуры, которыя, сложенные вмѣстѣ, образуютъ цѣльнаго человѣка, безпрерывно притягиваютъ другъ друга, но никогда не сливаются, удерживаемыя долгомъ, который позволяетъ имъ любить другъ друга, но запрещаетъ соприкасаться и соединиться. Несмотря на сильнѣйшее притяженіе, движенія здѣсь не происходятъ, и вся сила его превращается въ очарованіе, въ божественный экстазъ.

Нѣтъ ни тренія, ни противодѣйствія; нѣтъ зоды, потому что нѣтъ огня, а есть лишь свѣтъ; нѣтъ усталости, потому что нѣтъ труда; нѣтъ смерти, потому что

жизнь приостанавливается, благодаря тому-же чуду, которое заставило солнце остановиться въ своемъ движеніи по небу въ библейскія времена. Нѣтъ потребности въ разнообразіи, потому что лишь усталость или скука (которая есть лишь другая форма усталости) могутъ вызвать желаніе разнообразія, непостоянства.

Платоническая любовь должна быть свободна отъ всякаго земнаго желанія; это ея величіе, это ея святая вода, въ которой она принимаетъ свое крещеніе и освещеніе.

Эти двѣ колоссальныя силы, притягивающія другъ друга, но не доходящія до соприкосновенія или соединенія, остаются неподвижными, какъ-бы уравновѣшенными; но лишь только одна изъ нихъ начинаетъ колебаться или уменьшаетъ на сколько-нибудь свою энергію, она тотчасъ устремляется къ болѣе сильной, и столкновение становится неизбѣжнымъ. Сверкаетъ искра или вспыхиваетъ пламя, и платонической любви какъ не бывало. Часто эти силы такъ близко соприкасаются, что производятъ молніи. Горе тому, кто вѣрить или думаетъ, что двѣ великія привязанности могутъ жить небесной жизнью вѣчныхъ вещей послѣ ласки или послѣ поцѣлуя!

Часто, даже можно сказать, большею частью, платоническія привязанности погибаютъ изъ-за того, что влюбленные увлекаются мечтою, будто они стужбють остановиться на срединѣ наклоннаго утеса; какъ будто можно вѣрить или надѣяться, чтобы край вѣгмъ извѣстныхъ пропастей могъ питать къ кому-нибудь жалость!

Ни одного поцѣлуя, ни одной ласки, хотя бы даже такой, какъ ласка крыльями. Крылья—также матерія и матерія живая и теплая. Разъ уста двухъ существъ слились для поцѣлуя—увы! платоническая любовь получила смертельную рану. Только души способны на платоническую любовь, матерія-же подвержена закону тяготѣнія, безразлично, перышко-ли это, ниточка или кусокъ свин-

цу. Паденіе этихъ вещей можетъ быть лишь болѣе или менѣе скорымъ, смотря по плотности матеріи. *Все или ничего*—это въ любви аксіома, и женщины, болѣе насъ свѣдущія въ этой области, хорошо знаютъ и всегда твердятъ это нетерпѣливымъ на ухо. Онѣ—весталки платонической любви, охранительницы стыдливости, и если онѣ первыя измѣняютъ платонической любви, то нѣтъ почти ни одного мужчины на землѣ, который помогъ-бы имъ подняться. Паденіе становится роковымъ, неизбежнымъ!

Не слабы привязанности, какъ ошибочно принято думать, а, напротивъ, самыя сильныя только и способны возвыситься до платоническаго экстаза, только онѣ могутъ видоизмѣниться настолько, чтобы удержатъ желаніе у порога храма, чтобы превратить самую жгучую страсть въ лунный свѣтъ, который свѣтитъ, но не грѣетъ.

Мелкая любовь—это животный зудъ, который успокаиваютъ холодными компрессами. Она не можетъ взобраться на высокія вершины, такъ какъ слаба, и еще менѣе она можетъ витать въ заоблачныхъ пространствахъ, такъ какъ у нея нѣтъ крыльевъ. Многія ложныя добродѣтели суть лишь такія мелкія страстишки, укрощенныя холодными примочками, и когда я вижу, какъ такіе случаи возводятся на степень героической жертвы, мнѣ хочется смѣяться.

Великія-же страсти укрощаются лишь смертью или чудомъ. *Это чудо—платоническая любовь.*

Человѣкъ, полный вѣры, надежды и, въ особенности, любви, пришелъ къ храму, чтобы молиться и любить. Онъ пришелъ издалека; цѣлыхъ двадцать или, можетъ быть, тридцать лѣтъ онъ путешествовалъ и изнемогалъ, перебираясь черезъ горы и холмы, притягиваемый Меккой любви. Во время этого долгаго странствованія онъ проливалъ потъ и слезы, терпѣлъ голодъ и жажду, но, все-таки, добрался живымъ до порога храма.

Сильная любовь может быть религіей или идолопоклонствомъ, поэтому, прежде чѣмъ быть допущеннымъ къ престолу Божьему, онъ долженъ стать на колѣни и молиться. И онъ видитъ своего Бога и чувствуетъ его близость. Въ розовомъ свѣтѣ храма онъ увидѣлъ великаго Бога, расточающаго жизнь и смерть. Онъ любить и будетъ любимъ. Еще одинъ моментъ, еще одна молитва, и ты получишь награду за долгое странствованіе, за перенесенныя страданія. Ты родился и прожилъ двадцать, тридцать лѣтъ, чтобы сорвать тотъ цвѣтокъ, которому для своего развитія также нужно было прожить двадцать или тридцать лѣтъ и который живетъ лишь для тебя. О, почему эти моменты не длятся столѣтія и почему эти столѣтія не сгораютъ въ одинъ моментъ на алтарѣ желанія и любви?

Но вотъ чей-то голосъ васъ позналъ, зоветъ васъ еще. Васъ услышали; вамъ можно войти въ храмъ. Существо, о которомъ вы мечтали втеченіи столькихъ лѣтъ, которое вы узрѣли въ облакахъ своей фантазіи, теперь передъ вами живое, теплое, молодое, улыбающееся. Она также мечтала, желала, ждала: если подвижнику нуженъ Богъ, то и Богу нуженъ поклонникъ. И вы—то существо, котораго она такъ страстно ждала, о которомъ такъ долго мечтала. Каждый взглядъ вашъ становится лаской, а каждая ласка—жаждой новыхъ ласкъ. Желанія превратились въ благословенія; двѣ весны, двѣ жизни, двѣ страсти ждутъ момента, чтобы слиться въ одинъ рай, полный цвѣтовъ, ароматовъ и блаженства. Пусть смерть придетъ—она вамъ не страшна: вы достаточно жили. По ту сторону безконечнаго нельзя себѣ ничего представить; испытавъ *все*, чего можно желать еще? Любите и умрите!

Но вотъ какой-то ангелъ или демонъ, судьба или долгъ положили между вами огненный мечъ. Вы любите и всегда будете любить другъ друга, но вы не прикасаетесь другъ къ другу. Ни ласки, ни поцѣлуи!

Нетерпѣливое перо мое поспѣшно очерчиваетъ то, что въ дѣйствительности происходитъ медленно и часто обра-

зуетъ цѣлый рядъ непрерывныхъ бурь. Немыслимо, чтобы безъ всякой борьбы и агоніи могло произойти такое превращеніе двухъ желаній въ одно самоотреченіе, двухъ страстей въ одинъ экстазъ, двухъ солнцъ въ одно ночное свѣтило.

Въ мірѣ ничто живущее или движущееся не пропадетъ и не теряется; ни матерія, ни сила, которая есть лишь извѣстное состояніе матеріи; и даже земные и небесные перевороты, даже циклоны, разрушающіе цѣлые города,—лишь превращенія силъ, лишь математическія уравненія, въ которыхъ обѣ части равны между собою.

То-же самое происходитъ и съ ураганами сердца. Любовь двухъ существъ должна была слиться, чтобы зажечь факелъ жизни; два поцѣлuya должны были соединиться въ одно благословеніе торжествующей любви. И что-же? вмѣсто этого, когда буря прошла и небо прояснилось, мы видимъ, что пришедшій издалека къ храму любви странникъ продолжаетъ стоять у порога; вмѣсто торжествующей любви мы видимъ лишь самоотреченіе и обожаніе. А тамъ, въ глубинѣ храма неподвижно стоитъ божество и смотритъ на странника съ ясной нѣжностью; и въ такомъ положеніи оба будутъ пребывать до послѣдняго вздоха. Любовь стала обожаніемъ; всеосвѣщающее и все-согрѣвающее солнце превратилось въ луну, которая располагаетъ лишь къ мечтамъ и вздохамъ.

Если вы читали мою „*Физиологію страданія*“, то вамъ, вѣроятно, еще памяты тѣ страницы, гдѣ я пытаюсь прослѣдить психологію меланхоліи. Между послѣдней и платонической любовью имѣется большое сходство.

Платоническая любовь — это сильная и сладостная меланхолія, и кто разъ вкусилъ ея прелести, тотъ не стремится къ радости, потому что въ этомъ мечтательномъ чувствѣ больше возвышенныхъ красотъ, больше нѣжныхъ мистерій, больше привлекательныхъ и заманчивыхъ тайнъ. Отъ вулкановъ, землетрясеній и урагановъ любви

не осталось и слѣда; послѣ происшедшаго сраженія не осталось ни одного трупа, ни одного оторваннаго члена; изрытая пулями и обогрѣнная кровью почва, снова принадлежит плугу, и золотистая нива снова волнуется тамъ, гдѣ прежде раздавались стоны умирающихъ и крики разъяренныхъ... Одинъ лишь деревянный крестъ на краю поля напоминаетъ вамъ исторію страданія и наводитъ на васъ унылую печаль.

Я не даромъ говорилъ о храмѣ, стараюсь изобразить тайны платонической любви; она имѣетъ мистическія формы, а ея экстазы имѣютъ много общаго съ религіозными очарованіями.

Когда желаніе подавлено и борьба становится безплодной.— что можетъ оставаться еще, кромѣ обожанія? И это обожаніе, которое вначалѣ относилось къ извѣстному идолу, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утончается, такъ что воспоминаніе о перенесенныхъ страданіяхъ и борьбѣ мало-по-малу изглаживается, обожаемый нами образъ теряетъ для насъ свою индивидуальность и принимаетъ форму мифа или символа. Женщина, которую мы обожаемъ платонической любовью, перестаетъ быть для насъ Лаурой или Беатриче; мы видимъ въ ней лишь женщину, воплощающую въ себѣ всю красоту, всю грацію, все прелести Венеры и Евы.

Любимая женщина имѣетъ глаза, которые насъ очаровываютъ, члены, которые наши руки ласкаютъ, волосы, въ которыхъ, какъ въ сказочномъ лабиринтѣ, теряются наши желанія. Женщина-же, которую мы любимъ платонической любовью, не имѣетъ ни глазъ, ни членовъ, ни волосъ; да и къ чему ей обладать всемъ этимъ, когда мы не можемъ ни ласкать или цѣловать ихъ, ни обладать ими. Развѣ Богъ имѣетъ глаза, члены и волосы? Мы любимъ платонически, но наша любовь есть обожаніе, а обожаніе—это эстетика, ставшая аффектомъ, или аффектъ, ставшій эстетикой, или лучше сказать—

это чувство, которое вѣчно колеблется между восторгомъ предъ абсолютной красотой и безконечной любовью къ этой красотѣ, которой мы не дерзаемъ придать форму, такъ какъ и это кажется намъ профанаціей.

Половая любовь всегда что-нибудь обнимаетъ руками, устами или сердцемъ; платоническая-же не знаетъ объятій, потому что безконечнаго нельзя объять; платоническая любовь созерцаетъ, восторгается, обожаетъ.

При платонической любви мы наблюдаемъ полный и постоянный экстазъ. Здѣсь на лицо все до одного самые характерные элементы экстаза: здѣсь и фиксація, и поглощеніе всехъ остальныхъ ощущеній однимъ ощущеніемъ, и неподвижность влѣдствіе напряженія всехъ антагонистическихъ мышцъ, и каталепсія, и нечувствительность влѣдствіе избытка ощущеній. И такихъ экстазовъ два, потому что мы имѣемъ дѣло съ двумя существами, созерцающими и обожающими другъ друга, и съ двумя силами, которыя, пребывая въ пространствѣ вѣчно отдаленными другъ отъ друга, стремятся другъ къ другу, не приближаясь никогда ни на одну линію, чтобъ соприкоснуться. Такія явленія наблюдаются между небесными свѣтилми, и астрономы изучаютъ ихъ; въ чело-вѣческомъ сердцѣ они проявляются по тѣмъ-же законамъ и съ такою-же полнотою могущества и красоты.

Если платоническая любовь своимъ идеализмомъ приближается къ мистическимъ очарованіямъ аскета, то она, съ другой стороны, проявляетъ и значительную черту скупости.

Скупость и платоническая любовь имѣютъ между собою то общее, что, владея сокровищемъ, онѣ лишь созерцаютъ его, восторгаются имъ, но не расходуютъ его.

Эта женщина, которую вы обожаете, принадлежитъ другому или-же, повидимому, никому не принадлежитъ; но никто ея не любитъ такъ сильно, какъ вы, ни для

кого она такъ не прекрасна, какъ для васъ. Ваши взгляды, ваши стремленія, ваши вѣчно витающія вокругъ нея мысли, окружаютъ ее ореоломъ, возвышающимъ ее надъ всеѣмъ міромъ. Она замкнута въ невидимомъ шкафу изъ золота и драгоценныхъ камней, къ которому вы одни имѣете ключъ. Она такъ-же, какъ вы это хорошо знаете, любить только васъ. Это, такъ сказать, потенциальное обладаніе, идеальная собственность. То-же мы наблюдаемъ и у скупого: онъ созерцаетъ свои пачки банковыхъ билетовъ, которыя, по мановенію волшебнаго жезла, могли-бы превратиться въ радости, въ роскошь, во всякую божью благодать. Мы желаемъ, чтобы эта женщина была неприкосновенна, чтобы эти деньги лежали безъ движенія, но эта женщина и эти сокровища—наши.

Платоническая любовь, столь богатая очарованіями, доставляетъ намъ галлюцинаціи поразительной красоты. Нѣтъ такого портного въ мірѣ, который сумѣлъ-бы такъ ловко одѣть обнаженное тѣло, или такъ смѣло обнажить одѣтое!

При видѣніяхъ аскета Богъ является (какъ мы это послѣ увидимъ) въ весьма различныхъ, но всегда прекрасныхъ видахъ; и обожаніе, вызываемое образомъ, удваивается при восторженномъ созерцаніи этой красоты. То-же самое можно сказать и о платонической любви, въ которой все силы мысли и вся энергія чувства, концентрируясь въ одномъ пунктѣ, придаютъ фантазіи такія крылья и кисти такую силу, что превращаютъ человѣка въ поэта и въ художника въ одно и то-же время: въ поэта, который украшаетъ и идеализируетъ все, къ чему ни прикоснется.—въ художника, который все покрываетъ чарующими радужными цвѣтами.

Женщина, которую мы обожаемъ, но которую не владемъ, всегда для насъ Венера: Венера-Афродита, когда фантазія обнажаетъ ее, Венера-Уранія, когда фантазія покрываетъ ее непроницаемымъ покровомъ нашей ревню-

сти и уваженія. Обнаженная или одѣтая—она всегда для насъ богиня, а мы ея жрецы. И святые видятъ Бога обнаженнымъ при своихъ видѣнїяхъ, и эта обнаженность отъ того не менѣе цѣломудренна и стыдлива. Платоническая любовь вся исполнена стыдливости, потому что стыдливость—уваженіе къ любви и освященіе желанія.

Экстазы платонической любви выражаютъ не только обожаніе, а иногда и самыя вышія формы самоотреченія и самопожертвованія, доведеннаго до мученичества. И тогда мы встрѣчаемся съ тѣми-же очарованіями, которыя описали при экстазахъ материнской и дѣтской любви.

Было-бы бесполезнымъ повтореніемъ, если-бы мы пожелали здѣсь снова нарисовать эти чудныя картины, столь сходныя между собою.

Единственная особенность, отличающая платоническую любовь отъ всѣхъ другихъ различныхъ видовъ любви, состоитъ въ томъ, что она сочетается съ пыломъ сильнѣйшей страсти, что она вся пронитава тою любовью, о которой мы говоримъ, не употребляя никакого прилагательнаго, и которая служитъ какъ-бы прототипомъ всѣхъ остальныхъ видовъ любви.

Платоническая любовь можетъ быть сильной и богатой экстазами, даже если ея не раздѣляетъ то существо, къ которой ее питаютъ. Даже если она вибрируетъ въ одномъ только сердцѣ, даже если она—что очень рѣдко случается—противорѣчитъ знаменитому стиху поэта: *Amor ch'a nullo amato amor perdona*, она, все-таки, можетъ длиться всю жизнь, можетъ стать бичемъ каждаго часа, сномъ каждой ночи, мистической религіей одного только сердца. Особеннымъ въ такихъ случаяхъ является тихая меланхолія и утѣшеніе въ видѣ далекой надежды, что наша любовь, оставаясь всегда платонической, встрѣтится съ любовью другого существа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Религіозные экстазы.

Глубокая аналогія между религіознымъ экстазомъ и любовью.— Благоговѣніе.— Данте и святая Тереза.— Уничженіе, жертвы, добровольное мученичество.— Аскетическія видѣнія, простыя и сложныя, веселыя и печальныя.— Психическое вліяніе свѣта.— Вторичныя явленія аскетическаго видѣнія.— Молитва, по опредѣленію богослововъ и психологовъ.— Молитва по опредѣленію св. Терезы.— Почему молится.— Предести молитвы.— Окружающая среда при религіозномъ экстазѣ.— Церкви, колокола и органъ.— Религіозные экстазы графини ***.

Съ какою-бы любовью и съ какимъ-бы усердіемъ ученый ни старался освободиться отъ всякихъ страстей при своихъ изслѣдованіяхъ, какъ-бы часто онъ ни повторялъ себѣ мудрое изреченіе Тацита „sine ira et studio“,—ему, все-таки, очень рѣдко удается быть *справедливымъ* въ своихъ сужденіяхъ и очень рѣдко онъ можетъ приобрести увѣренность, что отдалъ кесарево кесарю и божье Богу. Кесарь слишкомъ сѣтеленъ, чтобы не ослѣпить насъ, а Богъ слишкомъ великъ, чтобы не увлечь насъ. Мы наблюдаемъ это ежедневно при сужденіяхъ о политикѣ или религіи: вмѣсто спокойнаго и яснаго анализа мы слышимъ лесть или ругань; вмѣсто анатоміи—кабалистику; вмѣсто безпристрастнаго мнѣнія—

капитолій или Тарпейскую скалу. Съ одной стороны, вмѣсто возраженій слышны проклятія—*anathema sit*; съ другой стороны, вмѣсто отвѣтовъ слышится лишь насмѣшки и издѣвательства.

Политика доставляетъ намъ насущный хлѣбъ, а религія обѣщаетъ намъ золотой хлѣбъ въ будущемъ: какъ же намъ говорить объ этихъ вещахъ безъ страсти, какъ изучать политическія и религіозныя явленія такъ-же объективно, какъ изучаются математическія или физическія задачи? Еще не отыскалось такого человѣка, который могъ-бы думать безъ сердца и судить безъ нервовъ. Вотъ почему мы при изслѣдованіи религіозныхъ явленій встрѣчаемся съ вѣрующими, которые благоговѣютъ и не разсуждаютъ, и съ мыслителями, которые забываютъ, что разумъ лишь орудіе человѣка, а не весь человѣкъ. Если относительно политики одинъ великій писатель замѣтилъ, что каждый изъ насъ—якобинецъ для другого, то относительно религіи мы съ тѣмъ-же правомъ можемъ замѣтить, что каждый изъ насъ—атеистъ или ханжа для другого. Я никогда не забуду презрительнаго выраженія, съ которымъ одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей покинулъ залъ, гдѣ я говорилъ о религіозномъ экстазѣ, стараясь изслѣдовать его безъ фанатизма и безъ издѣвательствъ. Въ этотъ моментъ я былъ для него однимъ изъ набожнѣйшихъ людей въ мірѣ, между тѣмъ какъ какой-нибудь священникъ тутъ-же, быть можетъ, провозгласилъ меня еретикомъ! Прискорбная нетерпѣливость одного и другого!—Уже много вѣковъ тому назадъ было сказано: *in medio stat virtus*. Но лучше было-бы сказать, что на стоящаго по срединѣ нападаютъ съ обѣихъ сторонъ. Въ политикѣ стало догматомъ, что представитель центра—невѣжда или глупецъ, а въ области вѣры принято считать одновременно и невѣрующимъ, и оппортунистомъ всякаго, кто дерзаетъ изучать религіозныя явленія, какъ всѣ остальные антропологическіе феномены.

Однако, я надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, мнѣ удастся избѣгнуть толчковъ, такъ какъ я не

имѣю въ виду разрѣшать какой-нибудь религіозный вопросъ, а желаю лишь изслѣдовать религіозный экстазъ. И я займусь этимъ не съ цѣлью осмѣять или превознести его, а лишь со скромнымъ намѣреніемъ указать ему его естественное мѣсто между другими доступными человѣку экстазами. До тѣхъ поръ пока я, посѣщая всѣ деревни, всѣ города, всѣ столицы міра, буду видѣть, какъ повсюду самый высокій, богатый и роскошный домъ воздвигается людьми съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ жилищемъ для духа, я не перестану утверждать, что антропологъ долженъ изучать духъ съ тою-же любовью, съ которою онъ изучаетъ тѣло. Хотя обитатели храмовъ и не существуютъ, но они, все-таки, созданы человекомъ по его образу и подобию, и забывать или презирать ихъ—значило-бы забывать или презирать болѣе, чѣмъ положивъ человеческой природы.

Здѣсь не мѣсто анализировать или объяснять религіозное чувство, одно изъ самыхъ высокихъ, но и самыхъ сложныхъ и неопредѣленныхъ чувствъ, волнующихъ человеческій мозгъ. Мы всѣ хорошо знаемъ, что это за чувство. Оно относится къ существамъ, которыхъ не видишь глазами тѣла, но которыя видишь глазами вѣры, которыя можно любить и обожать столько-же или еще болѣе, чѣмъ живыхъ людей, называющихся нашей матерью, дочерью, женою.

Это свойство незримости охватываетъ всѣ формы религіознаго чувства, которое занимаетъ тѣмъ болѣе возвышенное положеніе, чѣмъ болѣе человѣкъ отделяется отъ окружающаго его видимаго міра. Главная цѣль, главное стремленіе религіозной души заключается въ направленіи всѣхъ желаній, всѣхъ помысловъ къ одному только Богу. Этимъ объясняется отчужденіе отъ окружающаго міра и необходимость отшельническаго образа жизни.

Отношенія подвижниковъ къ Богу выражаются въ различной формѣ: въ *благоговѣнн*, въ *уничтоженн*, въ *созерцанн виднн*, въ *молитв*, и при всѣхъ этихъ различныхъ условіяхъ они могутъ дойти до экстаза.

Чѣмъ болѣе аскетъ удаляется въ свой фантастическій міръ, тѣмъ болѣе онъ стремится возвыситься въ немъ. Каждый изъ нихъ повторяетъ:

„*Кто дастъ мнѣ любимыя крылья, чтобы я могъ взлетѣть и отдохнуть?*“

Дойти до религіознаго экстаза не легко, и не каждому это доступно. Для этого необходимо прежде всего обладать твердой, несокрушимой вѣрой въ дѣйствительное существованіе тѣхъ созданій, которыя мы обожаемъ; кромѣ того, нужно находиться въ состояніи сильной экзальтаціи, вышенаго возбужденія, въ состояніи крайней нервозности.... Такъ какъ аскетическая жизнь требуетъ поста, бодрствованія, умерщвленія всякаго желанія, всякой физической потребности, то получающееся отъ этого расслабленіе увеличиваетъ гиперестезію; раздражимость, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, каталепсію смѣняются, слѣдуя другъ за другомъ и представляя намъ возвышенныя картины....

Исторія называетъ такіе факты чудесами; наука подтверждаетъ ихъ, основываясь на физиологіи нервной системы. Новѣйшія открытія въ области гипнотизма открыли намъ на этотъ счетъ новыя и широкіе горизонты. Даже, такъ называемое, благоуханіе перестало быть сказкой или обманомъ.

Наша кожа выдѣляетъ при пароксизмахъ страха, любви, гнѣва особыя запахи. Существуютъ женщины, выдѣляющія запахъ фіалокъ или амбры, а во время эротическаго возбужденія запахъ озона. Точно также и нѣкоторые набожныя люди выдѣляютъ иногда интенсивныя

и пріятные запахи при аскетическихъ, религіозныхъ экстазахъ. Мы это увидимъ, когда познакомимся съ Маріей дѣли Анжели.

Отчужденіе отъ міра, поглощеніе всѣхъ мыслей, всѣхъ чувствъ одною лишь любовью къ незримому существу, которому приписывается все совершенство, все величіе, вся сила человѣческой природы и души — вотъ почва, на которой зиждется религіозный экстазъ.

Ничто такъ не походитъ на любовь въ ея высшихъ проявленіяхъ, какъ религіозный экстазъ.

Вотъ какъ онъ выражается:

Марію дѣли Анжели вѣчно терзаетъ мысль, что она недостаточно любитъ Бога. *Я перехожу отъ любви къ любви, думаю лишь о любви и все дѣлаю изъ любви... О Боже, любишь Тебя такъ сильно и быть способной оскорбить Тебя!*

Однажды (это было за два года до ея смерти), когда она готовилась причащаться, ей явился Христосъ во всемъ сіяніи своей славы и спросилъ ее съ кроткимъ и любящимъ выраженіемъ лица: *Возлюбленная моя, любишь-ли ты меня?* на что она въ любовномъ опьяненіи могла лишь отвѣтить: „Ахъ, мой властелинъ, люблю-ли я тебя!“ Тогда онъ сказалъ: „Вкусн, о дочь моя, прелесть моего присутствія, потому что ты будешь наслаждаться ею цѣлую вѣчность“.

До послѣдняго часа своей жизни она говоритъ лишь о любви.

„Иисусе сладчайшій, если ты желаешь доставить мнѣ страданія, то доставь мнѣ ихъ побольше; но я прошу Тебя только оставить мнѣ свободной годову, чтобы я могла любить Тебя до конца. Затѣмъ дѣлай со мною, что угодно.“

... Женщины въ состояніи религіознаго экстаза всегда говорятъ о Богѣ, какъ о *небесномъ сунруль*.

Анна Катерина Эммерихъ пишетъ: „Я всецѣло отдалась своему небесному супругу, и онъ располагаетъ мною, какъ хочетъ“.

Познакомившись съ топографіей религіознаго экстаза, мы постараемся теперь разобрать его различные моменты или, по крайней мѣрѣ, его характерные элементы, для чего постепенно изслѣдуемъ *благоговѣніе, уничтоженіе, видѣніе* и *молитву*.

Благоговѣніе.—Благоговѣніе—это сильная и страстная любовь, идущая объ руку съ высокимъ удивленіемъ и часто сопровождающаяся страхомъ или чувствомъ, весьма похожимъ на страхъ. Въ обыкновенномъ смыслѣ *благоговѣніе* выражаетъ *высшую степень любви*, въ религіозномъ-же мѣрѣ благоговѣніе есть обыкновенная форма любви, которую питаютъ къ Богу или къ другимъ сверхъестественнымъ существамъ, созданнымъ нашей фантазіей.

Исключить изъ благоговѣнія любовь значитъ говорить лишь объ аскетическомъ благоговѣніи. Во всякой молитвѣ, начиная отъ *Отче-нашъ*, которую лепечуть уста младенца, до священнаго гимна величайшаго изъ религіозныхъ поэтовъ, любовь преобладаетъ надъ всѣми другими ощущеніями.

Данте, божественно воспѣвшій любовь Паоло и Франчески, не только не исключаетъ изъ своего *Рая* „*тѣхъ, которые уже вкусили любовныхъ страстей*“, а воспѣваетъ даже божественную любовь, пытаясь выполнить труднѣйшее изъ предпріятій: перенести въ воображаемый мѣръ самыя возвышенныя страсти человѣческаго сердца.

Онъ имѣлъ полное право заключить свой *Рай*, свою безсмертную поэму, тѣмъ стихомъ, на который такъ ча-

сто ссылаются влюбленные, чтобъ оправдать себя, и судьи, чтобъ взять подъ защиту грѣшниковъ любви:

*L'Amor che muove il Sole e l'altre stelle*¹⁾.

Благоговѣніе передъ Богомъ—одна изъ тѣхъ квадратуръ круга, которыя терзаютъ и вѣчно будутъ терзать человѣческую мысль.

Для насъ, людей вышей расы и монотенетовъ, дѣло заключается въ томъ, чтобы любить существо, котораго не видишь, котораго не каснешься, которое не имѣетъ ни тѣни, ни членовъ, которое служить отцомъ и создателемъ всѣхъ существъ; дѣло заключается въ томъ, чтобы любить его болѣе, чѣмъ себя самихъ и всѣхъ дорогихъ намъ лицъ.

Вѣрующій поклоняется Богу либо въ лицѣ Иисуса Христа, либо рѣже въ лицѣ Вѣчнаго Отца, либо, наконецъ, въ лицѣ Святаго Духа; но во всѣхъ этихъ случаяхъ глазъ видитъ предъ собою либо мученика необыкновенной красоты, либо убѣденнаго сѣдинами старца, либо голубя въ ореолѣ свѣта. Тамъ, гдѣ глазъ видитъ и различаетъ, любовь можетъ найти пріютъ, можетъ ласкать, обнимать, цѣловать. И дѣйствительно, вѣрующій цѣлуетъ священныя изображенія, и я самъ видѣлъ, какъ католики цѣловали бронзовую ногу статуи св. Петра въ Римѣ съ тою-же страстью, съ какою индусы цѣлуютъ каменный цвѣтокъ, вырубленный на стѣнѣ одного изъ храмовъ въ Бенаресѣ²⁾.

Истинные святые, поэты религій, и истинные поэты, святые эстетика, пытались представить себѣ Бога безъ формы и въ полетѣ своей фантазіи воображали себѣ его состоящимъ изъ свѣта и сіянія. Я укажу лишь на св. Терезу и на Данте.

Мы далѣе еще познакомимся съ явленіями Бога у этой святой изъ Авилы, а въ послѣдней пѣснѣ *Paja* вы

¹⁾ Любовь, движущая солнце и другія звѣзды.

²⁾ *Mantegazza*. India.

знакомитесь съ видѣніемъ Бога у великаго поэта. И вотъ оказывается, что женщина, доходящая до высшихъ вершинъ мыслимаго идеала при помощи силы вѣры и экзальтациі, достигаетъ той-же высоты, что и поэтъ, носимый крыльями своего мощнаго генія; но можно смѣло сказать, что оба были одинаково безсильны для такого полета.

„Для этого полета мои крылья были слишкомъ слабы. Но вотъ мой умъ осенила молнія, которая дала душу то, къ чему она стремилась“. (Данте. Рай).

Святой Терезъ Богъ является въ видѣ невыразимо прозрачнаго алмаза, по величинѣ превосходящаго всю вселенную, или-же въ видѣ зеркала (См. слѣд. главу).

А нашему Данте Онъ является въ слѣдующемъ видѣ:

„Такъ мой умъ, прикованный и неподвижный, глядитъ на тотъ божественный ликъ, отъ котораго ни оторваться, ни глазъ отвести для созерцанія чего-нибудь другого я не въ силахъ... Въ глубинѣ необъятнаго свѣта три круга видѣлъ я, по цвѣту разные, но сходные по содержанію“...

Святая Тереза и Данте различнымъ образомъ подходятъ къ смѣлой задачѣ, и какъ экстазъ первой, такъ и геній второго одинаково проявляютъ свое безсиліе.

Благоговѣніе предъ Богомъ и небесными вещами—безконечная сила, которая никогда не истощается, потому что не превращается въ полезную работу. Оно стоитъ еще выше платонической любви, потому что оно не только лишено чувственности, а даже не относится къ людямъ или человѣко-подобнымъ существамъ. Это—вѣчное стремленіе, потому что касается вѣчнаго существа; оно безконечно, потому что витаетъ въ безконечности пространства и времени и потому что ему горизонтомъ служить лишь надежда слиться съ возлюбленнымъ существомъ въ загробной жизни. Въ этой жизни—невозможное, недостижимое: въ загробной—полное обладаніе Богомъ, рай.

Хотя вѣрующій въ своемъ благоговѣніи и витаетъ въ заоблачныхъ сферахъ, но онъ отъ этого не перестаетъ

быть человекомъ, который любитъ своими чувствами, своимъ сердцемъ, не будучи въ состояніи употреблять другого тѣла, другихъ органовъ, другихъ чувствъ для обожанія незримаго. Отсюда полное сходство между мимикой божественной любви и мимикой благоговѣнія предъ земными существами; отсюда тотъ-же огненный, поэтический, возвышенный языкъ. Я посвящаю двѣ длинныя главы изученію личностей св. Терезы и другихъ знаменитыхъ экзальтированныхъ женщинъ, и вы въ состояніи будете убѣдиться, что ничто такъ не походитъ на любовь, какъ религіозный экстазъ.

.
.
.

Внимательное сравнительное изученіе экстазовъ св. Терезы и наиболѣе увлекательныхъ страницъ дантовскаго *Рая* дало-бы драгоцѣнный матеріалъ для сравнительной психологіи обоихъ половъ. Мы увидимъ, какъ одно и то-же чувство, доведенное до одной и той-же степени у мужчины и у женщины, принимаетъ различныя формы и отношенія, смотря по различной психической природѣ обоихъ.

Въ благоговѣніи женщины больше любви, въ благоговѣніи мужчины больше восхищенія. Женщина относится къ Богу съ высокой нѣжностью, со страстью; мужчина—съ почтеніемъ, съ удивленіемъ; въ его благоговѣніи больше разума, чѣмъ любви. Благоговѣніе предъ св. сердцемъ Иисуса, какъ мы это послѣ увидимъ, могло быть изобрѣтено только женщиной, и еслибы св. Тереза написала *Рай* „Божественной комедіи“, то она дала бы намъ болѣе понятное, болѣе теплое, но менѣе теологическое произведеніе. Женщина вкладываетъ въ свое благоговѣніе предъ Богомъ всю безпредѣльную силу своей женской любви, весь героизмъ материнства и все свое самопожертвованіе. И уже поэтому одному она чаще падаетъ, мужчинъ, впадаетъ въ экстазъ. Мужчины и жен-

щины вообще могут въ своемъ благоговѣннѣй дойти до экстаза лишь при условіи абсолютной цѣломудренности. Лишь при этомъ условіи св. Аптоній можетъ видѣть женщинъ въ видѣ ангеловъ... Самая могучая человѣческая сила — любовь — превращается тогда въ въ обожаніе незримаго и поддерживаетъ этотъ священный огонь тѣмъ горючимъ матеріаломъ, который кончается лишь вмѣстѣ съ жизнью.

Возноситъ людей на небо, чтобы благоговѣть предъ ними въ раю, или низводитъ Боговъ на землю, чтобы приблизить ихъ къ нашему сердцу — въ сущности одно и то-же; и мы преклоняемся предъ любимой женщиной точно такъ-же, какъ вѣрующій въ благоговѣннѣй преклоняется колѣна предъ алтаремъ. Можно воображать себѣ что-нибудь другое, но сдѣлать можно лишь одно: преклониться и благоговѣть. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ одну и ту-же мимику, одно и то-же выраженіе, потому что чувство остается тѣмъ-же, т. е. любовью, ничѣмъ инымъ, какъ любовью —

L'amor che muove il Sole e l'altre stelle.

При благоговѣннѣй аскетическій экстазъ, подобно всѣмъ другимъ очарованіямъ, начинается тогда, когда удивленіе предъ частностями мало по малу переходитъ въ гипнотизмъ, вызываемый однимъ какимъ-нибудь ощущеніемъ. Вначалѣ насъ поражаютъ и экзальтируютъ всемогущество, всевѣдѣніе, милосердіе, божественная благодѣтельность, чарующая красота Верховнаго Существа; а затѣмъ, удаляясь мало по малу отъ этихъ частныхъ, мы даемъ увлечь себя одному какому-нибудь очарованію и впадаемъ въ экстазъ. Мы падаемъ во прахъ, со склоненной на грудь головой и съ согбеннымъ тѣломъ, какъ-бы желая занять какъ можно меньше мѣста; и только глаза наши обращены вверхъ, чтобъ не потерять изъ виду божественнаго видѣнія. А Онъ стоитъ

тамъ, на этой высотѣ, куда наши руки никогда не достанутъ, окруженный сіяніемъ, въ которомъ солнца и звѣзды сверкаютъ, какъ брилліанты на фатѣ царской невѣсты. Онъ обнимаетъ весь мыслимый міръ, въ которомъ мы теряемся, какъ пылинки въ вихрѣ, какъ крупинка соли, растворенная въ океанѣ. Мы такъ малы, такъ безконечно ничтожны, но мы почти гордимся и довольны этимъ ничтожествомъ, дающимъ намъ возможность быть поглощенными Создателемъ, котораго мы можемъ любить безконечной любовью, потому что и онъ одинаково любитъ все свои созданія.

Какими бѣдными и жалкими кажутся намъ все земныя привязанности въ состояніи такого божественнаго экстаза! Какая Венера-Уранія можетъ соперничать съ Божественностью; какая человѣческая красота можетъ соперничать съ божественной? При возвышенномъ благоговѣніи мы не увлекаемся болѣе существомъ, которое, хотя и прекрасно, но также хрупко, какъ и мы, имѣетъ тѣ же члены и болѣзни, что и мы, живетъ и умираетъ, подобно намъ. Мы не любимъ уже болѣе красиваго существа, а любимъ саму красоту; мы не любимъ уже болѣе сильнаго мужчины или милой женщины, а обожаемъ саму силу, грацію, мудрость, доброту во всемъ ея совершенствѣ.

Великіе художники среднихъ вѣковъ, а изъ современныхъ *Ary Schaffler*, сумѣли передать на своихъ безсмертныхъ картинахъ состояніе благоговѣнія святыхъ предъ Богомъ и другими небесными существами. *Фра Беато Анжелико*, придавъ своимъ ангеламъ много крыльевъ и возможно меньше тѣла, быть можетъ, вѣрнѣе всехъ изобразилъ экстазъ благоговѣнія, который онъ самъ столько разъ испытывалъ. Его ангелы являлись ему, когда онъ находился въ состояніи экстаза, — монаху неоднократно приходилось бросать въ сторону кисть и падать въ униженіи на колѣна, чтобы въ благоговѣніи предъ Богомъ снова увидѣть своихъ ангеловъ!...

Уничженіе.—Благоговѣніе почти необходимо заключаетъ въ себѣ униженіе, которое не только служитъ выраженіемъ христіанской покорности, а есть вообще естественная форма всякой великой любви. Психологи не обратили на это обстоятельство достаточно вниманія, а между тѣмъ это дало-бы имъ возможность глубже проникнуть въ изученіи любви и аскетическаго экстаза.

Многіе слишкомъ строгіе (и вслѣдствіе пристрастія несправедливые) критики христіанской религіи отнеслись къ ней отрицательно именно потому, что въ покорности, въ униженіи, въ вѣчномъ колѣнопреклоненіи видѣли ущербъ для человѣческаго достоинства и ненужное самоотреченіе предъ невѣдомыми и загадочными сверхъестественными силами. Если-бы они были объективнѣе (*sine ira et studio*) въ своихъ изслѣдованіяхъ, то увидѣли-бы, что униженіе, во-первыхъ, не есть униженіе и что унижаютъ себя всѣ влюбленные, бросающіеся на колѣна предъ любимой женщиной, отнюдь не находя въ этомъ своемъ поступкѣ ничего низкаго и недостойнаго; хотя не такъ часто, но и женщины также преклоняютъ колѣна предъ любимымъ мужчиной, не для того чтобы умолять его, а чтобы благоговѣть, благодарить, чтобы удовлетворить неудержимую потребность своего сердца. И все это дѣлается добровольно, по естественному влеченію, а не изъ послушанія какому-нибудь писанному гражданскому или религіозному закону.

Если мы чувствуемъ неудержимую потребность броситься къ ногамъ любимаго существа до и послѣ того, какъ оно становится нашимъ, то тѣмъ болѣе эта потребность должна существовать въ вѣрующемъ, который бросается на колѣна предъ алтаремъ, предъ идоломъ или предъ образомъ Бога, котораго онъ видитъ лишь мысленнымъ окомъ; и, не чувствуя въ своемъ поступкѣ ничего позорнаго или низкаго, онъ въ униженіи благоговѣетъ предъ Богомъ, котораго находитъ неизмѣримо великимъ въ сравненіи со своимъ ничтожествомъ.

Великая любовь, человѣческая или божественная,

всегда заключается во влеченіи двухъ различныхъ существъ, стремящихся стать однимъ существомъ; великая любовь есть сліяніе двухъ различныхъ силъ, стремящихся стать одной силой. Даже при самой цѣломудренной привязанности всякій влюбленный мечтаетъ о томъ, чтобы слить двѣ души въ одну душу, двѣ мысли въ одну мысль, два сознанія въ одно сознаніе. Точно также и вѣрующій дѣлаетъ себя матеріально меньшимъ, преклоня колѣна, складывая на груди руки и опуская голову на грудь, и идеально меньшимъ, сливаясь съ Богомъ и исчезая въ его величіи. Колѣноприклоненіемъ предъ алтаремъ мы желаемъ лишь близко коснуться Божественнаго и быть имъ всецѣло поглощенными.

Обладать и принадлежать—вотъ первая и послѣдняя формула всякой любви, вотъ ея психологическій скелетъ. И почему мы такъ страстно любимъ маленькія ножки, маленькія ручки и узкую талію нашихъ женъ? Потому что здѣсь, у этихъ частей, мы овладѣваемъ предметомъ нашей любви, и чѣмъ полнѣе рука или нога любимой женщины сливается и исчезаетъ въ нашей рукѣ, чѣмъ тѣснѣе и совершеннѣе цѣпь, образуемая нашей рукою вокругъ ея тѣла, тѣмъ совершеннѣе бываетъ очарованіе.

Пока мы стоимъ на ногахъ, пока мы держимъ голову высоко, пока мы мыслями и мыслью увеличиваемъ размѣры нашего *я*, нами не могутъ обладать, насъ не могутъ поглотить; точно также и мы не можемъ ни обладать, ни поглощать. Энергія и гордость—силы, а не покорность и не поглощеніе. Гордость—самый крупный изоляторъ въ этомъ мірѣ, и для того чтобы много и хорошо любить, необходимо принести гордость въ жертву любви. Пока *я* громко заявляетъ о себѣ, оно не можетъ превратиться въ *ты*, а для того чтобы *я* и *ты* слились въ *мы*, необходимо, чтобы *я* обѣихъ сторонъ уменьшилось, непарилось и растворилось въ экстазѣ одного ощущенія, одного чувства, одной мысли. Пока гордость властвуетъ въ насъ, невозможны ни сильная любовь, ни аскетическій экстазъ.

Вотъ почему Христосъ сказалъ, что только малые войдутъ въ рай, вотъ почему онъ сдѣлалъ христіанскую покорность однимъ изъ главныхъ предписаній своей религіи.

Самая крупная побѣда любви, самый крупный аскетическій триумфъ—это побѣда любви надъ гордостью, самой упорной, самой долговѣчной и самой тираннической изъ человѣческихъ страстей. Подобно тому какъ въ первыя времена христіанства можно было часто видѣть, какъ какая-нибудь куртизанка или царица, увлеченная огненной рѣчью апостола, бросала на алтарь новаго Бога свои ожерелья, драгоценные камни, шелковыя платья и даже изображенія старыхъ боговъ,—такъ и при уничтоженіи вѣрующій начинаетъ съ того, что приноситъ въ жертву всю земную роскошь—желанія плоти и нѣжность сердца, и затѣмъ вырываетъ изъ своей груди послѣдняго идола, гордость, и достигаетъ съ этого момента высшей вершины благоговѣнія. Гордость мертва: Сатана въ агоніи и умираетъ подъ ногами Архангела.

Жертва дается не легко: большею частью, она сопряжена со страданіемъ; но вѣрующій, приносящій жертву безъ колебаній и безъ сожалѣнія, подобенъ человѣку, который послѣ мученій тяжелой операціи чувствуетъ себя облегченнымъ и счастливымъ. Какое-то странное, новое, чарующее наслажденіе заключается въ этомъ чувствованіи себя нулемъ предъ милліонами, атомомъ въ безпредѣльномъ мірѣ; есть нѣчто необыкновенно пріятное въ сознаніи того, что живешь въ уничтоженіи по свободному выбору, по доброй волѣ.

Однако, это явленіе, сущность котораго я стараюсь выяснитъ, далеко не такъ просто, какъ я для ясности представилъ это. Съ христіанской покорностью тѣсно связаны другіе элементы этического и мистическаго характера. Христіанинъ въ своемъ уничтоженіи раскаявается въ томъ, что грѣшилъ, что оскорблялъ Бога, предъ которымъ благоговѣть, и добровольное самоуничтоженіе ста-

новится тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе желаніе исправить, чѣмъ горячее стремленіе къ лучшему.

Но все это не легко и не обыкновенно; для этого необходимо пройти извѣстное аскетическое воспитаніе. Многіе мужчины хвастаютъ тѣмъ, что никогда не преклоняли колѣнъ передъ женщиной; я могу лишь пожалѣть объ нихъ, ибо они отвѣдали лишь скорлупу любви. Поверхностные скептики смѣются надъ колѣнопреклоненіями вѣрующихъ. Они смѣются и всегда будутъ смѣяться надъ тѣмъ, чего они не могутъ понять. Я отлично понимаю людей не вѣрующихъ и не имѣющихъ надобности вѣрить въ міръ духовъ. Но я также не вѣрю и никогда не повѣрю набожности того, кто молится, не преклоняя колѣнъ.

Въ аскетической жизни экстазъ униженія едва отличается отъ экстаза благоговѣнія: весьма часто оба элемента слетаются и сливаются, образуя одно цѣлое. Преобладаніе того или другого изъ этихъ элементовъ зависитъ отъ различнаго психическаго характера индивидуума. Женщинѣ болѣе знакомо униженіе, мужчинѣ—благоговѣніе. Слабые, несчастные, старики, израненные и изувѣченные въ битвахъ жизни чаще унижаютъ себя; счастливые, сильные, молодые чаще благоговѣютъ. Веселая, ясная, олимпійская религія грековъ должна была создать больше благоговѣнія, чѣмъ униженія, между тѣмъ какъ вѣрующіе еще, старые народы охотнѣе преклоняются и чаще доходятъ до экстаза при униженіи.

Словомъ „униженіе“ я имѣлъ въ виду обозначить лишь главный элементъ, характеризующій это явленіе аскетической жизни; но экзальтированный вѣрующій никогда не довольствуется однимъ колѣнопреклоненіемъ; ему нужно еще терзать свою фантазію, чтобы доставить мученія своему тѣлу и унижать себя на всевозможные лады. Отъ экзальтаціи-же онъ постепенно пере-

ходить къ самымъ безумнымъ проявленіямъ душевныхъ болѣзней.

Всѣмъ извѣстны пытки, которымъ подвергали себя мученики всѣхъ религій: *дервиши* Индіи, мученики ислама, святые христіанства. Мы далѣе познакомимся съ нѣсколькими выдающимися примѣрами.

Носить самое жесткое платье и бичевать до крови тѣло; вбивать себѣ гвозди въ подошвы ногъ и поешпать пепломъ голову; ѣсть, когда имѣешь жажду, и пить, когда хочется ѣсть; терпѣть голодь и жажду до обморока; носить башмаки, отъ которыхъ образуются раны; промывать раны самыхъ грязныхъ больныхъ и давать топтать себя ногами обитателей цѣлаго монастыря; словомъ, изобрѣтать самыя безумныя мученія въ угоду Богу— все это сущіе пустяки для подвижниковъ всякой религій.

Всѣ эти муки были-бы невыслымы безъ той вѣры, которая двигаетъ горами, безъ того восторженнаго состоянія, которое служитъ существеннымъ условіемъ всякаго религіознаго экстаза, безъ той неполной чувствительности или полной нечувствительности, которая такъ часто сопровождаетъ это состояніе. Эти мученики, которые были-бы смѣшны, если-бы не внушали столько жалости, могутъ не только не испытывать страданій отъ своихъ мученій, но даже прямо наслаждаться ими; и художники, рисуя святыхъ улыбающимися на скамьѣ пытокъ или подъ топорожъ палача, на кострѣ или на шипахъ, вовсе не сочиняли, а рисовали съ натуры дѣйствительные факты, которые могутъ повториться и теперь, тамъ, гдѣ вѣра и экстазь подають другъ другу руку.

Аскетическое видѣніе.—Какъ въ состояніи благоговѣнія, такъ и въ состояніи уничтоженія, „*преклонивъ колѣна ума*“, мы не можемъ оставаться въ этомъ состояніи экстастическаго очарованія, не испытывая галлюцинацій или видѣній: видѣній, если мы сознаемъ ихъ какъ

образы, создаваемые нашимъ умомъ; галлюцинацій, если мы принимаемъ ихъ за дѣйствительные образы...

При аскетическомъ экстазѣ, изолирующемъ насъ отъ прошедшаго и отъ окружающаго насъ настоящаго, когда насъ поглощаетъ одна мысль или одно чувство, мы пребываемъ въ состояніи полнаго очарованія, и такъ какъ двери земнаго міра замкнуты передъ нами, то вмѣсто нихъ намъ открываются двери неба. Цѣлаго тома не хватило-бы для описанія всѣхъ видѣній святыхъ и страстно вѣрующихъ, которые, хотя и не признаны святыми, но посвящаютъ лучшую часть своего времени и своихъ силъ на полеты внѣ реального міра. Вмѣсто того чтобы приводить здѣсь длинное и бесплодное перечисленіе аскетическихъ видѣній, я лучше постараюсь подраздѣлить ихъ на нѣсколько большихъ группъ, снабдивъ ихъ нѣсколькими практическими примѣрами въ слѣдующихъ главахъ.

По своей природѣ аскетическія видѣнія бываютъ *простыми* и *сложными*.

Первыя суть ничто иное, какъ образы, возникающіе изъ міра воспоминаній или изъ описаній, вычитанныхъ въ священныя книги. У большинства вѣрующихъ фантазія не особенно богата, и въ ихъ видѣніяхъ повторяется лишь то, что они видѣли тѣлесными глазами. Эти видѣнія ничѣмъ не отличаются отъ видѣній, являющихся намъ ежедневно, когда мы вольно или невольно вызываемъ въ себѣ образы прошлаго или воспоминанія о давно пережитыхъ событіяхъ. Но такъ какъ и при саміхъ слабыхъ религіозныхъ экстазахъ всегда наблюдается извѣстная экзальтація, то образы этихъ видѣній, обыкновенно, являются въ роскошномъ и радужномъ свѣтѣ, окруженные сіяніемъ.

Сложныя видѣнія заключаются въ томъ, что болѣе богатая фантазія группируетъ эти образы, присоединяетъ

къ нимъ другіе, никогда не видѣнные и встав-
ляютъ ихъ въ извѣстную раму.

.
.
.

Особенная и вполнѣ характерная черта аскетическихъ видѣній заключается въ томъ, что они представляютъ цѣлое море, цѣлый океанъ свѣта; то это лучи, то ореолы, то сіянія, то огни, но всегда это свѣтъ—обильный, опяняющій свѣтъ. Терезъ Духъ является въ видѣ алмаза больше вселенной, а Данте видитъ въ божествѣ *свѣтъ, огонь, лучи*, въ различныхъ комбинаціяхъ между собою. Анна-Катерина Эммерихъ видитъ даже Адама и Еву *сіяющими и покрытыми лучами, какъ вуалью*.

Современная фізіологія доказываетъ намъ, что если головастики лишитъ свѣта, то они не въ состояніи претерпѣть всѣхъ тѣхъ метаморфозъ, которыя необходимы для того, чтобы они стали совершенными животными, т. е. лягушками; она далѣе доказала намъ, что свѣтъ способствуетъ органическому горѣнію и ускоряетъ многія изъ жизненныхъ отправленій; но до сихъ поръ еще не было изучено вліяніе свѣта на мысль и чувство. А между тѣмъ это вліяніе настолько велико, что оставляетъ глубокіе слѣды въ искусствахъ и въ литературѣ цѣлаго народа. Одинъ и тотъ-же человѣкъ думаетъ о различныхъ вещахъ въ темнотѣ, въ сумеркахъ и подъ ослѣпительными лучами лѣтняго солнца. Многіе самоубійцы, быть можетъ, жили-бы еще, если-бы дѣнь, когда они лишили себя жизни, былъ ясенъ и безоблаченъ. Я самъ, изслѣдуя теперь аскетическія видѣнія, быть можетъ, гораздо теплѣе и съ большимъ увлеченіемъ писалъ-бы объ этомъ, если-бы море и небо, которыя я вижу изъ окна своего кабинета, не были сѣры и мрачны, какъ свинець.

Свѣтъ—это вторая атмосфера, болѣе нѣжная, широкая и высокая, охватывающая ту первую атмосферу, которая состоитъ изъ воздуха; и въ то время какъ послѣдній касается лишь нашей кожи и, проникая въ легкія, разносится отсюда кровью во всеѣмъ тканямъ,—свѣтъ, по-видимому, проникаетъ въ самый мозгъ и нервы, пропитывая собою тотъ внутренній организмъ, который мы называемъ душою. Безъ свѣта невозможна не только жизнь въ какой-бы то ни было формѣ, но также мысль и чувство. Даже слѣпые, и тѣ чувствуютъ и поглощаютъ свѣтъ, и если-бы они не были дѣтьми людей, наслаждавшихся прелестями солнечныхъ лучей втеченіе многихъ вѣковъ,—они не могли-бы жить.

Когда я пишу, мыслю или люблю, не глядя на небо, то я отлично чувствую и знаю, ласкаетъ-ли меня солнце непосредственно или его скрываетъ отъ меня какая-нибудь тучка, и если вѣтеръ, играя облаками, то даетъ мнѣ, то отнимаетъ у меня солнечный свѣтъ,—я чувствую, какъ пульсъ жизни то ускоряется, то замедляется; я чувствую, какъ умираю и оживаю, какъ засыпаю и просыпаюсь. И въ различной степени это испытываютъ все люди, обладающіе нервами.

Все это самыя элементарныя, самыя простыя вліянія свѣта; но этимъ дѣло не ограничивается. Подобно тому, какъ имѣются вещества, поглощающія свѣтъ, такъ и наша нервная система поглощаетъ его, удерживаетъ и освобождаетъ при извѣстныхъ внутреннихъ или вѣшнихъ стимулахъ. И этимъ свѣтомъ мы пользуемся, чтобы нарисовать самыя чудныя и веселыя картины нашей фантазіи, и чѣмъ болѣе свѣта мы поглотили, тѣмъ болѣе мы освобождаемъ его. Попробуйте сосчитать, сколько разъ Данте упоминаетъ о свѣтѣ и его формахъ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ „Адъ“ и „Рай“, и вы увидите разницу между тѣми двумя мірами, въ которыхъ божественный поэтъ желалъ наказать виновныхъ и вознаградить добродѣтельныхъ. Сіяющимъ мы представляемъ себѣ все прекрасное и сверхчеловѣческое; мрачнымъ—

все низкое и дурное. Бога мы воображаемъ на небѣ, демона подѣ землей, ибо онъ царь мрака. „Свѣтлый“, „лучезарный“ выражаютъ высшую степень похвалы (*святлая личность*), между тѣмъ какъ выраженіе „черная душа“ служить крайнимъ проявленіемъ нашего презрѣнія.

Вотъ почему аскетическія видѣнія всегда свѣтлы и лучезарны и становятся мрачными и темными лишь тогда, когда усталая и истощенная фантазія переходитъ изъ міра свѣта въ пропасть мрака. Мы уже видѣли это на первыхъ страницахъ книги и далѣе снова увидимъ знакомясь съ исторіями святыхъ.

Сомнамбулизмъ, бредъ, конвульсіи, подкожныя кровоизліянія волосныхъ сосудовъ (*stigmata*), каталепсія и другія паталогическія явленія могутъ сопровождать религіозный экстазъ, но они не служатъ необходимыми условіями очарованія. Мы уже говорили объ этомъ вначалѣ книги, и повторяться было-бы излишне.

При изученіи исторіи нѣкоторыхъ святыхъ читатель познакомятся съ примѣрами этихъ глубокихъ жизненныхъ аномалій, окружавшихъ жизнь тѣхъ людей всею волшебной прелестью загадочнаго и чудеснаго.

Экстазъ—всегда исключительное состояніе, которое не можетъ долго длиться или часто повторяться, не вызывая нарушеній во многихъ органахъ, слѣдовательно и во многихъ отравленіяхъ душевной и вегетативной жизни. Экстазъ не сумасшедшій; онъ находится на плохо различаемой границѣ, гдѣ возвышенное соприкасается съ низкимъ, а геній съ безуміемъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ мой другъ Ломброзо, для котораго эти два состоянія вездѣ и во всемъ соприкасаются.

Молитва.— Довольно трудно сдѣлать научный анализъ психологическаго процесса молитвы, этого столь сложнаго явленія мысли и чувства, въ которое могутъ

войти всё элементы религіознаго экстаза, изслѣдованные нами на первыхъ страницахъ этой главы.

Первая молитва была совершена человѣкомъ, который *страдалъ и просилъ*, и была направлена къ солнцу, къ лунѣ или къ идоламъ, которые являлись олицетвореніемъ силъ природы. Просить—значить унижаться, значить проявлять любовь къ тому, кого просишь, значить предлагать себя самого и свою собственность, чтобы получить желаемую милость. Позднѣе, съ развитіемъ религіознаго процесса, молитва уже не обращается къ небеснымъ свѣтиламъ или къ идоламъ, а къ невидимымъ, болѣе или менѣе человѣкоподобнымъ богамъ. Съ возвышеніемъ мысли въ болѣе идеальныя области и боги заняли болѣе возвышенное мѣсто, а храмъ расширился, чтобы вмѣстить болѣе высокія чувства; но молитва въ сущности всегда оставалась неизмѣнной, и всё различныя формы, которыя она представляетъ намъ въ различныхъ религіяхъ и въ различныя времена, сводятся къ старинному толкованію: *молиться* значитъ *просить*.

Просить-же значитъ нуждаться, надѣяться, умолять сильнаго доставить намъ то, чего мы не можемъ достигнуть; но это также значитъ благодарить, когда мы получили просимое, любить того, кто намъ доставилъ это, быть поглощеннымъ благоговѣніемъ, составленнымъ изъ надежды, признательности и удивленія.

Невозможно въ грубыхъ цифрахъ выразить всю ту сумму счастья и утѣшенія, которую человѣкъ пріобрѣтъ, благодаря молитвѣ; много самоубійствъ, много преступленій предупредила она и много жизненной благодати она доставила тѣмъ семьямъ, гдѣ существовала вѣра въ молитву. Св. Тереза могла съ полнымъ правомъ воскликнуть въ порывѣ аскетическаго вдохновенія:

„Объщайте мнѣ, что вы будете каждый день молиться только четверть часа, и я вамъ обещаю небо.“

Святая испанка говорила о загробномъ небѣ, но она

съ тѣмъ-же правомъ могла-бы говорить о небѣ земномъ или о счастьи.

Само собою разумѣется, что я говорю здѣсь не о той молитвѣ, которая у католиковъ стала механическимъ обрядомъ, шептаніемъ словъ, смыслъ которыхъ остается непонятнымъ, ибо они произносятся по-латыни или—что еще хуже—на какомъ-нибудь метафизическомъ языкѣ. Когда молитва принимаетъ эту мумифицированную форму, то ужь лучше, подобно тибетцамъ, завести молитвенную машину. Я говорю здѣсь лишь объ истинной, горячей, аскетической молитвѣ, которая прежде уничтожаетъ мысль, а потомъ тѣло, которая, прежде чѣмъ заставить насъ преклонить колѣна, покоряетъ Богу всю нашу душу.

На взглядъ теологовъ молитва есть вознесеніе къ Богу трехъ естественныхъ способностей души, *памяти, ума, воли*, и примѣненіе къ своему благу и ко благу другихъ *разума, сердца и дѣятельности* человѣка.

Отецъ *Камилло Мелла* даетъ намъ въ своихъ „Объясненіяхъ“ къ „Автобіографіи“ св. Терезы краткій и ясный очеркъ молитвеннаго метода, заповѣданнаго св. Игнатіемъ. Вотъ теологическій скелетъ одного изъ самыхъ возвышенныхъ психическихъ явленій.

В в е д е н і е.

I. *Приготовленіе къ молитвѣ.*—Сосредоточенность живая вѣра, благоговѣніе, уничтоженіе, и т. п.

II. *Подготовленіе мѣста.*—Душа, чтобы сосредоточиться и чтобы живѣе понять то, чѣмъ займется, кратко и безъ напряженія направляется на какое-нибудь таинство, или на предметъ, которымъ должна заняться.

III. *Просьба.*—Просьба просвѣтлѣнія и особой милости, чтобы лучше выполнить предположенное размысленіе, лучше усвоить себѣ ученіе и тѣмъ извлечь изъ него свѣтъ, откровеніе, силу и мужество.

Размышленіе.

I. *Память* указываетъ душѣ факты или истины, которые должны служить предметомъ молитвы.

II. *Умъ* вмѣшивается, чтобы рассмотреть вещи сами по себѣ и въ ихъ соотношеніяхъ: кто, что, гдѣ, какимъ образомъ, почему, когда; изъ всего этого онъ дѣлаетъ практическіе выводы и обсуждаетъ ихъ.

III. *Воля* принимаетъ сдѣланныя заключенія и рѣшенія, которыхъ немного, но которыя отличаются практичностью и всесторонней опредѣленностью.

Заключеніе.

I. *Чувства*, относящіяся къ разсматриваемой матеріи.

II. *Предначертанія*, посвященныя Богу, *просьба* о необходимой милости.

III. *Всегда* съ Отцомъ, Сыномъ, Св. Духомъ, съ Дѣвой Маріей, Ангелами или Святými, смотря по удобству и предмету молитвы.

Лучше, чѣмъ въ этой схоластической и догматической схемѣ, *душа* молитвы изображена на вдохновенныхъ страницахъ св. Терезы. Я ограничиваюсь лишь нѣсколькими краткими цитатами, такъ какъ не могу за неимѣніемъ мѣста привести здѣсь все длинныя и горячія проповѣди о молитвѣ, которыя мы находимъ въ писаніяхъ этой великой испанской подвижницы.

.
„ Душа отдается сладкой мечтѣ, что Онъ (Спаситель) глядитъ на нее; она излагаетъ ему свои просьбы, сознавая себя недостойной наслаждаться его божественнымъ присутствіемъ. Если она это умѣетъ сдѣлать, то

уже въ началѣ молитвы извлечетъ отсюда большую выгоду. Этого рода молитва служитъ источникомъ высшихъ благъ, по крайней мѣрѣ, о себѣ я это смѣло могу сказать“ . . .

. „Эта спокойная и сосредоточенная молитва доставляетъ душѣ чувство глубокаго удовлетворенія и мира; ея могущество исполнено кротости, довольства и сладчайшаго наслажденія. Душа, не знающая ничего выше этого наслажденія, думаетъ, что ей не остается желать ничего лучшаго, и она охотно воскликнула-бы вмѣстѣ со св. Петроу: О, здѣсь я устрою свой пріютъ! Она не смѣетъ, пошевелинуться и една рѣшается дышать изъ опасенія, чтобы это счастье не ускользнуло отъ нея. Бѣдняжка не знаетъ, что какъ она сама не могла доставить себѣ такого счастья, точно также и это послѣднее будетъ длиться лишь такъ долго, какъ угодно будетъ Богу“.

„Я уже сказала, что въ этой спокойной и сосредоточенной молитвѣ душевныя силы не теряютъ своего могущества. Не будучи всецѣло поглощенной Богомъ, душа охватывается Имъ такимъ чуднымъ образомъ, что все силы ума и памяти не были-бы въ состояніи лишить ее радости и блаженства, которыя она испытываетъ; напротивъ того, безъ малѣйшаго усилія ей удастся устроить такъ, чтобы искра любви къ Богу, горящая въ ея груди, никогда не потухала“.

. „Итакъ, эта молитва покоя есть маленькая искра, которую Господь бросаетъ въ душу, зажигая ею пламенную любовь къ Себѣ. Это ясное спокойствіе, это сосредоточиваніе, эта искра производятъ замѣчательные эффекты, когда Духъ Божій царитъ надъ душою человѣка и когда проникающая въ нее сладость не исходитъ отъ демона“ . . .

„Кто желаетъ отдаться молитвѣ, съ тѣмъ происходитъ то-же самое, что съ преданнымъ слугою, желающимъ насадить садъ на неблагодарной, заросшей сорными травами почвѣ, чтобы доставить удовольствіе своему господину. Въ такомъ случаѣ садовникъ собственноручно вырываетъ плевелы и замѣняетъ ихъ хорошими растеніями. Предположимъ, что все это уже сдѣлано, когда душа готовится къ молитвѣ и уже упражняется въ этомъ. Тогда мы, въ качествѣ хорошихъ садовниковъ, обязаны съ помощью Божіей заботиться о процвѣтаніи этихъ растеній; мы должны тщательно поливать ихъ, чтобы они не засохли и не погибли, а разцвѣли-бы, распространяя благоуханіе, пріятное нашему Господу. Онъ часто станетъ посѣщать эту душу—свой излюбленный садъ—и будетъ восхищаться ея добродѣтелями—цвѣтами“.

.

Этотъ мистическій, темный языкъ лучше всего подходитъ къ тому, чтобы выразить тайны молитвы, столь же темная и неясная, несмотря на то, что онъ сверкаетъ душевными волненіями и горитъ аскетическимъ пыломъ. Въ „*Подражаніи Христу*“ Фомы Кемпійскаго вы находите тотъ-же языкъ, исполненный мистицизма и страстности.

Весьма многіе, освободивъ религію отъ излишняго балласта, идутъ въ христіанскій храмъ, не раздумывая о томъ, посвященъ-ли онъ св. Антонію или св. Петру, Скорбящей Богоматери или Непорочному Зачатию. Они идутъ туда, потому что это храмъ Божій, гдѣ должно молиться.

Они страдаютъ за себя и за своихъ дорогихъ и идутъ молиться. Спросите ихъ, что такое для нихъ молитва, и они, быть можетъ, не съумѣютъ вамъ отвѣтить. Въ таинственной тишинѣ храма они бросаются на колѣна, сосредоточиваютъ свои мысли и чувства и возносятъ ихъ

въ небу, въ то пространство выше облаковъ, выше солнца и звѣздъ, куда и наука проникнуть не смѣетъ, ибо безконечное не поддается мышленію; одна лишь фантазія уноситъ насъ туда, одна лишь вѣра держитъ насъ тамъ на ногахъ.

И они молятся! Надежда подхватила и унесла ихъ на своихъ крыльяхъ, болѣе могучихъ, чѣмъ крылья орла, болѣе неутомимыхъ, чѣмъ крылья ласточекъ, перелетающихъ черезъ моря и океаны. Они надѣются, что надъ человѣческими несправедливостями царитъ божественная правда, что надъ болѣзнями, терзающими и уродующими бѣдное человѣческое тѣло, господствуетъ жизнь безъ болѣзней и безъ страха смерти. Они надѣются, что надъ вздохами и слезами существуетъ вѣчная улыбка невозмутимаго счастья въ томъ лучшемъ мірѣ, гдѣ живутъ еще наши дорогіе мертвецы. Въ этой улыбкѣ они какъ бы видятъ ласки родителей, похороненныхъ на кладбищѣ, и рукопожатія потерянныхъ друзей. Они мечтаютъ о вѣжныхъ восторгахъ вѣчной любви, не унижаемой слишкомъ земными поцѣлуями, о славѣ безъ зависти и безъ клеветы, о милосердіи безъ неблагодарности, о встрѣчѣ безъ забвенія, о жадѣ безъ насыщенія, о трудѣ безъ усталости. Они мечтаютъ о жизни безъ смерти, о радости безъ страданія, о небесной лазури безъ облаковъ, о морѣ безъ бурь, о землѣ безъ землетрясеній.

А за надеждой слѣдуетъ вѣра, которая есть ничто иное, какъ развившаяся, окрѣпшая и ставшая женщиной надежда. И они вѣрятъ въ Бога. Вѣрить значитъ любить, а въ экстазѣ молитвы эти счастливицы любятъ и обожаютъ воображаемое существо, котораго никогда не видѣли, но которое считаютъ подателемъ всякихъ благъ, неспособнымъ ни на что дурное. Вначалѣ надежда, затѣмъ вѣра; но всегда любовь,—любовь, которая никогда не надоѣдаетъ, потому что не проявляется въ ласкахъ или поцѣлуяхъ, которая вѣчна, потому что направлена на безконечное и вѣчное.

Таковъ экстазъ молитвы, который мы, гордые иска-

гели истины, испытали лишь въ дни дѣтства и отрочества, но который всё счастливцы, остающіеся дѣтми во всю жизнь, продолжают испытывать до самой смерти.

Если даже молящійся не обладает особенно возвышенной и чувствительной натурой и не можетъ дойти до высшихъ степеней экстаза, то онъ, все-таки, пребываетъ, такъ сказать, между небомъ и землей, въ тѣхъ неопредѣленныхъ потемкахъ, которые мы встрѣчаемъ при всѣхъ малыхъ экстазахъ.

Окрыленная мысль подвижника, привыкшая къ высокимъ полетамъ, быстро поднимается вверхъ и скоро достигаетъ рая очарованія. У кого крылья не такъ сильны и развиты, тотъ прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, поднимаясь на ту высоту, какую ему позволяютъ его восприимчивость и экзальтація. Во всѣхъ явленіяхъ этого міра наблюдается одинъ и тотъ-же процессъ.

Всѣ мужчины и всѣ женщины, прожившіе тридцать лѣтъ, любили; но всѣ они останавливались на различныхъ высотахъ этого Олимпа. Большинство изъ нихъ остановились уже на первыхъ холмахъ, расположившись для отдыха на первой попавшейся лужайкѣ. Вмѣстѣ съ другимъ существомъ они сорвали первый цвѣтокъ, вмѣстѣ понюхали и, можетъ быть, поцѣловали его, а затѣмъ остановились.

Чтобы подняться на высоту, нужно работать иногда до пота, а между тѣмъ трудъ не всѣмъ нравится, и многіе неспособны вовсе потѣть. Другіе, болѣе сильные или болѣе любопытные, достигли, быть можетъ, каштановыхъ лѣсовъ, гдѣ нашли болѣе широкую тѣнь, болѣе роскошные цвѣты, журчащіе, прохладные ручейки, и тамъ насладились своей любовью.

Другіе-же пробрались еще выше, въ область буквыхъ лѣсовъ, и насладились еще большей прелестью живописныхъ деревьевъ, поэтическихъ ручьевъ, стройныхъ и благовонныхъ орхидей и чистаго, опяняющаго воздуха.

А между тѣмъ толпа рѣдѣетъ и лишь немногіе добираются до области елей. Новый смолистый запахъ, бархатный мохъ, шумъ потоковъ, низвергающихся съ глетчеровъ, встрѣчаютъ счастливыхъ влюбленныхъ, стремящихся въ высь и усаждающихъ свой взоръ болѣе широкими горизонтами, которые представляются при взглядѣ сверху внизъ на тотъ *profanum vulgus*, на ту грубую чернь, которую такъ презиралъ Гораций и которую презираютъ всѣ избранныя натуры.

Наконецъ, лишь незначительное меньшинство самыхъ смѣлыхъ умѣютъ достигнуть той высоты, гдѣ только еще есть куда поставить ногу, будь это кристаллы льда, снѣжная пыль или осколки скалы. И здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ земля какъ-бы блѣднѣетъ и падаетъ въ обморокъ отъ слишкомъ могучаго поцѣлуя неба, отъ гигантскаго объятія всѣхъ элементовъ пространства; здѣсь, среди метеоровъ и свѣтовыхъ чудесъ, эти счастливые смертные вкушаютъ прелесть любви. Тамъ нѣтъ болѣе ни нестрыхъ цвѣтовъ, ни мягкихъ луговъ, ни журчащихъ ручейковъ; тамъ нѣтъ ни пѣнія птицъ, ни прохладной тѣни густолиственныхъ лѣсовъ; тамъ только молніи и ледъ—двѣ противоположности горящей и угасающей жизни. И здѣсь они любятъ; нога ихъ касается края пропасти, а голова находится въ облакахъ; и стоятъ они здѣсь, окруженные какъ-бы ореоломъ идеализма, забывъ въ этотъ моментъ, что они обладаютъ тѣломъ, и лишь мысленно, душа противъ души, сердце противъ сердца, цѣлуютъ другъ друга.—Одни лишь эти избранные, лишь эти альпинисты идеала, имѣютъ право на святое опьяненіе любовнымъ экстазомъ; хотя таинства любви совершаются и въ гораздо болѣе близкихъ къ намъ областяхъ: и въ тѣни буковъ и каштановъ, и на мягкихъ цвѣтущихъ лужайкахъ равнины...

То-же самое происходитъ и на Олимпѣ молитвы, какъ и на всякомъ другомъ доступномъ человѣку Олимпѣ: каждая человѣческая сила, каждое человѣческое желаніе

имѣть свою равнину, свой холмъ, свою гору, а надъ горою облака и надъ облаками небо.

Я проводилъ долгіе часы въ мечетяхъ Магомета, въ храмахъ Брамъ и Будды и, наблюдая вѣрующіихъ, стоявшихъ тамъ или сидѣвшихъ, колѣнопреклоненныхъ или распростертыхъ на полу, я всегда могъ различить разныя стадіи, которыхъ достигали эти фанатики въ своихъ молитвахъ.

Прежде всего мы видимъ изумленіе невѣжды, удивляющагося тому, чего онъ не можетъ понять, или человѣческую овцу, идущую туда, куда идутъ другія; а затѣмъ—зудъ любопытства, вѣчто въ родѣ щекотанія мысли, стремящейся испытать что-то новое, отличное отъ обыкновеннаго и повседнежнаго. Затѣмъ мы видимъ истинное благоговѣніе предъ чѣмъ-то, стоящимъ выше человѣка, потребность молиться и надѣяться,—но все это въ запутанномъ и неопредѣленномъ видѣ. Какое-то непрерывное разногласіе между чувствомъ, которое-бы желало возвыситься, и медленнымъ, лѣнливымъ словомъ, которое не усиливаетъ за нимъ. Наконецъ, мы замѣчаемъ истинныхъ поклонниковъ сверхъестественнаго, углубившихся въ пропасти безконечнаго и вкушающихъ всѣ прелести и восторги религіознаго экстаза.

Великое утѣшеніе, въ которомъ молитва не отказываетъ ни одному человѣку, каковы-бы ни были его чувствительность, его пылъ, высота его души, заключается въ облегченіи великаго страданія. Ни одна капля радости или печали не растворяется въ насъ безъ потока слезъ или крови. А молитва—это кризисъ, разрѣшающій много недуговъ, какъ выразился-бы врачъ старой школы.

Быть въ состояніи плакать при великихъ страданіяхъ—значитъ не умереть отъ нихъ; умѣть молиться при великомъ отчаяніи значитъ излечиться отъ него. Но и самые страстные поклонники своей вѣры не всегда мо-

гутъ молиться. Человѣкъ рожденъ для радостей, и возмущается противъ сильныхъ страданій, въ особенности когда считаетъ ихъ незаслуженными. Нѣтъ такого Талисмана который-бы могъ подавить въ зародышѣ чувство справедливаго негодованія противъ природы.....

Проклятiе по адресу природы вырывалось изъ устъ не одного только Прометея и свойственно всѣмъ его дѣтямъ, т. е. всей человѣческой семьѣ. Какъ часто мать, вся исполненная доброты и религіозности, потерявъ единственное дитя свое, сбѣжитъ въ храмъ и преклоняетъ колѣна на холодномъ мраморѣ въ надеждѣ помолиться. Напрасная надежда! Негодованіе истерзаннаго сердца сдавливаетъ ей горло, и молитва замираетъ на ея устахъ. Когда всякая надежда потеряна, вѣра начинаетъ колебаться и, вмѣсто любви, душа изливаетъ капли жгучей ненависти.

Но затѣмъ, мало по малу, вѣра начинаетъ торжествовать, и женщина, улыбаясь сквозь слезы, возвращается изъ храма Божьяго съ облегченной душою, говоря себѣ самой: *слава Богу, я могла помолиться!*

Страданіе, изливающееся въ молитвѣ, уже не отчаяніе и не смерть, а надежда и самоотреченіе, которыя служатъ намъ ангелами, охраняющими жизнь или возвращающими ее тому, кто ее потерялъ. Страданіе, изливающееся въ молитвѣ, похоже на мятежника, подставляющаго руки, чтобы быть связаннымъ; оно—сила, признающая себя побѣжденной, покоряющаяся высшей власти, обращающаяся даже въ рабство. Оно походитъ на выздоравливающаго больнаго: остается язва или уродство, параличъ или порѣзъ, но жизнь спасена.

Въ христіанскомъ самоотреченіи, если только это не переодѣтый эгоизмъ, мы имѣемъ предъ глазами все человѣческое величіе и всю человѣческую слабость.

Рядомъ съ вѣрой мы имѣемъ суевѣріе; рядомъ съ героизмомъ, принимающимъ жизнь, какъ даръ Божій и дѣлающимъ ее лишь выносивой, — низость, трусость, страхъ предъ страданіемъ; рядомъ съ самоотреченіемъ мы

находимъ квинтизмъ, поспѣшно погребаящій трунъ, чтобъ не чувствовать его зловонія. Драгоцѣнные металлы и металлы поддѣльные обращаются не только въ области повседневной жизни, но и въ области чувствъ.

Если самоотреченіе не есть переодѣтый эгоизмъ, а торжество вѣры, то мы видимъ предъ собою одно изъ прекраснѣйшихъ явленій нравственнаго міра; и я сознаюсь, что нахожу его, по крайней мѣрѣ съ эстетической стороны, прекраснѣе пессимизма, отрекающагося отъ всего, прежде чѣмъ онъ испыталъ страданіе, или стоицизма, принимающаго зло послѣ долгаго и холоднаго размысленія, въ виду его неизбѣжности. Религіозный человѣкъ, доходящій до самоотреченія послѣ молитвы, можетъ найти для себя утѣшеніе въ пространствахъ выше облаковъ и звѣздъ. И неужели мы рѣшились-бы отрѣзать орду крылья только потому, что на той высотѣ, куда онъ поднимается, онъ можетъ быть сраженъ молніей? Развѣ возможно устроить пограничную таможенную по ту сторону облаковъ и звѣздъ? Кто дерзнулъ-бы сдѣлать это, а если-бы дерзнулъ, то какъ сумѣлъ-бы выполнить? Мы признаемъ за изслѣдующей наукой все права, всю смѣлость; но не слѣдуетъ отрѣзывать крыльевъ у того, кто умѣетъ летать; если-бы мы пожелали изучить анатомію мышцъ крыла и нервъ, отъ которыхъ зависить полетъ, то это можно сдѣлать и на трунѣ.

Между религіозными экстазами есть не мало такихъ, гдѣ *благоговѣніе, уничтоженіе, созерцаніе* и *молитва* служатъ не единственной причиной или формой очарованія, и гдѣ для вызова послѣдняго необходимы еще другіе побочные элементы, которые бывають видимы и замѣтны для всѣхъ, влѣдетвіе чего толпа принимаетъ имъ главную роль въ пронеженіи экстаза. Цвѣтъ и форма предмета прежде всего бросаются въ глаза, между тѣмъ какъ вещество и строеніе его понятны

лишь болѣе опытнымъ или вооруженнымъ стеклами глазами.

Это приниманіе оболочки за содержимое, формы за сущность сопровождало почти все изслѣдованія о сущности религій, и не одинъ только Лукрецій заблуждался, считая боговъ лишь продуктомъ человѣческаго страха.

Побочные элементы многихъ религіозныхъ экстазовъ происходятъ отъ извѣстныхъ ощущеній зрѣнія и слуха, гораздо рѣже обонанія, которыя приводятъ общую чувствительность въ состояніе возбужденія, дрожи, а то и настоящаго страха.

Развѣ вы никогда не испытали на себѣ различныхъ впечатлѣній, производимыхъ на душу различной архитектурой церквей, окраской стѣнъ, украшеніями, картинами, статуями? Религій, цивилизаціи и различныя степени эстетическаго развитія народовъ создаютъ и храмы по своему образу и подобию, чтобъ доводить людей до экстаза, при данныхъ условіяхъ, по возможности кратчайшимъ путемъ.

Древняя Греція, которая могла изобрѣтать и создавать лишь одно прекрасное, Греція, законы, картины, статуи и зданія которой были гимнами богинѣ красоты, могла воздвигать своимъ богамъ лишь такіе храмы, которые одновременно были храмами боговъ и храмами красоты.

Въ аскетическихъ экстазахъ индійскаго Востока всегда имѣется нѣчто опьяняющее, наркотическое и жестокое, и вотъ, создавая храмы по своему подобию, онъ помѣстилъ смѣшное рядомъ съ великимъ, странное рядомъ со страшнымъ, и поставилъ боговъ, пожирающихъ другъ друга, чудовищъ о семи головахъ и ста рукахъ: это—сны философовъ и аскетовъ, истолкованные дѣтскою фантазіей народа.

Христіанство, въ томъ видѣ какъ оно толкуется римскими папами, переноситъ въ Европу восточную пестроту, удерживаетъ образа и митры и отмѣняетъ кровавыя жертвы, силясь прикоснуться слишкомъ жесткое и гру-

бое платье къ деликатнымъ членамъ цивилизованныхъ народовъ. И католицизмъ удивительнымъ образомъ приспособляется къ полувосточной, слишкомъ чувственной фантази, не освободившись еще, однако, отъ древняго греческаго крещенія. Церкви въ формѣ крестовъ, которыя уже въ основаніи, передъ тѣмъ какъ возвытятся надъ землею, воплощаютъ въ своей архитектурѣ жестокую мистерию; высокія стѣны, колонны и алтари, расположенные одинъ возлѣ другаго, одинъ за другимъ, одинъ на другомъ; разныя изображенія мужчинъ и женщинъ, принаровленные къ полу, къ возрасту, къ различнымъ вкусамъ различныхъ фантазій; куполы, которые какъ-бы изображаютъ или вызываютъ въ воображеніи небо; мраморные алтари, украшенные драгоценными камнями, золотомъ и серебромъ, въ которыхъ отражаются сотни горящихъ восковыхъ свѣчей. А въ святилищѣ заключенъ Богъ, вокругъ-же этого святилища ангелы изъ позолоченной бронзы или изъ мрамора, съ распростертыми крыльями святыя, херувимы, серафимы, мученики, падающіе подъ топоромъ палача; святыя, повѣшенныя за ноги, воскресающіе мертвецы. На самомъ верху, между небомъ и землею, стоитъ одинокій человѣкъ, одѣтый въ грязнаго цвѣта платье, съ босыми ногами и веревкой вокругъ тѣла, проповѣдующій нищету; среди храма, стоящаго миллионы, онъ заключенъ въ простомъ деревянномъ шкафу. А тамъ внизу стоитъ другой человѣкъ, одѣтый, подобно женщинѣ, въ кружевной нарядъ; среди облаковъ ладана, гнѣія товарищей, сотенъ горящихъ свѣчей, при звукахъ органа и колоколовъ, онъ совершаетъ мистирию....

Если всего этого недостаточно для того, чтобы вызвать и поддержать религіозный экстазъ, тогда можно сказать, что вѣра мертва и что напрасны были усилія двадцати вѣковъ возвытеть царя духовъ надъ царемъ людей.

Церкви протестантовъ—это новое платье на молодомъ тѣлѣ. Тамъ востокъ почти совѣмъ непарился или, по крайней мѣрѣ, не такъ замѣтенъ. Тамъ нѣтъ картинъ Рафаэля или Корреджіо, нѣтъ статуй, нѣтъ роскошной пестроты золота, серебра и драгоценныхъ камней. Разумъ сталъ на мѣсто фантазіи. И протестантская церковь манитъ насъ въ торжественную тишину своихъ холодныхъ, обнаженныхъ стѣнъ, гдѣ мысль возвышается надъ чувствами для благоговѣнія предъ Богомъ, безформеннымъ въ пространствѣ и времени. Здѣсь сердце не бьется усиленіемъ отъ волненія при видѣ окружающаго блеска и сіянія; здѣсь все молчитъ, поглощенное размышленіемъ и абстракціей.

Если отъ этихъ нашихъ современныхъ церквей перенестись на тридцать или сорокъ вѣковъ назадъ, то можно себѣ представить человѣка четвертичнаго періода, который, дикій по необходимости и жестокій по привычкѣ, долженъ былъ впадать въ религиозный экстазъ при видѣ жреца, вырвавшаго на скалдѣ, превращенной въ алтарь, внутренности человѣческой жертвы и поднимавшаго къ небу своими окровавленными руками трепещущее сердце, предлагая его Богу, который для нашихъ древнихъ предковъ долженъ былъ быть законнымъ представителемъ всѣхъ силъ вселенной, который созидаетъ лишь убивая и который только среди могилы находитъ мѣсто, чтобъ поставить колыбель.

Все это я сказалъ не для того, конечно, чтобы указать всѣ формы храмовъ и культа, а только для того, чтобы выяснить въ общихъ чертахъ вліяніе окружающей среды, обстановки, измѣняющейся во всѣ времена и у всѣхъ народовъ и столь необходимой для вызыванія и поддерживанія религіознаго экстаза.

Не всё запахи, не всё звуки, не всё фигуры и формы въ одинаковой степени благопріятствуютъ возникновенію религіознаго экстаза.

Странно поражаетъ насъ тотъ фактъ, что во всѣхъ храмахъ, буддійскихъ, браминскихъ и т. д. для куреній употребляютъ не цвѣточные эссенціи, а сгаравшія смолистыя вещества. Весьма возможно, что это объясняется необходимостью соединять благовоніе съ огнемъ и дымомъ, или-же древней потребностью уничтожать запахомъ смолы зловоніе мяса сожигаемыхъ жертвъ; но не менѣе возможно и то, что эти вещества оказываютъ на нервные центры совсѣмъ другое вліяніе, чѣмъ цвѣты. Фактъ тотъ, что Востокъ и Западъ одинаково пользуются смолистыми веществами, предоставляя эссенціи розъ и другихъ цвѣтовъ *гаремамъ* и будуарамъ.

Въ настоящее время, послѣ столькихъ вѣковъ, очень трудно сказать, что въ данныхъ явленіяхъ естественно и что принадлежитъ традиціи и атавизму. Если кельская вода и *wood violet* вызываютъ въ насъ свѣтскіе образы, а ладанъ напоминаетъ церковь, то это, можетъ быть, объясняется просто вліяніемъ привычной ассоціаціи идей; и такъ какъ ладанъ вмѣстѣ съ митрами и колоколами перенесены къ намъ съ Востока, то весьма возможно, что фізіологическая теорія, объясняющая это явленіе вліяніемъ различныхъ запаховъ на различные нервные центры, пока еще не имѣетъ основанія и требуетъ дальнѣйшихъ успѣховъ науки.

Колоколь и органъ—это понятія музыкальные инструменты религіознаго экстаза. Во всё времена поэтами и романистами на эту тему были написаны краснорѣчивыя страницы, описывающія различныя настроенія, вызываемыя въ душѣ челоуѣка звуками органа. Всѣмъ памяты вдохновенныя страницы Шатобриана.

Колоколь—это голосъ церкви, зовущій издадека, посылающій свой привѣтъ лачугѣ и дворцу; органъ-же—

голосъ, слышимый только вблизи и увлекающій върующаго, уже взволнованнаго совершающимися вокругъ него религіозными обрядами.

Съ тѣхъ поръ какъ потребности западно-европейской жизни наложили на колокола молчаніе, а священники позволили играть на оргѣнъ аріи изъ *Эрнани* и *Лючия*, аскетическіе экстазы въ ужасѣ бѣжали изъ полумрака католическихъ храмовъ. И наши внуки будутъ испытывать новые религіозные экстазы, но уже въ другихъ храмахъ, съ другими колоколами и другими оргѣнами!

Ароматы, звуки и цвѣта соединяются и смѣшиваются, чтобы создать зрѣлище религіознаго торжества. И здѣсь также нужно быть уже очень старымъ, чтобы познать о роскоши, о религіозномъ опьяненіи прежнихъ временъ. Будучи еще мальчикомъ, я видѣлъ однажды, какъ въ католической процессіи *Божьяго тѣла* весь городъ Миланъ лежалъ на колѣнахъ предъ торжественнымъ кортежемъ изъ тысячъ жрецовъ — канониковъ, прелатовъ, епископовъ, архіепископовъ, крестовъ, знаменъ и балдахиновъ; я видѣлъ, какъ тайкуны прислуживали микадо и какъ войска преклоняли колѣна и спускали сабли предъ крестомъ; я видѣлъ, какъ среди клубовъ ладана почтенный священникъ, весь въ пурпурѣ, держалъ высоко надъ головою тонкій ломтикъ бѣлаго хлѣба въ золотой оправѣ, который изображалъ собою *Corpus Domini*, т. е. тѣло Христово я видѣлъ предъ собою плачущихъ женщинъ и мужчинъ, стариковъ и дѣтей и читаль на лицахъ многихъ зрителей и жрецовъ выраженіе настоящаго религіознаго экстаза.

Въ наше время люди прошлаго жалуется, а люди настоящаго молчатъ; но люди будущаго не жалуется и не молчатъ; изучая прошедшее, они видятъ въ развитіи настоящаго зародыши религіи будущаго, видятъ на далекомъ горизонтѣ другія празднества, идеальныя

по мысли, которая будет служить формами новой религии, ибо телескопъ, какъ-бы онъ ни былъ силенъ, всегда окажется недостаточнымъ для глазъ фантазін.

Наблюдателю-психологу почти никогда не приходится наблюдать крупныхъ религіозныхъ экстазовъ, ставшихъ такой рѣдкостью въ наше время. Тѣмъ драгоценнѣе для меня воспоминаніе объ одной поразительной сценѣ, которой я былъ свидѣтелемъ въ качествѣ врача нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Никогда я такъ сильно не желалъ быть художникомъ, какъ въ этомъ случаѣ, и даже теперь отъ души жалѣю, что не умѣю рисовать, потому что эта необыкновенная, оригинальная, прекрасная картина еще и сію минуту стоитъ какъ живая предъ моимъ мысленнымъ взоромъ.

Графиня*** была молода и красива. Это была чудная, роскошная блондинка. Свѣтлыя, золотистаго оттенка волосы спадали густыми прядями до колѣнъ, когда она распускала ихъ, и прятали въ себѣ гибкое и эластичное тѣло. Высокая и стройная, съ греческимъ носомъ и ртомъ въ видѣ натянутого лука, съ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ скорѣе утреннюю зарю, чѣмъ лепестки розы, она приводила въ восторгъ любовавшихся ею рафаэлевской головкой. Въ ней Венера Уранія обнималась съ Венерой Афродитой. Когда она проходила, между толпой, всякій разговоръ прекращался, всякая другая мысль исчезала, всякая другая страсть молчала, и удивленіе, желаніе и зависть образовывали вокругъ нея ореолъ свѣта и ошьяняющихъ ароматовъ. Каждый ребенокъ пожелалъ-бы, чтобы его приласкали эти чудныя руки, каждый мужчина пожелалъ-бы имѣть ее своей женой, каждая женщина, даже молодая и красивая, пожелала-бы быть похожей на нее.

И вдругъ страшное, неожиданное, трагическое, загадочное несчастіе, какъ молнія, сразило эту женщину: ни слова, ни улыбки, ни одной жалобы. Ее можно было бы принять за мертвую, если-бы сердце ея не продолжало биться,—живое сердце въ мраморной статуѣ. Перенесенная въ постель, бѣлоствѣжную, какъ она сама, она не слышала ни плача своихъ дѣтей, ни вопросовъ друзей и врачей: она была внѣ этого міра.

Сидя на кровати съ распущенными волосами и крѣпко сжатыми губами, она все смотрѣла вверхъ, на небо. Руки ея были сплетены и приподняты вверхъ въ такомъ положеніи, которое въ нѣсколько минутъ утомило-бы самаго сильнаго атлета. Ея-же это не утомляло, ибо она молилась и была въ экстазѣ.—Я пытался придать ея рукамъ естественное положеніе, но это мнѣ не удавалось; за то я могъ придавать имъ какое угодно неестественное положеніе; если я высоко поднималъ ихъ, онѣ сохраняли это положеніе втеченіе многихъ минутъ, часовъ. Она находилась въ состояніи полнѣйшей каталепсиса. Я сообщалъ движеніе ея головѣ, туловищу, и они сохраняли то положеніе, которое я имъ придавалъ: сто различныхъ позъ, но все выражающія молитву, благоговѣніе, экстазъ. Вся жизнь ея сосредоточилась въ глазахъ, до того расширенныхъ, что ихъ можно было принять за черные. Зрачекъ реагировалъ не на внѣшній свѣтъ, а на внутренній, исходящій изъ души, которая всецѣло была поглощена страстной, неустанной молитвой. Когда зрачекъ расширился, то радужная оболочка почти совершенно исчезала, голубой цвѣтъ замѣнялся чернымъ, и глазъ выражалъ крайній ужасъ, безграничный страхъ. Затѣмъ, мало по малу, голубой цвѣтъ снова овладѣвалъ этимъ человѣческимъ небомъ и взглядъ становился нѣжнымъ, исполненнымъ любви, какъ у человѣка, который молится и надѣется, что его молитва будетъ услышана.

Этотъ экстазъ длился очень много часовъ, но мнѣ никогда не удалось узнать, какія божественныя видѣнія прошли въ эти часы въ мозгѣ этого божественнаго существа. Если-бы мнѣ не удалось искусственно усыпить ее сильными дозами морфія и если-бы я не велѣлъ увезти ее *съ экстреннымъ поѣздомъ* за сотни миль отъ того мѣста, гдѣ съ нею приключилось это несчастіе, то она, быть можетъ, сошла-бы съума или умерла-бы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Католическая святая Тереза.

Тереза—самая выдающаяся личность въ мірѣ религиозныхъ экстазовъ.—Первыя проявленія ея аскетизма.—Ея угрызения совѣсти и ея возвышенная нравственность.—Ея анализъ предестей молитвы.—Невыразимое очарованіе аскетическаго экстаза.—Глубокий аналитическій умъ благочестивой испанки.—Тѣсная связь между аскетическимъ экстазомъ и любовью.—Веселія и страшныя видѣнія.—Вышнія степеня экстаза.—Видѣніе Бога.—Вышнія вершины нравственнаго альпинизма.

Папа Григорій XV провозгласилъ святою женщину, родившуюся въ Авилѣ 28-го марта 1515 года. Ея родители, Альфонсъ Санчезъ де-Дзепеда и Беатриче Давила де-Аумада, принадлежали къ знатному испанскому роду. Эта женщина, такъ страстно обожаемая всѣми католиками, была никто другая, какъ Тереза. Папа Григорій XV, провозглашая ее святою, писалъ:

„Великое чудо совершилъ Богъ въ наши дни рукою женщины. Онъ избралъ въ своей церкви, какъ новую Деворру, дѣву Терезу, которая, восторжествовавъ надъ плотью—постоянною дѣятельностью, надъ міромъ—удивительнымъ самоуничженіемъ и надъ всѣми кознями демона—многими избранными добродѣтелями, достигла еще

болѣ высокаго, побѣдивъ половую добродѣтель величіемъ сердца и сваядивъ борцовъ для защиты церкви Саваофа, Его законовъ и заповѣдей. А для того, чтобы она могла выполнить такую высокую миссію, Господь одарилъ ее поразительнымъ умомъ и мудростью и до такой степени озарилъ ее сіяніемъ своей благодати, что блескъ ея личности, подобно звѣздѣ на небѣ, никогда не померкнетъ въ церкви Божіей“.

Это написалъ папа въ своей буллѣ; но и безъ этихъ торжественныхъ словъ папы, всѣ благочестивыя души освятили-бы испанскую дѣву въ святилищѣ своего сердца и поставили-бы себѣ ее въ примѣръ. Въ слѣдующей главѣ вы познакомитесь съ нѣкоторыми другими подвижниками употреблявшими всѣ усилія и течение всей своей жизни, чтобы подражать Терезѣ.

Ни одинъ человѣкъ, какъ-бы великъ и оригиналенъ онъ ни былъ, не представляетъ своей личностью особаго вида, а принадлежитъ къ семьѣ, разбѣянной въ разныя времена по разнымъ странамъ, и олицетворяетъ или воплощаетъ собою всѣ ея различныя добродѣтели и различныя особенности ума и характера. Существуютъ психологическія семьи, подобно тому, какъ существуютъ дворянскія и царскія семьи, и каждая изъ нихъ имѣетъ своего Цезаря, или своего Наполеона, или своего Гарибальди, который соединяетъ въ себѣ всѣ ея характерныя черты, становясь прототипомъ всей семьи.

Тереза принадлежитъ къ этимъ великимъ историческимъ личностямъ и олицетворяетъ собою семью благочестивыхъ экстатиковъ. Она испытала все страстное блаженство божественной любви и написала свою знаменитую автобіографію, которая переведена была на много языковъ.

Въ этой женщинѣ изысканная женская чувствительность удивительнымъ образомъ сочеталась съ могучей

силой наблюденія, и одного лишь опредѣленія экстаза, оставленнаго ею, было-бы вполнѣ достаточно для оцѣнки ея глубокаго ума: „*Экстазъ есть духовный сонъ душевной силы*“.

Переведите на современный языкъ это опредѣленіе, сдѣланное болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, замѣните метафизическое выраженіе физическимъ, и вы получите самое вѣрное и точное понятіе о религіозномъ экстазѣ и о другихъ формахъ экстаза, болѣе всего сходныхъ съ религіознымъ.

Постараемся теперь вкратцѣ познакомиться съ жизнью этой испанской подвижницы.

Дѣйствительно оригинальная и могучія природы проявляютъ свою силу уже въ дѣтствѣ.

„Насъ было три сестры и девять братьевъ, и все они походили добродѣтелями на родителей, исключая одной меня, которую, однако, мой отецъ, не взирая на это, любилъ больше всехъ другихъ, и это оказываемое мнѣ предпочтеніе, быть можетъ, было не безосновательно, до того времени, какъ я стала оскорблять Бога. Поэтому у меня сердце разрывается на части каждый разъ, какъ я вспоминаю, какія добрыя намѣренія внушалъ мнѣ милостивый Богъ мой и какъ дурно я умѣла пользоваться ими. Я чувствую себя тѣмъ болѣе виновной, что общество моихъ братьевъ несколько не мѣшало мнѣ всецѣло отдаться Богу“.

„Ко всемъ имъ я питала очень вѣжную привязанность, которая не оставалась безъ взаимности, но одного изъ моихъ братьевъ, приблизительно моего возраста, я любила больше другихъ. Мы собирались вмѣстѣ, чтобы читать жизнеописанія святыхъ. Знакомясь съ различными мученіями, претергивными мучениками ради Господа, я находила, что они елишкомъ дешево купили себѣ счастье наслаждаться присутствіемъ Бога, и я всею

страстью своей души также жаждала такой прекрасной смерти. Но не любовь къ Богу внушала мнѣ это страстное желаніе, а надежда скоро вкусить то невыразимое счастье, о которомъ я столько читала въ книгахъ. Мы оба раздумывали о томъ, какимъ путемъ лучше всего удовлетворить этому страстному стремленію. Больше всего намъ пришла мысль отправиться въ страну мавровъ просить подаянія Христа ради, въ надеждѣ быть ими обезглавленными. И я думаю, что Господь далъ-бы намъ достаточно силы и мужества, чтобы выполнить нашъ планъ, если-бы мы нашли какую-нибудь возможность уйти изъ дому; но у насъ были родители, и это намъ казалось самымъ серьезнымъ препятствіемъ“.

„Ничто однако не произвело на насъ такого сильного впечатлѣнія, какъ тотъ фактъ (прочитанный нами въ книгахъ), что наказанія, какъ и награды, будутъ длиться вѣчно. Мы часто бесѣдовали объ этомъ и не переставали твердить: *вѣчно, вѣчно, вѣчно!* И такъ какъ мы очень часто повторяли эти слова, то Богу угодно было, чтобы мы уже въ томъ дѣтскомъ возрастѣ твердо рѣшили не уклоняться никогда отъ долгаго пути.

„Видя, что намъ не удастся получить пальмы мучениковъ, мы рѣшили вести жизнь отшельниковъ. И вотъ мы взялись построить въ нашемъ саду отшельническія пещеры, укладывая маленькіе камни одинъ на другой; но эти камни сваливались, и такимъ образомъ всякая попытка осуществить наши мечты оставалась тщетной“.

Кто съ дѣтства мечтаетъ о мученичествѣ и объ отшельнической жизни, тотъ скоро кончаетъ тѣмъ, что поступаетъ въ монастырь, единственное убѣжище для благочестиваго экстаза.

Святая Тереза, обсудивъ съ своимъ любимымъ братомъ въ долгихъ бесѣдахъ всю еуету мірекую, рѣшаетъ вмѣстѣ съ нимъ покинуть отеческій домъ и бѣ-

жать въ монастырь, гдѣ уже находилась одна ея подруга дѣтства.

„Говоря по правдѣ, я должна сказать, что хотя моя подруга дѣтства могла сдѣлать для меня привлекательнымъ пребываніе въ этомъ монастырѣ, но мое душевное настроеніе было такое, что я поступила-бы во всякій другой, если-бы вѣрила, что могу тамъ лучше всего служить Богу, или-же если-бы того пожелалъ мой отецъ; ибо мною руководила лишь мысль о моемъ душевномъ благѣ, а жизненные удобства и личное удовлетвореніе не имѣли для меня никакой цѣны.

„Да, это правда: покидая отеческій кровъ, я испытывала такія муки, какія врядъ-ли мнѣ доставить даже часъ смерти. Хотя небесная любовь никогда не была слаба во мнѣ, но и земная любовь къ отцу и родственнымъ проявилась тогда сильнѣе, чѣмъ когда либо; это былъ моментъ страшной борьбы, и мнѣ пришлось употребить всю силу воли, чтобъ побороть себя. Ахъ, если-бы Господь не поддержалъ меня тогда своей мощной рукой, все было-бы кончено, всѣ мои мечты остались-бы невыполненными, и я должна была-бы признать себя побѣжденной. Но Онъ былъ такъ милостивъ ко мнѣ, что далъ мнѣ силы побѣдить себя, и я могла осуществить свой планъ“.

Угрызенія совѣсти, одно изъ самыхъ возвышенныхъ и естественныхъ выраженій религіознаго идеализма, векорѣ овладѣваютъ святой Терезой и уже не оставляютъ ея болѣе:

..... О, что большаго могла совершить Твоя любовь ко мнѣ? И я поетинѣ не знаю, какъ мнѣ продолжать свой рассказъ, когда я вспомню о своихъ обѣтахъ, о высококъ мужествѣ и о чистыхъ радостяхъ того дня, когда я духовно сочеталась съ Твоимъ Величіемъ! Нѣтъ, я не могу говорить безъ слезъ, и если-бы это были кровавыя слезы, если-бы сердце разорвалось въ моей груди, то это не было-бы слишкомъ много, о мой небесный Повелитель, въ виду тѣхъ обидъ, которыя я нанесла Тебѣ со дня моего обѣта. Теперь мнѣ кажется,

что лучше было-бы не заключать этого священнаго союза, ибо я недостойнымъ образомъ надругалась надъ величественнымъ титуломъ Твоей дщери. А Ты, мой Повелитель, втечение двадцати лѣтъ терпѣлъ меня, невѣрную, и переносилъ мои обиды, чтобы затѣмъ, когда я стала менѣе недостойной тебя, прижать меня къ своей груди. Развѣ-же нельзя было принять это за измѣну, когда я, о мой великій Боже, клялась у алтаря быть вѣрной Тебѣ? Но тогда это не было моимъ умысломъ; теперь-же, когда я вижу, каковы были мои поступки впоследствии, я не знаю болѣе, что сказать. Пусть моя невѣрность, о мой небесный Повелитель, по крайней мѣрѣ, послужить къ тому, чтобы я лучше могла различать, кто Ты и кто я.....“

Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которую наука приходится разрѣшить, состоитъ въ томъ, чтобы установить, что можно и должно поставить на мѣсто религии, какъ основу нравственности. Чтобы показать всю трудность этой задачи, я приведу слѣдующую страничку изъ призваній св. Терезы:

„..... Я чувствовала тогда все счастье и всю силу, доставляемую молитвой. Благодаря Господу, я узнала, въ чемъ заключалась Его любовь. Она зародила во мнѣ въ короткое время слѣдующія добродѣтели, которыя, если и не были настолько сильны, чтобы поддержать меня на пути совершенства, все-таки, служили мнѣ защитой и опорой. Я никогда не говорила ни о комъ ничего дурнаго, хотя-бы даже намекомъ; напротивъ, я всегда брала подъ защиту тѣхъ, противъ которыхъ роптали. Я всегда держалась того принципа, что не слѣдуетъ находить удовольствіе въ выслушиваніи или повтореніи вещей, которыхъ я не желала-бы, чтобы обо мнѣ говорили. Я старательно слѣдовала этому правилу во всѣхъ представлявшихся мнѣ случаяхъ, и если это мнѣ не всегда

удавалось, и я иногда въ неожиданныхъ и затруднительныхъ случаяхъ грѣшила, то, все-таки въ общемъ я всегда была вѣрна своему принципу“.

И угрызения совѣсти смѣняются робкимъ и скромнымъ самодовольствомъ:

„ Что мнѣ, по моему мнѣнію, особенно вредило,— это то, что я не находилась въ монастырѣ, совершенно изолированномъ отъ міра. Другія монахини испытанной добродѣтели могли невиннымъ образомъ пользоваться своей свободой. Ихъ обѣты не связывали ихъ съ монастыремъ. *Что-же касается меня, воплощенной слабости (!)*, то подобная свобода меня навѣрно завлекла-бы въ адъ, если-бы Господь не охранялъ меня отъ такихъ опасностей“.

.

Молитву св. Тереза анализируетъ во всѣхъ ея загадочныхъ прелестяхъ:

„ Безъ сомнѣнія, мы всѣ и всегда находимся на виду у Бога; но во время молитвы душа наша, по моему мнѣнію, обращаетъ на себя Его особенное вниманіе. Она знаетъ, что Богъ смотритъ на нее, между тѣмъ какъ многіе по цѣлымъ днямъ забываютъ, что это недремлющее око ни на минуту не теряетъ ихъ изъ виду. Я должна сознаться, что втѣченіе этого времени я насчитала нѣсколько мѣсяцевъ, а то, пожалуй, и лѣтъ благородной вѣрности. Въ такіе промежутки, отдаваясь всецѣло страстной молитвѣ, я избѣгала всякой малѣйшей провинности и тщательно старалась не оскорблять Господа. Строгая истина моего разказа заставляетъ меня упомянуть объ этомъ. Но объ этихъ счастливыхъ дняхъ я сохранила лишь слабое воспоминаніе: ихъ, вѣроятно, было такъ-же мало, какъ много было дурныхъ. Но не проходило ни одного дня, чтобы я не молилась, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда я бывала больна или очень занята. Чѣмъ серьезнѣе была моя болѣзнь, тѣмъ тѣснѣе бывала моя связь съ Нимъ. Я за-

ботилась о томъ, чтобы лица, ухаживавшія за мною и бесѣдовавшія со мною, также могли насладиться этимъ блаженствомъ, а потому часто говорила имъ о небѣ и о Богѣ.“

Благочестивая экзальтація нашей святой все болѣе и болѣе усиливается:

„О, безконечная доброта моего Бога, о, блаженство ангеловъ! Да, мой Поведитель, ты страдаешь при видѣ человѣка, который не страдаетъ, если ты отворачиваешься отъ него! И ахъ! какимъ нѣжнымъ другомъ ты оказываешься по отношенію къ такому неблагодарному! Сколько доказательствъ своей любви Ты даешь ему. Какъ мило стиво Ты выносишь и ждешь его! Ты, о Господь мой, засчитываешь ему тѣ краткія мгновенья, которыя онъ посвящаетъ своей любви къ тебѣ, и одного момента искренняго раскаянія достаточно, чтобы Ты забылъ про все оскорбленія.“

„Я вошла однажды въ молельню, гдѣ для предстоящаго праздника выставлена была статуя Нашего Господа, вся покрытая ранами. Я тотчасъ-же обратила вниманіе на божественный ликъ: раны Спасителя казались такими дѣйствительными, вся фигура такъ живо говорила о томъ, сколько онъ выстрадалъ за насъ, что я остановилась глубоко взволнованная. При видѣ этихъ ранъ, полученныхъ ради меня, при мысли о той неблагодарности, которою я заплатила за такую любовь, меня охватило такое страданіе, что я думала, у меня сердце разорвется на части. Я падаю предъ Спасителемъ на колѣна и, обливаясь горючими слезами, умоляю его подкрѣпить меня настолько, чтобы я никогда болѣе не могла оскорбить его.“

Это состояніе непрерывнаго возбужденія, сосредоточиванія всѣхъ мыслей на одной мысли, всѣхъ чувствъ на одномъ чувствѣ весьма близко къ экстазу. Тереза въ немногихъ поразительныхъ словахъ описываетъ это состояніе.

„ Въ то время какъ я молилась у ногъ Спасителя, внутренно представляя себѣ его въ святилищѣ своей души, мною неожиданно овладѣвало такое живое чувство присутствія Бога, что для меня не могло быть никакого сомнѣнія, *что Онъ находится во мнѣ и что я сама всецѣло погрузилась въ Него.* То, что я непытывала, не было видѣнiемъ, а тѣмъ, что, какъ мнѣ кажется, принято называть теологической мистикой. Душа возносится ею такъ высоко, что она кажется какъ-бы внѣ самой себя. Любовь поглощаетъ волю, память какъ-бы совершенно исчезаетъ, а уметвенная дѣятельность подавлена, хотя не уничтожена. Я говорю, что она подавлена, и дѣйствительно она остается какъ-бы пораженной тѣми замѣчательными вещами, которыя видитъ, ибо Богу угодно доказать ей, на сколько она не способна ничего понимать въ томъ, что Онъ показываетъ ей въ это время.“

Ничто болѣе не походить на религіозный пылъ, какъ любовь; чтобъ доказать это, достаточно привести лишь слѣдующія мѣста изъ *Автобіографіи* св. Терезы.

„ Въ то счастливое время, когда я начала служить Богу и стала вести ту новую жизнь, которую хочу описать, я находила большое удовольствіе представлять себѣ свою душу въ видѣ сада, въ которомъ мой божественный Повелитель охотно прогуливается. И я умоляла его заботиться объ ароматѣ тѣхъ бѣдныхъ цвѣтковъ — моихъ зарождающихся добродѣтелей, — которые только еще должны были расцвѣтиться. Я просила Его возрастить ихъ для себя, а не для меня, и срывать тѣ изъ нихъ, которые болѣе всего ему понравятся: я была убѣждена, что они снова вырастутъ болѣе прекрасными и пахучими. И я не напрасно употребляю здѣсь выраженія „садъ“ и „срываніе цвѣтовъ“, потому что наступаетъ время, когда въ душѣ отъ этого сада не остается и слѣда. Все оказывается изсохшимъ, поблекшимъ, нѣтъ

ни капли воды, чтобъ освѣжить этотъ садъ, въ которомъ какъ будто никогда не существовало ни одного цвѣтка добродѣтели... Нѣтъ, мой милостивый Господи, нѣтъ, мое высшее Благо, я не могу выразить всего своего счастья, не давая воли своимъ слезамъ.“

.
А вотъ страница, которую съ такимъ-же правомъ можно было-бы отнести къ психологіи любви, какъ и къ исторіи религіозныхъ экстазовъ:

„..... Повидимому, Господу угодно, чтобы душа получила нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ на небѣ. Опъ посвящаетъ ее поэтому въ ту рѣчь безъ словъ, которая служить языкомъ нашей небесной родины. Я не умѣла пользоваться этимъ языкомъ, пока Господь не научилъ меня ему, показавъ мнѣ блаженныхъ духовъ во время одного моего очарованія. Такимъ образомъ Богъ и душа понимаютъ другъ друга, если только Ему угодно, чтобы Онъ былъ понятъ, не прибѣгая ни къ какимъ внѣшнимъ знакамъ... Здѣсь, внизу, между нами, смертными, два умныхъ и горячо любящихъ другъ друга существа, также понимаютъ другъ друга безъ знаковъ, — по одному лишь взгляду. Нѣчто подобное должно происходить и въ этихъ таинственныхъ сношеніяхъ между Богомъ и душой, ибо *этотъ источникъ Любви и его подобіе понимаютъ другъ друга безъ словъ*. Такъ, по крайней мѣрѣ, если я не ошибаюсь, въ пѣсни Соломона женихъ говоритъ своей невѣстѣ“....

А вотъ вамъ другая страница, гдѣ сердце вдохновенной женщины описываетъ невыразимыя очарованія религіознаго экстаза:

..... „Это состояніе есть сонъ умственныхъ силъ, въ которомъ онѣ, не теряясь совершенно въ Богъ, не вѣдаютъ, однако, какимъ образомъ онѣ приходятъ въ дѣйствіе. Удовольствіе, блаженство и наслажденіе въ этомъ

состояніи неизмѣримо выше, чѣмъ при предшествующей ему молитвѣ. Душа охватывается волною божеской милости и не въ состояніи болѣе ни двинуться впередъ, ни возвратиться назадъ, и горитъ лишь желаніемъ насладиться этимъ чуднымъ блаженствомъ. Она похожа на человѣка, который стоитъ со свѣчей въ рукахъ, чтобы встрѣтить, наконецъ, давно желанную смерть. Въ этой смертной агоніи душа испытываетъ высшее наслажденіе, какое только можно себя представить: и мое состояніе кажется мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ полнѣйшимъ умираніемъ для всѣхъ свѣтскихъ дѣлъ и жизнью лишь для блаженного созерцанія Господа. Я не могу подыскать болѣе подходящаго сравненія, чтобы выразить то, что испытываетъ моя душа. Въ этомъ состояніи она не вѣдаетъ, что творитъ; она не знаетъ, говоритъ-ли она, молчитъ-ли, смѣется или плачетъ. Это состояніе подобно блаженному бреду, небесному изступленію, словомъ, это — одинъ изъ самыхъ прелестныхъ видовъ наслажденія“.

Въ другомъ мѣстѣ св. Тереза доходитъ до того, что называетъ это свое состояніе *священнымъ небеснымъ безуміемъ* и, быть можетъ, никогда еще окрыленное слово не было такъ удачно употреблено для выраженія съ такой поэтичностью дѣйствительнаго факта.

„О, да будетъ вѣчно благословено Твое Имя, Господи, и пусть всѣ созданія всегда поютъ хвалу Тебѣ! Услышь, мой повелитель, молитву, съ которою я теперь къ Тебѣ обращаюсь. Ибо, благодаря Твоей милости, мною навсегда овладѣло *это святое небесное безуміе*“...

Или-же въ другомъ мѣстѣ:

„..... Въ упоеніи небесной любви замѣчается во время молитвы тотъ внутренній порывъ, который называется *возвышеніемъ или полетомъ духа*... Я увѣрена, что тотъ, кто самъ испыталъ всю прелесть очарованія, пойметъ меня; *другіе-же примутъ мои слова за безумный бредъ*. Однако, *вѣрно лишь то, что при этомъ состояніи полнѣйшаго экстаза* умственная дѣятель-

ность можетъ оставаться втеченіе нѣсколькихъ часовъ *въ какомъ-то бреду*“.

Подойдя къ границамъ чувствуемаго и понимаемаго, святая испанка находить уже недостаточными слова своего обыденнаго словаря, и вотъ, унесшись въ самыя высокія сферы метафизики, она даетъ слово Богу, ибо слово жалкаго смертнаго существа кажется ей слишкомъ низкимъ для выраженія того, что она испытываетъ:

.

„Перейдемъ теперь къ внутреннимъ ощущеніямъ души въ этомъ состояніи. Пусть говоритъ объ этомъ, кто можетъ, ибо этого нельзя понять, а тѣмъ менѣе выразить словами. Взявшиесь писать объ этомъ предметѣ, я стала сама съ собою бесѣдовать о томъ, что дѣлаетъ душа въ это время. И Господь обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: *„Растворись всецѣло, дочь моя, чтобы глубже погрузиться въ меня, не ты живешь больше, а я; такъ какъ ты не можешь понять того, что видишь, то ты находишься въ состояніи невѣдѣнія, хотя въдаешь*“.

.

„Послѣ такой молитвы и соединенія, душа исполняется величайшей нѣжности, такъ что она готова растаять, не отъ огорченія, а отъ самой сладости этихъ проливаемыхъ слезъ. Она чувствуетъ себя растроганной, даже не чувствуя, какъ эти слезы текутъ, и не зная, когда и почему ихъ пролила. Но ей доставляетъ большое наслажденіе видѣть, какъ эта небесная жидкость—слезы— вмѣсто того, чтобы потушить пожирающее душу пламя, напротивъ того, еще болѣе увеличиваетъ его. Эти слова могутъ казаться очень странными, а между тѣмъ это такъ“.

„Въ этомъ состояніи молитвы мнѣ часто случалось, что я находилась внѣ себя и не знала, было-ли испытанное мною наслажденіе дѣйствительностью или сномъ. Когда я приходила въ себя, я замѣчала, что была вся въ слезахъ, которыя обильно и неудержимо лились изъ

глазъ моихъ. Это убѣждало меня въ томъ, что все это происходило со мною не по сѣбѣ. Это случалось вначалѣ и обыкновенно длилось недолго.

„Эта милость Господа оказываетъ то влияніе, что душа вся исполняется высокаго мужества, и если-бы въ этотъ моментъ тѣло рухнуло на части, она (душа) считала-бы это большимъ счастьемъ“.

.

Страницу, которую я теперь приведу, скорѣе можно было-бы принять за цитату изъ психологическаго сочиненія, чѣмъ изъ записокъ монахини. И подумаешь, какъ это нѣкоторые легкомысленные писатели рѣшились назвать ее жалкой истеричкой и больше ничѣмъ!

„Я бы желала съ Божьей помощью сумѣть объяснить разницу между соединеніемъ и очарованіемъ. Очарованію даютъ также много другихъ названій, которыя, однако, всеъ выражаютъ одно и то-же; обыкновенно говорятъ: *возвышеніе или полетъ духа, умоизступленіе, экстазъ*“.

„Очарованіе значительно превосходитъ соединеніе и производитъ большій эффектъ. Соединеніе дѣйствуетъ вначалѣ, посрединѣ и въ концѣ, почти всегда одинаковымъ образомъ и только внутренно. Очарованіе-же имѣетъ различныя формы и степени и, въ качествѣ дара высшаго порядка, оно дѣйствуетъ не только внутренно, но и наружно. Пусть Господу угодно будетъ объяснить это явленіе, какъ Онъ это уже сдѣлалъ съ предъидущими, ибо если-бы Онъ самъ не научилъ меня, какъ изъясняться, это никогда-бы мнѣ не удалось“.

„Подобно тому какъ облака притягиваютъ къ себѣ земныя испаренія,—Онъ притягиваетъ къ себѣ нашу душу, очаровываетъ ее, возноситъ ее на облакъ своей славы на небо и начинаетъ раскрывать предъ нею чудеса того царства, которое Онъ уготовалъ ей. Я не знаю, подхо-

дѣть-ли сравненіе, но дѣло въ дѣйствительности происходитъ именно такъ“.

„Во время этихъ очарованій душа какъ-бы покидаетъ тѣло; влѣдствіе этого естественная теплота замѣтно ослабляется и члены мало по малу охлаждаются, хотя въ то-же время испытываешь величайшее удовольствіе и наслажденіе. При молитвѣ соединенія мы, какъ-бы находясь у себя дома, почти всегда можемъ противостоять божественному притяженію, хотя и не безъ труда и напряженныхъ усилій. Не то при очарованіи: здѣсь никакое противодѣйствіе почти невозможно. Прежде чѣмъ вы успѣли сообразить или оглянуться, вы чувствуете сильный и везанный толчокъ и видите, какъ будто небесное облако или божественный орелъ спускаются къ вамъ, чтобы увлечь васъ въ высоту. Вы чувствуете и видите, какъ васъ увлекають, но вы не знаете куда, и хотя это увлеченіе пріятно, но вначалѣ оно внушаетъ страхъ, и нужно обладать весьма мужественной и рѣшительной душой, чтобы всецѣло отдаться въ руки Бога и идти туда, куда ему угодно, еслибы даже этотъ полетъ доставлялъ страданіе. И это страданіе до того сильно, что я очень часто оказывала сопротивленіе, въ особенности когда это случалось со мною въ присутствіи другихъ. Иногда мнѣ удавалось оказать нѣкоторое сопротивленіе, но тогда я чувствовала себя такой разбитой и слабой, какъ человѣкъ, поборовшійся съ гигантомъ. Въ другіе разы мои усилія оказывались тщетными; моя душа впадала въ очарованіе и моя голова обыкновенно слѣдовала движенію души съ такою стремительностью, что я не въ силахъ бывала удержать ея; иногда-же все мое тѣло устремлялось вверхъ, такъ что приподнималось надъ землею. Но это со мною случалось лишь крайне рѣдко. Однажды со мною случилось это, когда я стояла на колѣняхъ въ обществѣ другихъ сестеръ. Это обстоятельство меня крайне встревожило, ибо я предвидѣла, что такой необыкновенный фактъ не можетъ не возбудить большаго удивленія, и такъ какъ

это со мною случилось послѣ того, какъ я стала настоятельницей, то я приказала монахинямъ не говорить никому объ этомъ. Много разъ, замѣтивъ, что Господь желаетъ повторить надо мною это чудо, я ложилась на землю и просила монахинь держать меня, но это не помогало; однажды такая вещь случилась со мною во время праздничной проповѣди въ присутствіи многихъ знатныхъ дамъ. Послѣ этого случая я стала горячо просить Господа не оказывать мнѣ милостей, которыя проявлялись-бы на виду у всѣхъ: меня страшно тяготило вниманіе, которое онѣ на себя обращали, тѣмъ болѣе, что я не была въ состояніи скрывать ихъ. Повидимому, моя мольба была услышана, потому что съ того дня со мною ничего подобнаго болѣе не случалось“.

„Когда я желала сопротивляться, я чувствовала какую-то непреодолимую силу подъ ногами, которая увлекала меня въ высоту; я рѣшительно не знаю, съ чѣмъ это сравнить. Порывъ казался гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ подобныхъ духовныхъ порывахъ: это была страшная борьба, изъ которой я выходила какъ-бы совершенно истерзанной. Но всѣ мои усилія оставались безплодными: если Богу что-нибудь угодно сдѣлать, то нѣтъ никакой власти противъ Его воли“....

.
Въ другомъ мѣстѣ святая испанка другими словами описываетъ состояніе, когда она находилась въ экстазѣ.

„.... Въ этомъ состояніи душа какъ-бы не существуетъ болѣе въ себѣ самой, а улетаетъ вверхъ, подобно птицѣ, паря на этой высотѣ надъ всѣми существами.“¹⁾

¹⁾ Эти слова, быть можетъ, служатъ безсознательнымъ повтореніемъ прекраснаго псалма: «Я проводилъ безсонныя ночи и былъ подобенъ птицѣ, одиноко сидящей на крышѣ».

Анализъ — это одна изъ тѣхъ психическихъ способностей, которыя такъ рѣдко встрѣчаются у женщины. А между тѣмъ св. Тереза устремляетъ свой проникающій взглядъ въ самую глубь мистерій экстаза, стараясь узнать его внутреннюю природу и скрытыя причины. Послушайте, какъ она разсуждаетъ объ очарованіяхъ, длящихся иногда цѣлыя часы:

„Но здѣсь ты меня, быть можетъ, спросишь, отецъ мой, какимъ образомъ очарованіе иногда можетъ длиться нѣсколько часовъ? Я отвѣчу на это, сообразно съ тѣмъ, что сама часто испытывала. Очарованіе, подобно соединенію, о которомъ я уже говорила, не бываетъ продолжительнымъ: душа наслаждается имъ лишь урывками. Очень часто послѣдняя погружается въ Бога, или лучше сказать—Богъ погружаетъ ее въ себя, и послѣ того какъ она пробудетъ нѣкоторое время въ такомъ состояніи, одна лишь воля остается соединенной съ нею въ очарованіи. Въ остальныхъ двухъ силахъ происходитъ тогда непрерывное движеніе, подобное движенію стрѣлки солнечныхъ часовъ, которое никогда не прекращается. Но если Солнце правды того захочетъ, оно можетъ остановить его; а это очарованіе всѣхъ силъ есть, какъ я сказала, одно изъ тѣхъ движеній, которыя длятся недолго. Но какъ-бы ни были велики порывъ и подъемъ духа, если даже память и разумъ снова приходятъ въ дѣятельность,—воля остается глубоко погруженной въ Бога. Чтобы враги его—чувства—ей не мѣшали, она приостанавливаетъ ихъ дѣятельность, когда того желаетъ воля Господа. Глаза большую часть времени остаются закрытыми, хотя мы не желаемъ закрывать ихъ, а если они иногда открываются, то они, все-таки, не могутъ многого разобрать или различить, какъ я это уже сказала. Въ этомъ состояніи тѣло почти совершенно теряетъ способность дѣйствовать, изъ чего слѣдуетъ, что, когда память и разумъ потомъ снова соединяются съ волей, объ эти силы встрѣчаютъ меньше трудностей... Быть можетъ, я сама не знаю, что говорю..... Напрасно силюсь я послѣ экстаза двигать

членами: тѣло долгое время остается безъ силъ—всѣ ихъ унесла съ собою душа. Часто, будучи больной и истерзанной большими страданіями до экстаза, я пробуждаюсь послѣ него полная здоровья и расположенія къ труду; поразительно, сколько силы придаетъ это состояніе. Иногда, какъ я уже сказала, Господу угодно, чтобы и тѣло принимало участіе въ этомъ, ибо оно повинуется волѣ души. Когда-же душа послѣ сильнаго экстаза приходитъ въ себя, то ея силы остаются какъ-бы отсутствующими втеченіе одного, двухъ или даже трехъ дней“.

Подобно тому какъ въ низменныхъ сферахъ чувственныхъ наслажденій человѣкъ, для котораго бредъ сладострастія или упоенія сталъ насущнымъ хлѣбомъ, не можетъ болѣе наслаждаться чистыми и здоровыми радостями жизни,—и человѣкъ, имѣвшій счастье испытать очарованіе экстаза, неохотно возвращается на обыденную жизненную тропу. Это высказываетъ и наша святая:

„..... Тогда только испытываешь всю муку возвращенія къ этой печальной жизни: душа перестаетъ быть ангеломъ,—она потеряла крылья. Для нея наступилъ моментъ поднять высоко знамя Христа“.

Это отвращеніе къ будничнымъ ощущеніямъ ведетъ къ непрерывнымъ усиліямъ снова подняться туда, откуда открывается чудная панорама необъятныхъ горизонтовъ. Такъ житель Альповъ мечтаетъ среди равнинъ объ алмазныхъ глетчерахъ и безконечной лазури неба своихъ горъ.

„Что касается меня, то я убѣждена въ томъ, что душа, доходящая до этого состоянія, не говоритъ и не дѣлаетъ ничего по собственному побужденію, а покорятся лишь указаніямъ верховнаго Повелителя, какъ поступать и что говорить. О, тогда только мы видимъ, съ какимъ правомъ всѣ души, подобно Давиду, могли-

бы попросить для себя крыльевъ голубя! Какъ понятенъ тебѣ тогда этотъ вздохъ царя—пророка! Тогда ты воочію убѣждаешься, что, благодаря экстазу, душа поднимается и улетаетъ къ Богу, чтобы возвыситься надъ всѣмъ сотвореннымъ и надъ самой собою, но это полетъ тихій, пріятный, безшумный“.

„Что можетъ сравниться съ душой, которая, поднявшись на эту высоту, глядитъ сверху внизъ на эти дѣла мірскія, которыя не приковываютъ ея къ себѣ? И что должна испытывать душа, когда она видитъ себя вынужденной вернуться изъ этой небесной области въ среду людей и присутствовать въ качествѣ зрительницы или даже принимать участіе въ этой жалкой комедіи человѣческой жизни! Какъ сильно она чувствуетъ тогда рабство и нищету жизни!.. Какъ прасъ былъ св. Павелъ, умоляя Бога освободить его отъ этого рабства! И вмѣстѣ со святымъ апостоломъ я возношу мольбы къ Богу даровать мнѣ свободу“...

„Однажды, послѣ горячей молитвы, въ которой я просила Господа помочь мнѣ исполнять во всемъ его волю, я начала гимнъ, какъ вдругъ мною овладѣло очарованіе, которое какъ-бы вывело меня изъ себя; несмотря на неожиданность, оно было такъ ясно, что я не могла въ немъ усомниться. Это былъ первый разъ, когда Господь милостиво даровалъ мнѣ экстазъ. Я услышала слѣдующія слова: *„Я не желаю больше, чтобы ты бесѣдовала съ людьми, а только съ ангелами“*. Мною овладѣлъ священный ужасъ, отъ того-ли, что я слишкомъ живо почувствовала экстазъ, или-же отъ того, что эти слова мнѣ сказаны были въ сокровеннѣйшей глубинѣ духа. Когда-же этотъ страхъ, который, быть можетъ, мнѣ внушенъ былъ новизною случая, разсѣялся, я почувствовала себя исполненной самаго отраднаго утѣшенія“.

Психическіе отгѣненіи экстаза прекрасно описаны нашей святою:

„Эти внутреннія рѣчи, съ которыми Богъ обращается

къ душѣ, состоятъ изъ паразительно ясныхъ и отчетливыхъ словъ, которыхъ мы, однако, не слышимъ тѣлесными ушами; душа-же воспринимаетъ ихъ такъ ясно, какъ если-бы она ихъ слышала; а если она пожелала-бы сдѣлать усилие, чтобы не слышать ихъ, то это было-бы напрасно и ни къ чему не повело-бы. Намъ, людямъ, здѣсь, на землѣ, стоить только заткнуть уши, чтобы не слышать, или повернуться въ другую сторону, чтобы съ открытыми глазами не видѣть. Но когда Богъ обращается къ душѣ, то дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Могучее слово Господа преодолеваетъ всякое препятствіе и прокладываетъ себѣ путь къ разуму, не обращая никакого вниманія на то, желаемъ-ли мы того или не желаемъ“.

.

„Здѣсь я должна замѣтить, что если душа во время очарованія видитъ разныя видѣнія, слышитъ божественныя рѣчи, то это, по моему мнѣнію, никогда не происходитъ въ томъ случаѣ, когда экстазъ достигаетъ апогея, ибо тогда вся душевная сила настолько теряется въ Богъ, что, какъ мнѣ кажется, въ это время невозможно болѣе ни видѣть, ни воспринимать, ни слышать. Господь всецѣло овладѣваетъ ею и даетъ ей на этотъ короткій промежутокъ времени свободу совершать божественныя поступки. Но какъ только этотъ короткій промежутокъ времени проходитъ, въ то время, когда душа еще пребываетъ въ очарованіи, происходитъ слѣдующее: душевныя и умственные силы, освободившіяся уже немного отъ вліянія Господа, пребываютъ въ бездѣятельности и неспособны къ разсужденію. И я полагаю, что только въ этомъ второмъ періодѣ экстаза, душа можетъ слышать божественныя рѣчи и видѣть небесныя явленія“...

„Однажды, въ то время, какъ я молилась, Онь удостоилъ показать мнѣ только свои руки, красота которыхъ была такъ паразительна, что я не нахожу словъ, чтобы описать ее. Это обстоятельство внушило мнѣ большой страхъ, какъ вообще я очень пугалась, когда

Богу угодно бывало оказать мнѣ какую-нибудь сверхъестественную милость. Нѣсколько дней спустя, я увидѣла также его божественный ликъ и, кажется, совершенно ушла въ созерцаніе его. Я вначалѣ не могла понять, почему Господь является мнѣ по частямъ, такъ какъ въ послѣдствіи Ему угодно было оказать мнѣ милость и открыть предо мною все свое божественное Величіе. Но я потомъ поняла все: Господь желалъ постепенно подготовить меня, зная, что этого требовала моя естественная слабость. Такое слабое и жалкое существо, какъ я, не могло-бы сразу перенести цѣльнаго впечатлѣнія. Господь зналъ это, и потому постепенно подготовлялъ меня. Да будетъ Онъ благословенъ во вѣки!“

„Вамъ покажется страннымъ, отецъ, чтобы для созерцанія рукъ и лица такой красоты нужно было столько мужества. А между тѣмъ эта красота дѣйствительно такъ необыкновенна, она окружена такимъ ореоломъ славы и свѣта, что, при видѣ такихъ сверхъестественныхъ и прекрасныхъ вещей, смертный человѣкъ останавливается, пораженный, какъ-бы внѣ себя, полный ужаса. Именно, этотъ священный трепетъ овладѣвалъ мною, и я останавливалась, пораженная и глубоко потрясенная. Однако, этотъ страхъ въ послѣдствіи уступалъ мѣсто чувству надежды и увѣренности“.

„Однажды во время праздника св. Павла, присутствуя при обрядѣ божественнаго жертвоприношенія, я удостоилась увидѣть все священное человѣческое тѣло Христа, въ томъ видѣ, въ какомъ его обыкновенно рисуютъ при воскресеніи; Онъ былъ такъ красивъ и величественъ, что всякое слово блѣднѣетъ, при желаніи описать Его“

„Я скажу лишь, что, еслибы намъ пришлось увидѣть священное тѣло нашего Господа Иисуса Христа на небѣ, то наше наслажденіе было-бы невыразимымъ. Если насъ такъ потрясаетъ его видѣніе на землѣ, гдѣ Онъ является намъ въ такомъ видѣ, чтобы наша жалкая природа могла перенести Его сіяніе, то что-же было-бы

на небѣ, еслибы душа наша увидѣла Его во всей славѣ и лучезарной красотѣ?“.

„Это блескъ, который не ослѣпляетъ, который не утомляетъ зрѣнія, а доставляетъ ему большое наслажденіе; это бѣлизна, невыразимо чистая и пріятная; ясность, дѣлающая душу способной смотрѣть на эту божественную красоту“.

„Втеченіе двухъ съ половиной лѣтъ Спасителю угодно было являться мнѣ въ такомъ видѣ почти ежедневно; теперь-же, вотъ уже третій годъ Онъ является мнѣ рѣже, за то Онъ даруетъ мнѣ другое, болѣе возвышенное видѣніе.... Въ то время какъ онъ говорилъ ко мнѣ, я разматривала Его величественную красоту, и слова, произносимыя Его прекрасными, божественными устами, дышали безконечной сладостью. Въ эти блаженные моменты мною овладѣвало страстное желаніе наблюдать цвѣтъ и величину Его глазъ, чтобы сѣмъ-то говорить объ нихъ, но я не удостоилась этого; всѣ мои усилія вели лишь къ тому, что видѣніе совершенно исчезало. Если Онъ обыкновенно говорилъ со мною очень нѣжно, то иногда бывалъ также и строгъ. И хотя во взглядѣ Его много кротости, однако взглядъ этотъ оказываетъ такое могучее дѣйствіе, что душа моя не въ состояніи вынести его и впадаетъ въ очарованіе“.....

Ни въ какомъ мѣстѣ своей *Автобіографіи* Тереза не выражаетъ лучше тѣсной связи между религиознымъ экстазомъ и любовью, какъ въ слѣдующемъ:

„..... Вскорѣ послѣ того Господь, согласно своему обѣщанію, сталъ яснѣе доказывать мнѣ, что это былъ именно Онъ, который дѣйствовалъ во мнѣ. Я чувствовала, какъ душа моя запылала страстной любовью къ Богу; эта любовь, очевидно, была сверхъестественна, ибо я не знала, что зажгло ее во мнѣ. Я чувствовала, что умираю отъ желанія видѣть Бога, и я не знала, какъ

и гдѣ я могу этого достигнуть, развѣ по смерти. Припадки, доставляемые мнѣ этой любовью, хотя не были такъ сильны, какъ тѣ, о которыхъ я уже говорила, но они были, все-таки, настолько бурны, что я не знала, какъ мнѣ быть: ничто болѣе не могло удовлетворить меня, я не могла болѣе придти въ себя и мнѣ казалось, что душа моя насильно вырывается изъ моей груди. О, милостивый Богъ мой, какъ деликатно и нѣжно Ты обходишь ее Своей жалкой рабой! Ты скрывался отъ меня и въ то-же время далъ мнѣ нѣжное доказательство Твоей любви ко мнѣ, *посредствомъ такой слабой смерти, что душа моя никогда не пожелала-бы выйти изъ этой возмущенной аоніи.*“

Иногда видѣнія Терезы приобрѣтають характеръ платоническаго пыла.

„..... Находясь однажды въ вышеописанномъ состояніи, я увидѣла по лѣвую сторону отъ себя ангела въ тѣлесной формѣ. Мнѣ чрезвычайно рѣдко приходилось видѣть ангеловъ въ такомъ видѣ. Я часто имѣла счастье наслаждаться присутствіемъ ангеловъ, но они являлись мнѣ въ формѣ умственныхъ видѣній.... На этотъ разъ Господу угодно было, чтобы ангелъ явился въ осязаемой формѣ предъ глазами моей души. Онъ не былъ высокъ ростомъ, а малъ, и при этомъ очень красивъ. По пылающему небеснымъ чувствомъ лицу я узнала въ немъ одного изъ тѣхъ возвышенныхъ духовъ, которые состоятъ лишь изъ пламени и любви. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ ангеловъ, которыхъ называютъ херувимами. Въ рукѣ онъ держалъ золотую стрѣлу, оканчивавшуюся горящимъ уголькомъ. Стрѣла эта какъ-бы пронизывала все мое сердце, и я чувствовала, какъ я вся пылаю великою любовью къ Богу.

„Страданіе, которое мнѣ причиняли эти раны, было очень сильно, но при всемъ томъ эти невыразимыя му-

ченія исполнены были для меня такой сладости, что душа моя никогда-бы не пожелала освободиться отъ нихъ или искупить счастья вѣдъ Бога. Это—не физическое страданіе, а духовное, хотя тѣло и принимаетъ при этомъ выдающееся участіе. Между душою и Богомъ происходитъ тогда такой *сладкій обмѣлъ блаженства*, котораго я рѣшительно не могу описать. Я молю Бога, чтобы Онъ даровалъ хоть одинъ разъ это наслажденіе тѣмъ, которые откажутся вѣрить моимъ словамъ. Въ тѣ дни, когда это со мною случалось, я ходила, какъ очарованная и вѣдъ себя отъ восторга; я ничего не хотѣла видѣть, ничего не хотѣла говорить, *а вся уходила въ свое сладкое страданіе, довольная, какъ только можно быть довольнымъ на этомъ свѣтѣ*“.

+ + | Экстазъ находится въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ
 + | къ наркотическому опьяненію, чѣмъ это можно было-бы
 + | предположить при поверхностномъ и торопливомъ изслѣ-
 + | дованіи. За веселыми и блестящими галлюцинаціями нар-
 + | коза часто слѣдуютъ страшные образы, мрачныя видѣ-
 + | нія. Точно также при аскетическихъ видѣніяхъ за анге-
 + | лами являются демоны

X „Однажды я находилась въ молельнѣ, когда онъ (демонъ) явился по правую руку отъ меня въ отвратительномъ видѣ. Я обратила особенное вниманіе на его ротъ, когда онъ говорилъ ко мнѣ: онъ былъ ужасенъ. Изъ всего его тѣла выходило огромное пламя, свѣтлое и безъ тѣни. Онъ говорилъ мнѣ ужасныя вещи,—что я освободилась изъ его рукъ, но что онъ сумѣетъ снова овладѣть мною. Можно себѣ представить мой ужасъ. Я собралась съ духомъ, насколько возможно было, и перекрестилась,—демонъ тотчасъ-же исчезъ, но скоро снова явился и, отогнанный новымъ крестнымъ знаменіемъ, опять исчезъ, чтобы не замедлить снова появиться. Я

не знала, что мнѣ дѣлать, какъ вдругъ вспомнила, что вблизи меня находилась святая вода: я брызнула въ ту сторону, и онъ болѣе не являлся“.

„Въ другой разъ онъ терзалъ меня втеченіе цѣлыхъ пяти часовъ такими страшными пытками, что я не могла болѣе перенести этого. Нѣкоторыя сестры, находившіяся вблизи меня, стояли, охваченныя ужасомъ, не зная, что дѣлать и какъ мнѣ помочь“.

„..... Однажды, стои въ молельнѣ, я вдругъ увидѣла себя въ полѣ, гдѣ вокругъ меня стояла разношерстная толпа, держа различное оружіе въ рукахъ, чтобы напасть на меня: кто ножи, кто сабли, кто кинжалы, кто длинныя палки. Я не могла броситься ни въ одну сторону, чтобы не встрѣтить тамъ вѣрной смерти, и я не видѣла возлѣ себя ни одного существа, которое-бы могло защитить меня. Въ этомъ ужасномъ замѣшательствѣ я подняла глаза къ небу и увидѣла Иисуса Христа не на небѣ, а высоко въ воздухѣ надо мною, простиравшаго ко мнѣ свою божественную руку и обѣщавшаго мнѣ свое покровительство. Тотчасъ-же весь страхъ исчезъ у меня, и эта толпа, не смотря на всю свою ярость, не могла причинить мнѣ никакого зла“.

Однако, у Терезы печальныя и страшныя видѣнія являются очень рѣдко, между тѣмъ какъ открыленныя и веселыя повторяются довольно часто. Но она все не можетъ привыкнуть къ нимъ и очень часто приходитъ въ смущеніе, считая себя недостойной подниматься такъ высоко въ область экстазовъ. Нѣкоторыя изъ ея описаній невольно приводятъ намъ на умъ описанія изъ дантовскаго *Рая*.

„..... Однажды вечеромъ я удалилась въ молельню, но я чувствовала себя такой больной и слабой, что не

могла молиться; тогда я взяла въ руки четки, чтобы молиться громко, что не требовало такого напряжения ума. Но, увы! что значать наши усилія, когда Богу угодно что-нибудь совершить надъ нами! Едва я простояла въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ, какъ мною овладѣло такое бурное духовное очарованіе, что я не могла оказать ему ни малѣйшаго сопротивленія. Мнѣ показалось, что я превратилась въ духа, унесшагося на небо, и первая лица, встрѣченныя мною тамъ, были мои родители. Къ счастью, видѣніе длилось довольно долго, но въ такихъ случаяхъ оно кажется очень короткимъ“.

Я закончу этотъ психологическій очеркъ Терезы, составленный по ея *Признаніямъ*, нѣкоторыми другими цитатами, въ которыхъ выражены самыя выдающіяся черты ея религіозныхъ экстазовъ.

„Это состояніе, возвышающее душу надъ всеѣмъ сотвореннымъ, до того величественно, что его невозможно понять, не испытавши его... Эти возвышенныя просвѣтлѣнія изгнали изъ моего сердца довольно живой страхъ смерти, всегда преслѣдовавшій меня. Теперь смерть кажется мнѣ самой легкой вещью въ мірѣ для души, вѣрующей въ Бога, ибо въ моментъ смерти эта душа видитъ себя освобожденной изъ своей темницы и достигшей вѣчнаго покоя. По моему мнѣнію, между экстазомъ и смертью имѣется большое сходство. И дѣйствительно, душа, пребывающая въ очарованіи Богомъ, открываетъ невыразимыя чудеса, разоблачаемая Имъ, а душа, отдѣляющаяся отъ тѣла, въ тотъ-же моментъ овладѣваетъ всеѣми небесными благами“.

.. Въ то время какъ я стояла озабоченная этими мыс-

лями, меня безъ всякой видимой причины охватило очарованіе. Чувствуя, что все естественныя силы покидаютъ меня и что я не могу держаться на ногахъ, я оперлась о стѣну. Въ это время ко мнѣ опустился голубъ, совсѣмъ не похожій на нашихъ голубей. Я какъ-бы слышала шумъ его сіяющихъ крыльевъ; но векоръ душа моя до того погрузилась въ экстазъ, что я потеряла изъ виду даже божественнаго голубя. Наслажденіе, доставленное мнѣ этимъ очарованіемъ, было постигнѣ необыкновеннымъ. Я долгое время оставалась какъ-бы внѣ себя, не зная, что со мною творится, не постигая, какъ я не упала подъ тяжестью такой необыкновенной милости; я перестала видѣть и слышать: до такой степени всецѣло поглотило меня внутреннее наслажденіе*

„Отъ времени до времени меня охватывало такое страстное желаніе святаго сочетанія, что я не могу этого выразить словами. Однажды утромъ, когда я находилась внѣ монастыря, пошелъ такой сильный дождь, что, казалось, невозможно будетъ выйти изъ дому. Я такъ сильно желала принять своего Господа, что если-бы меня кололи ножами въ грудь, я, все-таки, шла-бы впередъ; поэтому можно себя представить, могъ-ли меня удержать отъ моего намѣренія потокъ воды. И такъ я пошла въ церковь. Едва я вошла туда, какъ мною овладѣло сильное очарованіе. Небо, которое я въ другіе разы видѣла лишь какъ-бы сквозь отверстіе, все раскрылось предо мною, и тогда, о отецъ, я увидѣла предъ собою тронъ, о которомъ говорила, а надъ нимъ другой тронъ, на которомъ, какъ я непонятнымъ образомъ догадывалась, возсѣдало само Божество. Тронъ этотъ поддерживали какія-то загадочныя существа, и я вообразила, что это, можетъ быть, были евангелисты. Но какъ этотъ тронъ былъ построенъ и кто на немъ сидѣлъ—этого я не видѣла. Я увидѣла лишь большое количество ангеловъ, которые показались мнѣ прекраснѣе другихъ, уже видѣнныхъ мною на небѣ. Я приняла ихъ за серафимовъ и херувимовъ, потому что ихъ сіяніе, какъ я только

что сказала, превосходило сіяніе всѣхъ другихъ ангеловъ, и казалось, что они всѣ горѣли яркимъ пламенемъ. *Радость, которую я при этомъ испытывала, не поддается описанію, и, не испытавъ ее, невозможно составить себѣ о ней никакого понятія*“.

Итакъ я говорю, что Божество—это какой-то невыразимо прозрачный алмазь, по величинѣ превосходящій всю вселенную, или-же зеркало, отражающее и заключающее въ себѣ рѣшительно всѣ вещи въ мірѣ“...

Всѣ высоты сходны между собою. При смѣлыхъ полетахъ мысли и чувства человѣкъ возвышается на крыльяхъ фантазіи или желанія до такихъ вершинъ, которыхъ глаза не видятъ, а руки не касаются; и смиренная раба Божія, скромная Тереза изъ Авилы, увосаясь во время своихъ экстазовъ на небо, подаетъ руку философу-спиритуалисту, который на безчисленныхъ ступеняхъ безконечной лѣстницы пытается опредѣлить неопредѣлимое и доходить до ошьяненія и экстаза при своихъ догматическихъ опредѣленіяхъ, въ которыхъ неопредѣленность словъ изобличаетъ неостижимость вещей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Религиозные экстазы у некоторых женщин и мужчин.—Марія дели Анджели.—Анна Катерина Эмериш.—Маргарита Марія Аликочь.—Баттиста Варани, принцесса ди Камерино.—Монахъ Жакомо далла Масса.—Монахъ Джованни делла Веррия.—Монахъ Леонъ.

Марія дели Анджели, босоногая кармелитка, родилась въ Туринѣ 7 января 1661 г. и умерла 16 декабря 1717 г. Эта личность представляет собою одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ жизни, всецѣло проведенной въ экстазахъ религіознаго чувства. Въмѣсто того чтобы раскрашивать нашъ рассказъ цвѣтами вымысла, предоставимъ ей самой говорить за себя, а тамъ, гдѣ этого окажется недостаточнымъ, дадимъ слово ея біографу, который не принадлежитъ къ самымъ экзальтированнымъ изъ аскетическихъ писателей.

„.... Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ она была исполнена божественной благодати и тогда уже можно было предвидѣть, что судьба предназначала ее къ великимъ подвигамъ благочестивой жизни. И дѣйствительно, не достигнувъ еще семилѣтняго возраста, она уже была настолько набожна, что, какъ она сама рассказываетъ въ своемъ жизнеописаніи, написанномъ по приказанію ея исполнителя, высшее ея удовольствіе заключалось въ

устраняніи маленькихъ алтарей, въ шептаніи молитвъ, въ бесѣдахъ о Богѣ и въ разсужденіяхъ со своимъ маленькимъ братомъ обо всемъ божественномъ“.

„Насколько она тогда уже была проникнута истиной нашей святой вѣры и какъ сильно ея нѣжное сердце пылало святыми желаніями, видно изъ слѣдующаго полнаго предести факта, который она чистосердечно описываетъ намъ. Слушая часто житія святыхъ, рассказываемыя ей доброй служанкой, она почувствовала такое страстное желаніе подражать имъ, что однажды сговорила съ вышеупомянутымъ своимъ братомъ тайно бѣжать изъ дому и уйти въ пустыню, чтобы тамъ поеститься и молиться. Они приготовили сумку съ хлѣбомъ и бутылку вина, чего, по ихъ дѣтскому соображенію, было вполне достаточно въ дорогѣ, пока они не достигнутъ пустыни, а тамъ уже о нихъ будетъ заботиться самъ Господь. Затѣмъ они подсмотрѣли, куда прячется вечеромъ ключъ отъ воротъ, чтобы имѣть возможность самимъ отпереть ихъ. Рѣшивъ такимъ образомъ бѣжать на разсвѣтѣ, они, веселые и довольные, легли спать. Но что-же случилось? На другое утро, когда служанка, по обыкновенію, пришла будить ихъ, оба невинные младенца, вмѣсто того чтобы находиться на пути къ пустынѣ, лежали въ своихъ постелькахъ, объятые крѣпкимъ сномъ. Отъ огорченія вѣдѣствіе такого разрушенія ихъ прекрасныхъ надеждъ они громко расплакались. Служанка стала допытываться причины, тѣмъ болѣе, что ее и безъ того поразили сумка съ хлѣбомъ и бутылка съ виномъ, но ни она, ни кто-либо другой не могли ничего добиться, пока Марія, изъ боязни наказанія, сама не рассказала всего къ великому удовольствію и удивленію окружающихъ“.

Маленькая Марія уже съ раннихъ лѣтъ поставила свой нравственный идеалъ на такую высоту, что даже самая отдаленная опасность потерять свою невинность при-

водила ее къ крайній ужасъ. И дѣйствительно, разматривая свою жизнь до одиннадцатилѣтняго возраста, которую она сама называетъ очень дурной, она находитъ, что единственными ея грѣхами были нѣсколько незначительныхъ обмановъ, иногда неповиновеніе родителямъ, споры и ссоры съ братьями и сестрами и изрѣдка смѣлое сужденіе по поводу тѣхъ или другихъ безразличныхъ вещей. Она упоминаетъ также, какъ при всемъ этомъ она никогда не опускала случая бесѣдовать съ Богомъ, и предпочла-бы тысячу разъ умереть, чѣмъ оскорбить Его какимъ-бы то ни было поступкомъ.

.

Уже въ этомъ возрастѣ она имѣла видѣнія.

..... Однажды, стоя передъ зеркаломъ при одѣваніи, она вмѣсто своего изображенія увидѣла въ зеркалѣ образъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ, истекающаго кровью. При видѣ этого образа она вся затрепетала и разрыдалась; съ того-же момента она приняла неизмѣнное рѣшеніе и, насколько это было возможно, совершенно отказалась отъ мірекой суетности.

Каждая дѣйствительно великая любовь мечтаетъ о жертвѣ, какъ о высшей формѣ выраженія привязанности. И по мѣрѣ того, какъ въ Маріи росла любовь къ Спасителю, она все болѣе и болѣе укрѣплялась въ желаніи страдать и жертвовать для него собою. Она старалась во всемъ пренебрегать своею волей и умерщвлять, насколько возможно, свою плоть продолжительнымъ бдѣніемъ, постомъ и всякими лишеніями.

.

Идея самопожертвованія, какъ необходимаго слѣдствія великой любви къ Богу, приводитъ ее къ рѣшенію поступить въ монастырь.

.

Съ этого времени она особенно усердно отдается внутренней молитвѣ, и Богъ сталъ оказывать ей много

милостей и особенное расположеніе, которое подкрѣпляло ее и давало силу презирать свою плоть и весь остальной міръ; все, что прежде казалось ей привлекательнымъ, едѣвалось теперь для нея ненавистнымъ, и всего этого она стала избѣгать и бояться, какъ смерти. Ободряемая своимъ исповѣдникомъ, она рѣшила стать монахиней и попросила на то разрѣшенія своей матери. Но послѣдняя отвергла ее просьбу, говоря, что она еще слишкомъ молода и что ей слишкомъ рано разлучаться съ родителями. Тогда Марія на время отказалась отъ своего рѣшенія и, чтобы утѣшить себя, стала удаляться въ уединенныя мѣста и бесѣдовать тамъ съ Господомъ. „Я здѣсь“, говорила она ему довѣрчиво, „я здѣсь, моя любовь, мой Повелитель, я хочу быть съ тобою“. И говоря это, она заливалась слезами любви,—такъ велико было утѣшеніе, испосылаемое ей Господомъ.

Мать продолжала настаивать на своемъ, и между другими доводами указывала на то, что одинъ весьма достойный человекъ проситъ ее руки и что эта партія была-бы для Маріи очень выгодной.

На эти слова Марія, какъ она объ этомъ сама повѣствуетъ, не могла не отвѣтить въ слѣдующемъ рѣзкомъ тонѣ: „Такъ не можетъ говорить любящая мать; я желаю принадлежать Создателю, а не его созданіямъ; я уже рѣшила стать невѣстою Христа, а потому прошу тебя не говорить со мною о мірскомъ, а лишь о небесномъ, и позволь мнѣ лучше всего поступить въ монастырь“. Тогда мать со слезами обняла ее и сказала ей: *„Да содѣлаетъ изъ тебя Господь великую святую“*.

Не подумайте, чтобы для юной Маріи было очень легко оставить свою мать. Она сама говоритъ, что когда ей пришлось расставаться съ матерью, то она испытывала такое горе, что едва не лишилась чувствъ. И страданія ея не такъ скоро улеглись, какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ, потому что мать во время своихъ посѣщеній не переставала, хотя и съ любовью, упрекать ее

за жестокость, за то, что она покинула мать и замкнулась въ монастырскихъ стѣнахъ.

Такъ длилось дѣло до окончанія ея испытанія. Когда послѣднее уже близилось къ концу, Богъ даль ей снова вкусить прелесть своего присутствія, и она испытала при этомъ такой миръ, такое спокойствіе, что все, перенесенныя до сихъ поръ, непріятности совершенно ступевались предъ этимъ наслажденіемъ. Но вдругъ надъ нею неожиданно разразилась гроза, больно отразившаяся въ ея сердцѣ. Мать, видя, что ей приходится разстаться со всякой надеждой взять обратно свою дочь, пустила въ ходъ все средства, чтобы заставить ее выйти изъ монастыря, не смотря на то, что сама была набожной и богобоязненной женщиной. Она такъ далеко зашла въ своей материнской любви, что хотѣла нарушить заключенный съ монастыремъ договоръ и даже не могла воздержаться отъ того, чтобы не выбрать всехъ сестеръ въ присутствіи самой наставницы ея дочери, такъ что та хотѣла уже побуждать къ настоятельница, чтобы убѣдить ее отпустить вновь поступившую.

.... Но все трудности были преодолены и Марія, къ своей великой радости, могла всецѣло посвятить себя Богу, къ чему и дала торжественный обѣтъ въ день св. Стефана въ 1677 году.

Кроткая Марія была олицетвореніемъ христіанской покорности, самоотреченія и жажды самопожертвованія.

Такъ какъ она не замѣчала въ себѣ ничего, кромѣ недостатковъ, и не знала за собою ничего, кромѣ грѣховъ, заслуживающихъ ада, то не удивительно, что она стремилась пріобрѣсти уваженіе другихъ и унижала себя на всевозможные лады. Поэтому она никогда не говорила о себѣ иначе, какъ съ презрѣніемъ, называя себя невѣжественной, недостойной, жалкой грѣшницей, позоромъ

монастыря. Она старательно скрывала всё свои молитвы и всё тѣ милости и дары, которые она получала отъ Бога, и была въ обращеніи со всеми людьми одинаково проста, ведя себя, вообще, во всемъ какъ самая обыкновенная монахиня. Поэтому она, какъ подобало ея ничтожеству, бралась всегда за самыя низкія монастырскія работы, не избѣгая самыхъ грязныхъ и противныхъ. Отсюда, наконецъ, вытекала для нея и неудержимая потребность въ публичномъ покаяніи. Иногда, появляясь въ столовой съ обнаженной головой, одѣтая въ лохмотья и съ веренкой на шеѣ, она бросалась на полъ и съ крайнимъ уничиженіемъ обвиняла себя въ какомъ-нибудь проступкѣ. Случалось также, что она вдругъ входила къ настоятельницѣ съ крестомъ на груди и терновымъ вѣнкомъ на головѣ, прося строго наказать ее за ея пороки и грѣхи. Иногда она ходила кругомъ стола, выпрашивая у сестеръ кусочекъ хлѣба въ видѣ подаенія, и, получивъ таковой, съѣдала его, сидя на полу, какъ жалкая нищенка. Съ особеннымъ удовольствіемъ ложилась она у порога рабочей комнаты и просила выходящихъ сестеръ ступать на себя. Такимъ ничтожествомъ она себя считала.

.

Орденъ кармелитокъ, реформированный святой Терезой, уже самъ по себѣ настолько строгъ, что всякая душа, желающая умерщвлять свою плоть изъ любви ко Христу, можетъ тамъ въ достаточной мѣрѣ удовлетворить своему религіозному рвенію; но и эта суровая жизнь, на которую способны лишь немногія избранныя натуры, была совершенно недостаточной для удовлетворенія страстнаго желанія Маріи доли Анджели страдать за Христа.

И вотъ ея биографъ описываетъ намъ суровыя посты, ежедневныя бичеванія *„почти всегда до крови, которая брызгала на полъ“*, колючія вериги, которыя она носила на бедрахъ, на рукахъ, на ногахъ и даже на шеѣ,

радуясь тому, что, какъ истинная невѣста Распятаго, она могла доставлять себѣ такіа мученія.

Но и всего этого было еще не достаточно, чтобы утолить ея жажду страданій, такъ что она каждый разъ выдумывала что-нибудь новое, чтобы терзать себя, и однажды—страшно подумать—дошла до того, что повѣсилась на короткое время въ своей кельѣ.

.

Всѣ эти пытки, вся эта борьба, вся эта фантазмагорія чувства доводятъ Марію до того состоянія гиперестезіи сознанія, которое такъ богато видѣніями и экстазами.

. Это было 14-го декабря 1690 года, когда Маріи явился Іисусъ въ терновомъ вѣницѣ и съ крестомъ на шеѣ, сопровождаемый св. Іоанномъ, патрономъ босоногихъ бармелитокъ. Съ кроткимъ и любящимъ взглядомъ онъ сказалъ ей, что время борьбы и страданій для нея миновало и что теперь она должна получить отъ него заслуженную награду. Съ этого момента она будетъ его возлюбленной невѣстой, связанной съ нимъ самыми тѣсными узами любви; пусть она проситъ у него какой угодно милости—просьба ея тотчасъ-же будетъ услышана. При видѣ этого лица, при звукѣ этихъ словъ, Марія деля Ангели въ опьяненіи любви могла только отвѣтить: „я не прошу у тебя, Господи, ничего другого, кромѣ того, чего просилъ мой святой патронъ: дай мнѣ возможность страдать за Тебя и быть презираемой ради Тебя.“ Тогда Іисусъ, распростерши руки, вѣжно обнялъ ее, и она исполнилась радости и жгучаго желанія всегда страдать за Христа.

.

За видѣніями слѣдуетъ экстазъ.

Но если въ ней постоянно усиливалась жажда страданій, чтобы уподобиться своему распятому Повелителю, то съ другой стороны росли и умножались также необыкновенныя милости, ниспосылаемыя Христомъ своей возлюбленной невѣстѣ. Съ этого времени начинаются тѣ поразительные экстазы, во время которыхъ ея душа, какъ бы

отдѣлившись отъ тѣла и возвысившись надъ всѣмъ земнымъ, унеслась къ Богу, соединяясь съ нимъ и всецѣло погружаясь въ него. Какъ она была прекрасна въ такіе моменты: неподвижная, нечувствительная, со скрещенными на груди руками, какъ-бы готовая броситься въ объятія Христа, она стояла, обративъ лицо къ небу или на какой-нибудь образъ, со сверкающими глазами, съ плавающимъ лицомъ, улыбающимися устами и такимъ кроткимъ, ангельскимъ выраженіемъ лица, что королевы и принцессы, видя ее въ этомъ состояніи, подходили къ ней и, въ порывѣ религіознаго увлеченія, обнимали ее и почтительно цѣловали ее руку. Что видѣла и что испытывала душа Маріи въ такіе моменты — объ этомъ могла знать одна лишь она

Впослѣдствіи экстазы Маріи деля Анджели стали такъ часто повторяться, что не проходило почти ни одного дня, чтобы ее не видѣли гдѣ-нибудь въ состояніи очарованія. Это обстоятельство сдѣлало для всѣхъ очевиднымъ, что Марія непрерывно витала лишь на небѣ и что ее сердце, какъ она сама выражалась, не было больше при ней, а при Иисусѣ Христѣ, которому принадлежала вся ее жизнь...

++ | Экстазы и видѣнія часто сочетаются, сливаясь въ одно состояніе очарованія чувствъ...

Вполнѣ естественно, что, благодаря психическому родству, Марія деля Анджели чувствовала живую симпатію къ св. Терезѣ. И дѣйствительно, послѣдняя является ей: Святая Тереза скоро утѣшила ее особенной милостью. Когда она на другое утро въ горячей и смиренной молитвѣ просила у Бога прощенія своихъ грѣховъ, она вдругъ услышала голосъ святой, который говорилъ ей:

„Дочь моя, не терзай себя, я буду тебѣ доброй матерью“, послѣ чего она милостиво подала ей руку, сказавъ ей, что она можетъ наслаждаться ею, сколько захочетъ. И раба божія, рассказывая это, присовокупляетъ, что эта рука была такая свѣтлая и сіяющая,

что она съ трудомъ могла смотрѣть на нее, и что запахъ руки былъ такой пріятный, казого она никогда еще не испытывала и для котораго не можетъ даже подыскать сравненія. Это вполне ее утѣшило, доставивъ ей миръ и спокойствіе, и съ этихъ поръ она совершенно отдѣлилась отъ всего человѣческаго.

Изъ вѣхъ видѣній Маріи дѣли Анджели, быть можетъ, ни одно не было такъ замѣчательно и не оставило по себѣ такого продолжительнаго вліянія, какъ видѣніе, бывшее въ 1687 году. „Послѣ св. причастія ей въ глубинѣ души явился Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ своемъ человѣческомъ образѣ, блистая такой красотой, славой и величіемъ, что она остановилась очарованная и была внѣ себя отъ восторга. Но желая изъ уничтоженія противустоять этому внутреннему движенію, она сдѣлала надъ собою усиліе и вышла изъ хора. Божественное видѣніе тотчасъ-же исчезло, но когда она сдѣлала надъ собою это усиліе, у нея произошло такое сердцебіеніе, что она лишилась чувствъ, и, навѣрное, умерла-бы еслибы не поддержалъ ее Господь....“

Экстатическое очарованіе есть извѣстная психологическая форма чувствъ и мысли, и организмъ, которому приходится непрерывно подвергаться ему, не можетъ долго выносить такого напряженія. Прочтите описаніе этого состоянія, которое какъ будто сдѣлано скорѣе какимъ-нибудь неврологомъ, чѣмъ почтеннымъ отцомъ барнабитомъ.

..... Каждому не трудно себѣ представить, какъ должна была расти и разгораться съ каждымъ днемъ божественная любовь Маріи. И дѣйствительно, эта любовь была въ ней такъ велика и сильна, что не находя естественнаго выхода, вызывала, какъ уже сказано было, постоянныя припадки сердцебіенія и до того разжигала сердце, что вся естественная теплота прилиwała сюда съ конечностей тѣла, такъ что послѣднія постоянно оставались холодными, между тѣмъ какъ грудь, напротивъ,

обливалась потомъ даже въ самую суровую зиму. Но это не все: распространяясь на гортань и ротъ, этотъ внутренній жаръ изсушала ее покрытые язвами языкъ и небо; и даже десны ее онъ пожиралъ своимъ медленнымъ пламенемъ. Ей безпрерывно приходилось прибѣгать къ холодной водѣ, чтобъ потушить этотъ внутренній огонь, пожравшій ее внутренности, но и это не помогало. Что эти явленія нельзя было приписать какой-нибудь естественной причинѣ, а лишь горячей любви къ Богу— это въ концѣ концовъ, послѣ многихъ произведенныхъ надъ нею опытовъ, должны были признать сами врачи. Любовь къ Богу до такой степени овладѣла всѣмъ ея существомъ, что ея умъ, можно сказать, ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только о Богѣ, а ея сердце ни для кого другаго не билось, какъ только для Бога; ея привязанности, ея бесѣды, ея поступки всегда имѣли отношеніе къ Богу, и вѣя ея жизнь была одна лишь любовь къ Нему. „Уже не я больше живу, говорила она вмѣстѣ съ апостоломъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“. Другою излюбленной фразой ея была слѣдующая: „Я перехожу отъ любви къ любви, я думаю о любви и все дѣлаю лишь изъ любви“. Все ея желаніе сводилось къ тому, чтобы любить Бога какъ можно сильнѣе; и единственное опасеніе ея заключалось въ томъ, чтобъ какъ-нибудь не оскорбить Его. Этимъ объясняются ея частые возгласы: „О, Боже, любить тебя такъ сильно и быть въ состояніи оскорбить тебя!“

++
Нервность, высшая степень экзальтаціи безконечнаго и неопредѣленнаго чувства, превращеніе всѣхъ душевныхъ силъ въ одну силу—вотъ формула экстазовъ Маріи деи Анджели.

„Высшее ея наслажденіе состояло въ томъ, чтобы, стоя предъ изображеніемъ распятаго Христа, бесѣдовать съ нимъ, какъ бесѣдуетъ любящая невѣста со своимъ женихомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни она получила разрѣшеніе отъ настоятельницы удалаться съ этою

цѣлью въ свободное время къ Распятію, гдѣ она по-долгу простаивала въ экстазѣ, какъ-бы въ раю, если ея не отвлекали отъ этого наслажденія какія-нибудь обязанности.“

Какъ много и какъ часто смѣялись надъ такъ называемымъ запахомъ святости! Однако, въ настоящее время болѣе серьезное изслѣдованіе этого обстоятельства какъ-бы сводится къ тому, что, какъ при извѣстныхъ условіяхъ нервнаго возбужденія кожа можетъ выдѣлять необыкновенный запахъ, — точно также и особенныя условия нервной системы, сопровождающія аскетическій экстазъ, могутъ, по всей вѣроятности, придать кожнымъ испареніямъ особенный и пріятный запахъ.

„ Я не могу закончить разсказа о необыкновенныхъ благодатныхъ дарахъ, которыми Марія деля Анджели была одарена Богомъ, не упомянувъ о томъ пріятномъ и сверхъестественномъ запахѣ, который выдѣляло ея тѣло втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ ея жизни и который она сообщала всему, къ чему прикасалась, даже мѣсту, гдѣ пребывала; запахъ этотъ чувствовали всѣ лица, приближавшіяся къ ней, и она тщетно пыталась изъ уничтоженія скрывать его, нося съ собою разные зловонные предметы. Объ этомъ необыкновенномъ запахѣ почти единогласно говорятъ всѣ тѣ, которые посѣщали ее въ послѣдніе годы ея жизни. Но особенное значеніе имѣетъ для насъ свидѣтельство мншнъора Костанцо, сассарскаго архіепископа, который говоритъ по поводу этого слѣдующее:

„Этотъ запахъ, говоритъ рабы, начался за двадцать лѣтъ до смерти рабы Божіей Маріи во время одного молебствія въ монастырѣ о дарованіи наслѣдника королевской семьѣ. Когда этотъ запахъ пересталъ чувствоваться во всемъ монастырѣ, его можно было ощущать по близости святой, которая съ того дня втеченіе двухъ или трехъ лѣтъ издавала его, время отъ времени, особенно въ наиболѣе торжественные праздники.

„По прошествіи этихъ трехъ лѣтъ упомянутый за-

пахъ сталъ чувствоваться все чаще и чаще, пока не едѣлаея постояннымъ, такъ что не только ея тѣло было пропитано имъ, но и платье, келья и, вообще, всѣ вещи, въ которымъ она прикасалась.

* Всѣ, чувствовавшіе этотъ запахъ, не могли признать его ни естественнымъ, ни искусственнымъ, такъ что его обыкновенно называли запахомъ святости“.

За два года до смерти Маріи деля Анджели ея экстазъ достигъ своего апогея.

„Когда за два года до своей смерти Марія отправилась однажды причащаться, ей явился возлюбленный ея Христосъ во всемъ сіяніи своей славы и сладко съ любовью спросилъ ее: *Возлюбленная моя, любишь-ли ты меня?* на что она въ благочестивомъ очарованіи могла лишь отвѣтить: *О, Господи, люблю-ли я Тебя!* Тогда онъ сказалъ: *„Наслаждайся, о дочь моя, моимъ присутствіемъ, ибо ты будешь наслаждаться имъ всю твою жизнь“*.

Какою радостью, какою любовью, какимъ райскимъ блаженствомъ исполнилось сердце Маріи при этихъ словахъ, можетъ себѣ представить каждый, читающій эти строки. Достоверно лишь то, что если она не лишилась чувствъ отъ полноты радости, то она обязана была этимъ не своей естественной силѣ, а особенной милости подержавшаго ее Бога.

Но если она на этотъ разъ не лишилась жизни отъ избытка любви, то это съ нею навѣрно случилось-бы въ другомъ случаѣ, если-бы послушаніе не оказалось для нея скородѣйствующимъ средствомъ. Такъ какъ въ ней ежечасно росло стремленіе и желаніе соединиться съ Господомъ, то однажды ею овладѣло такое бурное желаніе броситься къ нему на встрѣчу, что, не будучи въ силахъ побороть столь могучаго порыва, она погрузилась въ глубокой обморокъ.

.

Даже во время своей мучительной болѣзни, сведшей

ее въ могилу, святая Марія находила удовольствіе въ своихъ страданіяхъ.

Во время этой смертельной болѣзни отрадно было смотрѣть на веселое, ясное лицо святой; можно было подумать, что она поконитя на ложѣ изъ розъ. Она не высказывала никакихъ жалобъ, не просила ничего для облегченія своихъ страданій, а лишь хвалила и благословляла Бога за то, что Онъ нашелъ ее достойной немного пострадать. Конечно, большимъ утѣшеніемъ въ ея страданіяхъ были для нея тѣ экстазы, во время которыхъ она приближалась къ Господу, осмыпавшему ее все новыми и новыми благодѣяніями.

Между тѣмъ лихорадка не уменьшалась, и Марія ужасно страдала отъ непрерывнаго жара, но она не только не жаловалась, а желала еще большихъ страданій ради любви къ своему Господу. Однажды утромъ она во время бесѣды съ распятымъ Христомъ произнесла слѣдующія слова: *„Иисусе сладчайшій, если Ты хочешь доставить мнѣ еще большія страданія, то сдѣлай это; прошу Тебя только оставить мнѣ свободной голову, дабы я могла любить Тебя до конца. Въ остальномъ поступай со мною, какъ Тебѣ будетъ угодно“*.

Когда она умерла, ея лицо сохранило такое красивое и граціозное выраженіе, что, глядя на нее, можно было подумать, что она не умерла, а лишь заснула безмятежнымъ сномъ.

Анна-Катерина Эммерихъ родилась 8-го сентября 1774 года въ убогой хижинѣ деревни Фламске вблизи Гесфельда.

Съ самаго ранняго дѣтства она отличалась кроткимъ

и тихимъ нравомъ. Никогда не слышно было, чтобъ она кричала; она всегда была спокойной, молчаливой, кроткой и любящей.

Однимъ изъ послѣдствій этой сердечной чистоты было то, что Анна-Катерина сохранила до самой смерти самую безыскусственную простоту и дѣтскую невинность, не зная ничего ни о себѣ, ни объ окружающемъ ее мѣрѣ, потому что жила только въ Богѣ..... Однако, въ этомъ дѣтски-невинномъ созданіи уже очень рано проявилась потребность благоговѣнія предъ Безконечнымъ Существомъ, которую она удовлетворяла долгой и горячей молитвой.

Уже на четвертомъ году она стала сокращать свой ночной покой, столь необходимый для дѣтскаго возраста, чтобы посвящать его молитвѣ. Какъ только ея родители укладывались спать, она покидала свою кроватку и молилась наединѣ, лишь въ присутствіи своего ангела хранителя, два—три часа, а иногда и до самой зари. Охотнѣе всего она молилась подъ открытымъ небомъ, такъ что, если время года ей это позволяло, она тихонько выходила изъ дому и взбиралась на какой-нибудь болѣе высокой холмикъ, полагая, что здѣсь она будетъ ближе къ Богу, чѣмъ внизу; затѣмъ, обративъ глаза на церковь, она молилась, съ распростертыми руками.

Большую часть своихъ молитвъ Анна-Катерина посвящала тѣмъ несчастнымъ душамъ, которыя мучились въ чистилищѣ, и проедала объ ихъ помилованіи.

Однажды зимою, она ночью вышла изъ дому, стала на колѣни и молилась за усопшихъ до тѣхъ поръ, пока почти не оледенѣла отъ холода. Часто она становилась на колѣни на ребро заостренного обрубка дерева или на шипы, которыми также бичевала себя, чтобы сдѣлать свою молитву болѣе дѣйствительной. При этомъ ей доставляло большое утѣшеніе принимать благодарность отъ освобожденныхъ такимъ образомъ несчастныхъ душъ.

Вотъ что она сама разсказывала впоследствіи по поводу этого:

„Когда я была еще ребенкомъ, меня увлекли какія-то неизвѣстныя лица въ одно мѣсто, которое я приняла за адъ. Я увидѣла тамъ много душъ въ большихъ мученіяхъ; и всѣ онѣ просили меня молиться за нихъ. Мнѣ казалось, что меня завели въ глубокую пропасть. Я увидѣла также широкое пространство, видъ котораго производилъ ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное впечатлѣніе, ибо здѣсь сидѣли молчаливые люди со страдальческими фізіономіями, выражавшими какъ будто скрытую въ сердцѣ надежду, какъ будто-бы они думали о милосердіи Божіемъ.“

Я избавлю читателя отъ безконечныхъ видѣній Анны Катерины въ этотъ періодъ ея жизни, но не могу умолчать о смятомъ, чистосердечномъ признаніи ея, составляющемъ одну изъ прекрасныхъ страницъ религіозной психологіи.

„Часто, будучи еще дѣвочкой, я доврчиво спорила съ Богомъ, почему онъ создалъ то или другое такъ, а не иначе. Я не могла понять, какъ это Богъ могъ дать народиться пороку, когда все находится въ его рукахъ. Въ особенности вѣчность адскихъ мукъ казалась мнѣ непонятно жестокой. Тогда мнѣ стали являться видѣнія, которыя меня упрекали и поучали, убѣждая въ томъ, какъ справедливъ и любвеобиленъ нашъ Богъ и какъ все было-бы невыразимо дурно, если-бы было сдѣлано по моему плану.“

Анна-Катерина страдала нервозностью съ самаго ранняго дѣтства, и это говоритъ намъ ея біографъ, не будучи ни врачомъ, ни фізіологомъ.

Цвѣтъ ея лица обыкновенно быстро переходилъ отъ яркаго румянца къ матовой блѣдности, а взглядъ блестящихъ глазъ часто такъ быстро потухалъ, что она

становилась неузнаваемой. Глубокая серьезность смѣняла веселую безпечность и на лицѣ ея отражалась непонятная для окружающихъ грусть, заставляя часто ея озабоченныхъ родителей спрашивать себя: что могло случиться съ этой дѣвочкой?

Прочтите эти драгоценные отрывки, въ которыхъ такъ ясно сказывается, до какой степени ея натура вся состояла изъ нервовъ и энтузіазма:

„Я несколько не удивлялась тому, что св. Іоаннъ въ пустынѣ такъ хорошо изучилъ цвѣты и животныхъ; ибо когда я была еще маленькой дѣвочкой, каждый цвѣтокъ, каждый листъ былъ для меня всегда книгой, которую я могла читать. Разматривая ихъ цвѣтъ и форму, я ясно представляла себѣ ихъ значеніе и красоту; но если-бы я пожелала разсказать это другимъ, то меня осмѣяли-бы. Всегда, когда я выходила на прогулку, я восторгалась вѣтьмъ. Богъ одарилъ меня глубокимъ чувствомъ ко всему, и я наблюдала все, глубоко проникая въ самую сущность цвѣтовъ и животныхъ... Больше всего я любила ромашку. Не знаю, почему это слово имѣетъ для меня столько сладостнаго и чудеснаго. Я очень рано начала собирать эти цвѣты и сохраняла ихъ для бѣдныхъ больныхъ.... Уже въ раннемъ дѣтствѣ, когда я прислушивалась къ звону колоколовъ, мнѣ казалось, будто этотъ звонъ распространяетъ вокругъ себя лучи благословенія, которые отражаютъ всякое враждебное вліяніе поветюду, куда только могутъ проникнуть“.

До сихъ поръ мы видимъ поэта; одной строкой дальше мы видимъ уже святую....

„Я глубоко убѣждена въ томъ, что колокола пугаютъ сатану. Когда я въ ранней молодости по ночамъ молилась на поляхъ, то часто слышала и видѣла вокругъ себя злыхъ духовъ; но какъ только начинали звонить къ заутрени, я замѣчала, какъ эти духи отъ меня убѣгали.... Для меня звукъ колоколовъ былъ пріятнѣе и радостнѣе всякихъ другихъ звуковъ, потому что всѣ они

кажутся мнѣ мрачными и рѣзкими; даже органъ не имѣлъ для меня того значенія, какъ колоколь“....

Религіозные экстазы всегда сопровождаются видѣніями: Анна-Катерина часто видѣла въ различныхъ видахъ демона и ангела-хранителя.

„Ангель зоветъ меня и увлекаетъ меня то туда, то сюда. Я часто путешествую съ нимъ. Онъ уноситъ меня къ лицамъ, которыхъ я знаю или которыхъ уже когда-то видѣла, а также и къ совершенно мнѣ незнакомымъ. Онъ поднимаетъ меня также высоко надъ моремъ, что происходитъ съ быстротою мысли, и тогда предо мною открывается необъятное пространство. Однажды онъ перенесъ меня къ французской королевѣ (Марин-Антуанетѣ) въ ея тюрьму. Когда онъ является мнѣ, чтобы сопровождать меня въ какомъ-нибудь путешествіи, я, въ большинствѣ случаевъ, вижу вначалѣ какой-то свѣтъ, затѣмъ сразу изъ мрака выступаетъ его сияющій обликъ, какъ это иногда случается, когда во мракѣ ночью вдругъ глаза ослѣпляется свѣтомъ горящаго фонаря. Когда мы путешествуемъ, надъ нами царствуетъ ночь, но подъ нами по землѣ распространяется какой-то свѣтъ. Мы странствуемъ сначала по знакомымъ и близкимъ мѣстностямъ, направляясь затѣмъ къ болѣе отдаленнымъ странамъ, причемъ я испытываю ощущеніе необыкновенной дали. Иногда нашъ путь лежитъ по прямымъ улицамъ, иногда-же онъ пересѣкаетъ поля, горы, рѣки и моря. Я должна пройти весь этотъ путь собственными ногами и часто мнѣ приходится съ большими усиліями взбираться на крутыя горы. Отъ этого мои колѣна болѣзненно устаютъ, а мои ноги покрываются ранами, потому что я всегда хожу босая. Мой провожатый, витая въ воздухѣ, иногда находится впереди меня, иногда рядомъ со мною. Я никогда не могу замѣтить, чтобы онъ шевелилъ ногами. Онъ очень молчаливъ и не дѣлаетъ никакихъ движеній, исключая какого-нибудь жеста рукой или кивка головой, которыми онъ иногда сопровождаетъ свой короткій отвѣтъ. Онъ весь прозраченъ и ясенъ; часто онъ крайне сере-

зень, но чаще къ этой серьезности примѣшивается любовь. Его волосы гладки, волнисты и блестящи. Онъ ничего не носитъ на головѣ и одѣтъ въ длинную сіяющую тогу, какъ жрецъ; я свободно разговариваю съ нимъ, но не смѣю смотрѣть ему прямо въ лицо, до такой степени я преклоняюсь передъ нимъ.

. Мы часто путешествуемъ надъ горами. Когда я въ темный зимній вечеръ оставляла церковь іезуитовъ въ Гесфельдѣ и среди потоковъ дождя или снѣжной мятели пробиралась по полямъ къ нашему дому во Фламскѣ, чувствуя безпокойство въ своей душѣ, я тотчасъ-же начинала молиться Богу, и предо мною являлось какъ-бы пламя—въ этомъ видѣ представлялся мнѣ мой спутникъ, одѣтый въ свои блестящія одежды. Тотчасъ-же влажная дорога высыхала подъ моими ногами, все вокругъ меня озарялось свѣтомъ, я не чувствовала надъ собою ни дождя, ни снѣга и могла совершенно сухо достигать своего жилища“.

. „Когда я впадаю въ экстазъ,—созналась она однажды,—мнѣ часто кажется, что меня неудержимо увлекаетъ какая-то отдаленная и святая сила“.

Въ обожаніи страданія и въ жаждѣ самопожертвованія не встрѣчается недостатка и у Анны-Катерины:

. Въ послѣдній годъ ея пребыванія въ домѣ кантора Зентгена, съ ней однажды въ полдень приключилось слѣдующее. Она стояла погруженная въ молитву на хорахъ церкви іезуитовъ въ Гесфельдѣ, гдѣ помѣщался органъ предъ Распятіемъ. Клара Зентгенъ находилась вмѣстѣ съ нею въ церкви. Анна-Катерина вдругъ увидѣла своего небеснаго Повелителя въ видѣ юноши, окруженнаго лучезарнымъ сіяніемъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, въ правой—терновый вѣнецъ. Онъ предложилъ ей выбрать одну изъ этихъ вещей. Анна-Катерина схватила терновый вѣнецъ, который онъ затѣмъ положилъ ей на голову и который она сама

крѣпко прижала къ головѣ обѣими руками. Она начала испытывать невыразимыя мученія, которыя съ того момента болѣе не покидали ея...

Вступивъ въ монастырь, она получила самую худшую келью съ однимъ столомъ безъ спинки и другимъ безъ сидѣнья. Столомъ служилъ ей подоконникъ. „Но эта бѣдная келья,—часто говорила она впоследствии,—была для меня такой красивой и богатой, что казалась мнѣ просто раемъ“.

„Я всецѣло предалась своему небесному Повелителю, и Онъ располагаетъ мною, какъ хочетъ. Имѣть возможность спокойно страдать всегда казалось мнѣ самымъ завиднымъ состояніемъ на землѣ, но я никогда не могла достигнуть этого“.

Между тѣмъ, нервность ея все возрастала, и экстазы и видѣнія стали усложняться.

„Когда я потеряла силу скрывать свои страданія и падала какъ будто въ обморокъ въ присутствіи другихъ, случилось однажды, что, находясь въ хорѣ, но не принимая участія въ общемъ пѣніи, я остановилась какъ вкопанная и какъ-бы окаменѣвшая, такъ что упала даже на полъ; тогда монахини сбѣжались ко мнѣ и унесли меня прочь. Въ это время я увидѣла монахиню, расхаживавшую на вершинѣ крыши, куда до того никому не удавалось проникнуть; послѣ уже я догадалась, что эта монахиня была Магдалина дѣли Пацци. Въ другой разъ я видѣла ее бѣгущей по периламъ галлерей, въ третій—пробирающейся къ алтарю и хватающей за руки священника.“

„Очень часто мною овладѣвало очарованіе, и я пребывала въ состояніи внѣ себя; монастырскій священникъ заставлялъ меня въ такихъ случаяхъ неподвижно распростертой на землѣ или колѣнопреклоненной съ широко раскрытыми руками“...

Овербергъ также говорить о частыхъ экстазахъ Катерины:

„Анна-Катерина, во время своего пребыванія въ монастырѣ, часто впадала въ обморокъ (или въ экстазъ). Эти экстазы случались съ нею повсюду: то въ монастырѣ, то въ саду, то въ церкви, то въ келіи. При такихъ обморокахъ она падала на полъ и оставалась въ этомъ положеніи. По большей части это случалось съ нею, когда она бывала совершенно одна. Легкіе приступы бывали съ нею иногда и за столомъ, но она молила Бога избавить ее отъ припадковъ въ такое время. Часто она полагала, что оставалась въ этомъ обморокѣ лишь одинъ моментъ, но ей стоило только взглянуть на часы, чтобъ убѣдиться, что она очень долго была внѣ себя“.

На мой вопросъ, какимъ образомъ она отличаетъ обмороки влѣдствіе усталости отъ другихъ (т. е. отъ экстазовъ), она отвѣтила: „При обморокахъ влѣдствіе слабости я чувствую себя очень больной и иногда такъ сильно тѣлесно страдаю, что, кажется, нахожусь уже при смерти. При другихъ-же обморокахъ (экстазахъ) я совершенно не чувствую своего тѣла и бываю то веселой, то грустной. Я радуюсь тогда великому милосердію Бога къ грѣшникамъ, къ которымъ Онъ является, чтобъ удержать ихъ отъ зла и съ любовію приютить у себя. Я становлюсь грустной, когда думаю о грѣхахъ, которые такъ ужасно прогнѣвляють Бога. Мнѣ часто казалось, что я мысленно вижу небо и Бога. Когда моя душа исполнялась горечи, мнѣ тогда казалось, будто я хожу по очень узкому пути, шириною едва въ одинъ палецъ. Съ обѣихъ сторонъ виднѣлись мнѣ черныя и неизмѣримо глубокія пропасти; надо мною-же все было прекрасно и зелено, и сіяющій юноша подавалъ мнѣ руку и водилъ меня по этому узкому пути. Часто, когда я бывала въ замѣшательствѣ, Господь сладко шепталъ мнѣ на ухо: „да будетъ милость моя надъ тобою“.

.

За три дня до новаго года (1813), Анна-Катерина найдена была послѣ полудня дочерью вдовы Ротеръ въ состояніи экстаза, съ распростертыми руками, сложенными для молитвы. Ротеръ въ то-же время замѣтила, что изъ ладоней ея сочилась кровь; но она приняла это за случайное пораненіе. Когда-же, по пробужденіи Анны-Катерины, она обратила ея вниманіе на это обстоятельство, то послѣдняя просила ее никому не говорить объ этомъ. 31 декабря отецъ Лимбергъ во время причащенія впервые увидѣлъ знаки (stigmata) на ея рукахъ. Изъ нихъ сочилась кровь.

„Я сообщилъ объ этомъ (такъ разсказываетъ онъ) аббату Ламберту, жившему въ томъ-же домѣ. Онъ тотчасъ-же пошелъ вмѣстѣ со мною въ келью Анны Катерины и, посмотрѣвъ на сочившуюся кровь, сказалъ ей: „Сестра, ты не должна воображать себѣ, что ты какая-нибудь Катерина изъ Сіены“. Такъ какъ, однако, изъ ранъ кровь не переставала сочиться до вечера, то она сказала мнѣ на слѣдующій день: „Отецъ, никто не долженъ знать объ этомъ! Это должно остаться между нами, иначе, намъ не избѣгнуть большихъ непріятностей и шума!“.

Въ церковномъ календарѣ отца Лимберга мы находимъ слѣдующія замѣтки:

„Въ день Эпифанія я впервые увидѣлъ знаки на внутренней поверхности рукъ“.

„11-го января она послѣ шести часовъ сидѣла въ креслахъ, погруженная втеченіе полутора часовъ въ экстазъ“.

„15-го января. Сегодня она причащалась; отъ семи до девяти часовъ она оставалась неподвижной въ состояніи экстаза“.

„28 января. Отъ 15 января до сего дня она ежедневно втеченіе болѣе или менѣе короткаго времени пребывала въ состояніи экстаза. Сегодня я видѣлъ stigmata также у нея на ногахъ.“

„Каждую пятницу изъ ея рукъ и ногъ сочилась“ ✓

кровь. По средамъ-же на груди появлялся двойной крестъ. Съ тѣхъ поръ какъ я замѣтилъ знаки, она ничего болѣе не ѣла.

„Это состояніе ея оставалось неизвѣстнымъ до 28 февраля 1813 года, когда Зентгенъ замѣтила это и сообщила о томъ мнѣ ¹⁾).

++ Явленія аскетическаго экстаза имѣють много общаго съ явленіями сомнамбулизма. Когда отецъ Лимбергъ, заставъ Анну-Катерину впервые въ состояніи экстаза, сталъ, по ея пробужденіи, расспрашивать ее по поводу этого, она, сильно покраснѣвъ, начала просить его не говорить никому объ этомъ ея состояніи. Съ нею случилось то-же самое, что съ Маріей Баньези ²⁾, на которую она вообще весьма походитъ; послѣднюю также застали въ состояніи очарованія витающей въ заоблачныхъ пространствахъ, и когда она пришла въ себя, то была охвачена влѣдствіе этого такимъ смущеніемъ, что, спрятавъ лицо, подобно ребенку, застигнутому врасплохъ при совершеніи какого-нибудь проступка, не рѣшалась взглянуть на свидѣтелей этого случая.

++ Въ другой разъ видѣнія, сопровождающія аскетическій экстазъ, весьма походятъ по своей живости и разнообразію на видѣнія, происходящія подъ вліяніемъ наркотическихъ веществъ.

Вотъ нѣкоторые отрывки видѣнія, описаннаго самою Анной-Катериной:

..... „Мой путеводитель проводилъ меня внизъ

¹⁾ Въ настоящее время патологическая физиологія объясняетъ это сочетание крупныхъ нарушеній въ нервныхъ центрахъ съ пятнами, изъязвленіями на кожѣ, а также и съ подкожными кровоизліяніями. Жизнь кровеносныхъ сосудовъ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ дѣятельностью нервной системы, которая управляетъ болѣею частью ея явленій.

²⁾ Житіе Маріи Баньези, род. во Флоренціи въ 1514 году, было описано ея исповѣдникомъ Августинномъ Кампи и находится въ *Acta Sanctorum*, томъ VI, мѣсяць май. Примѣч. біографа Анны Катерины Эмерихъ.

по горѣ до чуднаго луга, усыпаннаго бѣлыми, желтыми и красными цвѣтами. Они росли такъ густо, что я все боялась ступать по нимъ, а потому часто не знала, куда поставить ноги. Кромѣ того, тамъ находились ряды цвѣтущихъ яблоней и другихъ деревьевъ. Въ концѣ этого луга мы увидѣли глубокую и темную дорогу, окруженную высокими и дикими заборомъ и покрытую камнями и грязью. Но я благополучно прошла этотъ путь при помощи моего путевода, такъ что даже не касалась ногами грязи, а какъ будто-бы шагала надъ нею. Когда мы прошли эту дорогу, то снова очутились у подножія довольно высокой горы, покрытой одними лишь красивыми, блестящими камешками. Дойдя до ея вершины, я посмотрѣла внизъ на лугъ и на пройденную опасную дорогу; мой проводникъ сказалъ мнѣ, что этотъ пріятный путь, усыпанный цвѣтами и плодовыми деревьями, означаетъ духовное утѣшеніе и разнообразныя дѣйствія благодати, вызываемыя въ душахъ людей послѣ искушеній и побужденныхъ опасностей. Мое-же опасеніе ступать по цвѣтамъ означало угрызеніе совѣсти...

.....

„Я видѣла небесный Іерусалимъ въ видѣ свѣтлаго хрустальнаго, блестящаго золотомъ города; онъ находился высоко въ небесной лазури и не имѣлъ подъ собой почвы. Въ немъ были стѣны и двери, но онѣ не мѣшали мнѣ видѣть все, что за ними находилось. Тамъ были улицы, дворцы и обширныя площади, на которыхъ кишѣли человѣческія существа, отличавшіяся другъ отъ друга видомъ и достоинствомъ. Между ними я замѣтила какъ-бы цѣлыя классы или сословія, собиравшіяся группами. Чѣмъ глубже я всматривалась во внутреннее устройство города, тѣмъ болѣе великолѣпнымъ и чудеснымъ я ее въ немъ находила. Существа, которыя я видѣла тамъ, все были свѣтлы, лучезарны, но не имѣли никакого цвѣта, а отличались другъ отъ друга формой платья и разнаго рода значками, напримѣръ: ленточками, вѣнцами, цвѣточными вѣнками, посохами, тростями, верх-

няя часть которыхъ представляла кресты, орудія мученичества, и т. п. По срединѣ возвышалось дерево, на вѣтвяхъ котораго, какъ на отдѣльныхъ сидѣніяхъ, возсѣдали сіявшія свѣтомъ человѣческія существа. Чѣмъ выше сидѣли они на деревѣ, тѣмъ величественнѣе казались они мнѣ и тѣмъ яснѣе было выражено ихъ благоговѣніе. На самомъ верху сидѣли маститые святые старцы, а вершина дерева заканчивалась шаромъ съ крестомъ на немъ, что изображало собою весь міръ. Мнѣ казалось также, что я вижу тамъ наверху Матеръ Божию, но въ болѣе яркомъ свѣтѣ, чѣмъ обыкновенно. Но всего этого совершенно невозможно выразить словами...“.

Я не занимаюсь здѣсь исторіей католическихъ подвижниковъ и не имѣю въ виду изслѣдовать, до какихъ преувеличеній доходитъ аскетизмъ. Я желаю лишь показать, что истинное религиозное чувство часто доводитъ человѣческій мозгъ до экстазовъ, усложняющихся видѣніями...

Цѣлая глава біографіи отца Шмегера посвящена разсказу *о воображаемомъ путешествіи Анны-Катерины въ какой-то еврейскій городъ въ Абиссиніи и, къ такъ называемой, горѣ пророковъ въ Тибетъ*; желающіе познакомиться съ этими видѣніями могутъ обратиться къ названной книгѣ.

Я не могу, однако, умолчать о томъ, что лишь очень немногіе подвижники даютъ намъ такой краснорѣчивый примѣръ состоянія постоянной нервности, гдѣ то, что обыкновенно составляетъ исключеніе, становится мало по малу физиологической жизнью нервной системы, а паталогическое состояніе—нормальнымъ. Тогда происходитъ странное смѣшеніе истины съ фантазіей, въ которомъ анализъ теряетъ путеводную нить. Это говоритъ намъ также Анна Катерина своимъ точнымъ, я готовъ даже сказать—научнымъ языкомъ:

„Я видѣла безконечное множество вещей, которыхъ невозможно описать словами. Да и кто могъ-бы разсказать то, что онъ видѣлъ совѣмъ не такъ, какъ мы обыкновенно видимъ глазами?“

„Все это я вижу не глазами, а скорѣе, мнѣ кажется, сердцемъ, въ извѣстномъ мѣстѣ груди. Это мѣсто у меня въ такихъ случаяхъ сильно потѣетъ. Я могла-бы различать въ это время глазами предметы и лица, находящіеся вокругъ меня, но я не обращаю на нихъ никакого вниманія.“

„Вотъ уже нѣсколько дней, какъ меня преслѣдуетъ одно сверхъестественное видѣніе. Я должна дѣлать надъ собою большое усиліе, потому что въ то время какъ я бесѣдую съ кѣмъ-нибудь, я вижу предъ собою совѣмъ другія вещи и другіе образы, а мой голосъ и голосъ другихъ людей звучитъ для меня рѣзко и глухо, какъ-бы исходя изъ пустаго сосуда. Кромѣ того, я чувствую какое-то опьяненіе и готова упасть. Когда меня о чемъ-либо спрашиваютъ, я спокойно, а иногда и живѣе обыкновеннаго отвѣчаю на вопросы, но я не могу припомнить того, что говорила минутой раньше, несмотря на то, что я говорю вполне правильно и сознательно. Мнѣ очень трудно оставаться въ этомъ двойственномъ состояніи. Глазами я вижу все окружающее неясно, сквозь туманъ, какъ человѣкъ, который засыпаетъ и которому уже что-нибудь начинаетъ сниться“

„. Въ такомъ состояніи я нахожусь иногда по цѣлымъ днямъ. Мнѣ кажется, будто я стою на прекрасномъ луку, гдѣ роскошныя деревья сплетаются надъ моей головою своими вѣтвями, образуя зеленый сводъ. Я слышу сладкое пѣніе какъ-бы маленькихъ дѣтей. Мнѣ кажется, что окружающая меня дѣйствительность есть сонъ, въ которомъ все является мрачнымъ и темнымъ, между тѣмъ какъ въ томъ другомъ мірѣ, который я вижу за этимъ дѣйствительнымъ, мнѣ все является свѣтлымъ и лучезарнымъ. Жизнь въ этомъ мірѣ гдѣ нѣтъ ни препятствій, ни времени, ни пространства

ни тѣла, ни тайнъ, гдѣ все говоритъ и сіяетъ, такъ совершенъ и свободна, что наша слѣпая, некалѣбченная, косноязычная дѣйствительность кажется въ сравненіи съ нею пустымъ сномъ“

Я не знаю, признають-ли астрономы вѣрнымъ слѣдующее описаніе луны, едѣланное Анной-Катериной:

„ Луна довольно холодна и скалиста, на ней множество высокихъ горъ, глубокихъ пещеръ и пропастей. Она оказываетъ притягательное и гнетущее вліяніе на землю. На ней имѣются воды, которыя высоко поднимаются и падаютъ; иногда онѣ притягиваютъ къ себѣ большія количества земныхъ испареній, и тогда кажется, будто большія тучи прячутся въ пропастяхъ тѣхъ горъ; затѣмъ кажется, будто все это растворяется, падая на землю, и тогда луна съ такою силою давитъ на землю, что повергаетъ въ грустное настроеніе ея обитателей. Я вижу тамъ, на лунѣ, много существъ, похожихъ на людей; они бѣгутъ отъ свѣта и прячутся въ тѣни, какъ-бы стыдяся чего-то и тѣмъ изобличая нечистую совѣсть. Это я вижу въ особенности въ центрѣ луны. На окраинахъ-же ея я вижу поля, кусты и лѣса, въ которыхъ обитаютъ животныя. Я не вижу на лунѣ никакихъ богослуженій. Почва этого небеснаго свѣтила желта, деревья мелки и всякая другая растительность представляется чахлою и жалкою. Взаимное соотношеніе между луной и землею весьма замѣчательно. Что человѣческія существа такъ жадно глядятъ на луну, объясняется тѣмъ, что люди всегда жадно смотрятъ на то, чему принадлежатъ. Луна притягиваетъ многое изъ того, что намъ принадлежитъ, а затѣмъ снова отталкиваетъ это къ намъ и угнетаетъ насъ этимъ. Часто я вижу, какъ съ луны спускаются густыя, какъ-бы смрадныя, тучи и разстилаются надъ моремъ. Но вскорѣ появляются добрые духи и ангелы, которые разгоняютъ эти тучи и дѣлаютъ ихъ безвредными. На землѣ есть нѣкоторыя

низменныя мѣстности, проклятыя вслѣдствіе грѣховъ и преступленій, и сюда-то спускаются смрадь, туманъ и мракъ, находя здѣсь для себя удобный пріютъ“ . .

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ видѣній Анны Катерины, собранныхъ ея біографомъ, представляется несомнѣнно видѣніе *мертваго соловья*.

„Я стояла (разсказываетъ Анна) вмѣстѣ со своимъ небеснымъ проводникомъ предъ блестящимъ столомъ, убраннымъ множествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Весь столъ уложенъ былъ мелкими монетами, и только въ одномъ мѣстѣ ихъ не было; предъ этимъ мѣстомъ стояла я. Эти цвѣты были мои, этотъ столъ былъ мой, эти деньги были мои; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ я стояла, ихъ не было. И я не могла приблизиться ни къ столу, ни къ деньгамъ, ни къ цвѣтамъ. Тогда предо мною сталъ мой проводникъ, держа въ рукѣ мертваго соловья, и сказалъ: Ты не будешь имѣть болѣе ни этихъ цвѣтовъ, ни этого богатства, но за то ты получишь лучшей даръ, и что это вѣрно, я говорю тебѣ, что ты можешь возвратити этой птичкѣ жизнь своимъ дыханіемъ. Онъ поднесъ птичку къ моимъ губамъ, и я вдохнула свое жизненное дыханіе въ ея маленькій клювъ: птичка ожила и зацѣла, а мой проводникъ удалился, унеши ее съ собою. Тогда все вокругъ меня исчезло; все стало для меня мертво и безмолвно; я ничего болѣе не видѣла“.

Въ то время, когда Анна-Катерина ухаживала за умирающимъ отцомъ Ламбертомъ, предъ ея взоромъ возникали, какъ видѣнія, полныя прелести картины ея дѣтства.

„Нѣкоторые, теперь уже умершіе, друзья дѣтства навѣстили меня. Мы вмѣстѣ отправились къ прежнимъ мѣстамъ нашихъ дѣтскихъ игръ, а отсюда въ конюшню. У входа въ нее стоялъ оселъ. Я сѣла на него. Оселъ далъ поласкать себя и не противился.

когда я обхватила его шею. После того мы вошли въ конюшню и помолились. Эти дѣти принесли мнѣ затѣмъ много яблокъ, цвѣтовъ и розовый кустъ, который былъ весь въ цвѣтахъ. Но я отъ всего этого отказывалась. Они спрашивали, почему я не призываю ихъ въ случаѣ нужды, такъ какъ они всегда готовы придти мнѣ на помощь. Люди такъ рѣдко призываютъ дѣтей, а между тѣмъ они очень много могутъ сдѣлать у Бога, въ особенности тѣ дѣти, которыя умерли вскорѣ послѣ крещенія“...

Жизнь, проводимая такимъ образомъ внѣ обыденныхъ условій, естественно должна была быть полна всякаго рода видѣній, отличаться уничиженіемъ и несокрушимой вѣрой. Мы имѣемъ здѣсь предъ собою страницу психологій, которая можетъ вызвать смѣхъ у глуша, но которую не безъ волненія прочтетъ всякій, съ любовью изучающій эту бездну тайнъ, изъ которыхъ состоитъ человѣческое сердце...

7 февраля. — Она непрерывно призываетъ на помощь Господа. Несмотря на свои страданія, она говорить теперь болѣе яснымъ и звучнымъ голосомъ, чѣмъ раньше. Она часто повторяетъ: ахъ, Господи, тысячу разъ благодарю тебя за все теченіе моей жизни. Господи, дѣлай такъ, какъ ты хочешь, а не такъ, какъ я хочу! — Однажды она произнесла слѣдующія трогательныя слова: Ахъ, вотъ этотъ чудный букетъ цвѣтовъ! храните его! и это молодое лавровое деревцо сохраните! я долгое время берегла ихъ, теперь-же не могу болѣе! — Вѣроятно, она подъ этими символическими предметами разумѣла свою мірскую племянницу и своего мірскаго-же племянника.

Въ 8 часовъ вечера отецъ Гильгебергъ молился возлѣ нея. Она изъ благодарности порывалась цѣловать

его руку, но онъ скромно отнималъ ее. Она просила его присутствовать при ея смерти, затѣмъ, помолчавъ немного, сказала: „Господи Иисусе, я живу въ Тебѣ и умру въ Тебѣ!“ — Затѣмъ прибавила: „Благодарю Тебя, Господи, я болѣе ничего не чувствую и не вижу“. Въ то время какъ она отъ невыносимыхъ страданій почти совершенно лишилась чувствъ, отецъ Гильгенбергъ опустился на колѣни возлѣ ея постели и сталъ молиться. Затѣмъ онъ вложилъ ей въ руку маленькую шкатулочку для реликвій, которую она когда-то носила и которую подарила ему четыре года тому назадъ. Она подержала ее нѣсколько минутъ въ сильно сжатой рукѣ; странникъ снова взялъ ее, но на слѣдующій день нашелъ серебряную оправу поломанной. Это былъ день ея смерти.

9 февраля. — Ея исповѣдникъ разсказываетъ: „Сегодня на зарѣ она снова приобщилась св. тайнъ. Прошедшею ночью она мнѣ объявила, что понимаетъ значеніе своей болѣзни и что говорила-бы объ этомъ со мною подробно, если-бы не была такъ слаба. Въ два часа полудни появились признаки приближавшейся смерти. Такъ какъ она страдала отъ ранъ на поясницѣ, то ей хотѣли поправить подушки, но она отвергла эту услугу, сказавъ: „Скоро все будетъ кончено, пока-же я лежу распростертой на крестѣ“. Это меня глубоко растрогало. Я сталъ читать молитвы на исходъ души. Когда послѣднія были окончены, она схватила мою руку, пожала ее, поблагодарила меня и попрощалась. Когда, нѣкоторое время спустя, вошла ея сестра, чтобы попросить у нея прощенія, больная повернулась къ ней, внимательно посмотрѣла на нее и спросила меня, что она такое говорить. — Она просить прощенія, — сказалъ я; на это она весьма серьезно замѣтила: „Нѣтъ на землѣ того существа, которому я не простила-бы“. — Она страстно желала смерти и часто вздыхала, говоря: „Прійди-же, о, Господи Иисусе!“ — Я утѣшалъ ее, говоря, что она должна спокойно переносить страданія вмѣстѣ со своимъ Спасителемъ, Который на крестѣ простилъ даже разбойника. Тогда она произнесла

слѣдующія замѣчательныя слова: „Да, но въ то время никто, даже тотъ разбойникъ на крестѣ, не должны были отдавать такого отчета, какъ мы, потому что тогда не было дано людямъ столько милостей, сколько намъ. И гораздо хуже того разбойника“. Затѣмъ она прибавила: „Я полагаю, что не могу умереть, потому что многіе хорошіе люди ошибочно думаютъ обо мнѣ слишкомъ хорошо; скажите, прошу васъ, вѣрьте, что я жалкая грѣшница“. — Когда-же я снова попытался успокоить и утѣшить ее, она, какъ-бы протестуя, съ сердцемъ возразила: „Ахъ, если-бы я могла громкимъ голосомъ во всеуслышаніе воскликнуть, что я лишь жалкая грѣшница, гораздо хуже того разбойника на крестѣ!“ Послѣ того она стала покойнѣе. Между тѣмъ пришелъ и отецъ Гильгенбергъ, который также молился у ея постели. Этотъ добрый старикъ простоялъ на колѣняхъ у ея постели цѣлый часъ. Вѣѣ стояли на колѣняхъ и молились. Дверь смежной комнаты была открыта, чтобы она свободнѣе могла дышать. Горѣла восковая свѣчка (свѣча агоніи). Больная находилась въ полусидячемъ положеніи на корзинѣ, которая служила ей постелью. Ея дыханіе было коротко и прерывисто. Лицо ея выражало задумчивость и сосредоточенность. Глаза были устремлены на Распятіе. Исповѣдникъ утѣшалъ ее и часто давалъ ей цѣловать крестъ. Она въ униженіи старалась касаться своими губами лишь ногъ распятія, избѣгая головы и груди, и, наконецъ, прильнула надолго къ священнымъ ногамъ изображенія Спасителя. Повидимому, она желала сообщить еще что-то своему исповѣднику. Послѣдній удалилъ вѣѣхъ изъ комнаты. Онъ рассказываетъ, что больная сообщила ему что-то незначительное и затѣмъ прибавила: „Теперь я чувствую себя спокойной и питаю столько вѣры, какъ если-бы я никогда не грѣшила“. Она еще разъ поцѣловала крестъ. Исповѣдникъ произнесъ молитву умирающихъ; она нѣсколько разъ со вздохомъ промолвила: „О, Господи, помоги мнѣ!“ Исповѣдникъ далъ ей въ правую руку свѣчу смерти, позвонилъ въ колокольчикъ

Лорета, какъ это принято было дѣлать въ монастырѣ Агнетенборга въ случаѣ смерти монахини, и сказали: „Умри“. Было половина девятого. Когда странникъ снова приблизился къ ней, она была уже мертва“.

Маргарита Марія Алакокъ (Alacoque) представляетъ собою особенный типъ подвижницъ-экстатички. Въ ней преобладаетъ страсть, принимающая форму какого-то изступленнаго бреда. Жажда жертвъ и подвижничества достигаетъ у нея наивысшей возможной степени; еще одинъ шагъ далѣе—и мы очутились-бы уже въ области психіатріи. При изученіи ея жизни, становится понятнымъ, какъ она въ своемъ благоговѣніи должна была дойти до поклоненія сердцу Іисуса. Она должна была проникнуть къ самому органу любви, чувствовать его горячую кровь, уживаться дѣйствительнымъ созерцаемъ главнаго центра жизни.

И у Алакокъ, родившейся въ 1647 г. въ Лантекурѣ во Франціи, призваніе къ аскетической жизни обнаружилось уже въ раннемъ дѣтствѣ.

„О моя единственная любовь,—говоритъ она въ началѣ своихъ *Мемуаровъ*, которые должна была писать по приказанію,—какъ я тебѣ обязана за все тѣ благословенія, которыми Ты одарилъ меня съ самаго ранняго дѣтства. Ты сталъ господиномъ и властелиномъ надъ моимъ сердцемъ, несмотря на все противодѣйствіе, которое оказывало тебѣ оно неблагодарное! Едва я стала сознавать себя, какъ Ты уже открылъ моей душѣ всю мерзость грѣха. Это внушило мнѣ столько ужаса, что малѣйшее грѣховное пятно становилось для меня невыносимой мукой, такъ что для усмиренія моей дѣтской живости мнѣ достаточно было сказать, что она не угодна Богу, и я тотчасъ-же останавливалась“.

Отданная въ монастырскій пансіонъ, она чувствуетъ сильную потребность дѣлать все то, что дѣлаютъ монахини; она считаетъ ихъ всехъ святыми, думаетъ, что

также попадетъ въ число святыхъ, если станетъ монахиней. и такъ страстно стремится къ этому, что не можетъ думать ни о чемъ другомъ.

Фанатическая жажда мученій и страданій за обожаемый идеаль очень скоро проявляется и у Маргариты.

„Во время этихъ безпокойствъ (чрезмѣрные угрызенія совѣсти) она думала смягчить свои страданія и удовлетворить въ одно время Бога и весь мѣръ чрезмѣрнымъ бичеваніемъ своего тѣла, отдаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ наружно вѣмъ представлявшимся ей удовольствіямъ. Она опоясала себя веревкой со множествомъ узловъ и такъ сильно затянула ее, что не могла безъ боли ни вѣть, ни дышать. Руки она обтянула желѣзными цѣпами, и эти цѣпи и веревки мало-по-малу такъ глубоко врѣзались въ ея тѣло, что она не могла выебодить ихъ безъ страшнѣйшей боли. Она спала на доскахъ и, кромѣ того, подкладывала подъ себя куски заостренного дерева“ . .

Маргарита поступила въ монастырь въ Парѣ 25-го мая 1671 года, 23-хъ лѣтъ отъ роду, и здѣсь быстро стала проходить путь, ведущій религиозное чувство къ экстазу.

Чтобы испытать искренность ея чувства, ее подвергаютъ самымъ суровымъ испытаніямъ, но чѣмъ болѣе она страдаетъ, тѣмъ сильнѣе растутъ экзальтація и жажда жертвъ. Подъ вліяніемъ этого настроенія она написала слѣдующіе стихи, представляющіе собою полную картину аскетической психологін:

Plus l'on contredit mon amour,
Plus cet unique bien m'enflamme.
Que l'on m'afflige nuit et jour,
On ne peut l'ôter à mon âme.
Oui, plus je souffre de douleur,
Plus mon Dieu s'unit à mon cœur ¹⁾.

¹⁾ Чѣмъ больше преслѣдуютъ моей любви, тѣмъ сильнѣе объемятъ меня пламень этого неизреченнаго блага. Пусть мучать меня день и ночь — изъ моей души не удастся исторгнуть этой любви. Да, чѣмъ больше я страдаю отъ огорченій, тѣмъ тѣнше сердце мое соединится съ Богомъ.

По праздникамъ она весь день простаивала дома на колѣняхъ, со сложенными для молитвы руками, держась прямо, неподвижно, и ни на что не опираясь. Во время этого благочестиваго занятія простой взлядъ въ сторону, минутная разсѣянность или нѣсколько болѣе удобная поза считались ею немонѣрными проступками, за которые она странно упрекала себя и присуждала себя къ наказанію, котораго и просила у настоятельницы.

.
„ Сестра Маргарита говорила, что она постоянно чувствовала два страстныхъ наслажденія, которыхъ казалось никогда нельзя было насытить: во-первыхъ страданіе, во-вторыхъ причастіе, или, пользуясь ея излюбленнымъ выраженіемъ, она находила высшее наслажденіе *„въ приниманіи Бога своего сердца и сердца своего Бога“*. „Я питаю такую страсть къ ея причастію, говорила она, что если-бы мнѣ пришлось пройти босикомъ по огненному пути,—это страданіе показалось-бы мнѣ ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что я непытывала-бы, если-бы лишилась такого блага. Ничто не можетъ мнѣ доставить такой радости, какъ этотъ хлѣбъ любви; получивъ его, я чувствую все свое ничтожество предъ Богомъ, но я чувствую себя также исполненной такой чудной радости, что вся пребываю въ глубокомъ молчаніи и теченіе четверти часа, чтобы внимать голосу того, кто составляетъ все блаженство моей души“.

Мы видѣли, что она стала истязать себя уже въ самомъ раннемъ возрастѣ. Ставъ монахиней, она ничуть не потеряла въ своей страсти къ добровольнымъ самобичеваніямъ, но такъ какъ не все просимое дозволялось ей, а умная настоятельница старалась поубавить въ ней эту страсть къ страданіямъ, то она прибѣгала къ тысячѣ другихъ средствъ, чтобы подчинить себѣ чувства, бичевать тѣло и дѣйствовать противъ природы. Иногда она избѣгала сна или дѣлала для себя его невозможнымъ.

Такъ, напримѣръ, для возможности ночныхъ бдѣній она придумала класть себѣ на матрацъ мелкія камешки и острые предметы. Съ тою-же цѣлью, она выбирала себѣ самую дурную пищу: гнилые плоды, холодныя или плохо приготовленныя блюда, куски хлѣба, поднятыя съ земли и покрытыя пескомъ и грязью. Часто можно было видѣть, какъ она примѣшивала холодную воду къ своимъ яствамъ, чтобы сдѣлать ихъ безвкусными. Дѣломъ, во время сильныхъ жаровъ, она для утоленія пожирившей ее жажды брала въ ротъ теплую воду, чтобы лишить себя того наслажденія, которое она испытывала-бы, если-бы утоляла невыносимую жажду холодной водою.

.

Это героическое мужество въ дѣлѣ умерщвленія плоти имѣло своимъ источникомъ ненасытное желаніе страдать съ Иисусомъ Христомъ. Сестра Маргарита говорила съ увлеченіемъ лишь о распятомъ Христѣ и находила безконечное удовольствіе въ словахъ святой Терезы: „*страдать или умереть*“, которыхъ не переставала твердить. Часто она говорила, что охотно жила-бы до дня страшнаго суда, но лишь среди крупныхъ страданій во имя Бога, ибо жизнь безъ страданій всегда казалась ей невыносимѣйшимъ изъ наказаній. „Нѣтъ,—сказала она однажды,—я не могу постигнуть, какъ невѣста Распятаго можетъ не любить креста и избѣгать его. Развѣ это не значить также—избѣгать того, Кто носилъ его ради насъ и сдѣлалъ его предметомъ самыхъ сладкихъ своихъ желаній?“

.

Подвижница заболѣваетъ, и страшныя физическія страданія примѣшиваются къ тѣмъ, которыя она добровольно на себя наложила.

Среди всѣхъ этихъ страданій, мученій и бичеваній сестра Маргарита имѣла промежутки такого счастья, такой радости, которыхъ нельзя ни выразить, ни описать. Богъ одарилъ ее тѣмъ *изобиліемъ радостей*, о

которыхъ святой Павелъ говорить, что онѣ уже въ этой жизни вознаграждаютъ людей за ихъ самобичеваніе. Но что особенно облагораживаетъ чувство этихъ преданныхъ возлюбленныхъ креста—это пренебреженіе наслажденіемъ, доставляемымъ этими радостями; и въ этомъ пренебреженіи они доходятъ до того, что просятъ даже Бога лишить ихъ всякихъ наслажденій. „О, моя любовь, говорила Маргарита, я жертвую тебѣ все эти наслажденія; сохрани ихъ для тѣхъ святыхъ душъ, которыя лучше меня прославляютъ Тебя. Я желаю обладать лишь Тобою на крестѣ, гдѣ я хочу любить Тебя ради Тебя самого“.

.

Дойди до этой аккумуляціи чувства, находишься уже недалеко отъ экстазовъ и видѣній, и Маргарита доходить до нихъ, основывая культъ священнаго сердца Іисуса.

„Однажды,—говорить она,—я настолько увлеклась присутствіемъ Бога, что совершенно позабыла о себѣ самой и о мѣстѣ, гдѣ находилась; я всецѣло отдавалась Духу Божію и не препятствовала своему сердцу биться, въ отвѣтъ на его любовь. Мой небесный Повелитель долго держалъ меня въ своихъ объятіяхъ и затѣмъ открылъ мнѣ чудеса своей любви и неизреченныя тайны своего сердца, которыя до того скрывалъ отъ меня. Онъ впервые открылъ мнѣ это божественное сердце столь дѣйствительнымъ и осязательнымъ образомъ, что я не могла усомниться въ такой милости, несмотря на мои постоянныя опасенія ошибиться во всемъ, что я говорю объ этомъ предметѣ. Вотъ, какъ мнѣ кажется, все это произошло. Іисусъ сказалъ мнѣ: Мое божественное сердце такъ полно любовью къ людямъ и въ особенности къ тебѣ, что не можетъ вмѣстить всего пламени этой любви, а потому желаетъ распространить его чрезъ твое посредство на всехъ людей и надѣлать ихъ отъ своихъ сокровищъ. Я открываю тебѣ цѣну этихъ сокровищъ: они содержатъ въ себѣ благодать освященія и спасенія, необходимую для того, чтобы отвлечь

людей отъ бездны погибели. Не смотря на то, что ты этого не достойна, я избралъ тебя для выполнения этой великой цѣли, чтобы тѣмъ лучше было видно всемогущество Божіе“.

Въ этомъ поклоненіи сердцу Иисуса аскетическій пылъ Маргариты достигаетъ крайней степени, и однажды она ножомъ написала на своей груди имя Иисуса большими и глубоко вырѣзанными буквами. Но и этого было для нея недостаточно.

„... Замѣтивъ, что раны, которыя она нанесла себѣ изъ любви къ Богу, слишкомъ легко заживаютъ, она взяла зажженную свѣчу и выжгла на своей груди священное имя Иисуса. Эта операція, которую нельзя назвать нормальной, имѣла такія тяжелыя послѣдствія, что сестра Маргарита втеченіе цѣлаго года страдала отъ ранъ, изъ которыхъ не переставала сочиться кровь“...

„..... Кроме этихъ страданій и внутренней борьбы, Маргаритѣ пришлось еще вынести другаго рода муку: Господь приказалъ ей жить лишь хлѣбомъ и водою втеченіе пятидесяти дней, чтобы тѣмъ почтить его постъ въ пустынѣ. Сынъ Божій хотѣлъ этимъ приказаніемъ скорѣе испытать ея послушаніе, чѣмъ заставить ее тязаться себя. Несмотря на это, она обѣщала соблюдать этотъ постъ, если получитъ дозволеніе настоятельницы, котораго, однако, не получила. Тогда Иисусъ Христосъ далъ ей понять, что Ему было-бы пріятно, еслибы она провела эти пятьдесятъ дней, безъ питья, чтобы этимъ покаяніемъ почтить ту жгучую жажду, которую онъ испытывалъ на крестѣ. Это новое воздержаніе оказалось Маргаритѣ суровѣе предыдущаго, и оно дѣйствительно было таковымъ, тѣмъ болѣе, что ея болѣзнь причиняла ей жгучую, ничѣмъ неутолимую жажду.“

А вотъ еще одно видѣніе:

„..... Однажды, когда я чувствовала въ своей душѣ мучительную агонію, Господь нашъ, сподобивъ меня насладиться его посѣщеніемъ, сказалъ мнѣ: „Войди, дочь моя, въ этотъ прелестный садъ, чтобы освѣжить свою

обезсиленную душу“. Я увидѣла, что этимъ садомъ было его священное сердце; садъ былъ полощъ цвѣтовъ, петрота которыхъ была такъ-же очаровательна, какъ поразительна ихъ красота. Осмотрѣвъ ихъ, но не прикоснувшись ни къ одному изъ нихъ, я улышалась Его голосъ: Ты можешь рвать цвѣты, сколько хочешь“. Я-же, бросившись къ его ногамъ, воскликнула: О, моя божественная любовь, я не хочу другаго цвѣтка, кромѣ Тебя.“

..... Маргарита Алакокъ умерла 43 лѣтъ 17-го октября 1690 года.

Не всѣ женщины, предназначенныя для религиозныхъ экстазовъ, родились въ скромной долѣ: мы находимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и на ступеняхъ трона. Изъ такихъ упомянемъ въ особенности о Баттиетѣ Варани, принцессѣ Камеринской, основательницѣ монастыря св. Клары, родившейся въ Камерино 9-го апрѣля 1458 года и умершей тамъ-же 31-го мая 1527 года.

Въ дѣтствѣ Варани мы находимъ одинъ странный фактъ, быть можетъ, единственный въ исторіи человѣческаго сердца.

„Едва вступивъ въ 12-лѣтній возрастъ, она, подъ вліяніемъ божественнаго внушенія, дала обѣтъ каждую пятницу проливать слезы въ воспоминаніе тяжкихъ страданій Христа; обѣтъ этотъ она въ точности выполняла, несмотря на всѣ представлявшіяся ей трудности.“

И здѣсь мы, по обыкновенію, встрѣчаемся съ чувствомъ которое тѣмъ сильнѣе разгорается, чѣмъ идеальнѣе тѣ существа, на которыя оно обращено. Вотъ восторженный вопль юной подвижницы.

„О, Боже мой! Боже мой! Что хотѣлъ Ты сдѣлать изъ этой лживой, грѣшной души? Къ чему я понадобилась Тебѣ, Иисусе сладчайшій?“

Чтобы кто не подумалъ, что физиологъ выбираетъ лишь такіе факты, которые подтверждаютъ его воззрѣнія, дадимъ слово біографу нашей подвижницы.

„.....Такъ Господь наградила ее, посвятивъ въ свои божественныя тайны и даровавъ ей тѣмъ невыразимое блаженство. Часто Онъ являлся ей то въ видѣ добродушнаго отца, то въ видѣ ласковаго брата или друга, чаще-же всего въ видѣ нѣжнаго жениха, приглашавшаго ее въ свои святыя объятія. „*Когда Богъ,*— говоритъ она,—*въ этомъ видѣ соединяется съ душою, то въ нашей земной жизни нѣтъ большаго наслажденія, чѣмъ то, которое происходитъ отъ этого соединенія.*“ Далѣе она говоритъ:

„Я не могла вполне понять того мира и покоя, той сладости и любви, той искренности и чистосердечія, въ которыхъ я провела этотъ священный, духовный праздникъ; очень часто я бесѣдовала съ Богомъ, пребывала въ святыхъ объятіяхъ своего небснаго Жениха, наслаждалась любовью и милостью вѣчнаго Отца, благодатнымъ утѣшеніемъ Св. Духа.

И это экстатическое блаженство любви, судорожно смѣняется неудержимымъ желаніемъ страдать за обожаемаго Бога. Это говоритъ намъ и отецъ Винченцо, біографъ Варани:

„Какъ видно, любовь находитъ покой лишь въ смерти или въ чрезмѣрныхъ страданіяхъ ради предмета любви. Апостоль Павелъ, горя этимъ чуднымъ огнемъ, вызывалъ всѣ существа, всѣ печали, труды и страданія, чтобы они лишили его милосердія Христа, доставлявшаго ему столько утѣшенія. Іоаннъ, патронъ кармелитовъ, пылая тою-же любовью, также не требовалъ за свои труды и за пролитый во имя Бога потъ никакого другаго вознагражденія, кромѣ страданій, позора и презрѣнія. Тереза, пылавшая тою-же божественною страстью, желала либо страдать, либо умереть. Марія Магдалина де Пацци по той-же причинѣ стремилась не къ смерти, а къ вѣчнымъ страданіямъ ради Христа. Точно также и Баттиста Варани объятая пламенемъ божественной любви, просила распятаго Христа лишь объ одномъ: дать ей возможность страдать ради Него...“

Варани обладала сильнымъ характеромъ, и между всѣми подвижницами наименѣе истеричная и больная; но, все-таки, при такой сосредоточенности духовныхъ силъ на одномъ и томъ-же, при такомъ распленіи чувства, она не могла жить безъ видѣній.

„..... Черезъ двѣ недѣли послѣ ея вступленія въ новый монастырь, въ пятницу, Богу угодно было ниспослать ей одно скорбное видѣніе. Она сидѣла вмѣстѣ съ сестрой Констанцой за работой, пѣвшая духовную пѣснь о любвеобильномъ Иисусѣ, въ которой Онъ изображался страдающимъ, покрытымъ ранами, поруганнымъ, облитымъ кровью и смертельно блѣднымъ. Во время пѣнія она до того углублялась въ созерцаніе Спасителя, что почти безъ чувствъ утала на руки сидѣвшей рядомъ сестры“.

Послушаемъ, что она сама рассказываетъ объ этомъ: „Думали, что мой обморокъ былъ лишь слѣдствіемъ какого-нибудь тѣлеснаго недуга, которому я была подвержена; но на этотъ разъ обморокъ былъ духовнымъ, потому что моя душа была очарована созерцаніемъ того, какъ скорбящая Матерь Божія держала на рукахъ своихъ мертваго Сына. Я съ совершенной ясностью слышала рыдающій и вехлипывающій голосъ этой божественной многострадальной матери. Я слышала, какъ любящая ученица Магдалина съ глубокимъ вздохомъ повторяла: Учитель мой! Я слышала горькія рыданія возлюбленнаго ученика Его, Іоанна, прерывающимся голосомъ твердншаго: Отецъ мой, братъ и учитель мой! Точно также плакала и Марія. Въ этомъ состояніи я оставалась съ вечера до часу ночи и вѣроятно продолжала-бы оставаться всю ночь, если-бы не едѣлала надъ собою страшнаго усилія, чтобы придти въ себя и не причинять болѣе огорченія сестрамъ. . . . Когда я пришла въ себя, то чувствовала такую усталость и разбитость, что вте-

ченіе пятнадцати дней походила на мертвеца, вышедшаго из могилы,—такъ измѣнилось мое лицо”.

А вотъ другой экстазъ:

„.... Однажды ночью она стала молиться, и такъ какъ предметомъ ея постоянныхъ размышленій былъ любящій Іисусъ, то и на этотъ разъ она почувствовала влеченіе размышлять о той великой любви, которую питаетъ Богъ къ роду человѣческому. Предоставивъ своей мысли свободно блуждать всюду, куда Богу угодно будетъ вести ее, она въ одно мигновеніе почувствовала себя неистижимымъ образомъ перенесенной въ горнія области для созерцанія возвышеннаго и божественнаго; по ея словамъ, ей казалось, будто она вошла въ безпредѣльное, глубокое море, изъ котораго не могла выдти, несмотря на всѣ усилія. Въ этомъ морѣ она видѣла изображеніе безконечной, необъятной и глубокой любви нашего милосерднаго Бога къ своимъ созданіямъ“....

Сочетанія видѣній и экстазовъ наблюдаются и въ жизни нашей подвижницы изъ Камерино. Послушайте, что она разсказываетъ:

„ Однажды, чувствуя въ своей груди жгучій духовный пламень, я, какъ безумная, стала жаловаться на серафимовъ и, почти сожалья о томъ, что просила ихъ слетѣться ко мнѣ, сказала имъ: О, кроткіе духи, я такъ долго молилась, пока вы наконецъ не прилетѣли ко мнѣ; я полагаю, что кто обладаетъ вами—обладаетъ раемъ, потому что отъ васъ очень близко до Бога. Какимъ-же образомъ могло случиться, что я стала испытывать съ вами муки ада? Я не понимаю, какъ можно считать благомъ то, чѣмъ вы обладаете.—Тогда они, обращаясь со мною просто и задушевно, какъ съ подругой, отвѣтили: То, что тебѣ причиняетъ страданіе, доставляетъ намъ блаженство. Тебя слѣдуетъ чувствовать, но тебѣ недостаетъ присутствія лица, которое ты любишь... Ты чувствуешь страданіе вслѣдствіе неудовлетвореннаго желанія лицезрѣть невидимое; у насъ-же жгучее желаніе всегда

находить себѣ удовлетвореніе въ присутствіи Того, къ кому мы стремимся“.

Вотъ наконецъ еще одна послѣдняя страничка изъ біографіи этой подвижницы, въ которой аскетизмъ достигаетъ сильнѣйшаго пароксизма.

Баттиета любила своего божественнаго Повелителя со всеѣмъ пыломъ души; повидимому, она никогда не удовлетворялась своимъ чувствомъ и все стремилась къ болѣе сильной любви, чтобы оказаться достойной великой благодати своего возлюбленнаго. Будучи не въ состояніи перенести этого невыразимаго наслажденія, она въ изступленіи твердила: *Довольно, Господи, довольно!* Такъ велика была любовь Баттиеты къ ея божественному Повелителю, начавшаяся, можно сказать, еще въ дѣтствѣ. И такъ какъ эта любовь все росла, то можно себѣ представить, какой силы она достигла въ послѣдніе дни ея жизни, когда она, совершенно позабывъ о себѣ, думала лишь о полномъ сліяніи своей души съ Богомъ.

Женщина болѣе религіозна и болѣе подвержена экзальтаціямъ чувствительности, чѣмъ мужчина, поэтому нѣтъ ничего, удивительнаго, что и въ области подвижничества она чаще даетъ намъ примѣры экстазовъ. Однако, и среди подвижниковъ нѣтъ недостатка въ подобныхъ экстазахъ. Чтобы доказать это, мы ограничимся нѣсколькими примѣрами, взятыми изъ знаменитой книги „*Fioretti di san Francesco*“.

„Братъ Жакопо далла Масса, которому Богъ открылъ доступъ къ своимъ тайнамъ и котораго Онь открылъ совершенствомъ въ знаніи и пониманіи священнаго писанія и грядущихъ событій, былъ такимъ идеально святымъ человѣкомъ, что братья Эджидіо да Шизи, Марко да Монтино, Джинепро и Лечидо говорили о немъ, что послѣ Бога они не знаютъ въ мірѣ никого выше его.“

Въ началѣ управленія брата Джованни да Парма тотъ инокъ Жакопо во время молитвы къ Богу впасть въ экстазъ, въ которомъ оставался втеченіе цѣлыхъ трехъ дней, потерявъ всякую тѣлесную чувствительность; онъ до того былъ лишенъ чувствительности, что монахи стали сомнѣваться, живъ-ли онъ. Во время этого очарованія Богъ открылъ ему будущія измѣненія въ нашей религіи и состояніе ея въ отдаленныя времена.

Однажды ему представилось слѣдующее видѣніе. Онъ увидѣлъ громадное и прекрасное дерево, корни котораго были золотые, а плоды были людьми и изображали собою монаховъ-миноритовъ. Главныхъ вѣтвей было столько, сколько провинцій имѣлъ этотъ орденъ, и на каждой вѣтви находилось столько монаховъ, сколько ихъ считалось въ каждой соответствующей провинціи. Такимъ образомъ онъ узналъ число братьевъ всего ордена и каждой провинціи его, а также ихъ имена, возрастъ, обстоятельства ихъ жизни, ихъ служеніе, ихъ заслуги и грѣхи. На самой высокой вершинѣ средней вѣтви этого дерева онъ увидѣлъ брата Джованни да Парма, а на вершинахъ остальныхъ вѣтвей, окружавшихъ эту среднюю вѣтвь, стояли настоятели всѣхъ провинцій. Затѣмъ на огромномъ бѣлоснѣжномъ стволѣ онъ увидѣлъ самого Христа, который, призвавъ къ себѣ святого Франциска, сказалъ ему, поднимая находившійся предъ нимъ кубокъ, наполненный животворящимъ духомъ: ступай, навѣсти своихъ монаховъ и дай имъ коснуться губами этого кубка съ животворящимъ духомъ, ибо противъ нихъ возстанетъ духъ сатаны, сразитъ ихъ, и многіе изъ нихъ падутъ и никогда не смогутъ подняться.

Затѣмъ вдругъ наступаетъ буря.
„ которая такъ рашатываетъ дерево, что оно падаетъ и вѣтеръ уноситъ его. Наконецъ, вмѣсто этого дерева, имѣвшаго золотые корни, выросло дерево, которое все было изъ золота, и на немъ были золотые цвѣты, плоды и листья. Объ этомъ деревѣ, объ его

развѣтленіяхъ, глубинѣ корней, объ его красотѣ и запахахъ нельзя дать и понятія словами...“

. Инокъ Джованни дела Вернія, отказавшись отъ всякихъ свѣтскихъ удовольствій и скоротечныхъ радостей, находилъ все свое утѣшеніе въ Богѣ, на котораго возложилъ все упованія свои и который сподобилъ его наслаждаться небесными радостями и откровеніями. Однажды въ праздникъ Рождества Христова его душа исполнилась такой любви къ Спасителю, что готова была какъ-бы вылетѣть изъ тѣла и вся горѣла, какъ пылающая печь. Не будучи въ состояніи перенести этого жара, онъ въ ужасѣ раздѣлалъ свое тѣло и громко кричалъ. Любовь эта длилась шесть мѣсяцевъ, хотя упомянутое жгучее пламя пожирало его не непрерывно, а лишь въ извѣстные часы дня. Въ это время онъ обыкновенно получалъ чудесныя откровенія и утѣшенія отъ Бога, какъ это видѣлъ тотъ монахъ, который впервые написалъ объ этомъ“.

Вотъ, наконецъ, еще одно видѣніе, которое имѣлъ инокъ Леонъ:

Инокъ Леонъ видѣлъ однажды во снѣ или въ видѣніи, какъ подготовлялся Страшный Божій судъ. Онъ видѣлъ, какъ ангелы трубили въ трубы и другіе инструменты, созывая безконечное множество народу на одно широкое поле.

Въ одной сторонѣ этого поля была воздвигнута красная лѣстница, ведшая отъ земли на небо; въ другой-же сторонѣ находилась бѣлосвѣтѣвая лѣстница, которая вела отъ неба къ землѣ. На вершинѣ лѣстницы явился Христосъ, казавшійся оскорбленнымъ и разчѣваннымъ.

Нѣсколькими ступенями ниже Христа стоялъ святой Францискъ, который, спустившись еще ниже по лѣстницѣ, громкимъ голосомъ воскликнулъ: приблизьтесь, братья мои, не бойтесь ничего, ибо Господь признаетъ васъ. Услышавъ эти слова, со всѣхъ сторонъ стали сходить монахи и взбираться по красной лѣстницѣ съ большимъ довѣріемъ къ Господу. Но когда они избра-

лись уже высоко, то снова всё стали падать одинъ за другимъ съ различной высоты. При видѣ этого паденія своихъ монаховъ, святой Францискъ, побуждаемый состраданіемъ, сталъ просить Вѣчнаго Судью за своихъ духовныхъ чадъ, чтобы онъ умилосердился надъ ними. Тогда Христосъ показалъ Франциску свои раны и сказалъ ему: эти раны причинили мнѣ твои монахи. Францискъ, попросивъ опять немного за послѣднихъ, спустился еще на нѣсколько ступенекъ и, позвавъ монаховъ, упавшихъ съ красной лѣстницы, — сказалъ имъ: Встаньте, будьте благоразумны, сыны и сподвижники мои; вѣруйте и не отчаявайтесь, ступайте къ бѣлой лѣстницѣ: по ней вы поднимитесь на небо. — И вотъ на вершинѣ бѣлой лѣстницы показалась святая Дѣва Марія, Мать Иисуса Христа, и приняла этихъ монаховъ, которые такимъ образомъ уже безъ всякаго препятствія вошли въ вѣчное царство. Слава Господу Иисусу. Аминь“.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Экстазы любви къ отечеству.

Экстазы любви къ отечеству.—Маска Мадзини.—Отечество и религія, герои отечества и свитые.—Лучше шовинизмъ, чѣмъ недостатокъ любви къ отечеству.—Различныя формы экстазовъ любви къ отечеству.—Возвращеніе автора изъ Индіи въ Италію.—Экстазы великихъ героевъ любви къ отечеству.—Герои исторій и безвѣстные герои.—Эпидемическіе экстазы.—Лесные пожары и пожары въ сердцѣ народномъ.—Сравненія и размышленія.

Въ одномъ изъ шкафовъ моего *Антропологическаго музея* во Флоренціи, посвященномъ замѣчательнымъ людямъ, находится голова одного человѣка, приковывающая къ себѣ вниманіе даже самаго невнимательнаго и поверхностнаго наблюдателя. Когда мнѣ иногда приходится выполнять скучную обязанность чичероне, то я всегда наблюдаю своего назойливаго гостя, останавливаясь предъ этимъ шкафомъ, и всегда нахожу въ этомъ награду за долгое и надоѣдливое повтореніе однихъ и тѣхъ-же словъ предъ одиѣми и тѣмъ-же витринами. Обыкновенно посѣтитель останавливается и говоритъ: *эта голова, вѣроятно, принадлежитъ святому?*

— Вы хорошій наблюдатель: эта голова принадлежитъ святому и сдѣлана скульпторомъ по трупу.

— А кто этотъ святой?

— Его зовутъ Джузеппе Мадзини.

Можно было-бы написать цѣлую книгу объ этомъ безсознательномъ угадываніи святой личности въ мертвой маскѣ Мадзини.

Физиономія аскета принадлежитъ къ самымъ характернымъ, но и менѣе всего поддающимся опредѣленію физиономіямъ. Мадзини обладалъ именно такой физиономіей, и послѣ смерти казался святымъ, уже принятымъ въ христіанскій рай.

Въ этомъ вопросѣ, невольно срывающемся съ устъ посѣтителей моего музея, заключается вся біографія чловѣка, страстно любившаго свое отечество и сдѣлавшаго изъ своего патріотизма религію. Онъ, впрочемъ, самъ указалъ на свое положеніе въ исторіи итальянской мысли, написавъ на своемъ знамени: *Богъ и народъ*,— два слова, изъ которыхъ одно мистичнѣе другого и которыя, сложенные вмѣстѣ, составляютъ лишь крикъ, вырвавшійся изъ сердца и обращенный къ поэтической безконечности политическаго идеализма.

Любовь къ отечеству — одно изъ самыхъ возвышенныхъ, но и самыхъ неопредѣленныхъ чувствъ, такъ что психологическій анализъ его потребовалъ-бы цѣлаго тома. Оно представляетъ собою также чувство роскоши, потому что многіе люди, стоящіе на высокихъ и низкихъ ступеняхъ развитія, не питаютъ его, а также и потому, что оно направлено не столько къ клочку земли, сколько къ мифу, имѣющему въ своемъ основаніи отчасти дѣйствительность, отчасти-же чисто идеальныя представленія и мѣняющему формы и границы, смотря по времени и тысячѣ другихъ внѣшнихъ условій.

Чувства роскоши лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обладаютъ силой и энергіей естественно-необходимыхъ чувствъ, но вълѣдствіе своей неопредѣленности и безграничнаго

разнообразія побужденій, они легче могутъ довести насъ до экстаза.

Для дикаря, будь онъ таковымъ вслѣдствіе того, что не облачаетъ своего тѣла, или вслѣдствіе того, что не облачаетъ своей мысли,—для дикаря отечество составляетъ почти то-же, что гнѣздо для птицы или берлога для дикаго звѣря. Домъ, въ которомъ онъ родился, дерево, подъ которымъ онъ спалъ, рѣка, въ которой онъ купался, лѣсъ, въ которомъ онъ охотился, земля, на которой живутъ люди, похожіе на него, говорящіе подобно ему и подобно ему ненавидящіе другихъ людей, находящихся за горами или за морями,—все это составляетъ для него отечество.

Отечество, окруженное или не окруженное моремъ, всегда составляетъ изолированный островъ, а кто живетъ изолированно, тотъ неизбежно сродняется со всѣми, пребывающими въ той-же темницѣ. Отечество—это та-же семья, но въ болѣе обширномъ видѣ; это тотъ-же семейный очагъ, но собравшій вокругъ себя болѣе обширную семью.

Не любить отечества значить проявлять изменность сердца и кретинизмъ чувства. Но мы предвидимъ уже въ будущемъ лучшее время, когда человѣку будетъ служить отечествомъ вся наша планета, а иностранцами будутъ называться лишь обитатели другихъ міровъ, съ которыми мы навѣрное когда нибудь будемъ вести переговоры, а то, пожалуй, и войну.

Любовь къ отечеству — это чувство сыновнее и мистическое, нѣжное и аскетическое въ одно и то-же время. Оно сыновнее потому, что родина—общая мать для всѣхъ, говорящихъ на одномъ и томъ-же языкѣ, думающихъ объ одномъ и томъ-же Богѣ и проливающихъ одну и ту-же кровь. Оно мистическое, потому что отечества нельзя ни цѣловать, ни обнимать и потому что его гра-

ницы начертаны на картѣ, находящейся не въ географическихъ атласахъ, а въ человѣческомъ сердцѣ.

Отечество—это одинъ изъ круговъ дантовскаго рая, гдѣ вокругъ одного маленькаго образуются большіе круги, подобно тѣмъ волнамъ, которыя мы видимъ при паденіи камешка въ воду. Отъ обожанной деревни, гдѣ мы родились и гдѣ мы надѣемся быть похороненными, до провинціи, области, имперіи, дальнихъ колоній—отечество все расширяется и расширяется, увлекая съ собою нѣжныя колебанія нашего сердца, наши привязанности, нашу національную славу.

Этотъ лоскутокъ матеріи, который называется нашимъ знаменемъ, который можетъ выплѣсти отъ солнечнаго свѣта или отъ дождя, этотъ лоскутокъ матеріи, который стоитъ всего нѣсколько рублей и который искра можетъ превратить въ горсть золы, служить символомъ всѣхъ тѣхъ чувствъ, для которыхъ мы имѣемъ одно лишь имя, и тамъ, гдѣ водружается это знамя, тамъ наше отечество, тамъ общія воспоминанія, общія несчастія и общія слава собраны въ одномъ словѣ, олицетворяющемъ и воплощающемъ ихъ.

Кто анализируетъ это чувство съ затаенной надеждой или съ злобнымъ намѣреніемъ разрушить и разсѣять его, тотъ совершаетъ бесплодный трудъ. Если онъ это дѣлаетъ для себя, то онъ разрушаетъ то, чего никогда не существовало; если онъ это дѣлаетъ для другихъ, то онъ вопіетъ въ пустынь, потому что никакіе доводы и разуужденія никогда и нисколько не могли уменьшить какую-нибудь великую любовь.

— *Женщина, которую ты любишь, низкое существо; она уже принадлежала сотнѣ мужчинъ раньше, чѣмъ ты ее полюбилъ.*

— *Что мнѣ за дѣло до этого? Я люблю ее.*

— *Богъ, предъ которымъ ты благоговѣешь, ни-*

когда не существовалъ. Это—чудовищный идолъ, въ которомъ людоедство челоуѣка четвертичнаго періода сочеталось съ новѣйшими теологическими бреднями...

— Ты не знаешь, что говоришь. Мой Богъ существуетъ, и я благословлю предъ нимъ.

Тоже самое произошло-бы, если-бы мы пустыми доводами пожелали уничтожить въ челоуѣкѣ любовь къ родинѣ, когда онъ чувствуетъ, что любовь эта горитъ въ его сердцѣ, когда она стала для него религіей, для которой онъ готовъ отдать все, что имѣетъ, до послѣдней капли крови своихъ жилъ. Во все времена избранныя природы приносили въ жертву на алтарь отечества любовь къ дѣтямъ, къ матери, къ любимой женщинѣ. И вотъ подите, растолкуйте этимъ мученикамъ, что наше отечество—весь міръ и что у него нѣтъ другихъ границъ, какъ межпланетное пространство!

Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ народы, съ тѣхъ поръ какъ челоуѣческія нарѣчія считаются тысячами, съ тѣхъ поръ какъ одна половина челоуѣческаго рода перестала понимать другую, съ тѣхъ поръ какъ между челоуѣкомъ и челоуѣкомъ установились большія психическія различія, чѣмъ между собакой и волкомъ,—съ тѣхъ поръ любовь къ отечеству не понимается болѣе разсудкомъ, а лишь чувствуется, и народъ стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ живѣе, теплѣе и универсальнѣе въ немъ развито это чувство. Мнѣ въ тысячу разъ милѣе самый безумный шовинизмъ, чѣмъ несносный цинизмъ челоуѣка, съ улыбкой спрашивающаго: *что такое отечество?*

Отечество—это земля, каждый клочекъ которой обогрѣвъ кровью и облитъ потомъ отцовъ нашихъ, гдѣ въ каждой горсти песку заключается прахъ нашихъ предковъ. Отечество—это земля, въ которой покоится наша мать и въ которой будутъ покоиться наши дѣти; это

исторія всего прошлаго, исторія столькихъ вѣковъ славы и несчастій, пережитыхъ тѣми, кто далъ намъ жизнь. Отечество—это мать всѣхъ тѣхъ, которые говорятъ и чувствуютъ, какъ мы; это страна, одно имя которой, произнесенное вдали отъ нея, заставляетъ сильнѣе биться наше сердце, заставляетъ насъ цѣловать мертвый газетный листъ. Это то могучее слово, которое поднимаетъ цѣлыя волны народа при тревожномъ кликѣ войны, при звукѣ котораго изъ каждой хижины выходитъ вооруженный мужчина, а въ каждомъ окнѣ показывается лицо плачущей женщины. Отечество—вотъ то чудодѣйственное слово, которое можетъ превратить каждаго мужчину въ солдата и каждую женщину въ мученицу, которое заставляетъ дѣтей рыдать въ отчаяніи, отчего они не мужчины, и стариковъ—отчего они не въ состояніи болѣе носить оружія. Отечество—вотъ то святое слово, которое отрываетъ крестьянина отъ плуга, рабочаго отъ мастерской, ученаго отъ книги, банкира отъ облигацій, которое вырываетъ юношу изъ объятій его возлюбленной или невѣсты и собираетъ всѣхъ людей подъ однимъ знаменемъ, на которое они глядятъ съ отвагой героя и съ любовью мученика.

Какой другой алтарь имѣетъ столько поклонниковъ? Какая другая религія имѣетъ столько послѣдователей? На какомъ алтарѣ приносятся еще столько жертвъ? Какое другое слово имѣетъ такое могущество? Какой другой экстазъ можетъ превзойти экстазъ, вызываемый тѣмъ чувствомъ, благодаря которому тридцать милліоновъ людей стали братьями итеченіе одного часа, стали любить одной любовью, ненавидѣть одной ненавистью, стали лелѣять одну мечту?

Къ обыкновеннымъ экстазамъ любви къ отечеству относятся такъ-же и тѣ, которые испытываются при возвращеніи въ родимую страну послѣ долговременной

разлуки съ нею, а также тѣ, которые мы испытываемъ во время большихъ праздниковъ, въ эпохи великихъ національныхъ торжествъ. Экстазы первого рода каждый испытываетъ одинъ, про себя, послѣдніе—сообща съ другими. Но оба эти вида экстазовъ одинаково велики и доставляютъ одинаковую степень блаженства.

Тоска по родинѣ разсматривается въ учебникахъ паталогіи, какъ душевная болѣзнь. Счастливы, однако, тѣ люди, которые могутъ быть такими душевно-больными; но за то до какой степени достойны сожалѣнія тѣ несчастные, которые, вслѣдствіе скудости сердца или вслѣдствіе того, что родились двадцатью или тридцатью вѣками позднѣе своего времени, не способны впасть въ очарованіе при возвращеніи на родину послѣ долгаго отсутствія. Я, который прожилъ много лѣтъ въ другомъ полушаріи земли, который восемь разъ переплывалъ океанъ, я испытывалъ этотъ экстазъ во всѣхъ его формахъ и градацияхъ.

Никогда, однако, я не испыталъ его до такой степени сильно и глубоко, какъ послѣ моего послѣдняго путешествія въ Индію.

Любовь къ отечеству, въ противоположность другимъ привязанностямъ, растетъ съ годами, и когда я, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, возвращаясь изъ Индіи, узналъ, что завтра увижу Италію, мое сердце такъ сильно и радостно забилось, какъ это случается только при видѣ улыбки любимой женщины.

Я еще не видѣлъ своей земли, но уже чувствовалъ ее. Я чувствовалъ, что она ждала меня, какъ ожидаетъ насъ возлюбленная при давно желанномъ свиданіи. Моя родина, моя Италія была близка отъ меня. Объ этомъ говорили мнѣ голубыя волны, ясное небо, запахъ апельсиновыхъ деревьевъ, несшійся мнѣ на встрѣчу изъ благодатныхъ мѣстностей Калабріи и Сициліи. Я упорно

глядѣлъ на далекій горизонтъ, къ которому судно мое приближалось съ каждымъ поворотомъ винта. Туманъ разсѣвался, и я могъ уже разглядѣть сквозь него тотъ новый и старый для меня мiръ, который считается родной моихъ предковъ.—Черезъ нѣсколько часовъ я долженъ былъ поцѣловать эту землю, а надъ моею головою должна была распростереться лазурь, ласкавшая меня при моемъ рожденіи. И не умру на чужбинѣ, и мои дорогіе будутъ имѣть возможность оплакивать меня на моей родной землѣ, которая произвела на свѣтъ меня и дорогихъ моему сердцу.

Между тѣмъ все яснѣе стали очерчиваться берега и бухты, горы и равнины скрывавшейся въ туманѣ земли, и на этихъ горахъ, между этими бухтами, мало по малу стали показываться бѣлые домики, окруженные зелеными виноградниками. Въ этихъ домикахъ спали люди, говорившіе на моемъ языкѣ, и эта земля посылала мнѣ въ видѣ сердечнаго привѣта ароматы моего сада, моей молодости и моей поэзіи. Тамъ меня любили, тамъ мое имя не было пустынь звукомъ, тамъ ждали меня. Тамъ были нетерпѣливо распростерты объятія, готовые прижать меня къ сердцу, тамъ были жена и дѣти, горѣвшія нетерпѣніемъ поцѣловать меня. Ароматъ цвѣтовъ и поцѣлуи звали меня къ себѣ громкимъ голосомъ, со вздохами любви. Какъ я могъ такъ долго жить вдали отъ этихъ благословенныхъ деревьевъ, отъ этихъ сладкихъ объятій, отъ этой земли, которая была моею колыбелью и будетъ моею могилою? Какъ я могъ перенести это страданіе?

А корабль все плылъ впередъ и впередъ. По правую руку находилась Италия, а по лѣвую—самый большой изъ ея острововъ; далекіе и въ то-же время близкіе, они приближались ко мнѣ, какъ двѣ огромныя руки, готовые заключить меня въ свои объятія!—И я уже чувствовалъ себя въ этихъ гигантскихъ объятіяхъ, чувствовалъ себя опьяненнымъ этими ароматами; я уже слышалъ шумъ человѣческихъ голосовъ, доносившихся ко мнѣ съ берега, и это были голоса итальянцевъ. Нако-

нецъ, эти паруса маленькихъ лодокъ, сновавшихъ вдоль берега, казался мнѣ бѣлѣе, веселѣе всякаго другаго паруса на морѣ. Еще-бы? вѣдь это были итальянскія лодочки!

Гигантская Этна дымила въ высотѣ, а каблукъ Италіи опирался въ лазурную волну, какъ-бы пытаясь сдѣлать прыжокъ для завоеванія міра.

Я охотно бросился-бы въ эти волны, чтобы искупаться въ Итальянскомъ морѣ, чтобы скорѣе достигнуть и коснуться этой священной земли, этой божественной страны, матери трехъ цивилизацій, не чувствующей однако никакого утомленія отъ такихъ трудныхъ родовъ; этой страны героевъ и мучениковъ, въ которой столько народовъ впервые напильсь изъ источника мысли и научились первымъ пѣснямъ поэзін. Сколько гордости, сколько любви и сколько нетерпѣнія въ желаніи возвратитъ этой землѣ ея материнскій поцѣлуй, который она посылала мнѣ уже издавѣка изъ своихъ цвѣтущихъ садовъ, изъ своихъ прославленныхъ городовъ, съ вершинъ своихъ живописныхъ горъ, съ дышащихъ трудовою жизнью полей.

Если это не былъ экстазъ, то что-же въ такомъ случаѣ экстазъ? Если это не было очарованіе чувствъ, сердца, любви, если это не было священное опьяненіе, то что-же такое въ такомъ случаѣ очарованіе и опьяненіе?—Мои глаза были полны слезъ, но слезъ радости; мои уста были нѣмы, но они трепетно улыбались, какъ-бы въ ожиданіи поцѣлуя, который долженъ былъ убить меня, какъ человѣка, чтобы превратить въ Бога.

Одиночные экстазы любви къ отечеству должны испытывать всѣ тѣ немногіе, избранные люди, которые родились, чтобы доставитъ величіе или славу своей родинѣ, которые сначала мечтаютъ, а затѣмъ размы-

пляютъ о великомъ дѣлѣ, ставшемъ для нихъ цѣлью въ жизни.

Большая часть этой рѣдкой и глубокой любви уходитъ на долгую подготовительную борьбу; но среди опасеній ожиданія и непрерывнаго страха потерять плоды столькихъ жертвъ, быть можетъ, такого мученичества, должны выдаваться моменты, когда предъ умственнымъ взоромъ, согрѣтымъ энтузіазмомъ, занимается на далекомъ горизонтѣ заря побѣды, и когда надежда на награду заставляетъ сильнѣе биться сердце. Сколько возвышенныхъ и чудныхъ видѣній, вѣроятно, являлось Мадзини, Кавуру, Гарибальди, когда они въ изгнаніи, въ министерскомъ кабинетѣ или на полѣ битвы мечтали о томъ, чтобы сдѣлать свое отечество свободнымъ, великимъ, объединеннымъ, чувствуя себя главными орудіями въ этомъ великомъ дѣлѣ. Надежды столькихъ вѣковъ, мечты столькихъ поколѣній!

Предпріятія и подвиги героев остаются записанными на бронзовыхъ доскахъ или мраморныхъ памятникахъ; они записываются желѣзомъ и огнемъ, тюрьмой и пытками, тревожной дѣятельностью бодрствующей мысли. Но что остается незаписаннымъ—это экстазъ, подготовляющій эти подвиги и задолго предвидящій ихъ.

Всякое оплодотвореніе совершается въ объятіяхъ благовопнаго и блистающаго красотою цвѣтка, а каждое дѣтище живаго существа рождается отъ дыханія любви. Точно также и великія дѣла, спасающія или прославляющія какой-нибудь народъ, разбивающія оковы ига или расширяющія границы отечества, никогда не происходятъ, какъ ураганы, не производятся внезапными вдохновеніями гения; они медленно готовятся и медленно созрѣваютъ въ святилищахъ сердца и мысли, тамъ, гдѣ сокрыты зародыши заключаютъ въ себѣ будущее дерево, которое обѣнитъ впоследствии цѣлую націю. Поэзія, презираемая только грубой чернью, которая не чувствуетъ себя способной понимать ее, поэзія—мать всякаго великаго дѣла, и нѣтъ такого великаго воина или государ-

ственного человѣка, который-бы не былъ также поэтомъ—
поэтомъ въ мечтаніи о подвигахъ, кажущихся большин-
ству безумной утопіей, поэтомъ въ дѣлѣ измысленія и
смѣлости, поэтомъ въ услажденіи себя священными ви-
дѣніями будущаго, поэтомъ въ любовныхъ экстазахъ,
показывающихъ вѣрующему далекую награду за великія
побѣды. Не даромъ греки говорили, что *поэтъ творитъ*.

Но священные экстазы любви къ отечеству доступ-
ны не только героямъ, полубогамъ исторіи. Всѣ тѣ,
которые горячо любили отечество, отдавали ему мысль
или кровь, старались доставить ему величіе и могу-
щество—имѣли возможность испытать въ своей жизни
сладкія очарованія. Никто не можетъ принести на алтарь
великаго чувства болѣея жертвы, какъ самого себя, а
во время революцій, войнъ и великихъ политическихъ
битвъ число любящихъ отечество—легіонъ, и исторія за-
бываетъ про нихъ, именно потому, что ихъ слишкомъ мно-
го. Исторія сгѣснитъ и олицетворяетъ второстепенныхъ
мучениковъ въ одномъ типѣ. *Пеллико*—мученикъ заго-
воровъ, *Мадзини*—апостоль религіи отечества, *Гари-
бальди*—герой, *Кавуръ*—сама мысль въ состояніи дѣятель-
ности и т. д. Для каждой формы самопожертвованія, для
каждаго дѣла мысли, для каждой работы сердца исто-
рія выдѣляетъ извѣстную личность, становящуюся ста-
туей, идоломъ и типомъ, но при этомъ забываетъ о тѣхъ
безчисленныхъ безвѣстныхъ фигурахъ, которыя группи-
руются вокругъ этихъ типовъ и образуютъ ихъ чудный
ореолъ.

Но эти люди и не думаютъ жаловаться на небреж-
ное отношеніе къ нимъ исторіи, какъ на горькую не-
справедливость: они никогда не мечтали ни о памятни-
кахъ, ни о лавровыхъ вѣнкахъ, ни о триумфальныхъ
аркахъ. Они любили отечество, страдали или умерли за

него; этимъ ихъ миссія закончена, и они счастливы такъ-же, какъ и Пеллико, Гарибальди, Кавуръ. И они испытали все прелесть экстазовъ надежды и побѣды, и отечество благословило и прославило ихъ въ тишинахъ своихъ домовъ и семейныхъ очаговъ. Отечество велико, потому что имѣло такихъ сыновъ, — по сосудамъ и нервамъ, соединяющимъ между собою разныя поколѣнія, течетъ еще и теперь волна энтузіазма и жажды самопожертванія. Что сдѣлалъ-бы Христосъ безъ своихъ апостоловъ? Что совершилъ-бы Гарибальди безъ своей знаменитой „тысячи“, или Кавуръ безъ предшественниковъ 21-го года?

Нѣтъ (я повторяю это въ сотый разъ), природа вовсе не такъ несправедлива, какъ можетъ казаться при требовательности большинства. Величайшія жизненные радости не измѣряются аршиномъ генія или всеами богатства. Все люди могутъ передъ смертью испытать блаженство поцѣлудя любимой женщины; все могутъ поцѣловать въ уста свою дочь. Нѣтъ такого человѣка, который былъ-бы настолько бѣденъ, чтобы онъ не могъ пожертвовать собою для отечества; нѣтъ того человѣка, который былъ-бы настолько несчастенъ, чтобы не могъ испытать экстазовъ чувства и поэзіи. Для солнца, одинаково освѣщающаго и согрѣвающаго все земныя существа, нѣтъ ни великихъ, ни малыхъ, и его радостные и животворные лучи проникаютъ во все фибры всякаго сердца, черезъ скважины всехъ жилищъ.

Изъ маленькихъ чиселъ получаютъ большія, если ихъ складывать. Точно также слабыя чувства могутъ стать ураганами, если много сердець бьются одновременно. Что такое капля? А между тѣмъ океанъ состоитъ изъ капель... Кажется, ни одно чувство не можетъ такъ расти при умноженіи на большія числа, какъ любовь къ отечеству, и тогда энтузіазмъ отдѣльныхъ индивидовъ ста-

новится той грандіозной волною, которая наводняет цѣлыя мѣстности, унося съ собою встрѣчающіеся на пути дома и деревни, города и цѣлыя народы. Это составляетъ еще весьма темный пунктъ человѣческой психологій, который, однако, долженъ былъ-бы образовать одинъ изъ краугольныхъ камней того, что принято называть философій исторіи.

Какимъ образомъ складываются два одинаковыхъ или равныхъ чувства? Навѣрное не по ариѳметическому правилу: $1 + 1 = 2$. И по какому закону возрастаетъ энтузіазмъ, повторяясь сто, тысячу, сто тысячъ разъ въ одно и тоже время въ сотни, тысячѣ, сотни тысячъ сердець? Несомнѣнно, что и здѣсь обыкновенное математическое правило окажется непригоднымъ для объясненія возрастанія этого явленія въ ширь и въ глубь въ столькихъ человѣческихъ сознаніяхъ. Бываютъ эпидеміи чувствъ, подобно эпидеміямъ болѣзней, и при распространеніи энтузіазмовъ мы наблюдаемъ тѣ-же загадочные, странные скачки и тѣ-же чудеса, какъ при распространеніи великихъ эпидемій.

Сердечный пожаръ, вызываемый національной славой, составляетъ одно изъ самыхъ грандіозныхъ и трогательныхъ зрѣлищъ человѣческаго міра, и я отъ души жалью тѣхъ людей, которымъ втеченіе всей ихъ жизни ни разу не удалось присутствовать на одномъ изъ великихъ торжествъ, когда цѣлый народъ поетъ радостный гимнъ, сопровождаемый электризующими звуками побѣды и шумомъ народнаго говора, вызывающій омпяненіе столькихъ сердець, чувствующихъ одновременно одну и ту же радость, обезумѣвшихъ отъ одного и того же лихорадочнаго порыва.

Я не безъ умысла сравнилъ эти національные восторги съ пожаромъ: ничто не могло-бы вѣрнѣе изобразить развитіе этого явленія. Но я имѣю въ виду не тотъ обычный пожаръ на кухнѣ, который наши пожарные могутъ потушить своими помпами втеченіе часа, а одинъ изъ тѣхъ пожаровъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ или

въ пампасахъ Южной Америки, которые я такъ часто наблюдалъ и которымъ такъ много удивлялся во время своихъ путешествій.

Проникло-ли пламя сверху или снизу, виновата-ли въ этомъ молнія или искра, зароненная путешественникомъ—безразлично. Это пламя не можетъ взволновать *страховыхъ обществъ* и не взбудораживаетъ пожарной команды. Оно распространяется во все стороны и безжалостно пожираетъ все на своемъ пути; ничто не можетъ противустоять ему, ни сочный кактусъ, ни зеленые листья, ни вѣковые стволы, ни трава, ни насекомья, живущія на ней, ни хищныя животныя въ дѣсахъ, ни травоядныя на равнинахъ. Предъ этимъ огнемъ все равны, и все созданія одинаково должны погибнуть отъ него. Пламя столбами уносится во все стороны, шумить, какъ море, распространяется, какъ туманъ. Едва только дымъ—предвѣстникъ опустошенія—коснулся свѣжей зелени, онъ уже становится огнемъ, а огонь пожаромъ.

И пожаръ разливается все дальше и дальше, сначала робко и неуверенно, затѣмъ смѣлѣе и смѣлѣе: сначала шагомъ, затѣмъ галопомъ; и это гигантское дѣло разрушенія и опустошенія какъ-бы доводитъ его до безумной экзальтаціи. Мелкіе предметы посылаютъ свой огонь въ болѣе высокія области, а высокіе—сваливаются въ видѣ горящихъ бревенъ внизъ, къ меньшимъ существамъ. Летятъ искры, взвивается пламя, а между тѣмъ никто въ мірѣ не могъ-бы сказать, что придаетъ наибольшую нищу этому пламени и наибольшій жаръ этой гигантской печи. Стонуть и лопаются на части сочныя вѣтви, падаютъ сраженные дѣнные колоссы, разнося далеко-далеко гимнъ великой революціи, пока между небомъ и землею нельзя будетъ больше различить ни травъ, ни кустовъ, ни деревьевъ, ни животныхъ. Одну лишь вещь можно видѣть и чувствовать—торжествующую ярость

нападающаго безжалостнаго пламени. Это—праздникъ огня, оргія опустошенія; это—смерть стараго міра, подготавливающая почву для новаго.

То-же мы наблюдаемъ и при національныхъ праздникахъ, при тѣхъ праздникахъ, которые не устанавливаются распоряженіями министровъ, а составляютъ проявленіе общаго горячаго чувства, воспламеняющаго сердца и мысли всѣхъ людей. Всеобщій пожаръ охватываетъ и холодныя души; эгоисты, волей-неволей, грѣются у того-же огня, а трусы не находятъ выхода для бѣгства. Каждое существо, носящее въ груди человѣческое сердце, должно горѣть и сгараť на этомъ пламени. Отцы, дѣти и незнакомые обнимаютъ другъ друга; смѣхъ и плачъ сливаются и теряются въ одномъ всеобщемъ крикѣ энтузіазма; ихъ охватываетъ одно и то же чувство—любовь къ отечеству. И мраморъ нагрѣвается, когда его окружаетъ огонь; и ледъ таетъ отъ пламени пожара. И вотъ мы видимъ, какъ взламываются самыя крѣпкіе засовы, замкнутые ровнивой рукою скупца, какъ спадаютъ крѣпкія цѣпи, скованныя эгоизмомъ и страхомъ. Всякое человѣческое сердце должно вспыхнуть отъ одного и того-же огня, и когда это случается, то народъ, охваченный радостью, перестаетъ различать въ своей толпѣ богатыхъ и бѣдныхъ, молодыхъ и старыхъ, а поетъ свой гимнъ освобожденія или побѣды однимъ голосомъ, однимъ хоромъ, составленнымъ изъ плача, поэзіи и восторга всѣхъ людей.

Кто имѣлъ счастье быть мужчиной уже въ 1848 и 1859 годахъ, тотъ помнитъ о такихъ пожарахъ въ сердцахъ итальянцевъ и чувствуетъ еще въ своихъ, быть можетъ, похолодѣвшихъ уже отъ старости членахъ жаръ того огня. И онъ навѣрно помнитъ еще нѣкоторые мо-

менты священныхъ экстазовъ, невыразимыхъ очарованій, когда всякое другое чувство смолкало или ступенывалось предъ чувствомъ любви къ отечеству.

Подобно тому какъ послѣ пожара въ дѣйственныхъ лѣсахъ въ слобъ золы готовится плодородная почва для новыхъ имѣющихъ возникнуть созданій,—и въ великихъ экстазахъ и священномъ ошьяненіи торжествующаго народа готовится новая почва, на которой будетъ писаться новая исторія. Этимъ-то путемъ войны приносятъ исцѣленіе усталому народу, и если течение двухъ или трехъ поколѣній не вспыхиваетъ одинъ изъ этихъ обновляющихъ и возстанивающихъ пожаровъ, то грибы, плѣсень и бактеріи покрываютъ все стволы деревьевъ и стѣмена растений, а отъ медленнаго разложенія труповъ образуются убійственныя міазмы, которыя душатъ дѣтей въ колыбели, погружаютъ юношей въ болото порока и лѣни и убиваютъ не рожденныхъ—еще въ утробѣ ихъ матерей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Слабые аффективные и смешанные экстазы.—Любовь къ животнымъ.—Собаки, лошади и волю.—Экстазы богатства.—Дѣль стороны медали.—Скупой.—Патологическіе экстазы.—И лишь указываю, но не изучаю ихъ.—Скромная цѣль этой книги.

Несмотря на то, что въ моей книгѣ отведено такъ много мѣста аффективнымъ экстазамъ, я все-таки, не думаю, чтобы она могла прослѣдить все виды этихъ экстазовъ. Мнѣ по необходимости приходится говорить только о болѣе частыхъ или, точнѣе выражаясь, о менѣе рѣдкихъ экстазахъ, которые во все времена обращали на себя вниманіе наблюдателя-психолога. Но человѣческія чувства такъ эластичны въ своемъ распространеніи, что, смотря по условіямъ и индивидуамъ, онѣ могутъ представить намъ неожиданныя и странныя очарованія.

Любовь къ животнымъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ достигнуть такой силы, что бываетъ въ состояніи унести насъ къ границамъ экстаза. Я уже достаточно говорилъ во многихъ своихъ психологическихъ трудахъ о такихъ случаяхъ, когда человѣкъ любитъ животныхъ болѣе, чѣмъ людей, приносить для нихъ жертвы и дѣ-
экстазы человека.—II.

ласть ихъ предметомъ обожанія, исполненнаго поэзи и вѣжности.

Какъ человекъ и какъ личный врагъ собаки, я краснѣю, когда вынужденъ сказать, что это четвероногое животное, пронеходящее отъ волка и убивающее насъ ядомъ водобоязни, можетъ быть болѣе чѣмъ любимо—обожаемо иными людьми и что созерцаніе любимой собаки можетъ довести до экстаза. Отъ австралійца, умерщвляющаго своего ребенка, для того чтобы его жена могла кормить своей грудью щенка, мы поднимаемся или спускаемся (какъ хотите) къ одной знакомой мнѣ дамѣ, которая завела вокругъ себя цѣлый сераль изъ собакъ различныхъ величинъ и цвѣтовъ, которыхъ она любила и ласкала, какъ дѣтей. Онѣ были неразлучны съ нею въ гостиной, въ столовой, въ спальнѣ; днемъ и ночью она находилась въ обществѣ собакъ, распространявшихъ вокругъ нея запахъ домашнихъ животныхъ, котораго достаточно, чтобы убить черепаху. Она жила ласками и поцѣлуйми своихъ собакъ; она ухаживала за ними, какъ сидѣлка, когда онѣ заболѣвали; одѣвала, умывала, носила ихъ на рукахъ и когда она глядѣла на нихъ, собравшихся вокругъ обѣденнаго стола или улегшихся въ своихъ кроваткахъ, то испытывала такое удовольствіе, доходила до такого восторга, что производила на меня впечатлѣніе женщины, находящейся въ состояніи экстаза.

Арабъ и *гаучо* со своими лошадьми, кафръ и многіе другіе африканцы со своими волами также могутъ представить намъ картины подобнаго очарованія, хотя, съ счастіемъ, не въ такой отталкивающей формѣ, какъ у вышеупомянутой *собаколюбивой* дамы.

Я неоднократно могъ наблюдать, какъ аргентинскій *гаучо* оставался предъ своимъ разукрашеннымъ самою блестящей сбруей конемъ, впадая въ настоящее очарованіе. Это было очарованіе эстетическое и аффективное въ одно и то-же время и представляло все характерныя особенности экстаза.

Я видѣлъ, какъ *гаучо* наклонялъ свою голову къ

головѣ коня, лаская его щекою, напечатывая ему иѣжныя слова любви и затѣмъ переходя къ долгимъ ласкамъ по шеѣ и гривѣ. Я видѣлъ, какъ иѣжно онъ потрепывалъ его рукою, какъ будто это былъ ребенокъ или любимая женщина.

Этотъ экстазъ мнѣ вполне понятенъ, и я думаю, что, подобно тому какъ я наблюдалъ это у аргентинскаго *шучо*, другіе могли видѣть то-же самое въ Венгрии, въ киргизскихъ степяхъ и въ арабской пустынѣ... Человѣкъ предъ своимъ конемъ—одна изъ самыхъ чудныхъ картинъ животнаго міра. Это два наиболѣе удачныхъ и совершенныхъ существа нашей планеты, взаимно дополняющихъ другъ друга. Ловкость, сила, быстрота сочетаются съ высшей интеллигентностью; прекраснѣйшее изъ четвероногихъ предлагаетъ свои мускулы самому смѣлому и понятливому изъ двуногихъ. Голова сдвигается съ ржаніемъ; слово мысли звучитъ вмѣстѣ со страстнымъ фырканьемъ. Человѣкъ прѣнимаетъ это разумъ—излѣдующій интуиціи; человекъ верхомъ на конѣ—это разумъ покоряющій и овладѣвающій; человекъ на ногахъ—это философъ, который наблюдаетъ и мыслитъ; человекъ на конѣ—мысль, пожирающая пространство и господствующая надъ цѣлымъ.

Немногіе и рѣдкіе экстазы, доставляемые человеку любовью къ животнымъ, если только они не служатъ болѣзненнымъ отклоненіями, относятся скорѣе къ эстетическимъ, чѣмъ къ аффективнымъ экстазамъ, но они могутъ быть тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Кафръ, созерцающій съ холма свои стада, можетъ дойти до очарованія, точно также и *этангеро*, который, сидя на своемъ конѣ, видитъ, какъ предъ нимъ проходятъ волны изъ тысячъ воловъ и лошадей. Но какія чувства волнуютъ въ такой моментъ сердце и мысль этихъ двухъ людей? Какое чувство приводитъ ихъ въ экстазъ? Любовь къ этимъ животнымъ? Или-же, быть можетъ, счастье обладать такимъ богатствомъ? Или-же видъ такого множества жизней, собранныхъ на такомъ

маломъ пространствѣ? Или-же удивленіе предъ такой красотой формъ? Быть можетъ, все это вмѣстѣ, причѣмъ мысль послѣдовательно и быстро переходитъ отъ одной радости къ другой, отъ одного восторга къ другому.

Чувство любви къ собственности и въ особенности той собственности, которая называется деньгами, богатствомъ, относится къ наиболѣе сильнымъ и прочнымъ и нерѣдко можетъ довести насъ до экстаза.

Экстазь, вызываемый богатствомъ, можетъ также служить естественнымъ переходомъ къ патологическимъ очарованіямъ, которыя, вмѣсто того чтобы возвышать человека до самого благороднаго идеализма, унижаютъ его, низводя на низшую ступень.

Никому не удастся быть свидѣтелемъ уединеннаго экстаза, испытываемаго банкиромъ, милліонеромъ, скуднымъ, когда они заняты вычисленіемъ своего прихода или съ блаженствомъ перелистываютъ краснорѣчивѣйшія страницы, называемыя *банковыми билетами, плылыми бумагами* и т. п.

Для скупца блескъ золотыхъ монеть ярче блеска глазъ Венеры, а прикосновеніе къ банковымъ билетамъ доставляетъ ему большее наслажденіе, чѣмъ прикосновеніе къ самому роскошному молодому тѣлу. Но это наслажденіе не исполнѣ грубо. Столъ, который гнется подъ тяжестью золотыхъ мѣшковъ или весь усыпанъ кредитками, представляетъ собою зрѣлище, не лишенное чаръ поэзіи и таинственности. Мы имѣемъ предъ собою страшную силу въ состояніи полнаго покоя, мы видимъ, какъ на самомъ ничтожномъ пространствѣ сосредоточена огромная сумма человеческого могущества. Эта грубая и нѣмая матерія можетъ по первому нашему знаку превратиться въ лукулловскіе обѣды или въ цвѣтущіе сады, въ дома, бібліотеки или дворцы. Эта матерія не движется, не бѣжитъ, не торопится, а между тѣмъ способна

быстро понести насъ вокругъ нашей планеты. Она — чечевичка, которая можетъ уменьшить самая большія величины и увеличить самая малыя; она представляетъ собою крылья, на которыхъ можно летать, коня, на которомъ можно мчаться вскачь, локомотивъ, на которомъ можно одержать побѣду надъ любымъ пространствомъ. При помощи этой иѣмой и грубой матеріи можно удовлетворить все желанія; вы можете купить на нее столько улыбокъ, что насъ стошнитъ отъ нихъ, столько ласкъ и поцѣлуевъ, что отъ нихъ можно умереть; вы можете купить на нее совесть, правосудіе, поклоненіе толпы и все наибѣгше рѣдкія и лакомыя блюда тещелавія.

Сколько любви можно получить за тысячу рублей, сколько поклоновъ за сторублевку, сколько маленькихъ подлостей за каждую пятирублевку! Даже самая малая часть этого сокровища, копѣйка, и та можетъ доставить мамѣ улыбку ребенка!

Какъ не впасть въ очарованіе при видѣ этого могущества, на которое можно сдѣлать столько добра или зла! какъ не почувствовать волненія при видѣ такой силы, сосредоточенной на одномъ какомъ-нибудь аршинѣ поверхности! Конечно, поэтъ и философъ послѣ нѣсколькихъ минутъ волненія и, быть можетъ, нѣжности, не замедлятъ взглянуть на обратную сторону медали и увидятъ при этомъ всю мерзость золота и все безиліе богатства.

Эти монеты пропитаны всякаго рода человѣческимъ потомъ, а эти билеты носятъ на своей поверхности всевозможныя пятна человѣческой совѣсти: они захватаны салными руками продажныхъ людей и забрызганы слюною изменной лести: предательство сердца, лицемеріе словъ, всякая гнусность, низость, безсовѣтность оставили свои пятна на этихъ металлическихъ кружечкахъ и на этихъ кредитныхъ бумажкахъ. Ужели вы не чувствуете зловонія, издаваемого кассой, наполненной банковыми билетами?

И при всей этой грязи сколько безенлія! За все это

золото, за всё эти бумаги вы не можете купить ни одного изъ самыхъ прекрасныхъ произведеній природы и сердца! Вы не можете купить ни одного солнечнаго луча въ дождливый день, ни одной истинно дружеской ласки, если вы обезчестили свое имя, ни здоровья, ни любви, ни гения, ни уваженія порядочныхъ людей. Если вы потеряли способность и желаніе есть и пить, то никакой поваръ Ротшильда не можетъ доставить вамъ ни того, ни другаго. За всё милліоны въ мірѣ вы не можете купить ни здоровья, ни красоты, ни юности, ни гения! Сколько безсилія во всемогущемъ, но грязномъ золотомъ мѣшкѣ!

Всѣ эти противоположныя мысли являются у васъ при видѣ золота и банковыхъ билетовъ, но возбужденіе можетъ совершить насиліе надъ вами и довести васъ до интенсивнаго и долгаго очарованія. Я припоминаю, что испытать это однажды въ Лондонскомъ банкѣ, гдѣ сотня кассировъ выдавали и принимали деньги и гдѣ чрезъ окошечки этихъ кассировъ входили и выходили груды золота и серебра. Я удалился въ уголь зала, и этотъ непрерывный звонъ монетъ и движеніе вокругъ меня огромныхъ богатствъ привело меня въ какое-то неопредѣленное очарованіе, о которомъ я не могу сказать, какъ и откуда оно явилось.

Отъ размышленій о могуществѣ денегъ, съ точки зрѣнія психолога или поэта, мы постепенно переходимъ къ истинному экстазу скупца, который можетъ замѣнить ему всякую другую жизненную радость. Страсть становится порокомъ, порокъ — деспотической маніей, властвующей надъ всей областью чувствъ и мысли.

Имѣть только для того, чтобы собирать монеты и бумажки: собирать какъ можно больше и расходовать

какъ можно меньше; жить бѣднякомъ, чтобы скопить миллионы; быть въ состояннн едѣлать и вкушать все, но не дѣлать и не вкушать ничего; чувствовать возможность удовлетворить все желанія и не удовлетворить ни одного; обладать силой и не расходовать ея, а держать вѣчно въ потенціальномъ состояннн—вотъ вся великая тайна наслажденій и экстазовъ скупаго человѣка.

Ненависть, жестокость, все человѣческіе пороки также могутъ имѣть свои экстастическія состояннн, т. е. временныя отклоненія сознанія, всецѣло уходящаго въ одно ощущеніе, въ одно только чувство.

И указываю на эти очарованія лишь для полноты научной картины, но я не могу заняться здѣсь ихъ подробнымъ описаніемъ. Въ моей *Физиологнн ненависти* ¹⁾ вы можете ближе познакомиться и съ этого рода болезнями. Въ этой книгѣ я долженъ оставаться въ области прекраснаго и добраго, оставляя въ тѣни все некрасивое и дурное. Между множествомъ книгъ, посвященныхъ изслѣдованію всякой грнзи, не мѣшаетъ имѣть одну, которая возноситъ насъ на такую высоту, на которой воздухъ вѣчно чистъ, гдѣ солнце блещетъ во всей своей красѣ и во всемъ своемъ могуществѣ.

Много вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ тицелавнн и фантазія сговорились между собою едѣлать изъ человѣка бога и, заставивъ весь мнръ преклонить колѣна предъ ятымъ созданіемъ воображенія, извратили всякое чувство мѣры и едѣмали фальшивыми все правосудія. Это вызвало впоследствнн страшную реакцію, но она зашла, быть можетъ, ужъ черезъ чуръ далеко. Человѣкъ въ настоящее время—жалкое животное, безобразное чудовище: наука, литература, поэзія и искусство дѣлаютъ изъ человѣка карриатуру и въ карриатурѣ ищутъ типъ его вида. И то и другое не вѣрно: онъ не ангель и не животное, а человѣкъ. Если эта моя книга, касаясь че-

¹⁾ Русскій переводъ этой книги готовится мною къ печати.
Изд.

ловѣка, описываетъ и изслѣдуетъ то, что дѣйствительно заключается въ сердца и въ мысли людей, то мы вправѣ гордиться нашимъ состояніемъ и должны постараться подготовить, по крайней мѣрѣ, для нашихъ дѣтей такую систему нравственности, которая-бы не основывалась ни на ложномъ фантастическомъ пропехожденіи челоѣка, ни на грубой и роковой борьбѣ интересовъ и силъ, когтей и зубовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эстетическіе экстазы.

Теорія эстетики и будущая книга.—Различныя эстетическія очарованія.—Различныя эстетическіе вкусы и необходимыя условія экстаза.—Энтузіазмъ.—Какого человѣка я болѣе всего ждѣю.—Экстазы, вызываемыя картинами природы и произведеніями искусства.—Какой экстазъ самый великій?

На югѣ Китая существуетъ слѣдующая поговорка: *никто не можетъ имѣть въ одно время большое богатство, сына и красивую бороду*. Этихъ китайцы хотятъ сказать, что три названные предмета составляютъ величайшія жизненныя блага.

Такъ какъ я не китаецъ, то я удовольствовался-бы гораздо меньшимъ, и если-бы я пожелалъ создать себѣ жизнь, которая-бы олицетворяла собою все совершенство безоблачнаго счастья, то мнѣ предстояло-бы вѣчно витать въ области прекраснаго, пребывать среди прекрасныхъ вещей, и моя первая улыбка относилась-бы къ какой-нибудь великой картинѣ природы или къ какому-нибудь великому произведенію искусства, а мой послѣдній взглядъ—къ божественной фигурѣ женщины.

Для меня прекрасное есть высшее изъ всего, чего только можетъ достигнуть человѣкъ, но на этихъ стра-

ницахъ я не могу представить вамъ его исторію. О прекрасномъ я думалъ, думаю и буду думать всю мою жизнь. Эти мои излюбленныя мечты и мысли составятъ новую книгу, подъ названіемъ *Эпикуръ*, въ которой и я передъ смертью склонююсь предъ Прекраснымъ и вознесу свой гимнъ челоуѣка и наблюдателя къ этому Богу челоуѣчества. Здѣсь-же я буду лишь говорить объ экстазахъ, вызываемыхъ прекраснымъ, но постараюсь разобрать этотъ вопросъ по возможности кратко; иначе, если-бы я сталъ подробно объ этомъ распространяться, я лишилъ-бы своего *Эпикура* его лучшихъ страницъ и даль-бы вамъ цѣлый трактатъ объ эстетикѣ.

Уже много разъ говорилось въ различныхъ областяхъ мысли и дѣятельности, что мы часто ищемъ вдали то, что находитея вблизи насъ, подъ руками или передъ глазами. Къ этому съ большимъ правомъ можно прибавить, что втеченіе многихъ вѣковъ на небѣ искали причину земныхъ явленій, между тѣмъ какъ слѣдовало-бы искать на землѣ причину небесныхъ. Нигдѣ это утвержденіе не оказывается столь вѣрнымъ, какъ въ дѣлѣ опредѣленія прекраснаго. Философы поднимались выше облаковъ, чтобы отыскать тамъ источники и основанія эстетики, и ихъ заблужденія были тѣмъ крупнѣе, чѣмъ выше они карабкались по Олимпу. Но если-бы вмѣсто этого они скромно оглянулись вокругъ себя и удостоили-бы своимъ вниманіемъ самыя простыя вещи и не забывали-бы основныхъ эстетическихъ положеній, то мы, быть можетъ, не были-бы теперь окружены такимъ туманомъ и такой метафизикой. Туманъ и метафизика—два слова, одинаково годныхъ для выраженія одного и того-же понятія.

Я емотрю вокругъ себя и вдали, оглядываюся назадъ на густой мракъ прошедшаго и устремляю взглядъ впередъ въ неопредѣленное и туманное будущее, спрашивая самого себя: неужели среди столькихъ противорѣчій въ

опредѣленіи прекраснаго и въ указаніи ему его мѣста въ мозгу и въ исторіи человѣка, въ установленіи законовъ, управляющихъ имъ, неужели среди этихъ противорѣчій нѣтъ ни одного пункта, въ которомъ все согласны? Неужели нѣтъ ни одной основы, остающейся неизбѣжной при всей измѣчивости капризовъ, вкусовъ или направленій?

Да, такая *постоянная величина* существуетъ: это — наслажденіе, доставляемое намъ прекраснымъ. Много наслажденій могутъ пройти мимо насъ, не вызывая въ насъ чувства прекраснаго, но ничто прекрасное не можетъ пройти мимо насъ, не доставивъ намъ наслажденія.

Но въ этой путаницѣ, которой окружены эстетическія теоріи, имѣются и другіе постоянные элементы. Прекрасное—это субъективный фактъ и ощущеніе. Известная вещь можетъ быть прекрасной для всѣхъ, но если она намъ не нравится, то для насъ она не будетъ прекрасной. Съ другой стороны, прекрасное никогда не составляетъ всего ощущенія, а составляетъ лишь часть или элементъ послѣдняго.

Удовольствіе—основъ и основа всякаго эстетическаго факта, и индукцій или открывающій какую-нибудь новую форму прекраснаго можетъ лишь тогда доставить ей всеобщее поклоненіе, когда она способна вызывать удовольствіе во всѣхъ, кто ее созерцаетъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ (какъ это, напримѣръ, случается съ пицей или нантитеомъ, для опредѣленія вкуса которыхъ мы вращаемъ языкомъ во все стороны)—мы нѣсколько разъ возвращаемся къ созерцанію картины, статуи, какого-нибудь произведенія природы или искусства и затѣмъ, качая головою, говоримъ: *она не перестаетъ мнѣ нравиться*, что означаетъ: *она не перестаетъ казаться мнѣ прекраснымъ*.

Наслажденіе—величайшій двигатель въ области человѣческаго и животнаго міра, а также одинъ изъ вели-

чайшихъ дѣятелей во всемъ мѣрѣ живыхъ существъ. Это самое краснорѣчивое доказательство того, что теорія Дарвина служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ объясненій естественныхъ явленій и что каждое живое существо стремится къ улучшенію и совершенствованію, слѣдуя тому закону, по которому въ обыденной жизни все стремятся къ хорошему, отъ хорошаго къ лучшему, а отъ лучшаго къ самому лучшему.

Во своемъ *Эпикурѣ* я попытаться доказать вамъ, что прекрасное равняется истинному + X, и этотъ иксъ представляетъ собою то, чего мы такъ ищемъ, что такъ любимъ, чего такъ желаемъ; онъ составляетъ то неизвѣстное, за которымъ гоняются все художники, старающіе овладѣть имъ, и все философы, стремясь петолковать его.

Прекрасное—это главнѣйшій творческій элементъ прогресса; можно даже сказать, что его внешая сила и внешая цѣнность заключаются, именно, въ творчество.

Если мужчина влюбляется въ красивую женщину и женщина — въ красиваго мужчину, то это происходитъ для того, чтобы, сблизившись, соединившись вмѣстѣ, они могли дать жизнь новому созданію.

И красота природы, глубоко волнуя насъ, побуждаетъ насъ воспроизводить ее, то есть создавать произведенія искусства, причемъ эти послѣднія могутъ расчитываться на жизнь лишь въ томъ случаѣ, когда они носятъ на себѣ печать прекраснаго. А эти произведенія искусства съ своей стороны даютъ жизнь новымъ дѣтямъ, т. е. новымъ прекраснымъ произведеніямъ.

И въ области морали красота героизма и другихъ великихъ поступковъ увлекаетъ насъ и побуждаетъ создавать новыя нравственныя красоты.

То-же происходитъ и въ области мысли: находясь на цвѣтущемъ лугу или въ роскошномъ лѣсу, дикарь воспѣваетъ эти красоты въ несложной пѣснѣ или изображаетъ ихъ въ грубомъ рисункѣ; у поэта-же или у

художника впечатлѣніе передается въ чудномъ стихотвореніи или въ очаровательной картинѣ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ прекрасное создаетъ новыя красоты, открывая новыя источники наслажденія. И готовъ даже сказать, что подобно тому, какъ въ дѣлѣ любви ни мужчина, ни женщина отдѣльно другъ отъ друга не могутъ дать жизни новому существу, такъ и прекрасное является безплоднымъ, если не представляетъ собою законнаго брака между прекрасной природой и человѣческимъ мозгомъ, способнымъ понимать и любить ее. Чѣмъ пламеннѣе и сильнѣе любовь, тѣмъ плодотворнѣе союзъ этихъ двухъ творческихъ элементовъ эстетики и тѣмъ прекраснѣе возникающее изъ него новое созданіе.

Прекрасное, какъ ангелъ-хранитель, сопутствуетъ человеку на каждомъ шагѣ его прогресса, отъ первобытной стрѣлы до ружья Ремингтона, отъ шалаша дикаря до Парослона, отъ грубыхъ узоровъ до кубка Челлини. Едва только первый человекъ успѣлъ появиться на землѣ, онъ тотчасъ-же не только постарался выбрать себѣ самую красивую жену и началъ собирать самые красивые цвѣты, но сталъ украшать также и себя самого, и свои орудія.

Украшенія всегда предшествовали у него платью, и мы знаемъ, что первобытный человекъ разрисовывалъ свое тѣло, прежде чѣмъ покрылъ его одеждой. Украшенныя узорами каменные орудія — несомнѣнный эстетическій фактъ, и можно безъ преувеличенія сказать, что палеолитическая и неолитическая эпохи (если только таковыя существуютъ) разграничены между собою фактомъ, относящимся къ міру прекраснаго.

Въ простомъ горшкѣ мясо такъ-же хорошо варится, какъ и въ разрисованномъ; палеолитическій топоръ такъ-же хорошо убиваетъ, какъ и неолитическій; но первый грубъ, а второй красивъ. Что думалъ, о чемъ размышлялъ человекъ четвертичнаго періода, этого мы не знаемъ, но онъ оставилъ слѣды своего искусства, сохранивъ намъ изображеніе давно вымершаго мамонта.

Прежде чѣмъ позаботиться о жилищѣ или платьѣ, человекъ чувствуетъ потребность украсить себя и все окружающее его, воспроизвести въ себя тѣ тысячи изображеній, которыя внѣшній міръ сосредоточилъ въ его мозгу.

Начиная отъ примитивныхъ линий, начертанныхъ на неолитическихъ горшкахъ, до картинъ Рафаэля и Тициана, эстетика сопровождаетъ каждое человѣческое дѣло. Литература, промышленность, искусство, нравственность— во всемъ этомъ съ могучей силой отражается эстетическая энергія расы, народа, времени. И человекъ съ восторгомъ и наслажденіемъ останавливается предъ произведениями природы и искусства, причемъ наслажденіе можетъ стать такимъ интенсивнымъ, что доводитъ его до очарованія, до экстаза.

Какъ мы уже видѣли, экстазы, вызываемые органами чувствъ, за немногими исключеніями, ограничиваются эстетическими и музыкальными очарованіями, которыя я свожу въ одну группу. Поэтому, я подраздѣлю все эстетическіе экстазы по ихъ происхожденію на:

1. Экстазы, вызываемые красотаи природы;
2. Экстазы, вызываемые красотаи искусства;
3. Экстазы, вызываемые музыкальными красотаи.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ созерцаніе прекрасныхъ вещей можетъ довести насъ до сильныхъ экстазовъ; гораздо чаще оно доставляетъ намъ опьяненіе слабыхъ очарованій.

Нужно родиться художникомъ и, кромѣ того, находиться въ состояніи энтузіазма, чтобы упасть въ экстазъ при созерцаніи какой-нибудь картины природы или какого-нибудь произведенія искусства. При наличности этихъ двухъ элементовъ— артистической души и психо-

логического момента энтузиазма—каждый из нас может придти въ экстазъ лишь отъ такихъ вещей, которыя болѣе всего соответствуютъ нашей натурѣ. Каждый изъ живущихъ на землѣ имѣетъ своего Бога на небѣ эстетики, влѣдствіе чего эстетическихъ боговъ гораздо больше, чѣмъ боговъ на браминскомъ Олимпѣ.

Мнѣ однажды пришла въ голову мысль провѣрить это на опытѣ, и вотъ я обратился къ восьми своимъ ученикамъ во Флоренціи съ предложеніемъ назвать два предмета природы и искусства, которые они считаютъ самыми прекрасными. И привожу здѣсь восемь отвѣтовъ, полученныхъ мною отъ этихъ восьми юношей, которые всѣ или почти всѣ занимаютъ теперь выдающееся мѣсто въ литературѣ и наукѣ.

Милани изъ Вероны.—Звѣздное небо.—Колокольня Giotto.

Ментини изъ Урбино.—Закатъ солнца на морѣ.—Колокольня Giotto.

Корси изъ Прадо.—Закатъ солнца.—Музыка Беллини.

Грасси изъ Синциали.—Звѣздное небо.—Римъ.

Страккали изъ Лукки.—Море.—Музыка Доницетти.

Ластруччи изъ Прадо.—Панорама горъ.—„Давидъ“ Микель-Анджело.

Лоли.—Весенний день.—Прекрасное лирическое стихотвореніе.

Поли.—Смотря по настроенію, мнѣ особенно нравится та или другая вещь.

Если-бы этотъ эстетическій запросъ можно было сдѣлать въ болѣе широкихъ размѣрахъ во многихъ школахъ, въ различныхъ группахъ мужчинъ и женщинъ различной степени образованія, то легко было бы открыть весьма важные психологическіе законы. Мы же

довольствуемся этими немногими сужденіями, чтобы показать, насколько различны эстетическіе вкусы даже въ людяхъ одного возраста, одной страны и одинаковой степени образованія.

Увлеченіе тѣми или другими формами прекраснаго заставляетъ насъ мѣнять предметы нашихъ восторговъ, не оказывая однако никакого вліянія на частоту и степень экстаза. Для того, чтобы послѣдній могъ проявиться, мы должны быть художниками и находиться въ состояніи энтузіазма.

Мы все отлично знаемъ и догадываемся, что такое художникъ, если даже не все умѣемъ дать схоластическое опредѣленіе его. Но что такое энтузіазмъ?

Энтузіазмъ—это особенная быстрота реакціи, отзывчивости на вѣншія впечатлѣнія, эстетическія, аффективные или интеллектуальныя, благодаря которой мы отвѣчаемъ на эти впечатлѣнія съ необыкновенной стремительностью. Все источники радости, истины, добра и красоты, все восторги и все чувства людей могутъ вызывать въ насъ этотъ внезапный бурный порывъ удивленія и любви, могутъ зажечь въ насъ священный огонь, уносящій насъ въ заоблачныя пространства и ошьяняющій насъ безъ вина и безъ опія.

Когда вы находитесь въ какомъ-нибудь собраніи, въ театрѣ или на площади во время народнаго празднества, то вамъ стоитъ только оглянуться, чтобы увидѣть, кто относится къ происходящему вокругъ него съ энтузіазмомъ и кто съ равнодушіемъ.

Мнѣ памятенъ, какъ чудная картина изъ нравственнаго міра, священный энтузіазмъ моей матери къ славѣ отечества и ко всему благородному и высокому.

Мнѣ памятно священное увлеченіе наукой моего учителя Паницца, великаго анатома, и Клодъ Бернара, великаго физиолога. Мнѣ памятенъ энтузіазмъ Брюски,

когда онъ говорилъ со мною о математикѣ, Маттеучи, когда онъ излагалъ предо мною свой планъ университетской реформы, Аврелій Саффи, когда онъ посвящалъ меня въ свои аскетическія видѣнія изъ лучшаго міра.

Здѣсь, гдѣ я пишу эти строки, въ моей милой Серенеллѣ, я имѣю собесѣдомъ латинскаго поэта, капитана Петричолы, который, декламируя *Виргилію* или свое собственное произведеніе „*Гимнъ миру*“, вполне достойное лучшей эпохи классическаго, золотого латинизма, впадаетъ въ полный экстазъ эстетическій, музыкальный и интеллектуальный въ одно и то-же время. Храбрый воинъ на полѣ брани, теперь Цицинатъ въ деревнѣ, онъ обожаешь латинскую поэзію, какъ возлюбленную, какъ мать, и когда декламируетъ превосходнѣйшіе стихи мантуанца, которые знаетъ наизусть, то высоко поднимаетъ голову. Его олимпійское чело по видимому становится при этомъ шире и свѣтлѣе; глаза блестятъ и очарованные неподвижно устремляются въ пространство. Кровь кипитъ въ его расширившихся сосудахъ, грудь поднимается, какъ-бы желая вдохнуть все гармоничныя волны, исходящія изъ его устъ. Онъ — счастливѣйшій изъ смертныхъ, онъ испытываетъ прелесть экстаза...

Счастливы все, способные на подобнаго рода очарованія, не только потому, что они влетаютъ въ жизненную ткань золотыя нити, а также и потому, что увлеченіе прекраснымъ служитъ имъ защитой отъ всего низкаго. Кто хоть разъ вкусилъ отъ священнаго вина энтузіазма, тотъ не довольствуется болѣе обычнымъ хлѣбомъ, не предастся вѣчному обжорству, снанию и надуванію ближняго, составляющимъ обыкновенную жизнь четырехъ пятыхъ человѣческой семьи. Кто знакомъ со вкусомъ нектара, тотъ находитъ вино безвкуснымъ, а кто вкусилъ амброзію боговъ, того не удовлетворять никакіе земные на-

питки, въ которыхъ человекъ ищетъ ошьяненія или забвенія.

Человекъ, незнакомый съ прелестями энтузіазма, внушаетъ мнѣ больше жалости, чѣмъ голодный, несчастный или больной. Это худшее изъ бѣдствій, и кто никогда не испытываетъ ошьяненія энтузіазма, тотъ прозябаетъ, но не живетъ, тотъ можетъ быть животнымъ, но не человекомъ. И когда въ цѣломъ народѣ потухаетъ энтузіазмъ, то нужно поскорѣ пощупать его пульсъ, потому что это признакъ уже наступившей или приближающейся смерти. Скептицизмъ можетъ быть тѣмъ ознобомъ, который предшествуетъ лихорадочному жару, и люди и народы могутъ и должны быть скептиками въ извѣстные моменты; но горе, если за холодомъ озноба не слѣдуютъ жаръ и потъ реакціи. Люди и народы въ такихъ случаяхъ умираютъ во время лихорадочнаго озноба или погибаютъ отъ гангрены.

Хотя музыкальные экстазы могутъ быть отнесены къ большой группѣ эстетическихъ очарованій, но по своей природѣ они выдѣляются изъ этихъ послѣднихъ и требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Во всѣхъ прекрасныхъ предметахъ имѣются общіе элементы, удовлетворяющіе нашимъ эстетическимъ потребностямъ. Такъ, вы можете во всѣхъ нихъ найти прелести красокъ, фигуры, формы, симметріи; вы можете очаровываться прелестями безконечно малаго и безконечно большаго, силетеніемъ и разнообразіемъ элементовъ, вызывающихъ удивленіе и любовь.

Живопись, скульптура, архитектура, поэзія могутъ открыть намъ двери полузакрытаго рая и ввести насъ въ храмъ лучезарной и совершенной красоты; точно такъ-же человекъ, растенія, горы, равнины, море и небо могутъ очаровывать насъ красотой очертаній и погружать насъ въ безпредѣльный океанъ красоты, потому

что красота безгранична и далеко превосходить жалкую способность нашихъ чувствъ къ ея воспріятію. Подобнымъ-же образомъ мы можемъ и въ книгѣ наслаждаться въ одно и то-же время и чудной гармоніей ея изложенія, и легкостью или изяществомъ ея стили, и силою мысли.

Прекрасное—прекрасно и божественно, потому что, погружая свои корни въ самыя глубокія нѣдра души, оно достигаетъ своими вѣтвями и своей листвою до высотъ, куда только можетъ проникнуть крыло мысли; и никто никогда не могъ указать ни крайняго предѣла, котораго можетъ достигнуть прекрасное, ни высоты, до которой можетъ подняться эстетика. Прекрасное — это высшая степень ощущенія, чувства, мысли.

Было-бы напраснымъ трудомъ—пытаться измѣрить, какой изъ двухъ экстазовъ выше: тотъ-ли, который доставляетъ намъ созерцаніе чудесъ природы, или тотъ, до котораго мы доходимъ при созерцаніи чудесъ искусства. Изъ любви къ истинѣ мы должны, однако, сознаться, что послѣдній заключается въ первомъ, которому онъ приходится какъ-бы сыномъ.

Мы восторгаемся небомъ и моремъ, солнцемъ и землею, потому что мы созданія этого міра; мы восторгаемся произведеніями искусства, потому что это произведенія рукъ и мысли человѣка, а мы также люди. Предъ природой мы чувствуемъ міровое братство, предъ произведеніями искусства — болѣе тѣсное и близкое, хотя и болѣе ограниченное человѣческое родство. Небо—это крыша надъ домомъ всѣхъ живыхъ существъ, но куполь Брунеллеско—крыша дома, воздвигнутаго для человѣческаго Бога и такимъ-же человѣкомъ, какъ мы. Въ первомъ случаѣ гордость имѣетъ міровой характеръ, во второмъ—человѣчскій; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою болѣе грандіозную красоту, во второмъ — болѣе доступную и близкую намъ.

Въ томъ безконечномъ пространствѣ, гдѣ движутся звѣзды, не сталкиваясь между собою и сверкая уже цѣлые миллионы вѣковъ, — тамъ человѣческая семья не оставляетъ едѣловъ своихъ восторговъ, и хотя наши руки часто поднимаются къ солнцу, но коснуться его онѣ никогда не смогутъ. На этихъ часахъ, гдѣ секунды означаютъ тысячи вѣковъ, бѣніе одного поколѣнія не обозначается, и здѣсь нашъ экстазь уносится въ безпредѣльную высь, теряясь въ безконечности.

За то нашимъ ласкамъ вполне доступны картины, парисованныя нашими художниками и поэтами. До лазури небснаго купола не можетъ достигнуть ни одинъ человѣческій поцѣлуй, между тѣмъ какъ къ дорогимъ страницамъ нашихъ книгъ и къ мрамору нашихъ статуй наши губы могутъ прильнуть въ горячемъ поцѣлуѣ. Здѣсь божественное становится человѣческимъ, а любовь, прежде столь безсильная, можетъ разгорѣться при видѣ произведеній искусства и излѣдовать, не изуродовали ли и не испортили ли человѣкъ природы, изображая ее.

Между этими экстазами нѣтъ ни главныхъ, ни второстепенныхъ. Мы ежедневно можемъ купаться въ свѣжихъ, ласкающихъ волнахъ озера или рѣки, но отъ времени до времени поднимаемся и къ холодному глетчеру, готовящему тѣ чудныя капли, которыя потомъ образуютъ это озеро или эту рѣку. Пусть прекрасное въ искусствѣ составляетъ насущный хлѣбъ нашихъ эстетическихъ радостей, но намъ часто приходится возвращаться къ первоначальнымъ источникамъ этихъ радостей и взбираться для этого на гору, господствующую надъ равниной и восходить къ облакамъ, питающимъ глетчеръ.

Будемъ отдыхать на травкѣ луга, мягкій ароматъ котораго намъ такъ приятенъ, но не будемъ отры-

вать свой взгляд отъ того солнца, которое, какъ-бы далеко оно не находилось, все-таки даетъ цвѣтъ каждой травкѣ, каждому лепестку цвѣтка, каждой коркѣ плода. Раскройте-же широко объятія, безъ всякихъ несправедливыхъ предпочтеній, для красоты безконечно великаго, не забывая однако и красоту микрокосмоса. Природа и искусство—мать и дочь—обѣ великія, обѣ прекрасныя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Х Экстазы, вызываемые природой. Х

Экстазы, вызываемые морем.—Земля и море.—Экстазы человека при созерцаніи неба.

Быть может, мнѣ въ моемъ *Эпикурѣ* удастся по-дольше остановиться съ вами предъ великими видами природы, промчатся стрѣлою по обширнымъ равнинамъ, взобраться на холмы и горы, спуститься въ долины и отдохнуть на берегахъ морей и рѣкъ. Эта книга будетъ длинной экскурсіей въ область прекраснаго. Здѣсь-же я долженъ ограничиться указаніемъ лишь тѣхъ очарованій, которыя вызываетъ въ насъ созерцаніе великихъ картинъ природы, а также тѣхъ, которыя мы испытываемъ при видѣ цвѣтовъ.

Море и небо, болѣе чѣмъ всякія другія красоты природы, во все времена очаровывали людей, потому что оба они безконечны, хотя въ различномъ видѣ. Они всегда приковывали къ себѣ очарованный взглядъ человека, и литературы всѣхъ временъ полны гимновъ этимъ

двумъ безконечнымъ синимъ областямъ, распространяющимся у нашихъ ногъ и надъ нашей головой.

Тысячи поэтовъ воспѣвали море и небо, но какъ-бы ни былъ окрыленъ ихъ гений, какъ-бы ни была могуча ихъ кисть, они всё должны были скромно признать свое безсиліе. Многие изъ нихъ, болѣе скромные или болѣе слабые, послѣ первыхъ-же штриховъ отбрасывали перо или кисть, сознавая свое безсиліе предъ такой задачей. И если-бы человѣческая семья прожила цѣлый милліонъ вѣковъ, каждое поколѣніе пѣло-бы тотъ-же гимнъ и оплакивало-бы то-же свое безсиліе.

Да и какъ намъ не чувствовать себя безсильными предъ этимъ необозримымъ пространствомъ голубыхъ водъ, когда мы, люди-муравьи, садимся на утесъ, чтобъ созерцать его! Какъ намъ не чувствовать всей слабости нашихъ вздоховъ предъ этимъ могучимъ голосомъ гиганта, нашей дряхлости предъ этой вѣчной молодостью, предъ этой безпредѣльной неутомимостью движенія; какъ намъ не чувствовать убогости и ничтожества нашей эфемерной жизни предъ этой водной пропастью, изъ которой вышли всё земныя существа? Наши руки широко раскрываются и съ любовью протягиваются къ морю, но — увы — обнять его не могутъ; нашъ взоръ устремляется къ крайнимъ границамъ горизонта, гдѣ небо, одно только и имѣющее право обнимать море—свою вѣчную возлюбленную,—сливается съ нимъ тамъ, въ туманной дали неяснаго и незримаго.

На томъ соленомъ краю, гдѣ земля кончается и начинается царство волнъ, дѣти и старики, дикари и ученые, мыслители и невѣжды—всѣ останавливаются, прикованные какимъ-то загадочнымъ и непреоборимымъ волшебствомъ. Позади насъ простирается земля, которую мы топчёмъ нашими ногами, которую терзаемъ нашими руками, та земля, которую мы употребляемъ для

построенія стѣвъ нашихъ домовъ и на которой воздвигаемъ статуи нашимъ героямъ. Впереди насъ—вѣчно движущаяся волна, которая сама себя начертала границы; ей незнакомы ни плугъ, ни фундаменты стѣвъ, а въ порывѣ гнѣва она поглащаетъ тѣхъ смѣльчаковъ, которые дерзаютъ бороться съ нею. Она выноситъ шпоры всадника, когда спитъ или дремлетъ; но моментально сбрасываетъ его съ сѣдла, какъ дикая лошадь, лишь только проснется. **X** Море—единственный и неограниченный властелинъ земли и всѣхъ населяющихъ ее созданий. Напрасно земля посылаетъ ему дань со всѣхъ горъ, холмовъ и равнинъ; напрасно живущія на ней созданія бросаютъ на его дно останки своихъ мертвецовъ. Оно принимаетъ все это, хоронитъ въ глубинѣ своихъ пропастей и болѣе о томъ не заботится. Подобно тому какъ грязь всѣхъ рѣкъ и нечистоты, производимыя всѣми людьми, не въ состояніи загрязнить его, такъ и дань всей земли не можетъ задобрить его и покорить его намъ. Оно выноситъ насъ, можно сказать, съ презрѣніемъ, позволяя намъ разѣвкать его поверхность, но ни человѣческая нога, ни пушечное ядро, ни желѣзный винтъ не могутъ оставить на немъ слѣда. Человѣкъ не можетъ написать ни одного слова на какой-нибудь страницѣ этой книги.

Море очаровываетъ насъ своимъ безпредѣльнымъ просторомъ и поражаетъ насъ той неустанной подвижностью, которая дѣлаетъ его живучѣ всякаго живаго существа. Спитъ человѣкъ, спитъ животное, смятъ растенія; для нашего глаза спитъ даже солнце, и только море никогда не спитъ. Ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ его неподвижнымъ хотя бы течение одной секунды.

XX / Море—это само движеніе во всѣхъ его видахъ, это regretteшиш mobile, это Богъ движенія.

Когда оно кажется усталымъ или пребывающимъ въ

миръ съ землею, оно ласкаетъ ее нѣжной пѣной своихъ волнъ и непрестанно бьется тѣмъ шестичасовымъ пульсомъ, который кажется сердечнымъ бѣніемъ нашей планеты. Но и эти нѣжныя ласки длятся недолго и чаще переходятъ въ толчки, удары, разрушеніе. Земля, держащая коснуться моря, разрывается на куски, растирается въ порошокъ; и такимъ образомъ непрерывно терзается своимъ возлюбленнымъ, страдая то отъ его поцѣлуевъ, то отъ его грубостей, смотря по капризамъ этого вѣчнаго своего тирана.

Кто могъ-бы изобразить намъ все отбѣнки голоса моря, начиная отъ ласковаго вздоха любовнаго объясненія до мрачнаго и унылаго стопа умирающаго? Какихъ только нотъ мы не находимъ тамъ! Гнѣвъ, страсть, все муки жизни слышатся въ этомъ безконечномъ разнообразіи звуковъ.

Земныя существа научились отъ моря всемъ нѣжнымъ отбѣнкамъ его голоса, всемъ его проклятіямъ, улыкамъ и плачу. Море—это всеобщій учитель всехъ живыхъ существъ.

Море вздыхаетъ, свищетъ, стонетъ, воеетъ, ронцетъ, злится, шумить, поетъ; оно обладаетъ голосами всехъ человѣческихъ инструментовъ, всехъ животныхъ гортаней, всехъ вѣтровъ, всехъ метеоровъ. Оно знаетъ все языки и умѣетъ говорить на нихъ съ небомъ и землею, съ обитателями своихъ глубокихъ безднъ и съ кораблями, осмѣливающимися разсѣкать ихъ. Оно умѣетъ шопотомъ говорить съ насѣкомымъ, но можетъ заглушить своимъ шумомъ и небесныя громы.

Обладая всеми движеніями, свойственными жидкости, обладая всеми голосами, свойственными всемъ живущимъ существамъ, море поглощаетъ также все цвѣта

XX неба и земли и сѣѣниваетъ ихъ съ лазурью своихъ
волнъ, пренебрегающихъ лишь грязными и не изящными
красками.

Оно всегда имѣетъ голубой цвѣтъ, когда бываетъ въ хорошемъ настроеніи и улыбается любящемуся въ немъ небу, но иногда оно становится также зеленымъ, краснымъ, фіолетовымъ, сверкающимъ; когда-же оно бываетъ въ дурномъ расположеніи, то дѣлается свинцовымъ, синебагровымъ.

Какая царская корона, какой ларець съ драгоценностями можетъ соперничать по блеску съ алмазами, сапфирами и емарагдами моря? Какой аметистъ можетъ превзойти фіолетовый цвѣтъ нѣкоторыхъ волнъ, какой рубинъ можетъ сравниться по цвѣту съ дномъ нѣкоторыхъ тропическихъ морей? Какое сверканіе стариннаго стального панцыря можетъ сравниться со сверканьемъ слегка волнующагося моря въ лунную ночь? Величайшіе художники не разъ выбрасывали въ окно свои кисти и краски, сознавая свое безсиліе изобразить море; и дѣйствительно, хорошихъ художниковъ-маринистовъ можно перечестъ по пальцамъ. Кто въ самомъ дѣлѣ сумѣлъ-бы нарисовать этого Протея красокъ и движеній?

Море сумѣло сосредоточить въ себѣ блескъ всехъ металловъ, алмазную прозрачность всехъ драгоценныхъ камней, всю глубину небесной лазури, все прелести полутѣней и яркихъ красокъ. Море—это та вѣчная
XX шахта, изъ которой камни, животныя и растенія добы-
ваютъ свои цвѣта; это—гигантское чудовище, рпеющее на своей подвижной кожѣ посредствомъ всехъ красокъ міра свои собственныя душевныя волненія, трепетъ радости и взрывъ гнѣва, пламя любви и блѣдность ненависти.

Безконечное разнообразіе красокъ, неустанность движеній, безграничность горизонтовъ—все это дѣлаетъ для

моря—этого зеркала неба и земли—возможнымъ соединеніемъ въ одной картинѣ такого множества эстетическихъ богатствъ, что отъ нихъ приходится къ очарованію даже идіотъ и въ изумленію поэтъ.

Гимнъ восторга предъ моремъ всегда начинается молчаніемъ или крикомъ безъ словъ, потому что сумма вызываемыхъ имъ впечатлѣній такъ велика, что не можетъ быть переведена ни на числа, ни на слова. А въ основаніи этого экстаза всегда лежитъ меланхолія, которую вызываютъ въ насъ слишкомъ великіе и слишкомъ прекрасные предметы.

Что бѣдный сынъ Адама можетъ предложить морю взами́нъ столькихъ богатствъ? чѣмъ онъ можетъ вознаградить его за всѣ эти сокровища? Вздохомъ или крикомъ восторга. Но вздохъ бесполезенъ, а крикъ теряется въ безконечной глубинѣ той бездны, которая все поглощаетъ и ничего не возвращаетъ изъ того, что разъ поглотила!

И глубокая тайна покрываетъ все это величіе, всѣ эти красоты, дѣлая ихъ еще величавѣе, еще прекраснѣе.

Тамъ вдали, въ хаосѣ облаковъ, на границѣ тѣхъ тумановъ видѣется что-то неясное, неопредѣленное: начинается-ли тамъ небо или кончается вода?

А та темная точка, которая мелькаетъ на горизонтѣ—корабль это или утесъ? А та неясная волнистая линія—земля это или облако? А все это—галлюцинація зрѣнія или мечта нашей фантазіи?

И какія странныя чудовищныя твари живутъ тамъ, въ глубинѣ этой морской бездны! И какая масса людей и кораблей, заржавѣвшихъ якорей и потонувшихъ сокровищъ безжалостно погребено въ этой безконечной массѣ воды! Какія скрытыя силы приводятъ ее въ движеніе? Какой загадочный процессъ органическихъ соединеній и разложеній готовитъ тамъ новые континенты, новые міры

для не родившихся еще существъ? Какая исторія міра и человѣка сокрыта тамъ? Сколько китовъ и сколько инфузорій, сколько водорослей нѣжныѣ брюссельскаго кружева или колоссальнѣ колокольні Giotto даютъ тѣни и нищу подводнымъ обитателямъ! Сколько загадочнаго представляетъ эта таинственная волна, такъ возбуждающая наше любопытство, котораго никогда не удовлетворять! Сколько жизни и сколько смерти скрывается въ этой вѣчно подвижной, вѣчно голубой волнѣ!

XX Море—это тайна тайнъ; организмъ, потому что оно живетъ, дышетъ и производитъ; бездна разрушенія, потому что оно все пожираетъ, преобразуетъ, растворяетъ; чудовище безъ формы и съ неизмѣрими границами; матерія и духъ; зеркало, въ которомъ все отражается. и сила, которая все превращаетъ въ порошокъ; невозвѣрное, котораго можно коснуться, но которымъ нельзя овладѣть; все въ ничемъ и ничто во всемъ; нѣчто роковое, божественное, бесконечно-великое, предъ которымъ падаютъ сраженными наши самыя гордыя желанія, самое безумное тщеславіе; нѣчто поглощающее, приковывающее, уничтожающее насъ; чудное существо, которое не даетъ поласкать себя, великое, не позволяющее обнять себя. Оно смѣется, плачетъ, отдыхаетъ и бушуетъ, не заботясь о нашемъ согласіи. Его не могутъ ни умиротворить наши просьбы, ни подкупить наша лесть, ни укротить наша самая жгучая любовь!

Какъ-же не испытать прелести очарованія, какъ не углубиться въ экстазъ безконечнаго, какъ не почувствовать всего нашего ничтожества предъ этой лазурной безпредѣльностью! Какъ могутъ утомить насъ такіе восторги и какъ намъ не влюбиться въ того сфинкса, который влечетъ насъ къ себѣ магической силой своего величія и своей загадочности!

Море—отецъ земли, и я болѣе всего люблю смотрѣть на него, когда оно находится вблизи своей дочери.

Здѣсь оно красивѣе всего, здѣсь двѣ грандіознѣйшія картины природы сближаются, соприкасаются, образуя одну еще болѣе чарующую и величественную картину.

Море божественно, земля безконечно прекрасна, но оба должны слиться воедино, чтобы представить самыя оборочительныя картины природы. Если же солнце не освѣщаетъ обоихъ и не несетъ на своихъ золотистыхъ лучахъ ласкъ, посылаемыхъ моремъ землѣ, то экстазъ рѣдко можетъ проявиться. Точно также мужчина можетъ быть Геркулесомъ или Аполлономъ, женщина можетъ называться Клеопатрой или Фриной, но если они не подають другъ другу руки—мы не имѣемъ предъ собою ангела-человѣка, и только въ томъ случаѣ если ихъ согреваетъ и освѣщаетъ любовь, мы имѣемъ *бого-человѣка*.

Земля сама по себѣ, безъ морской волны, безъ зеркальнаго озера и безъ быстрыхъ рѣкъ, также можетъ представить намъ богатая и разнообразныя картины, которыя способны очаровать насъ и довести до экстаза; но это случается сравнительно рѣдко, потому что этимъ картинамъ недостаетъ безконечныхъ горизонтовъ.

Даржелингъ въ Сиккимѣ, панорама Риги въ Швейцаріи, Рио де Жанейро—три самыя величественныя картины природы, какія только мнѣ приходилось видѣть во время моихъ длинныхъ путешествій; но только въ первой изъ нихъ совершенно отсутствуетъ красота воды, которая во это разъ увеличиваетъ красоту земли. Несмотря однако на это, Даржелингъ считается нѣкоторыми великими путешественниками самымъ красивымъ мѣстомъ на нашей планетѣ.

Въ своемъ *Эпикурѣ* я попытаюсь заняться сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ пейзажей нашей планеты, и,

быть можетъ, тогда, пробѣгая эту длинную галерею, мы въ состояніи будемъ замѣтить, какія рѣдкія сены земнаго міра могутъ увлечь насъ до экстаза.

Въ общемъ, однако, красоты земли слишкомъ близки къ намъ, глазъ слишкомъ занять созерцаніемъ частности, чтобы мы могли остановиться очарованные однимъ могучимъ и въ то-же время неопредѣленнымъ ощущеніемъ, что составляетъ главное условіе для достиженія эстетическаго экстаза.

Взвѣтъ съ моремъ; а, быть можетъ, еще въ большей степени чѣмъ море, насъ легко можетъ увлечь до экстаза небо, въ особенности ночное небо.

Днемъ небо ослѣпляетъ насъ, и небесная лазурь, какъ-бы она ни была прекрасна, какими-бы чудными золотистыми переливами она не отличалась въ благословенныхъ странахъ Италіи, Греціи и тропиковъ, эта лазурь днемъ можетъ восторгать, но не очаровывать насъ. При дневномъ свѣтѣ земля и ея созданія слишкомъ живо отражаютъ солнечные лучи и слишкомъ много занимаютъ наше эстетическое чувство. День обозначаетъ часы труда, между тѣмъ какъ ночь открываетъ широкій просторъ для фантазіи и сновъ.

Солнце скрылось; земля, накинувъ на себя свой ночной покровъ, скрываетъ свои члены отъ глазъ любопытныхъ; все спитъ, а если гдѣ переговариваются, то шепотомъ. Даже море успокаивается и прячетъ свои сверкающія краски.

Тогда небо начинаетъ говорить съ нами молчаніемъ своихъ безконечныхъ пространствъ, сверканіемъ своихъ милліоновъ звѣздъ и грустнымъ, холоднымъ свѣтомъ луны.

Звѣздное небо—одна изъ самыхъ кѣмыхъ и взвѣтъ

съ тѣмъ самыхъ краснорѣчивыхъ картинъ природы; она нѣма, потому что не издаетъ ни одного звука; она краснорѣчива, потому что бесѣдуетъ съ нами посредствомъ мириадъ звѣздъ, посредствомъ какого-то невѣдомаго волшебства, гораздо болѣе мрачнаго и глубокаго, чѣмъ бездна морская. Созерцающему этотъ голубой куполъ, море кажется каплей воды, обмывающей пылинку, затерявшуюся въ безконечныхъ пространствахъ неба, а человѣкъ—мыслящимъ атомомъ, въ которомъ сосредоточены лучи многихъ милліоновъ звѣздъ.

Небо умѣетъ говорить со всѣми людьми на землѣ, и въ этомъ голубомъ куполѣ встрѣчаются глаза очарованнаго дикаря съ телескопами изучающихъ его астрономовъ. Туда вѣра перенесла рай, тамъ наука измѣрила границы видимаго міра и указала законъ тяготѣнія для звѣздъ и планетъ; туда поэзія пыталась совершать свои смѣлѣйшіе полеты, возносясь выше земныхъ метеоровъ. Тамъ, на небѣ, встрѣтились космогонія астронома, одимны міеологіи, системы философіи и лирическіе гимны поэтовъ. Туда, въ эту безконечность, куда не могутъ проникнуть самыя сильныя телескопы, возносятся и тамъ встрѣчаются экстазы чувствъ и мысли; туда уносятся всѣ страданія несчастныхъ и вздохи чрезмѣрно счастливыхъ, грусть того, кто ничего не имѣетъ, и меланхолія того, кто имѣетъ слишкомъ много.

Въ этомъ безграничномъ хаосѣ, въ этой небесной безднѣ всѣ люди ищутъ или надѣются найти что нибудь—мечту или награду, вѣру или надежду, утѣшеніе или отреченіе. Когда нашъ очарованный взглядъ покоится на одной изъ этихъ блестящихъ точекъ, мы увѣрены, что встрѣтимся тамъ со взглядами многихъ другихъ тысячъ людей, которые съ различныхъ отдаленныхъ мѣстъ нашей планеты смотрятъ на ту-же звѣзду, питаютъ тѣ же надежды и издаютъ тѣ-же вздохи.

Отъ ребенка, видящаго среди этой звѣздной пыли рай, населенный ангелами, до философа, восклицающаго: „что значать мои страданія и страданія всего человѣ-

чества въ сравненіи съ космической жизнью этого множества милліоновъ міровъ“,—всѣ, поднимая глаза вверхъ, находятъ тамъ невшнюю радость и утѣшеніе.

Предъ этими безчисленными мірами, для сочтенія которыхъ наши числа оказываются столь бессильными, не можетъ устоять никакая гордость и не одинъ гений не можетъ не почувствовать своего ничтожества; предъ ними совершенно исчезаетъ всякое неравенство. Предъ словомъ всѣ муравьи одинаково малы; предъ мірами, требующими милліоны вѣковъ для своего развитія, Магусанль и бабочка-эфемерида подаютъ другъ другу руку; предъ грандіозностью солнць и кометь одинаково ничтожны и бактеріи, и вѣковыя деревья.

Небо—это бездна безднъ; бездна по своимъ безконечнымъ тайнамъ, которыя оно заключаетъ въ своемъ безпредѣльномъ пространствѣ.

Человѣкъ глубоко проникъ своими рудниками и копами въ недра земныя, коснулся самого глубокаго дна морскаго и надѣется современемъ прорѣзать крыльями своихъ аэростатовъ атмосферу, окружающую его землю. Быть можетъ, ему также удастся когда-нибудь завести сношенія съ обитателями другихъ планеть. Но и тогда какимъ пространствомъ этого неба онъ сумѣетъ овладѣть, когда единицей разстоянія тамъ служатъ милліоны миль?

Небо—осязательное изображеніе мыслимой безконечности и нашего бессилія въ дѣлѣ опредѣленія его границъ. По ту сторону планеть находится наше солнце; по за этимъ солнцемъ находится другія безчисленныя, болѣе далекія, болѣе громадныя солнца, которыя, быть можетъ, служатъ планетамъ для другихъ величайшихъ центровъ. А затѣмъ, за всѣми этими солнцами, кометами, за этими вѣчными пустынями безъ теплоты и безъ свѣта, — что тамъ еще имѣется видимаго и осяземаго? Ничто,

которое не существует, безконечное, котораго нельзя себя представить. — Человѣческая гордость, подстрекаемая наукой или фантазіей, дошла до этого мѣста и здѣсь столкнулась съ геркулесовыми столбами мыслимаго. Что-же послѣ этого? Послѣ этого человѣкъ свалился и призналъ себя побѣжденнымъ. Могучій голосъ свыше крикнулъ ему: *nec plus ultra!*—и онъ отступилъ.

Всѣ эти мысли и представленія приходятъ въ голову человѣку, когда онъ смотритъ на небо, когда усталый, но не насыщенный глазъ его, поспѣшно перебѣгая отъ свѣтила къ свѣтилу и теряясь въ пыльномъ лабиринтѣ млечнаго пути, закрываетъ наконецъ вѣки; и мы впадаемъ въ экстазъ: экстазъ въ одно время эстетическій и интеллектуальный, но часто затрогивающій и чувство. Но кто въ состояніи когда либо разобрать и разложить на части это порханіе нашей мысли по крайнимъ границамъ мыслимаго міра?

Небо чаще всѣхъ другихъ зрѣлищъ природы доводитъ насъ до экстаза, и мы можемъ также прибавить, что и всѣ остальные экстазы направляются къ небу, какъ къ крайней границѣ, которой можетъ достигнуть странникъ, опираясь на посохъ науки, взлетая на крыльяхъ фантазіи или вѣры, несясь на локомотивѣ чувства.

Небо—это граница всѣхъ экстазовъ, это конецъ чело- XX
вѣческаго міра!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экстазы, вызываемые цвѣтами.—Линней и сѣверная Калинеса.— Слабые экстазы ботаниковъ и чувствительныхъ натуръ предъ цвѣтами.—Эстетическая экскурсія въ область цвѣтовъ.—Алеарди, Бойто и авторъ.—Всеобщая любовь къ цвѣтамъ.—Формы, краски, безконечное разнообразіе ихъ красоты.—Картина цвѣтовъ въ Норвегіи.—У Ріо Гвалегвайку.—У *Frontera de Salta*.

Если-бы я пожелалъ остановиться на всѣхъ тѣхъ мелкихъ красотахъ природы, которыя могутъ вызвать легкой экстазъ, то мнѣ пришлось-бы въ голово-кружительномъ бѣгѣ обѣжать всѣ области неба, земли и моря, или-же написать такое множество томовъ, для прочтенія которыхъ не хватило-бы жизни самаго трудолюбиваго и долговѣчнаго человѣка.

Какъ-бы въ доказательство того, что можно сдѣлать въ этомъ отношеніи, я скромно приглашаю васъ совершить со мною эстетическую экскурсію въ область цвѣтовъ, которые преимущественно предъ всѣми живыми существами даютъ намъ ежедневный матеріалъ для очарованій и восторговъ. Цвѣты сосредочиваютъ на самомъ незначительномъ пространствѣ столько жизненныхъ силъ и изящныхъ сочетаній, что надолго приковываютъ къ себѣ нашъ глазъ и наполняютъ нашу душу невыразимымъ блаженствомъ. Дѣти и старцы, гениальные люди и обыкновенно-

венные смертные не могут видѣть красиваго цвѣтка, не испытывая при этомъ пріятнаго волненія, доходящаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ до полного очарованія.

Когда Линней, соединившій въ себѣ гениальность великаго наблюдателя съ впечатлительностью великаго поэта, во время своего путешествія по Ланландіи открылъ впервые орхидею сѣверную Калипеу (*Calypso borealis*), находившуюся тогда въ полномъ разцвѣтѣ,—онъ опустился на колѣни предъ этимъ чуднымъ растеніемъ, въ которомъ какъ-бы сконцентрировались все силы полярнаго растительнаго міра, и въ состояніи полного очарованія и экстаза сталъ хвалить и благодарить Бога, создавшаго такой прекрасный предметъ.

Я не разъ видѣлъ, какъ дѣвочки впадали въ восторженный экстазъ предъ корзиной съ красивыми цвѣтами: онѣ ласкали, цѣловали ихъ и даже прижимали къ своему сердцу. Если красота цвѣтка сочетается съ прелестью аромата, то женщина можетъ быть охвачена судорогой сладострастія и поблѣднѣть, какъ это всегда случалось съ одной моей знакомой американкой, когда она держала въ рукахъ и нюхала магнолію. Въ такихъ случаяхъ, однако, экстазъ чаще зависитъ отъ запаха цвѣтка, между тѣмъ какъ самъ цвѣтокъ лишь случайная причина, соединяющая все дремлющія силы влюбленнаго сердца или сердца, сильно нуждающагося въ любви.

Если женщина находится въ состояніи чрезвычайной нервности, или-же если она прямо страдаетъ истеріей, то она даже можетъ проливать обильныя слезы, восторгаясь цвѣтами, и если-бы мы могли быть свидѣтелями всехъ тайныхъ идолопоклонствъ, прорывающихся у экзальтированной отъ цвѣтовъ дѣвушки, то увидѣли-бы невѣроятныя сцены, въ которыхъ наслажденіе и страданіе, обожаніе и нѣжность, чувственность и поэзія смѣняются, сплетаются и перемѣшиваются между собою.

Любовь къ цвѣтамъ у ботаниковъ болѣе эстетична, болѣе интеллектуальна. Хотя мы здѣсь имѣемъ меньше

нервовъ и больше мысли, но наслажденіе отъ того не менѣе интенсивно, а экстазъ случается не рѣже.

Ботаникъ любить цвѣты не только потому, что они красивы и рѣдки, но также потому, что это его дѣти, которыхъ онъ долго некалъ и долго любилъ. Каждое растеніе имѣетъ для него длинную исторію желаній, надеждъ, а порою и разочарованій — исторію, полную анекдотовъ и воспоминаній. Кто хоть разъ видѣлъ, какъ страстный ботаникъ вытаскиваетъ изъ сумки растенія, собранныя во время длинной и утомительной экскурсіи, тотъ видѣлъ предъ собою картину полнѣйшаго счастья. *О, какой чудный экземпляръ піона! Это несомненно самый красивый изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ!* — И счастливый смертный очищаетъ корни отъ земли, снимаетъ испорченные насѣкомыми или сожженные солнцемъ листья, кладетъ ихъ между двумя листками мягкой бумаги, некусено расправляетъ вѣточки, цвѣты и листья и, передъ тѣмъ какъ навсегда помѣстить ихъ въ гербарій, долго любуется ими, ласкаетъ и разговариваетъ съ ними. — „О, какъ этотъ цвѣтокъ прекрасенъ! Какъ жалко, что его приходится сунуть и что только такимъ путемъ его удастся сохранить.“

Если-бы я обладалъ двумя жизнями, то одну изъ нихъ посвятилъ-бы изученію человѣка, а другую изученію цвѣтовъ, ибо въ мірѣ прекраснаго послѣ женщины нѣтъ ничего красивѣе цвѣтка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Флоренція праздновала столѣтній юбилей своего божественнаго Микель Анджеоло, и въ залахъ Академіи были собраны и выставлены произведенія этого могучаго генія. Алеарди, остановившись предъ одной изъ статуй, принялся спорить съ однимъ изъ умнѣйшихъ нашихъ художественныхъ критиковъ о томъ, соответствуютъ-ли нѣкоторыя положенія членовъ и контратуры мускуловъ манерѣ Донателло или Буонаротти. Я, стоя въ сторонѣ, молча прислушивался къ бесѣдѣ этихъ двухъ учителей эстетики, какъ вдругъ

они, замѣтивъ меня, быстро подошли ко мнѣ, прося меня быть судьей въ ихъ спорѣ. Не знаю, было-ли это злое желаніе уклониться отъ трудной задачи или это былъ тотъ крикъ, который всегда вырывается изъ моей души, когда я вижу, что человѣкъ слишкомъ гордится дѣлами рукъ своихъ, но я отвѣтилъ имъ слѣдующей фразой: *„Видите-ли, милые мои, роза гораздо красивѣе всякъ произведеній Микель Анджели... Поэтъ и художникъ въ ужасѣ бѣжали отъ меня, качая головою съ видомъ величайшей жалости. Они въ этотъ моментъ сравнивали меня съ химикомъ Дэви, который, промчавшись однажды чуть не бѣгомъ по всѣмъ заламъ Дувра, гдѣ собраны всѣ чудеса искусства, остановился наконецъ предъ одной статуей и воскликнулъ: О, какой поразительный кусокъ улекислой извести!“*

А между тѣмъ я и по настоящее время сохранилъ этотъ взглядъ; не только относительно мраморныхъ глыбъ великаго Буонаротти, но и относительно картинъ Рафаэля и Корреджіо, относительно Санта Марія дель Фіоре и герцогскаго дворца въ Венеціи, я всегда готовъ сказать, что всѣ эти величайшія и труднѣйшія произведенія человѣческаго генія—лишь блѣдныя тѣни, бросаемаыя живымъ свѣтомъ природы, туманный отблескъ тѣхъ безконечныхъ, разнообразныхъ красотъ, которыя природа ежедневно вызываетъ изъ своихъ нѣдръ.

Величайшій художникъ — и тотъ является лишь вѣрнымъ подражателемъ: даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ идеализируетъ, даже тамъ, гдѣ онъ убѣждаетъ, что творитъ—онъ лишь выбираетъ изъ прекраснаго природы наиболѣе прекрасное. И когда искусство, влѣдетіемъ чрезмѣрной усталости или въ угоду новымъ капризамъ, теряетъ надлежащій путь и превращаетъ грацію въ нестроту, красоту въ вызовъ, великое въ смѣшное, а комичное въ карикатуру, то со всѣхъ сторонъ начинаютъ раздаваться крики: *Вернитесь къ старому*, что, конечно, не значитъ, какъ это въ теплыхъ словахъ объяснилъ мой великій другъ Массарани, *вернитесь на-*

звѣтъ, а—вернитесь ко всему тому, что улаживаетъ, возвышаетъ, благодаритъ и воспитываетъ человеческую душу. И для меня тотъ крикъ означаетъ: вернитесь къ древнимъ, потому что тѣ черпали свои вдохновенія изъ чистыхъ и дѣйственныхъ источниковъ природы и никогда не смѣшивали истиннаго съ безобразнымъ.

Для меня „вернитесь къ старому“ означаетъ лишь: вернитесь къ природѣ.

И я еще теперь повторяю: роза прекраснѣе „Давида“ или „Моисея“ Микель Анджело. Цвѣтокъ — одно изъ самыхъ поразительныхъ, самыхъ вѣжныхъ, самыхъ нестрыхъ выражений силъ природы; постъ женщины цвѣтокъ самое красивое созданіе нашей планеты. Женщина съ красной кровью и бѣлой кожей—владычица въ мірѣ живыхъ существъ; цвѣтокъ-же—самое красивое и изящное существо въ мірѣ вѣжныхъ организмовъ, поглощающихъ чистый солнечный свѣтъ и превращающихъ его въ разноцвѣтныя ткани своей одежды. Женщина и цвѣтокъ—вѣчное волшебство нашей жизни, верховные боги на нашемъ эстетическомъ Олимпѣ, оба достойные того, чтобы обнимать и любить другъ друга, чтобы сплетать свою грацію, свои сладострастныя линии и очаровывающіе ароматы въ одну эстетическую гармонію, которая насъ трогаетъ, опяняетъ и заставляетъ благословлять жизнь.

И это не поэзія, а наука, или, если хотите, и то и другое вмѣстѣ. На взглядъ поверхностнаго и недалекаго наблюдателя вѣтъ, повидимому, ничего различіе этихъ двухъ существъ; въ дѣйствительности-же вѣтъ двухъ предметовъ болѣе сходныхъ. Но, разумеется, это сходство можно отыскать не иначе, какъ съ ножомъ въ рукахъ и глубоко проникая въ природу вещей. Я готовъ сказать, что сравнительное изученіе источниковъ позитивной психологіи нашло-бы въ этомъ сопоставленіи самые основные законы эстетики, которые могутъ и даже должны начинаться знаменитымъ опредѣленіемъ Платона, но не должны оканчиваться имъ. *Прекрасное есть от-*

блескъ истиннаго.—сказаль Платонъ, и никогда еще человѣческія уста не произнесли ничего болѣе высокаго и прекраснаго. Но іерархія прекраснаго и безконечнаго развѣтвленія великаго и изящнаго, граціознаго и возвышеннаго, пластики и красокъ, простаго и сложнаго ждутъ еще своего законодателя, ждутъ брещенія отъ позитивной психологіи, которая сама еще находится въ пеленкахъ.

Въ тотъ моментъ, когда солнце страстно цѣлуетъ землю, когда атмосфера ласкаетъ кору нашей планеты, загорается на ней первая искра жизни: изъ теплыхъ и влажныхъ нѣдръ ея вырастають тогда первый грибокъ, первая спора, эти родоначальники великой растительной генеалогіи. За блѣдными рядами микроскопическихъ грибовъ является прежде всего прелестная зелень, которая скоро покрываетъ всю землю, готова мягкій коверъ и гостепріимную тѣнь для первой Евы съ розовой, пламенной кровью. И среди этой зелени, которая кажется видоизмѣненной лазурью неба — крова всего живущаго, или видоизмѣненной лазурью моря — перваго гнѣзда жизни, среди этой зелени развиваются затѣмъ первые зачатки бѣдныхъ, незначительныхъ цвѣтовъ, пока мало-по-малу, пройдя всѣ безконечныя ступени видоизмѣненія и утонченія, эта зелень не превратится въ неструю палитру радуги, а свѣтовые лучи не соткутся въ ткань нѣжнѣе шелка, блестяще металла, роскошнѣе утренней и вечерней зари. Вокругъ любовнаго гнѣзда растений на небольшомъ пространствѣ сосредоточено столько великихъ химическихъ и физическихъ силъ, столько прелестей красокъ и формъ, что мы останавливаемся предъ нимъ, пораженные и растроганные. Это — праздникъ творчества въ растительномъ мірѣ, высшее выраженіе высшей жизненной функціи, — функціи воспроизведенія самой себя и вѣчной молодости въ вѣчной послѣдовательности жиз-

неннаго круговорота. А когда праздникъ оконченъ, когда въ цѣломудренномъ поцѣлуѣ различныхъ элементовъ совершилась великая тайна, когда свѣтъ цвѣтовъ потухъ, а съ нимъ вмѣстѣ погасъ и факель приглашенныхъ къ празднику грацій, тогда въ оплодотворенной утробѣ созрѣваютъ плоды этой любви, исполненной таинственности и поэзіи. Многовѣковое развитіе подготовило опьяненіе этого момента, воздвигло алтарь для этого часа радости, и природа, вѣчно плодоносная и никогда не устающая, уничтожаетъ грацію и краски, увѣренная въ томъ, что съумѣетъ завтра возобновить съ неизощримымъ богатствомъ вчерашній праздникъ. Цвѣтокъ—это самый роскошный алтарь, на которомъ растительная жизнь приноситъ жертвы Богу любви; здѣсь въ одномъ часѣ восторга сосредоточены сокровища многихъ вѣковъ.

Цвѣты всегда нравились всѣмъ народамъ земнаго нара; они милы какъ дикарю, такъ и цивилизованному человѣку, какъ безграмотному идиоту, такъ и величайшему гению, какъ царямъ, такъ и паріямъ мысли. Едва только ребенокъ получилъ возможность бѣгать по травѣмъ дуга, онъ уже ищетъ цвѣтовъ и собираетъ ихъ съ любовью, не зная, что это собственно такое и какой жизненной потребности эти цвѣты удовлетворяютъ; онъ ищетъ и собираетъ ихъ только въ силу бессознательнаго влеченія къ прекрасному, подобно тому, какъ абочка или жукъ, притягиваемые красотою цвѣтка, спѣшатъ къ нему, чтобъ попенкать въ немъ меда, становясь такимъ образомъ невольными посланниками любви.

Цвѣты—это драгоценности природы, которыми украшаютъ себя невѣсты и пирующие, которыми убираютъ колыбель младенца и гробъ умершаго. Всюду, гдѣ улыбается радость или плачетъ страданіе, всюду, гдѣ человѣкъ сходитя съ человѣкомъ, чтобъ вспомнить прошедшее, насладиться настоящимъ или дать обѣтъ на счетъ буду-

щаго, онъ собираетъ цвѣты съ луговъ и лѣсовъ и дѣлаетъ изъ нихъ ковры, вѣнки, гирлянды. Во всѣхъ странахъ всего міра цвѣты украшаютъ и столы, и алтари; ими посыпаютъ улицу, по которой долженъ проѣхать торжествующій герой или совершить свой послѣдній путь покойникъ. Человѣкъ не можетъ найти ничего лучше цвѣтка, чтобъ вплести въ волосы новобрачной, какъ символъ безмятежнаго счастья; ничего лучшаго онъ не можетъ бросить и въ открытую могилу, какъ послѣдній привѣтъ, посылаемый угасшей жизни. Капризы моды и нестрота роскоши почтительно уступаютъ мѣсто этимъ вѣчнымъ существамъ, не имѣющимъ соперниковъ, оставляющимъ далеко за собою драгоценныя произведенія ювелира и ткани Индіи или Персіи. Можно себя представить больше богатства, но нельзя вообразить больше красоты; и природа, болѣе демократичная, чѣмъ всякая человѣческая демократія, даетъ возможность пользоваться этой роскошью, этими цвѣтами, даже послѣдному бѣдняку, потому что и онъ можетъ вплести ихъ въ волосы своей жены или возложить на могильный крестъ, гдѣ покоятся его дорогіе.

Не даромъ на всѣхъ языкахъ цвѣтокъ служитъ синонимомъ прекраснаго, и мы говоримъ о цвѣтахъ поэзіи и краснорѣчія, о разцвѣтѣ образованности, о цвѣтѣ интеллигенціи или красоты. Подобно тому, какъ алтари боговъ всегда украшались не однимъ только золотомъ и драгоценными камнями, а и цвѣтами, такъ эти послѣдніе всегда сопровождаютъ человѣка въ самыя возвышенныя сферы рѣчи, туда, гдѣ онъ пытается обозначить границы всего высшаго въ области чувствуемаго и понимаемаго.

Даже денежная стоимость во многихъ случаяхъ могла бы служить выраженіемъ цѣнности, приписываемой цвѣтамъ многими людьми въ различныя эпохи. Вѣзуть навѣрное памятны баснословныя цѣны, которыми оплачивались въ Голландіи нѣкоторые виды тюльпановъ или въ Англіи нѣкоторые виды розъ; повсюду, гдѣ имѣются богатые люди и хорошій вкусъ, вы встрѣтите много рѣд-

кихъ тропическихъ растений. Евгений Сю не разъ дарилъ своимъ пріятельницамъ букеты изъ рѣдкихъ орхидей, стоимвшихъ по нѣсколько тысячъ лиръ, а одинъ богатый сибирь изъ Романы—извѣстный политическій дѣятель—разказывалъ мнѣ, что въ своей молодости онъ былъ рабомъ трехъ страстей: женщинъ, лошадей и цвѣтовъ, но ни одна изъ этихъ страстей не обходилась ему такъ дорого, какъ послѣдняя, ибо здѣсь безумство желанія не знаетъ никакихъ границъ. Не только аристократы бросаютъ огромныя деньги на цвѣты ради удовлетворенія своего эстетическаго чувства—не менѣе тратятъ и жрецы Бога для религиозныхъ обрядовъ.

Откуда это согласіе народовъ и время въ обожаніи одного и того-же существа—цвѣтка? Почему всѣ люди, столь различны между собою по вкусамъ, мыслямъ, чувствамъ и правамъ, проявляютъ такую горячую, всеобщую любовь къ этому созданію природы? Откуда столько симпатій, столько ласкъ и идолопоклонства по отношенію къ вещи, которая умираетъ, едва родившись на свѣтъ?

Это имѣетъ свои многочисленныя причины, которыя я вкратцѣ разберу здѣсь, насколько мнѣ позволяютъ тѣсныя рамки моей книги. Цѣлой бібліотеки оказалось бы недостаточно для изложенія всей эстетической, коммерческой, промышленной и нравственной исторіи цвѣтовъ. Они всегда сопровождали человѣка и были съ нимъ неразлучны, начиная отъ библейскаго эдема, подобно тому какъ тѣнь неразлучна со свѣтомъ. И если человѣческому роду суждено когда-нибудь исчезнуть съ нашей планеты, то и на предпослѣдней могилѣ человѣка послѣдній сынъ Адама сплестетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Индѣецъ кладетъ у порога жилища своей возлюбленной букетъ изъ фантастическихъ орхидей; но и бѣдный лапландецъ собираетъ на холодныхъ болотахъ своей ледяной страны растущія тамъ незабудки и преподноситъ ихъ своей подругѣ жизни, одѣтой въ мохнатыя шкуры. Даже тамъ, на окраинѣ Европы, этотъ цвѣточекъ, похожій на маленькій кусочекъ неба, на которой упала золотая ка-

пелька, улыбается солнцу и, какъ-бы сознавая свое положеніе, какъ послѣдняго существа въ мірѣ цвѣтовъ, будто шепчетъ человѣку: *не забудь меня.*

Прежде всего цвѣты—живыя существа и, подобно всякому живому предмету, волнуютъ и трогаютъ живое человеческое сердце. Мировое братство, космическое сочувствіе объединяетъ все живущее въ теплой средѣ любви. Если мы называемъ себя потомками обезьяны, то получается смѣшная карриатура дарвинизма; но если мы все чувствуемъ себя братьями въ великой семьѣ живыхъ существъ, то въ этомъ сказывается возвышенная идея и великая истина эволюціоннаго ученія. Наша кожа и наша кровь согреваются тѣмъ-же солнечнымъ свѣтомъ, который питаетъ животныхъ и растенія, и тѣ-же самые скрытые нервы, которые заставляютъ сокращаться нити влюбленной лозы или оцѣтничиваютъ волосы голодной мухоловки, заставляютъ также биться наше сердце отъ радости и страданья. Одна и та-же матерія вращается въ вѣчномъ круговоротѣ, переходя отъ жизни луговъ и дѣсовъ къ волосатымъ, пернатымъ и чешуйчатымъ существамъ съ теплою кровью, пока наконецъ человѣкъ, послѣднее дѣтище обширной планетной семьи, не сосредоточиваетъ въ себѣ одномъ все силы движенія, красоты и мысли, — силы, которыя некрѣтятся, мелькаютъ и видоизмѣняются на ржавой корѣ нашего маленькаго подлуннаго міра. Въ насъ, людяхъ, заключается большая часть вещества цвѣтовъ, а въ запахахъ и пестрыхъ чашечкахъ цвѣтовъ заключается красота и прелесть человѣка, которыя не уничтожаются и не исчезаютъ безслѣдно подъ холодными плитами могилъ, а лишь видоизмѣняются тамъ. Круговоротъ жизни былъ открытъ вовсе не современной химіей; послѣдняя лишь признала его научную дѣйствительность, а въ сердцахъ и въ мысляхъ всехъ людей онъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ.

Ни одинъ минераль, какъ-бы онъ ни былъ замѣчательнѣе, ни одинъ драгоценный камень, какъ-бы ни былъ поразителенъ его блескъ, ни одинъ металл, какъ-бы ни поражаело его сіяніе, не вызовутъ никогда такой симпатіи, какъ цвѣтокъ или животное. Минераль мертвъ; животныя-же и растенія живутъ, чувствуютъ и движутся подобно намъ; подобно намъ они любятъ и умираютъ. Мы чувствуемъ себя ихъ братьями, сознаемъ себя членами одной семьи. Если-бы мы завтра открыли новыя алмазныя горы, откуда можно было-бы добывать алмазы почти безъ труда и въ какомъ угодно количествѣ, то они совершенно потеряли-бы свою цѣнность. Но наши дуга могутъ дать жизнь безчисленному множеству миллоновъ фіалокъ, и все таки ни одна изъ нихъ не теряетъ отъ того ни въ своемъ запахѣ, ни въ изяществѣ своего милого цвѣта. Природа, въ отличіе отъ насъ, расточаетъ свои богатства, не умаляя ихъ цѣности; вѣчно юная, она не знаетъ ни скуки, ни усталости.—Одинъ минералогъ, фанатикъ своей науки, рассказывалъ мнѣ, что онъ однажды въ порывѣ восторга преклонилъ колѣни предъ четырьмя поразительными и крайне рѣдкими экземплярами минераловъ Эльбы, которыя онъ, хотъ и монахъ, окрестилъ именовемъ *четырехъ евангелистовъ*. Но на одного монаха, преклоняющагося предъ четырьмя камнями, мы имѣемъ и будемъ имѣть тысячи дѣвушекъ, которыя будутъ очаровываться цвѣтами и которыя, нюхая розу или жасминъ, будутъ чувствовать всю прелесть и все опьяненіе райскаго блаженства.

Цвѣты намъ дороги также и потому, что они живутъ недолго, а человекъ влюбляется во все, что обладаетъ краткой и мимолетной жизнью. Вѣчное, безконечное—мраморныя и гранитныя памятники, переживающіе многія поколѣнія людей, заставляютъ насъ задумываться и вызываютъ въ насъ, эфемерныхъ существахъ, мрачныя или возвышенныя мысли; но прекрасныя созданія, живущія только одинъ часъ, только одинъ день, внушаютъ

намъ нѣжность, и нашъ восторгъ становится тѣмъ сильнѣе, тѣмъ горячѣе, чѣмъ скорѣе наступаетъ часъ ихъ гибели.

Какъ коротка жизнь розы! Вчера еще она была свернутой почкой, въ которой среди зелени видѣлся лишь узкій и тонкій розовый краснекъ и даже капелька росы не могла еще помѣститься на немъ и крыло насѣкомаго не могло коснуться его. А между тѣмъ сегодня утромъ солнце раскрыло ее всю, любовный порывъ открылъ ее грудь, чтобы изъ нея могли излиться первые опьяняющіе ароматы и первыя надежды. Едва солнце запечатлѣло на раскрывающейся почкѣ свой поцѣлуй любви, какъ уже являются краска и аромать, и глазъ человѣка, свѣтъ неба, крыло насѣкомаго могутъ, хотя одно мгновеніе, восхищаться этимъ праздникомъ природы. Втеченіе дня роза успѣла вполне насладиться любовью, и вечеромъ поблекшіе лепестки ея уже напоминаютъ о близости смерти. На каждомъ лепесткѣ цвѣтка, на каждомъ листочкѣ какъ бы начертаны загадочными буквами слова эпикурейскаго поэта: *Cape diem—Лови день.*

Значительною частью своихъ прелестей цвѣты обязаны таинственности совершающихся въ нихъ процессовъ. Всѣ виды любви сходны между собою и всѣ формы нѣжности могутъ считать себя сестрами. Одно изъ чудныхъ свойствъ цвѣтовъ заключается именно въ стидливости и скрытности ихъ любви, и каждая невинная дѣвушка, опьяняющая себя ароматомъ цвѣтовъ до сердцебіенія, до легкихъ обмороковъ и истерическихъ припадковъ, ничего не знаетъ о томъ, какой атактистическій толчокъ приближаетъ ее въ этотъ моментъ сладострастнаго блаженства къ первымъ источникамъ жизни, къ самымъ глубокимъ тайнамъ творчества.

Но всѣ эти причины, дѣлающія для насъ цвѣты столь дорогими, могутъ многимъ изъ моихъ читателей пока-

заться метафизическими бреднями и загадками. Мы любимъ цвѣты и безъ этихъ бредней, скажутъ мнѣ пожалуй, мы любимъ ихъ потому, что они прекрасны. И дѣйствительно, они прекрасны. Анализируя прелести цвѣтка, можно изучить большую половину всей области изящнаго. Симметрія и безпорядокъ, безконечное повтореніе и разнообразіе формъ, простое въ сложномъ, весьма малое, обращающееся въ великое чрезъ безконечное повтореніе, чарующая прелесть яркихъ или матовыхъ красокъ, всевозможная игра цвѣтовъ и оттѣнковъ — все это удивляетъ насъ въ цвѣткѣ, гдѣ вы находите всѣ основныя линіи, всѣ начальныя ноты прекраснаго и самыя разнообразныя его аккорды, написанныя музыкой, которая не принадлежитъ ни прошедшему, ни будущему, но которая всеобща и всемірна, потому что написана величайшимъ композиторамъ — природой.

Въ мірѣ цвѣтовъ имѣются формы, способныя удовлетворить всякимъ вкусамъ, имѣются архитектуры богаче византійской, проще греческой, смѣшаннѣ японской, строже флорентійской, величественнѣ ренессанса. Цвѣтокъ—это художникъ, смѣняющійся надъ школой, издѣвающійся надъ классицизмомъ и романтизмомъ, перенрыгивающій отъ одной формы къ другой, переодѣвающійся въ болѣе разнообразныя костюмы, чѣмъ баснословный Протей, и все-таки всегда остающійся прекраснымъ. Въ немъ соединилась красота карлика съ красотою гиганта, красота ребенка съ красотою старца, красота юности съ красотою взрослого.

Изъ гигантовъ я назову вамъ *Amorphophallus titanum*¹⁾, который привезъ намъ Беккари этотъ титанъ между нашими путешественниками. Это такой громадный цвѣтокъ, что въ немъ свободно можетъ спрятаться ребенокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такой странный, что можетъ показаться вамъ фантазіей бурите-

¹⁾ Изъ семейства Бѣлокрыльниковыхъ. (Примеч. перевод.).

ля ошума. Вотъ вамъ затѣмъ красавица Висторія регія (*Victoria regia*), роскошно развертывающая свои мягкіе бѣло-розовые лепестки на болотахъ тропической Америки и которая на своихъ широкихъ листьяхъ, распростертыхъ по водѣ, выдерживаетъ тяжесть крокодильевъ, дремлющихъ на солнцѣ, какъ и это неоднократно видѣлъ въ Парагваѣ. Затѣмъ мы имѣемъ *Cereus Lemairii*¹⁾, всѣ гигантскіе цвѣты кактусовъ и кроваво-красныя цвѣточныя короны извѣстнаго филодендрона (*Philodendron crubescens*); затѣмъ всѣ цвѣты аройниковыхъ растений, которые какъ-бы открываютъ свои огромныя чаши, чтобы вдоволь ваниться солнечнаго свѣта на исполненномъ праздникѣ природы.

Рядомъ съ этими колоссами флоры вы имѣете лилипутовъ, которыми такъ богаты сады умѣренной полосы. Что можетъ быть прекраснѣе *Anthyrium cymbalaria*, которое какъ-бы въ видѣ висячаго сада спускается по старой стѣнѣ и блестятъ своими фиолетовыми цвѣточками, похожими на дѣтскія губки, а по величинѣ уступающими пшеничному зерну?

И какое разнообразіе формъ какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ! Мнѣ приходилось не разъ удивляться разнообразію орхидей въ тропической Америкѣ, въ тропической Индіи и въ извѣстныхъ оранжереяхъ Гамбурга, гдѣ ихъ собрали со всѣхъ концовъ земнаго шара, и я всегда останавливался, неподвижный, потрясенный, очарованный предъ этой божественной и неистощимой пестротой, которую умѣетъ придумывать природа, создавая такія изящныя, разноцвѣтныя и разнообразныя по красотѣ существа.

Формы цвѣтовъ оживляются изобиліемъ и разнообразіемъ красокъ. Птицы часто соперничаютъ съ растеніями

¹⁾ Родъ колонообразнаго кактуса. (*Примч. перевод.*)

цвѣтами своихъ перьевъ, но имъ недостаетъ прелести прозрачности. Райскія птицы могутъ справедливо гордиться блескомъ своихъ металлическихъ красокъ; колибри сверкаютъ на солнцѣ, какъ огоньки, а раковины обладаютъ блескомъ драгоценныхъ камней и оттѣнками всевозможныхъ красокъ; но ни райскія птицы, ни колибри, ни раковины не обладаютъ ни нахучествомъ, ни прозрачностью лепестковъ цвѣтка. Ни одна животная ткань никогда не могла достигнуть поразительнаго строенія орхиднаго цвѣтка, въ которомъ краски сѣтеобразно перемѣшаны, такъ что одна и та-же краска на одномъ и томъ-же лепесткѣ, при различномъ освѣщеніи, повидимому поляризуется, но и этого какъ-будто еще недостаточно, потому что въ эту божественную ткань вилетено еще безконечное множество какъ-бы маленькихъ блестящихъ перловъ.

Богатство красокъ уже само по себѣ составляетъ привлекательное зрѣлище для глазъ. Изъ густой листвы возвышаетъ свою оранжевую голову *Imantophyllum miniatum*, а *Hexacentris mysorensis* кичится своимъ богатымъ желтымъ нарядомъ. *Tritonia uaria* высоко и гордо возвышаетъ свои золотистоогненные колосья; *Spathodea campanulata* красуется своими красной и оранжевой красками, между тѣмъ какъ юбки изъ терпистаго куста выпускаютъ цѣлыя тысячи бѣлыхъ колокольчиковъ своихъ роскошныхъ цвѣтовъ. Какое богатство красокъ образуютъ рододендроны, альстрѣмеріи, георгины, піоны, розы, гвоздики!

Тамъ, гдѣ краски не могутъ имѣть громкимъ голосомъ своего гимна юности, — нѣжныя и непостоянныя тѣни смѣняются или дополняютъ другъ друга, сливаясь въ въ гармоничный и мелодичный аккордъ. Мы восторгаемся рѣдкой и привлекательной красотой ямочки на розовыхъ щечкахъ нашихъ женщинъ; но сколько такихъ ямочекъ имѣютъ цвѣты! Въ одномъ случаѣ это точка серебрястой пыли на бархатномъ лепесткѣ, въ другомъ — это кокетливое пятнышко, нѣчто въ родѣ запятой или точки;

и все это расположено тамъ, гдѣ нашему глазу предназначено наслаждаться изяществомъ строенія и формъ открывающагося предъ нимъ микроскопическаго гнѣздышка любви. Возьмите самыя маленькіе и скромныя полевые цвѣтки, и вы найдете тамъ такое богатство красокъ, которому могутъ лишь завидовать наши величайшіе художники. Вотъ предъ вами вероника и голубые васильки. Посмотрите на нихъ внимательнѣй и скажите, какіе ковры Персии, какія стекла Мурано, какія фаянсовыя издѣлія Севра могутъ сравниться съ прелестью этихъ цвѣтовъ!

Цвѣтокъ имѣетъ всѣ степени плотности, начиная отъ плотности камня до воздушности облака. Можно подумать, что онъ желаетъ подражать всѣмъ тѣламъ природы. Вы видите коралль у *Erythrina cristagalli*, *Ammannium Danielli*, у *Anthurium*, у *Pitcairnia muscosa*: вы имѣете слоновую кость у *Angraecum sesquipedale* и у магнолій; шелкъ у шафрана; бархатъ у розы, камелии, левкоя; воскъ у *Noya carnosus*, металлъ у *бровника*: талькъ и картонъ у *желтѣлицы* и у *амаранта*, стекло у *колокольчиковъ*, золото у *ранункуловъ*. На все рѣшительно способенъ этотъ магъ и алхимикъ, который называется цвѣткомъ! Средневѣковая химія тщетно мечтала о томъ, чтобы превращать простые металлы въ золото и серебро; между тѣмъ какъ цвѣтокъ, даже безъ мѣховъ и плавильныхъ тиглей, неустанно превращаетъ воздухъ и свѣтъ въ перлы, сапфиры, золото и серебро.

Но для меня цвѣты имѣютъ еще другую красоту, выше всѣхъ остальныхъ красоть. Красота эта заключается въ умѣннн цвѣтовъ группировать свои чары, свою грацію и краски, создавая такимъ образомъ поразительныя картины отъ фламандскаго эскиза до замѣчательныхъ ландшафтовъ и историческихъ картинъ. Мы засѣваемъ наши поля свѣтлыми колосьями и наполняемъ

фруктовые сады яблочными и абрикосовыми деревьями; но природа не довольствуется богатымъ однообразіемъ одного вида, сосредоточеннаго въ одномъ тѣсномъ пространствѣ, и бросаетъ капризной, но разумной рукой самыя разнообразныя краски и формы на коверъ своихъ луговъ и лѣсовъ.

Я уже во-многихъ другихъ своихъ книгахъ описалъ красоты альпійскаго луга и цвѣточнаго ковра на равнинахъ Норвегіи, но я сохранилъ въ своей памяти много другихъ чудныхъ картинъ растительнаго міра. Я набросаю здѣсь въ общихъ чертахъ двѣ жанровыя картины и одну грандіозную, я почти готовъ сказать—эпическую картину, если мнѣ простятъ эту невинную метафору.

Однажды въ началѣ іюля норвежская природа громкимъ голосомъ пѣла гимнъ своей горячей, но короткой юности на холмахъ, образующихъ вѣнецъ Христіаніи. Въ расщелинѣ одной гранитной скалы неизвѣстнымъ образомъ обазалась горсточка земли и, благодаря этому, можно было видѣть, какъ на краю голой скалы росъ кустикъ земляники, предлагавшій вамъ въ одно время бѣлые лепестки своихъ цвѣтковъ и пахучіе рубины своихъ плодовъ. У подножія этой скалы изъ гигантскаго куста вербовника (*Lythrum*) выдѣлялись сотни колосомъ розовѣ самой роскошной розы; невдалекѣ отъ него канавшая со скалы вода освѣжала и питала маленькій кустикъ цвѣтущей незабудки. Дорога, отдѣлявшая меня отъ этой очаровательной картины, была густо усыпана румянѣ, и улыбающееся солнце безъ всякой зависти и ревности горячо и одинаково любовно цѣловало землянику, вербовникъ, незабудки и розы. Суровая, холодная скандинавская земля праздновала въ этотъ часъ свою весну.

Я представляю себѣ также и другую картину столь живо, какъ еслибы она сейчасъ находилась предъ моими глазами. Я былъ въ Южной Америкѣ, въ Энтре-риосѣ. Въ одинъ дождливый и бурный день я переправлялся черезъ рѣку Гвалегваяку, въ то время какъ она стала выходить изъ береговъ, наводняя поля и лѣса. Вырванные съ корнями деревья и старые пни неслись по бурной, желтой водѣ; наши лошади, усталыя отъ долгаго плаванія, пыхтѣли на берегу, стоя по грудь въ водѣ. Сидя на своемъ сундукѣ, я выжидалъ случая добраться хоть до ближайшей деревни. Тучи быстро и зловѣще неслись по воздуху, почти касаясь земли; влажная, холодная атмосфера пропитывала мое платье сыростью, а душу — грустью. Раздосадованный *caucho*, служившій мнѣ провожатымъ, злилъ меня и наводилъ отчаянную скуку своими тщетными попытками закурить папиросу среди всей этой окружавшей насъ мокреди. Я чувствовалъ себя одинокимъ въ этомъ безутѣшномъ молчаніи и думалъ о далекой родинѣ и разныхъ печальныхъ вещахъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить. Казалось, что природа разгнѣвалась на небо, на землю, на человека и на самое себя. Вдругъ солнечный лучъ прорѣзываетъ тучи и чрезъ голубое окошечко испускаетъ радость и мнѣ, и кусту, находившемуся близъ меня и на половину погруженному въ рѣку. Я посмотрѣлъ на этотъ кустикъ и улыбнулся вмѣстѣ съ солнцемъ. Это было дерево *Erythrina cristagalli*, полное коралловыхъ виноградныхъ. Нижняя пассифлора любовно обвила его своими спиралями, давая жизнь своимъ пестро-голубымъ цвѣткамъ рядомъ съ красно-коралловыми цвѣтами *Erythrinae*. Солнце золотило дождевыя капельки, повиснувшія на красныхъ цвѣткахъ и на длинныхъ нитяхъ пассифлоры, такъ что казалось, будто кто-то бросилъ на эти растенія гореть перловъ и алмазовъ. Чудная картина! Я не чувствовалъ уже себя одинокимъ; эти столь различныя между собою и все-таки столь привлекательныя цвѣты вызвали во мнѣ очарованіе, и у меня не

хватило мужества сорвать ихъ.—Я не былъ болѣе одинокъ, а грусть моя исчезала вмѣстѣ съ облаками, которыя бурный вѣтеръ унесъ къ далекому югу.

Въ другой разъ я въ жгучій октябрьскій день разгуливалъ по великолѣпнымъ окрестностямъ *Frontera di Salta* въ Аргентинской Республикѣ. Теплый, золотистый паръ нисходилъ съ неба, окутывая деревья, травы, людей и лошадей, между тѣмъ какъ неопредѣленный ароматъ миллионовъ цвѣтовъ придавалъ воздуху нѣчто опяняющее. Казалось, будто вся земля была покрыта потомъ отъ усиленной творческой дѣятельности. Птицы и животныя безмолвствовали, и только цикады издавали свои рѣзущіе громкіе звуки.— Цвѣтущіе *lapachos* выдѣлялись лѣсомъ своихъ гигантскихъ букетовъ. Эти пучки были такъ высоки, что подъ ихъ розовой тѣнью могъ-бы пріютиться цѣлый караванъ, ибо эти гигантскія деревья не имѣли еще ни одного листочка. На плоскихъ оазисахъ лѣса здѣсь и тамъ разбросаны были другія массы цвѣтовъ, также розовыхъ; но эти розы темнѣе и цѣлыми тысячами покрывали густыя вѣтви *saxarozы*—деревя, имѣющаго сотню вѣтвей со смарагдовыми листьями. На землѣ распростерты были ковры изъ темнокрасныхъ и желтыхъ цвѣтовъ, а между ними мелькали нѣжныя и граціозныя вѣточки деревца-карлика *Capsicum* (стручковый перецъ) съ маленькими бѣленькими цвѣточками и короткими пунцовыми ягодами. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находился выброшенный потоками белплодный песокъ, можно было видѣть фіолетовые, почти красные, цвѣты ипомеи. Подъ тѣмъ золотистымъ небомъ все растенія какъ-бы сіяли въ своихъ пурпурныхъ нарядахъ: розы на вершинахъ гигантскихъ деревьевъ, розы на небольшихъ деревцахъ, розы на кустахъ, розы на коврѣ, покрывающемъ землю; повсюду пламя, какое-то опяненіе горячей любви или оргія тепла и красокъ, какую мы встрѣчаемъ на многихъ картинахъ Рубенса, такъ лю-

бывшаго красные цвѣта. Или, можетъ быть, природа по-краснѣла въ тотъ день, въ тотъ часъ, въ этомъ тепломъ воздухѣ, устыдившись своихъ излишествъ въ любви. Если да, то какъ чудно умѣетъ краснѣть она, эта природа, и какъ къ лицу ей эти теплыя, сладострастныя, пылающія краски!

Эстетика занимаетъ такое высокое положеніе въ чело-вѣческомъ мірѣ, что въ ней каждую минуту образуются и уничтожаются новыя сочетанія, вслѣдствіе чего какая-нибудь красота никогда не остается изолированной, а окружается еще другими красотами. Мы различаемъ въ цвѣтахъ скромность и мужество, стыдливость и тщеславіе, радость и грусть. Объ этомъ повѣствуетъ намъ языкъ цвѣтовъ, различный въ различныхъ чело-вѣческихъ племенахъ, но все таки общій для всѣхъ людей, хоть сколько-нибудь возвысившихся надъ животнымъ. Въ какія только области чувства и мысли не проникали цвѣты! Кто изъ насъ не сохраняетъ въ святилицѣ своихъ домашнихъ реликвій какого-нибудь поблекшаго цвѣтка на память о пережитыхъ страданіяхъ или привязанностяхъ и у кого этотъ цвѣтокъ не пропитанъ кровью или слезами? То это первая фіалка, преподнесенная намъ любимой женщиной, то послѣдняя незабудка съ могилы нашей матери, то первая роза, выхолощенная для насъ нашей дочерью, то альпійскій цвѣтокъ, сорванный для насъ во время смѣлой экскурсіи. Но всегда и во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ чувствомъ, связаннымъ съ цвѣткомъ и дѣлающимъ его для насъ дорогимъ и милымъ.

При всемъ томъ чело-вѣкъ не удовольствовался богатой флорой, которую природа предложила ему на своихъ холмахъ и лугахъ, отъ вершинъ снѣжныхъ Альповъ до жаркихъ тропическихъ озеръ: онъ создаетъ еще искусственнымъ путемъ новыя краски и новыя формы, то со-

вершенствуя, то ухудшая природу. Богатство может быть элементом красоты, но иногда оно превращает фантастическое въ смѣшное и въ изобиліи повторенія уничтожаетъ самыя дорогія для нашего глаза симметріи. Къ счастью, природа не всегда послушно покоряется нашимъ капризамъ и нашему насилію.

Быть можетъ, спросать меня, не есть-ли это всеобщее поклоненіе цвѣтамъ, утончающееся съ развитіемъ цивилизаціи,—продуктъ тиеславія или дорого стоящей капризъ скучающихъ богачей? Нѣтъ, этотъ культъ—цѣлая школа эстетики, искусство человѣческой мысли, новое богатство, присоединившееся ко всемъ остальнымъ сокровищамъ культурной жизни. Ничто не пропадаетъ изъ человѣческаго труда, ни одна капля нашего пота не теряется безслѣдно, если трудъ и потъ уходятъ на культивированіе прекраснаго, этого всемірнаго божества, возвышающаго, облагораживающаго насъ и доставляющаго намъ столько чистыхъ радостей. Ученый, изучая двойныя и чудовищныя формы, созданныя садовническимъ искусствомъ, нашелъ основанія важнѣйшихъ морфологическихъ законовъ, подобно тому какъ изученіе домашнихъ животныхъ дало драгоцѣнный матеріалъ для установленія исторіи развитія животнаго міра. Культъ прекраснаго во всехъ своихъ формахъ есть школа для мысли, источникъ новыхъ богатствъ, драгоцѣнное приобрѣтеніе цивилизаціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Музыкальные экстазы.

Музыка, быть можетъ, величайшее изъ человѣческихъ творчествъ. — Простой или акустическій музыкальный экстазъ и его замѣчательная экспансивная сила. — Различные характеры музыкальнаго экстаза: любовный, меланхолическій, воинственный и фантастическій.

Если музыка и не величайшее изъ всѣхъ творчествъ человѣка, то она, во всякомъ случаѣ, одно изъ величайшихъ. Другія искусства, даже при самыхъ высокихъ своихъ полетахъ, заимствуютъ у земли цвѣты и нити, изъ которыхъ плетутъ свои вѣйки, и когда психологія станетъ такой-же положительной наукой, какъ геометрія, тогда мы узнаемъ, что даже для созданія лучшихъ лирическихъ гимновъ поэта весь матеріалъ доставила природа.

И въ музыкѣ также каждая нота, каждый мелодичный или гармоничный аккордъ долженъ быть эхомъ гармоніи, исшедшей изъ окружающаго насъ міра; но это такъ далеко отъ насъ, а субъективное преобразование его такъ могуче, что первичная матерія остается почти невидимой для нашего глаза, который видитъ лишь удивительное и поразительное произведеніе человѣче-

скаго мозга, создающаго изъ ничего симфоніи Бетховена и оперы Россини или Беллини.—Если это не творчество, то человѣку нужно было-бы вычеркнуть это слово изъ своего словаря.

Если вы желаете, такъ сказать, осязательно различить силу двухъ творчествъ, напримѣръ, живописи и музыки, то взгляните на картинку *Madonna della Seggiola* и послушайте арію *Casta diva*; а затѣмъ подумайте, сколько матеріала дала природа *Рафаэлю* и *Беллини* для созданія этихъ двухъ произведеній. Для *Мадонны* она дала всѣхъ женщинъ Италіи, причежь разница между *донной* и *мадонной*, между природой и искусствомъ, не особенно велика. Но что дала природа Беллини для его аріи *Casta diva*? Развѣ только трели соловья, шепотъ листьевъ или звонкое пѣнье ночнаго сверчка?

Если музыка составляетъ, быть можетъ, величайшее изъ человѣческихъ творчествъ, не по степени полезности или возбужденія мозговой дѣятельности, а по необычному видоизмѣненію силъ, то она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ намъ другое поразительное чудо, заключающееся въ умѣннѣ доставлять намъ величайшее наслажденіе, не требуя отъ нашихъ тканей ничего, кромѣ самой незначительной траты матеріи.

Х | Не подлежитъ сомнѣнію, что это божественное искусство можетъ доставлять намъ оцѣненіе сладострастія и интенсивнаго блаженства, съ которыми могутъ сравниться лишь судороги любви и самыя вѣжныя проявленія чувства. И, все-таки, мы можемъ ежедневно доставлять себѣ это блаженство и вкушать его по цѣлымъ часамъ, уточняя его добровольнымъ упражненіемъ и, главное, никогда не заслуживая порицанія, не подрывая здоровья и не доводя своихъ членовъ до паралича.

Конечно, и наслажденіе музыкой имѣетъ свои гра-

ницы, за которыми наступаетъ утомленіе; и это наслажденіе достается, лишь благодаря извѣстному видоизмѣненію нашей нервной и мозговой ткани, но этотъ процессъ не связанъ здѣсь съ порчей и поврежденіемъ нервовъ и мозга, какъ это извѣстно относительно многихъ другихъ проявленій чувственнаго, аффективнаго или интеллектуальнаго сладострастія.

Откуда эта разница? На этотъ вопросъ пусть отвѣтятъ наши потомки.

Музыка легче всякаго другаго ощущенія можетъ вызвать экстазь, и это по весьма многимъ причинамъ. X

Музыкальные наслажденія относятся къ самымъ интенсивнымъ и самымъ неопредѣленнымъ, и по своей природѣ имѣють, можетъ быть, болѣе высокую экспансивную силу чѣмъ всякая другая радость чисто-чувственнаго происхожденія. X

Для многихъ музыка не выражаетъ ничего другаго, кромѣ шума; для многихъ другихъ она служитъ одной изъ самыхъ незначительныхъ жизненныхъ радостей. Такимъ людямъ бесполезно было-бы читать лекціи о музыкальныхъ экстазахъ и при этомъ еще раздѣлять послѣдніе на сильные и слабые. Я обращаюсь къ тѣмъ, для которыхъ гармонія звуковъ есть земной рай и которые, пожалуй, отказались-бы отъ жизни, если-бы не могли ежедневно улаждать своего уха музыкой.

Это божественное искусство оказываетъ такое могучее вліяніе на человѣка, что при извѣстныхъ условіяхъ можетъ убить или спасти его. Не разъ случалось, что больной, выздоравливающій или малокровный умиралъ отъ неожиданнаго потрясенія, вызваннаго въ немъ слишкомъ громкой музыкой, и очень часто сильное страданіе, не дающее воли слезамъ и угрожающее разуму или жизни, благополучно проходило и изливалось въ слезахъ, благодаря какой-нибудь сладкой и нѣжной музыкальной псѣбѣ.

То обстоятельство, что музыкальное удовольствіе легко распространяется по всѣмъ органамъ челоѳческаго тѣла, обращаетъ на себя вниманіе даже поверхностныхъ наблюдателей. Игра красокъ въ лицѣ, слезы, чувство мурашекъ по тѣлу, дрожаніе членовъ, ощущеніе какого-то невыразимаго общаго сладострастія—самыя обыкновенныя явленія у страстныхъ любителей музыки, и для описанія всѣхъ формъ выраженія музыкальнаго наслажденія не хватило-бы цѣлаго тома. Недавно одинъ изъ такихъ любителей разсказалъ мнѣ, что очень часто, находясь въ состояніи музыкальнаго очарованія, онъ испытываетъ на макушкѣ головы какую-то дрожь, какъ-бы отъ холода, которая въ видѣ спирали спускается по всему его тѣлу до кончиковъ ногъ.

Но все это лишь болѣе виѣшнее распространеніе ощущенія; совсѣмъ другаго рода и гораздо глубже симпатическія теченія, изливающіяся отъ уха во всѣ стороны челоѳческаго существа.

Самый главный и неудержимый потокъ—тотъ, который устремляется въ область чувства. Это старая аксіома, которую я много разъ доказывалъ въ своихъ многочисленныхъ психологическихъ работахъ, — что слухъ по преимуществу органъ чувства, сердца, между тѣмъ какъ глазъ—главное орудіе мысли. Зрительный экстазъ болѣе всего интеллектуаленъ, акустическій—аффективенъ, и одной этой причины достаточно для объясненія большей частоты музыкальныхъ экстазовъ въ сравненіи со зрительными.

Музыкальное наслажденіе, помимо своей различной природы, имѣетъ свою восходящую лѣстницу, смотря по степени своей интенсивности.

Вначалѣ вы имѣете лишь чистое и простое акустическое удовольствіе, состоящее въ извѣстномъ количествѣ колебаній въ секунду, соответствующихъ гисто-

логическому строению слуховыхъ нервовъ, которому они удовлетворяють.

Но затѣмъ область уха становится слишкомъ тѣсной, чтобы охватить все это чудесное превращеніе колебаній, которыя доходятъ до мозга изъ голосовыхъ связокъ человека, изъ скрипки или изъ фортепьяно черезъ посредство слуховаго нерва. И тогда мышцы лица, членовъ и туловища въ тактъ сопровождаютъ гармоничныя колебанія воздуха. Наше тѣло становится фонографомъ, въ которомъ музыка записываетъ свои мелодіи.

Но уши, мышцы и внутренности—слишкомъ тѣсное поле для полнаго проявленія избытка наслажденій, и, подобно кругамъ, образующимся на водѣ при паденіи камня, опущеніе все болѣе и болѣе расширяется и, наконецъ, всецѣло наводняетъ области чувства и мысли, но раньше и сильнѣе первыя, чѣмъ послѣднія.

Гдѣ-же конечная станція этой сладострастной вибраціи?

Вездѣ и нигдѣ.

Я хочу этимъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ (т. е. когда извѣстная часть нашего мозга, благодаря особеннымъ условіямъ, становится болѣе чувствительной къ возбужденію) музыкальное ощущеніе въ одно время касается всѣхъ границъ сердца, заставляя дрожать всѣ чувства отъ сладкаго и неопредѣленнаго блаженства.

Спросите у любящаго человека, обнимающаго свою возлюбленную, въ какомъ мѣстѣ своего существа онъ испытываетъ радость; если онъ не отвѣтитъ вамъ на это рѣзкостью, то скажетъ: не знаю! Точно также и при музыкальномъ экстазѣ очарованіе широко охватываетъ весь организмъ, доставляетъ намъ всю нѣгу душевнаго волненія, щекочетъ нервы, придаетъ энергію сердечнымъ силамъ, заставляетъ насъ трепетать и плакать, возбуждаетъ и успокоиваетъ, электризуетъ и вызываетъ судороги, укрощаетъ желаніе и вновь возбуждаетъ его, даетъ намъ возможность увидѣть и измѣрить

безконечное и затѣмъ бросаетъ въ другія бездны еще большихъ безконечностей. И такимъ образомъ это очарованіе доставляетъ намъ мучительное сладострастіе рая, которое не есть ни сладострастіе любви, ни безумный восторгъ творчества, ни религіозный экстазъ, но все это вмѣстѣ и въ одно время.

Однако рѣдко случается, чтобы музыкальный экстазъ долгое время оставался въ этомъ неопредѣленномъ состояніи, потому что мы почти всегда либо влюблены, либо печальны, либо возбуждены тщеславіемъ, либо задѣты однимъ изъ тѣхъ виѣшнихъ или внутреннихъ стимуловъ, которые касаются то одной, то другой области нашего внутренняго міра.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ очарованіе получаетъ окраску и направленіе отъ того психологическаго момента, въ которомъ мы находимся, представляя столько различныхъ формъ, сколько бываетъ психологическихъ движеній. Это старое, а потому весьма вѣрное наблюдёніе—что музыка взвинчиваетъ то состояніе, въ которомъ мы находимся. Если это состояніе веселое и радостное, то она усиливаетъ въ насъ радость и веселье; если оно грустное, она утончаетъ нашу меланхолю и уноситъ ее въ болѣе высокія области; если насъ обуреваютъ необыкновенное тщеславіе, то музыка еще болѣе поджигаетъ въ насъ это чувство; если мы влюблены, то она доводитъ насъ до безумія; если мы находимся на войнѣ, то ея звуки дѣлаютъ насъ еще болѣе воинственными. Десять, сто человѣкъ, слушающихъ одну и ту-же музыкальную пьесу (предположивъ даже на минуту, что всѣ они обладаютъ одною способностью чувствовать и наслаждаться), вынесутъ десять, сто различныхъ впечатлѣній. Нигдѣ субъективное настроеніе каждаго индивида не проявляется такъ рѣзко; нигдѣ

такъ ясно не обнаруживается, что одна и та-же причина можетъ вызвать ощущенія, крайне различныя какъ по степени интенсивности, такъ и по самой сущности.

На каждого изъ насъ музыка оказываетъ особое своеобразное дѣйствіе. Одинъ приходитъ въ восторгъ отъ вальса Штраусса и относится равнодушно къ симфоніямъ Бетховена. Другой любитъ блуждать по лабиринтамъ вагнеровской музыки, а третій приходитъ въ экстазъ лишь отъ классической музыки старыхъ итальянскихъ композиторовъ.

Я не могу позабыть того ужаса, который охватилъ меня, когда я впервые прослушалъ Переиваль Вагнера, поразительно исполненный нѣмецкимъ оркестромъ, составленнымъ самимъ композиторомъ. Вначалѣ я былъ изумленъ, пораженъ, подавленъ, какъ человекъ, вдругъ очутившійся предъ новымъ невѣдомымъ міромъ, гдѣ небо и земля, живые и мертвые совсѣмъ не похожи на то, что мы привыкли видѣть у себя. Затѣмъ изумленіе перешло въ страданіе, въ муку, въ пытку. Мнѣ казалось, что раскаленные пилы, молоты, колеса и щипцы, словомъ, все орудія средневѣковой пытки проникли въ мои внутренности, чтобы познакомить меня съ новымъ, до сихъ поръ мнѣ невѣдомымъ міромъ страданій. Я пыталъ, отдувался, потѣлъ и, видя кругомъ столько очарованныхъ лицъ, возмущался противъ самого себя, а затѣмъ (быть можетъ, уже менѣе справедливо) противъ тѣхъ безумцевъ, которые восторгались этой пыткой. Въ результатъ этихъ моихъ страданій и терзаній получилось бѣгство, быть можетъ, постыдное, но стремительное и неудержимое. Выйдя изъ театра, я пустился бѣжать по безлюднымъ улицамъ города, и только мышечная усталость могла излечить меня отъ переутомленія моего бѣднаго слуха. Какъ много людей, вѣроятно, сожалѣли и осмѣливали меня!

Между различными формами музыкальныхъ экста-

зовъ, получающихъ извѣстный отбѣнокъ отъ особеннаго состоянія души, можно, миѣ кажется, отличить слѣдующія, болѣе обыкновенныя четыре формы:

Любовный музыкальный экстазъ.

Меланхолическій музыкальный экстазъ.

Воинственный музыкальный экстазъ.

Фантастическій музыкальный экстазъ.

XX | При любовномъ музыкальномъ экстазѣ мы чувствуемъ потребность любить или-же, если мы уже любимъ, любить горячѣе, сильнѣе. Пусть это будетъ наша мать или нашъ ребенокъ, наша жена или нашъ возлюбленный; но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы мысленно или рукою ищемъ другую руку, которую могли-бы пожать, уста, которыя могли-бы поцѣловать. И если руки слишкомъ далеки другъ отъ друга и вокругъ насъ нѣтъ ни одной, которую мы могли-бы съ любовью пожать, то наши глаза нетерпѣливо ищутъ другихъ глазъ, съ которыми могли-бы обмѣняться ласковымъ взглядомъ. И кажется тогда, будто по этимъ лучамъ звукъ переходитъ въ свѣтъ или скорѣе, что звуковые аккорды передаются по пучку лучей, исходящему изъ нашихъ зрачковъ. Учителя музыки самые страшные сердцеѣды, сами того не зная и не желая.

X | Музыка какъ-бы растворяетъ всѣ нѣжности, сближаетъ, сгущаетъ, смѣшиваетъ ихъ, такъ что очень часто два экстаза, расширяясь до безконечности, встрѣчаются и соединяются въ одинъ экстазъ, въ которомъ музыка и любовь, сладострастіе и мысль неотдѣлимы другъ отъ друга.

X | Музыка почти никогда не унижаетъ, а возвышаетъ привязанности. Есть много людей, которые могли любить, лишь вращаясь въ музыкальной средѣ, и даже самыя холодныя и вульгарныя любовники имѣютъ свои моменты истинной, горячей и возвышенной любви, когда слушаютъ пѣніе своей возлюбленной. Во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ музыки любовь становится нѣжнѣе и возвышеннѣе, похотливость обращается въ поэзію, же-

ланіе въ обожаніе и каждый изъ обоихъ видитъ другаго въ болѣе красивомъ, поэтическомъ свѣтѣ. Въ любви, проявляющейся при музыкальномъ экстазѣ, руки какъ-бы становятся крыльями, а тѣла мыслями, и всѣ цвѣта сливаются въ тотъ голубой цвѣтъ, который обрисовываетъ собою обѣ безконечности верха и низа—небо и море.

Если-бы мнѣ предложили слѣдующую задачу:

Какъ можно высказать женщиной, что мы ее любимъ, сохраняя величайшую стыдливость при самой жгучей страсти; какъ можно разрѣшить слѣдующую квадратуру круга: выразить всю немаситность и немовѣрность нашихъ желаній, не задѣвая даже намекомъ двѣственной стыдливости?

То я, не колеблясь, отвѣтилъ бы:

Музыкой.

Въ этомъ отношеніи мы повинемся закону космической биологін. Свирчокъ и соловей, цикада и орелъ дѣлаютъ свои объясненія въ любви при посредствѣ музыки. И только при помощи музыки человекъ безъ словъ, но достаточно краснорѣчиво, можетъ сказать: я люблю тебя.

XX

У многихъ людей, склонныхъ къ меланхоліи, музыкальный экстазъ всегда имѣетъ грустный характеръ. Бываютъ душевныя состоянія, когда даже штрауссовскій вальсъ наводитъ на насъ грусть. Съ другой стороны имѣются и такія музыкальныя пьесы, которыя на всѣхъ навѣваютъ сладкую грусть.

Въ своей *Физиологін страданія* я довольно подробно говорилъ о меланхоліи и грусти, а потому не желаю здѣсь повторяться. Достаточно сказать, что меланхолическій музыкальный экстазъ—одно изъ самыхъ сладкихъ, самыхъ возвышенныхъ очарованій, которое можетъ заставить насъ проливать потоки слезъ, сладкихъ, какъ слезы блаженства.

XX

При помощи этихъ очарованій можно излечить нѣкоторыя сильнѣйшія нравственныя страданія, можно даже возстановить рассудокъ у потерявшаго его. Цѣлебная сила музыки только съ недавняго времени стала предметомъ изслѣдованія; возможно, что ей предстоитъ широкое примѣненіе въ будущемъ.

Воинственный музыкальный экстазъ длится недолго и рѣже возникаетъ, чѣмъ оба предыдущихъ. Онъ проявляется въ видѣ *мелкаго экстаза*, воодушевляющаго малодушнаго войска при нападеніи на непріятеля или на непріятельскую крѣпость.

Трубы, барабаны и военная музыка—такія-же орудія битвы, какъ пушки и ружья, и очень часто музыка помогаетъ побѣдѣ или даже рѣшаетъ ее. Даже у самыхъ грубыхъ дикарей женщины своими криками и трубящими раковинами подстрекаютъ мужей къ битвѣ, и бываютъ моменты, когда передъ тѣмъ какъ перевести ощущение въ работу, они пребываютъ нѣкоторое время въ состояніи *воинственного музыкальнаго экстаза*.

Даже и въ полѣ сраженія, а около фортепьяно или въ концертномъ залѣ человѣкъ, готовящійся къ борьбѣ со своими многочисленными врагами, готовящійся къ политической или литературной битвѣ, можетъ отъ музыки получить воодушевленіе и мужество и дойти до слабаго музыкальнаго и въ то-же время воинственного экстаза.

Когда историческая традиція придаетъ извѣстной музыкальной пьесѣ политическое значеніе, то она нѣкоторыми своими мѣстами можетъ приобрѣсти такое могущество, что становится опаснымъ орудіемъ войны. И музыка имѣетъ политическую окраску, и она также—знамя, но въ данномъ случаѣ мы узнаемъ о немъ не глазами, а ушами.

Сколько гимновъ обогрены были кровью! Все, что

имѣть отношеніе къ человѣку, религія и отечество, семья и искусство—все это слишкомъ часто купается въ крови. И, подобно тому какъ нѣтъ въ нашемъ тѣлѣ ни одного органа, ни одной ткани, которые-бы непосредственно или косвенно не получали питанія и жизни отъ крови,—вся исторія человѣческой семьи написана кровью, этимъ сокомъ каждаго организма, ферментомъ каждой жизни, теплотой каждой страсти, нервомъ каждой мысли.

Послѣдняя форма музыкальнаго экстаза самая неясная, самая смутная и самая трудная для опредѣленія.

Подъ вліяніемъ этого экстаза мы не чувствуемъ себя ни влюбленными, ни грустными, ни воинственно настроенными противъ людей и вещей, но уносимся высоко въ область мечтаній, гдѣ намъ мерещатся новые міры и новыя существа.

Эти экстазы всецѣло принадлежать фантазіи, и мы будемъ говорить объ нихъ далѣе. Здѣсь-же я долженъ былъ упомянуть о нихъ, какъ о фантастическихъ очарованіяхъ, смѣшанныхъ съ музыкальнымъ экстазомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Экстазы мысли.

Стремленіе къ истинѣ.—Постепенное развитіе этого стремленія отъ любопытства до религіи и до экстаза.—Очарованія, вызываемыя лабораторіей.—Математическій экстазъ.—Экстазъ въ библіотекѣ.—Слава вѣкъ стремимся къ истинѣ!

Сколько счастливыхъ людей удаются въ четыре стѣны своихъ лабораторій и библіотекъ, гдѣ они вопрошаютъ природу и изслѣдуютъ прошлое!—Эти счастливицы не всегда обезпечены насущнымъ хлѣбомъ; они пьютъ одну воду, потому что единственное опьяненіе находятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ; они живутъ одинокими, потому что пожертвовали для науки даже своей любовью. Эти счастливицы никому не завидуютъ и питаютъ лишь жалость къ людямъ, съ такими усиліями ищущимъ далекаго счастья, между тѣмъ, какъ они нашли его среди четырехъ стѣнъ, уставленныхъ книгами, предъ микроскопомъ или предъ вѣсами. Какими низкими и презрѣнными, ослабляющими силу мысли и дѣлающими противными часы отдыха кажутся имъ жалкія похоти; какими пустяками кажутся имъ богатства, почести, все, что такъ высоко цѣнить и чего такъ страстно добивается толпа!—

И какъ мы осмѣлились-бы посылать проклятія жизни и упрёки Провидѣнію, когда мы обладаемъ тою великою любовью, которая сказывается въ стремленіи къ истинѣ?

Да, это правда: мы обладаемъ этой любовью, но далеко не все. Лишь немногіе избранные, доводящіе трудъ до страсти и питающіе святое благоговѣніе предъ истиной, могутъ испытывать извѣстныя очарованія. Для большинства-же трудъ есть наказаніе, а идеальное существованіе заключается въ жизни съ доведеннымъ до минимума трудомъ. Толкуйте импотентамъ о любви, и они васъ не поймутъ; воспевайте уметвенные экстазы предъ свухами мысли, и они будутъ смѣяться надъ вами. Какова-бы ни была любовь, но она требуетъ силы — силы молодости или чувства, силы мускуловъ или мысли. Любовь — богатство, а слабые всегда бѣдны.

Ни въ одной другой страсти человѣкъ не проявляетъ такъ рѣзко своей автономіи, своей независимости отъ другихъ существъ, какъ въ стремленіи къ истинѣ. Это — возвышенный эгоизмъ, въ которомъ наше я проявляетъ все свое могущество, все способности, все умѣнье своего микрокозмоса. Это самая субъективная изъ всѣхъ страстей.

Чтобы любить какой-нибудь живой предметъ, необходимо, чтобы насъ было двое или много. Пылкія привязанности, которыя мы питаемъ къ женѣ, къ сыну, къ матери, къ родинѣ, всегда альтруизмы, требующія существованія другихъ лицъ, чтобы сдѣлать насъ счастливыми, и большая часть нашего экстаза зависитъ отъ внѣшнихъ условій, которыми мы не можемъ управлять по своему желанію. Сколько опасеній, сколько опасностей со стороны жаровъ и града, паразитовъ и непогоды, пока мы наконецъ видимъ созрѣвшимъ колосъ, который мы посеяли и оросили нашимъ потомъ.

При поискахъ за истиной нѣтъ надобности ни въ

жевъ, ни въ сынѣ, ни въ толпѣ. Эта любовь наша— звезда, которая находится въ насъ самихъ или на небѣ, созданномъ нами; здѣсь не нужно сочувствія другихъ, потому что эти другіе составляютъ собою одинъ Х, холодный и безконечный, какъ пространство. Мы не нуждаемся ни въ искусствѣ сердцефдетва, ни въ просьбахъ, ни въ низостяхъ. Небо, которымъ мы желаемъ овладѣть, открыто для всѣхъ: на немъ имѣются звѣзды для всѣхъ телескоповъ, открытія для всѣхъ умовъ, слава для всякаго тщеславія. Отъ насъ самихъ зависитъ направить подзорную трубу на какую-нибудь точку пространства: отъ насъ самихъ зависитъ открыть планету, комету или цѣлую плеяду міровъ. Ни въ какомъ другомъ случаѣ мы не чувствуемъ такъ всего своего значенія всего своего могущества.

Человѣческій умъ иной разъ ведетъ бесѣды съ самимъ собою, бесѣды, которыхъ никто никогда не описывалъ и никогда не опишетъ. Эти монологи кратки и полны силы; въ нихъ слышится громъ и видѣется молнія. Они знакомы лишь великимъ умамъ, потому что только эти послѣдніе обладаютъ счастливой вѣрой въ себя и не колеблются въ ожиданіи, пока узнаютъ, на какой пунктъ пространства они должны обратить свой взглядъ, чтобы найти ту истину, которая какъ-бы ждетъ ихъ. Кто не знаетъ, какую область неба ему изслѣдовать, тотъ не способенъ открыть какую-бы то ни было частицу истины. Америка ждала Колумба, яблоко ждало Ньютона, люстра—Галилея. Такъ два существа, предназначенныя одно для другого, рождаются далеко другъ отъ друга, но встрѣчаются и соединяются.

Если-бы геній не былъ плодомъ деревьевъ, жившихъ долгое время въ средѣ, готовившей для нихъ отростки, соки и ароматы, то поверхностному взгляду плохого наблюдателя могло-бы показаться, что геній не нуждается

во вѣршинныхъ вліяніяхъ и что онъ, напротивъ, тѣмъ могучѣе проявляетъ свою индивидуальность, чѣмъ неблагоприятнѣе вѣтеръ и окружающія условія. Холодные вѣтры равнодушія пытаются остановить его, горькіе соки провіи, насмѣшка и зависть, софизмъ и клевета пытаются отравить, умертвить, унижить его. Но все напрасно: онъ стремится къ истинѣ, которая всегда стоитъ предъ нимъ, маня его къ себѣ. Эта область принадлежитъ ему по праву божескому и человѣческому. Остановить гений то-же самое, что желать воспрепятствовать паденію камня или обратить теченіе рѣки къ ея источнику. Нѣтъ гордости болѣе законной, вѣры болѣе несокрушимой, побѣды болѣе надежной. Прочтите исторіи вѣрхъ великихъ людей, вѣрхъ мучениковъ истины, отъ Архимеда до Колумба, отъ Галилея до Лавуазье, и вы увидите, что вѣр они какъ-бы повинуются одному закону, ведущему ихъ къ истинѣ, если-бы даже она имъ стоила нищеты или тюрьмы, издѣвательствъ или гильотины.

Каждая великая любовь имѣетъ своихъ мучениковъ и самоубійцъ; точно также и любовь къ истинѣ, одна изъ самыхъ великихъ и упорныхъ страстей, заставляющихъ биться сердце и мозгъ. Даже сама жизнь становится для такихъ полубоговъ человѣческой семьи лишь горючимъ матеріаломъ, который они должны потребить во время своего длиннаго или короткаго шествія къ желанной цѣли. Скажите какому-нибудь великому труженнику, мученику бібліотеки или лабораторіи, что онъ сокращаетъ свою жизнь, что онъ убиваетъ себя, и вѣр они расхохочутся вамъ въ лицо. Вѣр они отвѣтятъ вамъ словами великаго Фернеля:

Iam longa quiescendi tempora fata dabunt.

И чѣмъ мучительнѣе и многочисленнѣе будутъ жертвы, чѣмъ значительнѣе пренія, тѣмъ сильнѣе возрастетъ эта божественная любовь къ истинѣ, составляющая одну изъ благороднѣйшихъ особенностей человѣческаго рода. Продолжительныя изслѣдованія требуютъ,

чтобы женщина была позабита, и Ева навсегда печезаетъ съ нашего неба; ночи проводятся безъ сна. Толпа безпокойныхъ дѣтей, рукопожатія друзей нарушаютъ покой и тишину, необходимыя для глубокаго мышленія, и вотъ мы начинаемъ избѣгать общества веселящихся дѣтей и бесѣды разговорчивыхъ друзей. Нѣкоторыя открытія требуютъ, чтобы каждый часъ нашей жизни заключалъ въ себѣ какую-нибудь опасность: мы проводимъ цѣлыя сутки надъ разлагающимися трунами, въ убійственной больничной атмосферѣ; мы излѣдуемъ болота Африки или Индіи, чтобы сорвать тамъ поной цвѣтокъ или раскопать развалины позабытаго храма.

О, святая истина, божество избранныхъ! Ты хотѣла моей молодости и моей любви, ты потребовала, чтобы я пожертвовалъ праздниками весны и отдыхомъ лѣта, ты сорвала цвѣты съ моей головы, и я отдалъ тебѣ молодость, привязанности, опьяненіе жизни; все, все я отдалъ тебѣ. Чего-же ты еще хочешь? Скажи, и ты получишь желаемое!—Я твой навсегда.

Сильная любовь не можетъ ужиться вмѣстѣ съ другою любовью, и когда стремленіе къ истинѣ становится страстью и религіей, привязанностью и жаждой, чувствомъ и мыслью, обожаніемъ и культомъ, тогда тщеславіе, ревность, жажда наслажденій становятся легкимъ зудомъ, едва касающимся кожи. Кто ищетъ истину лишь для того, чтобы посредствомъ нея добиться благосостоянія или славы, тотъ напрасно ждетъ отъ нея экстазовъ и очарованій. Его радости будутъ измѣряться одобреніемъ или счастьемъ—столь-же капризными и измѣнчивыми, какъ и расточающіе ихъ люди.

Мы въ сто разъ милѣе счастливое невѣденіе рабочаго, чѣмъ зудъ тѣхъ лже-тружениковъ, которые въ библіотекѣ или въ лабораторіи обуреваются мечтами суетнаго тщеславія. Ложные жрецы религіи, которой

они не понимают и никогда не поймутъ; еретики вѣры, которой они недостойны,—они никогда не войдутъ въ рай святыхъ поклонниковъ истины. Часто эти жалкіе людишки доходятъ до того, что фальсифицируютъ истину, если это даетъ имъ возможность пустить въ оборотъ ложный вексель, обманывающій толпу, а часто и обыкновенныхъ расточителей похвалъ и почестей. Преступники по отношенію къ истинѣ, фальсификаторы правой вѣры, они часто соединяются въ академическіе союзы—настоящіе вертепы умственныхъ разбойниковъ, воздвигающихъ лживые храмы ложнымъ богамъ, гдѣ они взаимно курятъ опіумъ другъ другу, не впуская къ себѣ скромныхъ жрецовъ религіи истины. Печальны тѣ эпохи, когда эти разбойники могутъ организоваться въ шайки и пріобрѣтать силу; постыдно то время, когда низкій уровень культуры и вѣры допускаетъ существованіе такихъ позорныхъ питенъ въ исторіи.

Первоначальные зародыши любви къ наукѣ существуютъ въ каждомъ человѣкѣ, потому что любопытство, которымъ въ библейскомъ мифѣ характеризуется первый совершенный въ земномъ раю грѣхъ, есть самая обыкновенная человѣческая потребность въ знаніи, неудержимое стремленіе къ отыскиванію и нахожденію новаго и неизвѣтнаго.

И животное жаждетъ новизны и въ тѣсномъ кругу доступнаго ему оно изслѣдуетъ, ищетъ, веагрируется, расширяя ежедневно границы своего горизонта. Отъ этихъ смутныхъ формъ великая страсть возвышается до высочайшихъ вершинъ мыслимаго. Никто однако не въ состояніи взобраться на все вершины мысли, и каждый рождается съ извѣтными способностями, дѣлающими для него возможнымъ поднятіе по извѣтнымъ ступенямъ, но не позволяющими ему подняться по другимъ. Если-бы кто-нибудь сумѣлъ взобраться на все вершины, то онъ пересталъ-бы быть человѣкомъ и сдѣлался-бы Богомъ.

Истина не есть достояніе одной только природы, но также исторіи и искусства, и существует истина эстетическая, истина нравственная и истина, заключающаяся въ критикѣ истиннаго. Немногіе гениальныя люди сумѣли взобраться на двѣ или три вершины великой горной цѣпи познаваемого, и познаніе истины въ искусствѣ не всегда мѣшалось имъ со страстью искать истину въ математическихъ или въ физическихъ и естественныхъ наукахъ.

Дѣло не въ томъ, о какой вершинѣ идетъ рѣчь, о вершинѣ-ли Гималаевъ, Альповъ или Кордильеровъ: мы не судимъ объ экстазѣ по названію вершины, которой желаемъ достигнуть, а по силѣ страсти, возносящей насъ туда; очарованіе-же во всѣхъ случаяхъ получается одинаковое. Въ Азіи, Европѣ, Америкѣ, на всѣхъ значительныхъ вершинахъ воздухъ всегда одинаково чистъ, миражи всегда одинаково поразительны.

Кто сумѣлъ-бы, впрочемъ, сравнить очарованія математика съ очарованіями историка, натуралиста, психолога? Для этого необходимо было-бы заключать въ своемъ собственномъ умѣ всѣхъ крылатыхъ гениевъ, которыхъ произвелъ родъ человѣческой втеченіе своей долгой исторіи. Чтобы быть въ состояніи сдѣлать это сравненіе, недостаточно одной математики; для этого нужна психологія, которая еще находится въ пеленкахъ; для этого понадобились-бы, можетъ быть, еще не изобрѣтенныя инструменты, которые могли-бы передать на бумагѣ высшія вибраціи мысли и глубочайшія чувства, на подобіе того, какъ въ настоящее время съ математическою точностью записываются на бумагѣ движенія пульсирующаго сердца, дышащаго легкаго, сокращающагося мускула, выдѣляющей железы. Въ ожиданіи *многорылаго* генія и не изобрѣтенныхъ еще инструментовъ, попытаемся представить въ общихъ чертахъ наиболѣе выдающіяся формы экстазовъ, сопровождающихъ высокія радости стремленія къ истинѣ.

Въ лабораторіи, гдѣ изслѣдуются тайны жизни и гдѣ въ самыхъ малыхъ движеніяхъ самоатѣйныхъ вещей ищутся тѣ законы, которые когда-нибудь окажутся равными законамъ, управляющимъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, и я провелъ лучшіе годы своей жизни, самые чудные часы своихъ дней. Тамъ я также находилъ иногда отвѣтъ на вопросы, которые до того еще не были выяснены; въ этой молчаливой и спокойной средѣ, во всемъ напоминающей торжественность храма, гдѣ молятся вѣрующіе, я часто наблюдалъ первыя дѣйствительныя очарованія молодыхъ учениковъ, открывавшихъ подъ моимъ наблюденіемъ новыя истины. Нѣкогда мои ученики, они стали теперь моими учителями; эти недавніе юноши въ настоящее время уже составляютъ славу Италіи и самое дорогое утѣшеніе моеи старости.

Между многими другими я никогда не забуду истиннаго экетаса, который охватилъ Юлія Виццоццо, когда онъ, работая въ двухъ шагахъ отъ моего столика, открылъ въ костномъ мозгѣ органъ, творящій кровь. Мы были одни въ лабораторіи; оба были погружены въ глубокое молчаніе, такъ какъ каждый изъ насъ былъ занятъ изслѣдованіемъ природы безконечно-малаго. Наши глаза были опущены надъ микроскопомъ, тѣмъ чуднымъ инструментомъ, который изъ каждой клѣточки дѣлаетъ звѣзду и изъ каждаго кусочка живой матеріи дѣлаетъ небо. Вдругъ Виццоццо вскакиваетъ, какъ ужаленный, съ своего мѣста и подбѣгаетъ ко мнѣ, неся въ рукѣ предметное стекло съ микроскопическимъ препаратомъ. Кусочекъ стекла и капля воды—и все-таки цѣлый міръ! На этомъ кусочкѣ стекла и въ этой каплѣ воды онъ прочиталъ новую истину и увидѣлъ тотъ первый лучъ, который открылъ ему двери славы. Онъ не нуждался ни въ моемъ совѣтѣ, ни въ моихъ указаніяхъ; онъ хотѣлъ лишь къ своимъ убѣжденіямъ прибавить и мое. Геній всегда скромнѣе, потому что скромность—стыдливость силы....

— Да, несомнѣнно, эти шарики—красныя кровяныя

шарики, они стары и заключены въ протоплазмѣ, окружающей ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Ну, вотъ, дорогой профессоръ, это мозгъ молодой кости и...

— И вы едѣтали безсмертное открытіе.

Биццочеро молча вернулся къ своему столу и къ микроскопу. Онъ нѣсколько разъ взглянулъ на препаратъ и затѣмъ устремилъ свой орлиный взглядъ въ пространство, къ тому далекому горизонту, который открывался предъ нимъ въ такомъ блестящемъ, безконечномъ видѣ.

Сколько такихъ экстазовъ сокрыто въ лабораторіяхъ многихъ физиологовъ, гистологовъ, химиковъ, физиковъ и другихъ изслѣдователей тайнъ природы!.. Они скрыты отъ глазъ непосвященныхъ, но они сильны, глубоки и не поддаются описанію.

Никогда или почти никогда открытіе не находится, какъ алмазь, потерянный на дорогѣ, а предчувствуется, предугадывается и добывается лишь путемъ долгихъ опытовъ, колебаній, сомнѣній, изслѣдованій, коротко говоря, полѣмъ долгаго мученичества, страха и опасеній.

Предъ нами мракъ невѣдомаго. Мы не знаемъ, пойдутъ ли намъ направо или налево, взбираться ли вверхъ или спускаться внизъ. Вдругъ этотъ мракъ разсѣивается и одинъ внезапный лучъ свѣта указываетъ намъ надлежащій путь. Это и есть вдохновеніе генія, электрическая искра продолжительнаго напряженнаго сомнѣнія.

Путь предъ нами, но какъ намъ ступить по нему? Искра исчезла, свѣтъ погасъ. За вдохновеніемъ должно слѣдовать изслѣдованіе, медленное, терпѣливое, неутомимое изслѣдованіе, и лишь тогда, когда мы находимся уже на другомъ концѣ пути и широкой, жадною рукою овладѣваемъ тѣмъ сокровищемъ истины, которое предугадывали, предчувствовали, лишь тогда мы испытываемъ

высшей экстазъ полнаго, законнаго и заслуженнаго обладанія драгоценнымъ сокровищемъ.

И послѣ этого толпа осмѣливается говорить, что для того чтобы стать ученымъ, нужно лишь терпѣніе вола, трудящагося подъ ярмомъ!

Если-бы люди не говорили о томъ, чего они не знаютъ и не понимаютъ, то они сэкономили-бы много жизненныхъ силъ, имъ бы не было надобности слышать столько проклятій, и они справедливе-бы относились къ окружающему.

Въ лабораторіяхъ и музеяхъ бываютъ душевныя ощущенія, поэзія и цѣлый міръ спокойныхъ экстазовъ, превосходящихъ даже блаженство супружескаго ложа и очарованія церкви. Однако лабораторіи, гдѣ ищется истина, суть также супружескія ложа, ибо онѣ оплодотворяютъ умы и области науки; но онѣ также и храмы, ибо въ нихъ поклоняются Богу, у котораго никогда не будетъ невѣрующихъ.

Издѣлованія въ области математики вызываютъ во мнѣ трепетъ удивленія и восторга при одной мысли объ нихъ, и я преклоняюсь предъ ними, подобно евреямъ, преклонявшимся предъ своимъ *святая-святыхъ*, куда никто не смѣлъ вступить, чтобы не быть сраженнымъ молніей.

Математикъ — это человѣкъ, который излѣдуетъ причину вѣхъ вещей и поднимается на такую высоту, что сводитъ всё существующія и воображаемыя вещи къ точкамъ, линиямъ и знакамъ, еще болѣе безтѣлеснымъ, чѣмъ числа; и этими точками, линиями и знаками онъ играетъ, какъ дѣтскими игрушками, между тѣмъ какъ они составляютъ душу этихъ вещей: это человѣкъ, который безъ машинъ и безъ инструментовъ, а однимъ карандашомъ или кусочкомъ мѣла развертываетъ предъ собою отношенія между вещами и

магической силой своего ума заставляет их говорить, который видит, какъ эти знаки и линіи движутся предъ его глазами, какъ-бы подъ вліяніемъ волшебства, и бесѣдуютъ съ нимъ, открывая ему законы міра, невидимаго для глаза другихъ, но управляющаго тѣмъ другимъ міромъ, который не мы видимъ и осязаемъ.

Звѣзды, какъ-бы далеки и велики онѣ ни были, въ глазахъ математика всегда являюся презрѣнной матеріей, такъ какъ онъ можетъ примѣнить свои формулы ко вселенной и къ безконечному. И отъ нуля до безконечности этотъ волшебникъ на клочкѣ бумаги управлять цѣлымъ міромъ *количествъ*, сводя абстракціи мысли къ знакамъ, управляющимъ всѣми сотворенными вещами. Эти немногія каракули, эти жалкія буквы алфавита, соединенныя между собою плюсомъ или минусомъ, проявятъ завтра свою неоспоримую тиранию на какой-нибудь системѣ колесъ, точно также какъ на движеніи свѣтила и колебаніяхъ эфира.

Математикъ можетъ похвалиться, что носитъ въ своемъ карманѣ законодательство вселенной. Каждая новая формула, выводимая кончикомъ его карандаша, есть ключъ, которымъ онъ открываетъ двери новаго міра, и до тѣхъ поръ пока химикъ, физикъ и біологъ не получаютъ отъ математика позволенія формулировать его плюсами, минусами, буквами и другими знаками какаго-нибудь явленія, послѣднее можно предугадывать, но оно не становится еще нашей собственностью, тѣмъ надежнымъ матеріаломъ, при помощи котораго можно воздвигнуть стѣну или домъ.

Математика предвидитъ явленія, которыя только должны наступить, и исправляетъ и освѣщаетъ явленія, уже наблюдавшіяся; она служитъ тѣмъ пробнымъ камнемъ, при помощи котораго можно отличать настоящее золото отъ поддѣльнаго, законныхъ дѣтей отъ незаконнорожденныхъ. Число—это маякъ, освѣщающій горизонтъ и открывающій намъ новые міры; чечевица, при помощи которой можно отличить привидѣніе отъ тѣла, мыслимое

отъ придуманнаго, галлюцинацію отъ реальнаго видѣнія. Если чело и нельзя называть прекраснѣйшимъ изъ человѣческихъ сокровищъ, за то оно самое драгоцѣнное изъ нихъ, самое великое изъ его пріобрѣтеній. Ни въ чемъ человѣкъ не проявляетъ такъ всего своего величія, всего своего ума, какъ въ формулѣ. Быть можетъ, черезъ нѣсколько вѣковъ многія произведенія искусства, предъ которыми мы теперь преклоняемся, не будутъ имѣть никакой цѣны; но биномъ Ньютона будетъ управлять людьми и вещами, пока человѣческій мозгъ сохранитъ свое теперешнее анатомическое строеніе.

Математики часто совѣмъ не краснорѣчивы, да они и не нуждаются въ краснорѣчій.—Какой періодъ Демосфена или Цицерона можетъ сравниться по силѣ съ формулой; какой языкъ могъ-бы лучше формулы выразить сущность вещей?—Тѣмъ не менѣе, я предсказываю человѣческой семьѣ, что въ ея средѣ современемъ родится краснорѣчивый математикъ, который познакомятъ насъ со священными экстазами грифельной доски, во время которыхъ иксы, игреки, синусы и косинусы должны казаться человѣческому мозгу красотѣ Фрины и Венеры, во время которыхъ человѣкъ долженъ себя чувствовать равнымъ библейскому Богу, отдѣлившему единымъ словомъ воду отъ суши и превратившему хаосъ въ стройный и соразмѣрный міръ.

Не менѣе прекрасны и не менѣе возвышенны должны быть экстазы историка, психолога, критика, ищущихъ истину между развалинами прошедшаго, въ лабиринтахъ мысли и библиотекъ.

Святая неясность мыслителя побуждаетъ насъ искать истину во мракѣ глубокаго невѣдѣнія, и мы на каждомъ шагѣ наталкиваемся на такую массу заблужденій, на столько тернистыхъ перекрестковъ, на такую путаницу дѣлъ и словъ, что невольно останавливаемся смущен-

ные и униженные. Толпа безсознательно или безотчетно ходитъ по готовымъ обрушиться мостамъ и спокойно спитъ подъ крышами зданій, которыя вотъ-вотъ должны рухнуть; но мы не толпа и не можемъ удовольствоваться этими мостами и зданіями. Гнилыя или источенныя балки и деревянныя мосты мы желаемъ замѣнить мраморными колоннами и гранитными мостами.—Это ложно, то сомнительно, ненадежно или спорно.—Грубую и животную дилемму между *да* и *нѣтъ* мы замѣнили сотней и тысячею пробныхъ камней, указывающихъ для каждаго силава дѣйствительную цѣнность благороднаго металла; на мѣсто догматовъ фетишизма мы ставимъ всё безконечныя градаціи истиннаго. Для толпы всякая съдобная вещь либо сладка, либо горька, всякая осязаемая либо тверда, либо мягка, всякая видимая свѣтла или темна, причиняетъ добро или зло, радость или горе. Мы же для каждаго чувства обладаемъ сотней первовъ, и каждый нервъ удовлетворяетъ сотнѣ и тысячѣ требованій.

Часто мы, послѣ долгихъ, терпѣливыхъ, неутомимыхъ, кропотливыхъ изслѣдованій, видимъ, какъ все строеніе вещей обнажается подъ нашими неутомимыми, руководимыми умомъ, пальцами. Намъ кажется тогда, какъ будто мы сами создали эту стройную истину и этотъ истинный строй. И мы испытываемъ экстазъ въ виду истины, которой добились собственнымъ трудомъ. Гордые открытіями, подобно Колумбу, законодатели, подобно Солону, изобрѣтатели, подобно Галилею и Лавуазье, мы разматриваемъ очарованнымъ взглядомъ то второе творчество, которое выносить на солнечный свѣтъ сокровища, похороненныя и забытыя много вѣковъ тому назадъ.

Въ священнои тиши библіотекъ многія руки дрожатъ и потѣютъ надъ кодексами, къ которымъ онѣ изъ чувства почтенія едва осмѣливаются прикоснуться. У ученаго бывають моменты, когда онѣ своимъ счастьемъ не помѣняются ни съ однимъ изъ влюбленныхъ существъ въ мірѣ; сердечный трепеть, который онѣ испытываютъ въ

такіе моменты, можно сравнить развѣ съ трепетомъ горнаго жителя, когда онъ молотомъ и топоромъ старается пробить жилу неизвѣстнаго еще рудника. Бываютъ экстазы, испытываемые людьми науки при тускломъ свѣтѣ ночной лампы, которые стоятъ выше всѣхъ остальныхъ блаженствъ на землѣ.

Честь и слава вѣдмъ, ищущимъ истину, всякими путями — при помощи-ли микроскопа, на арифметической-ли доскѣ или въ шкафахъ библіотекъ; честь и слава вѣдмъ, испытывавшимъ экстазы мысли, готовящимъ нашимъ потомкамъ новую религію безъ лицемѣрія и безъ лжи, но полную *поэзіи*, потому что она дочь *творчества*; полную идеальности, потому что эта послѣдняя есть и всегда будетъ лишь превосходной степенью истины, красоты и добра.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Экстазы фантазіи.

Бездны глубины и вышины.—Ничтожное и громадное въ фантастическихъ полетахъ.—Искусственные и самопроизвольные, простые и сложные экстазы фантазіи.—Возможное въ будущемъ.

Бездны открываются не только въ глубокихъ ущельяхъ глетчеровъ и вдоль утесовъ горъ: много другихъ пронастей мы находимъ по ту сторону облаковъ, по ту сторону атмосфернаго воздуха, по ту сторону міра, видимаго неворуженнымъ или вооруженнымъ глазомъ. Это бездны мыслимаго, куда человѣческая фантазія охотно уносится въ порывѣ экстаза, какъ-бы для того, чтобы подышать немного въ лучшемъ мірѣ.

Благодаря своимъ могучимъ крыльямъ, фантазія имѣетъ возможность уноситься въ болѣе обширный и болѣе глубокій міръ, чѣмъ тотъ, въ который проникаютъ наши телескопы. Однако слишкомъ часто этотъ міръ состоитъ изъ тѣхъ-же цвѣтовъ, красокъ, драгоценныхъ камней, что и видимый, осязаемый міръ. Это старое изображеніе, но никакое другое не даетъ болѣе вѣрнаго представленія о человѣческой фантазіи: она—калейдоскопъ, который при каждомъ поворотѣ превращаетъ кусочки стекла,

перевъ и камешковъ все въ новые и новые фантастическія фигуры и блестящіе замки.

Нѣкоторымъ наиболѣе красивымъ картинамъ своего калейдоскопа поэтъ придаетъ безсмертіе, и втеченіе многихъ вѣковъ предъ нами всплываютъ эти мысли могучихъ умовъ, окрыленныхъ фантазій. Лишь самая незначительная часть этихъ изображеній удерживается фотографіей памяти, и даже самый плодовитый поэтъ сохраняетъ для себя и для потомковъ лишь одну изъ многихъ фантазій, отъ времени до времени возникающихъ въ его умѣ. Кромѣ того, существуетъ много людей, которые не въ состояніи были написать самаго безобиднаго сонета, несмотря на то, что порою въ молодости имѣли свои вдохновенія и видѣнія. Многие подобны кошкѣ, которая граціозна только въ ранней молодости, или соловью, который поетъ лишь втеченіе немногихъ недѣль своей любви. Другіе, и не будучи поэтами, умѣютъ, закрывая глаза и немного возбуждая фантазію, вызывать въ умѣ цѣлыя эпопеи образовъ, дифирамбы, то комичныя, то возвышенныя по строенію и окраскѣ. Рете изучалъ на себѣ самомъ эту способность; но ею владѣетъ масса лицъ, не обладающихъ гениемъ автора *Фауста* и *Ифигеніи*.

У многихъ фантастическія картины состоятъ исключительно изъ красокъ. Это какой-то волшебный танецъ лучей, ореоловъ, радугъ, огней, искръ. Если мой дорогой другъ Эдмондъ де Амичи имѣетъ калейдоскопическія видѣнія, то они должны быть какъ разъ столько-же раскрашены, насколько онъ колористъ; такія-же видѣнія должны были имѣть и великіе живописцы Венеціанской школы.

И кто обожаетъ женщину болѣе всѣхъ остальныхъ существъ въ мірѣ, тому должны сниться безконечныя олимпы, столь богатые волнистыми розовыми линіями, что предъ ними совершенно блѣднѣютъ всѣ *zenana* султановъ Багдада, Дели и Лукнона.

А кто живетъ симметрией и обожаетъ ее, какъ са-

мое вѣрное и пластическое выраженіе истины, тотъ долженъ мечтать о мірахъ, превосходящихъ симметрией кристаллическіе типы минералогa, о геометрическихъ фигурахъ, болѣе совершенныхъ, чѣмъ греческая архитектура; тотъ долженъ очаровываться линиями и углами, не отклоняющимися одинъ отъ другаго ни на тысячную градуса.

Такимъ образомъ каждый имѣетъ свои фантазіи, смотри по природѣ своего мозга и по особенному состоянію возбужденія, въ которомъ этотъ мозгъ находится; ибо наше воображеніе подобно биноклю: смотря по тому, на какомъ разстояніи мы смотримъ въ него, вещи либо увеличиваются и приближаются, либо уменьшаются и отдаляются. Самъ реальный міръ становится фантастическимъ уже отъ того одного факта, что его увеличиваютъ или уменьшаютъ въ тысячу, сто тысячъ, миллионъ разъ. Пароенкозъ, заключенный въ напереткѣ женщины, есть чудовище фантастическаго микрокосмоса, точно также какъ фіалка величиною въ солнце была-бы чудовищемъ макрокосмоса. Соразмѣрность вещей составляетъ такой существенный ихъ элементъ, что для ихъ изуродованія достаточно увеличить или уменьшить ихъ размѣры. Это одна изъ самыхъ легкихъ игръ фантазіи, одна изъ первыхъ буквъ ея алфавита. Гиганты и карлики, Голиафы и Диллипуты, которыхъ вы подъ различными именами можете встрѣтить во всѣхъ мифологіяхъ и во всѣхъ литературахъ всего міра, служатъ примѣрами подобнаго рода игры.

Уменьшеніе большихъ вещей приближаетъ ихъ къ намъ, дѣлая ихъ милѣе и вызывая въ насъ желаніе обладать ими.

Орѣхъ, заключающій въ себѣ цѣлый міръ, есть сонъ, являющійся съ ранняго дѣтства, а цѣлый народъ изъ людей не больше муравьевъ, который можно спрятать, въ шкатулку, составляетъ фантазію, которая являлась

тысячамъ людей въ различныя времена. А майскій розовый бутонъ, заключающій въ себѣ цѣлый лѣгонецъ дѣвицы, розовыхъ какъ его лепестки, есть соль цѣлудренныхъ и опьяненныхъ любовью юношей.

Но гораздо легче и пріятнѣе для фантазіи увеличивать маленькія вещи, и боги всѣхъ олимпонъ всегда были гигантами, созданными разматриваніемъ ихъ чрезъ окуляры микроскопа и телескопа.

Для этихъ увеличеній нѣтъ ни границы, ни мѣры. Наименѣе фантазирующій изъ насъ можетъ на мгновение вообразить себѣ, что звѣзды небесныя лишь кровавыя шарикки, циркулирующіе по капиллярамъ одного изъ мельчайшихъ организмовъ, одного изъ ничтожайшихъ міровъ вселенной; что растенія, животныя и люди лишь безконечно малые паразиты этихъ шариковъ; и что милліоны вѣковъ жизни звѣздъ суть лишь минутныя процессы горѣнія или окисленія матеріи въ милліардовъ-ковой жизни того организма, который, быть можетъ, разматривается теперь въ микроскопъ существомъ въ милліонъ разъ больше его.

Пока альфа и омега вещей и времени ускользаютъ отъ человѣческой мысли (а въ этомъ отношеніи геній и толпа находятся на одинаковомъ уровнѣ невѣжества), мы можемъ, играя съ коробочками изъ Бенареса, предположить, что тысячная и самая маленькая концентрическая коробочка заключаетъ въ себѣ другую тысячу меньшихъ коробочекъ; точно также мы можемъ вообразить, что самая большая коробка, содержащая въ себѣ все остальныя, больше всей мыслимой вселенной. Ничто въ мірѣ не бываетъ для человѣка ни абсолютно великимъ, ни абсолютно малымъ: все велико или мало, смотря по положенію, указываемому нами вещамъ, которыя мы желаемъ измѣрять, т. е. сравнивать.

Если вы къ этимъ двумъ полюсамъ величины вещей прибавите еще тысячи другихъ комбинацій красокъ, фигуръ, формъ, прибавите всё разнообразныя сплетенія этихъ элементовъ, то вы легко поймете, какимъ матеріаломъ располагаетъ наша фантазія, когда, приводя въ движеніе свой калейдоскопъ, она созерцаетъ воображаемыя существа воображаемаго міра.

Каждая замѣтка, хранимая въ архивахъ прошлаго, каждый листокъ, каждый цвѣтокъ, сорванный въ садахъ земли, каждый новый фактъ, открываемый наукой, вносятъ въ калейдоскопъ новый кусочекъ матеріи съ новыми красками и тѣнями, и такимъ образомъ, возможныя комбинаціи фантазіи умножаются до безконечности.

Сотни тысячъ сказокъ, записанныхъ въ литературахъ всего міра, представляютъ собою лишь самую ничтожную часть того, что приходило на мысль писателямъ съ богатой фантазіей, и о каждой планетѣ нашей солнечной системы, о каждой небесной звѣздѣ можно было-бы написать фантастическую исторію, въ которой фигурировали-бы новыя существа, новыя растенія: существа, которыхъ нельзя отнести ни къ животнымъ, ни къ растеніямъ, и эти планетныя сказки доставили-бы намъ гораздо больше удовольствія и утѣвеннаго отдыха, чѣмъ точный анализъ той кризиса, въ которой завязли многіе люди нашей планеты.

Человѣкъ, не обладая крыльями, можетъ на нѣсколько часовъ отдаться опьяненію полета, довѣрившись лодкѣ аэростата. Точно также человѣкъ со слабыми крыльями фантазіи можетъ придать имъ силу посредствомъ опиума, гашиша, коки и всёхъ другихъ наркотическихъ средствъ, извѣданныхъ мною въ *Картинахъ человѣческой природы*, и такимъ образомъ вызвать искусственнымъ путемъ экстазы фантазіи. Эти искусственно вызванныя видѣнія богаче формами и красками, чѣмъ естественно-возникающія, и составляютъ высшую радость, великое наслажденіе, быть можетъ, цѣлой половины человѣческой семьи, той половины, которая населяетъ восточную часть нашей

планеты. Богатые фантазіей жители Востока, не тратя никакихъ силъ на умственную или жизненную борьбу, сосредоточили всю свою психическую энергію на фантазіи. Эта перераздражимость даетъ себя чувствовать и въ поэзіи Востока, такъ что въ поэтическихъ произведеніяхъ Персія и Индіи не трудно замѣтить вліяніе оній или ганиши.

Рѣдко однако фантастическій экстазъ, даже естественный, обязанъ своими чарами однимъ только полетамъ фантазіи; чаще всего онъ сочетается съ другими аффективными элементами. Аскетическія видѣнія также фантастичны, но ихъ источникъ кладетъ на экстазъ особую печать, какъ мы это уже видѣли при изученіи экстазовъ католическихъ подвижницъ.

Такъ поэтъ, влюбленный въ извѣстныя формы идеала, впадаетъ въ экстазъ, когда его воля не можетъ овладѣть крылатыми существами, мелькающими вокругъ его вдохновеннаго чела. Когда-же онъ овладѣваетъ ими и описываетъ или группируетъ ихъ, тогда экстазъ переходитъ въ творчество, а неопредѣленные и туманные образы кристаллизуются въ слова или стихи. Сладострастіе и экстазъ—двѣ величайшія вершины человеческого міра въ области оцущеній и въ области мысли—не могутъ найти ни словъ для ихъ обрисовки, ни научныхъ терминовъ для ихъ описанія. Сладострастіе и экстазъ—обнаженные и крылатыя созданія; но и нагота, и крылья ихъ не имѣютъ ни цвѣта, ни формы. Если слову удастся покрыть ихъ одеждой—они становятся мертвыми. Они становятся тогда бабочками, надѣтыми на булавки, райскими птицами, вабитыми соломой, высушенными колібри, зѣздами, наринованными въ астрономическихъ атласахъ; словомъ, скорлупой существа, которое болѣе не существуетъ.

Но не будемъ отчаяваться за будущее науки, которая должна быть безконечна, какъ бездна нашего невѣ-

жества, неизмѣрима, какъ наши желанія. Развѣ нашей, вчера только родившейся, фотографіи не удалось уже свѣтъ на бумагѣ движенье пѣнистой волны, галочку коня, полеть пушечнаго ядра? Почему-же намъ не предположить, чтобы такая чувствительная пластинка, какъ нашъ мозгъ, не былъ со временемъ въ состояніи удерживать изображеніе нервныхъ колебаній въ состояніи экетаса или сладострастія?

Душевное явленіе, какъ-бы возвышенно, мрачно, запутанно, скоротечно оно ни было, всегда представляетъ собою лишь извѣстный видъ движенія, и если удастся превратить его въ химическую реакцію, которую можно фиксировать и сдѣлать постоянной, то получается уравненіе, вторая часть котораго, соответствующая первой, должна вызвать свое изображеніе въ человѣческомъ умѣ. Такимъ образомъ *пропѣтая* музыкальная пьеса становится *записанной* при помощи фонографа; такимъ образомъ любовная дрожь становится записаннымъ словомъ, благодаря телеграфу; и такимъ-же образомъ человѣческая душа втеченіе столѣтій въиковъ трепещетъ еще предъ *fiat lux* ¹⁾ Иеговы и предъ *tu quoque, fili mi* ²⁾ Юлія Цезаря.

¹⁾ Да будетъ свѣтъ.

²⁾ И ты также, сынъ мой

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Х Экстазы краснорѣчія. Х

Объ отцѣ Августинѣ. — Разница между писаннымъ и устнымъ словомъ. — Всемоущество слова и его причины. — Ораторъ и его слушатели. — Экстазы обонхъ. — Орфей.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней поста 1887 года я также отправился въ Пизу, чтобы послушать отца Августина, который уже болѣе мѣсяца увлекалъ и очаровывалъ толпу съ высоты соборной кафедры. Люди, пришедшіе изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ нашей родины, осаждали площадь въ ожиданіи часа, когда откроются двери собора; невѣрующіе ученые покинули свои лабораторіи, чтобы послушать, какъ бѣдный монахъ говорилъ о Богѣ, въ котораго они не вѣрили. Въ ресторанахъ, кофейняхъ, театрахъ и журналахъ только и было рѣчи, что о великомъ проповѣдникѣ, и энтузіазмъ дошелъ наконецъ до той степени, когда споръ становится невозможнымъ.

Такія чудеса умѣютъ совершать лишь сильные; и вотъ я также оставилъ кафедру, музей, умныя бесѣды съ друзьями, чтобы услышать слово монаха, чтобъ подивиться силѣ.

Я не хочу здѣсь говорить о краснорѣчїи отца Августина; я указываю здѣсь лишь на то обстоятельство, что его слово привлекало къ нему ежедневно тысячи народу всякаго возраста, пола и образованія. Я видѣлъ, какъ мужчины и женщины, выходя изъ церкви, рыдали навзрыдь; я видѣлъ, какъ совершенно незнакомые между собою люди пожимали другъ другу руки и обнимались, чувствуя потребность подѣлиться съ другими полною овладѣвшихъ ими ощущеній. Я былъ свидѣтелемъ сцены, часто повторявшейся на страницахъ исторїи: я видѣлъ, какъ слово одного человѣка уничтожало старыхъ идоловъ и воздвигало новыхъ, какъ слово одного человѣка навязывало цѣлому населенію вѣру, налагало на него анабемъ, объявляло войну или миръ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что если слово не главная, то, во всякомъ случаѣ, одна изъ главнѣйшихъ силъ современнаго міра, Гдѣ создаются законы? Въ *парламентахъ*; а парламентъ происходитъ отъ латинскаго слова *parlare* — *говорить*. Откуда насъ поучаютъ философскія теорїи, научнымъ гипотезамъ, направленію методовъ? Съ кафедры.

Въ народныхъ собраніяхъ одобряются или порицаются дѣйствія правительства и назначаются кандидаты въ народное представительство; въ парламентахъ высокое положеніе достигается только словомъ; а на министерской скамьѣ одно только слово можетъ придать вѣроятность парадоксу, заставить вѣрить очевидной лжи, освятить софизмы. Со *словомъ* можно дерзать на все, и когда побѣда остается за нами, никто не станетъ затѣвать съ этимъ словомъ процесса, чтобы ослабить его или вычеркнуть изъ исторїи.

Слово—это та-же война: называйте ее самой несправедливой изъ несправедливостей, называйте ее насиліемъ, правомъ сильнаго; но вѣдь только войною до-

бывается цивилизація, только войною защищается право, потому что она служит суммой всѣхъ силъ народа.

Точно также и устное слово есть нравственное могущество—сумма многихъ сотенъ силъ, а кто владѣеть этимъ могуществомъ и умѣетъ примѣнять его, тотъ силенъ и всегда будетъ правъ передъ слабымъ. XX

Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы читатель вынесъ убѣжденіе, будто я одобряю это преимущество, будь оно добыто при помощи пушекъ или краснорѣчія, при помощи штыковъ или чарующихъ словъ. Я лишь указываю на фактъ и изучаю его. Научная критика и нравственныя указанія не притупили зуба тигра и не сдѣлали безвреднымъ жала змѣи; и змѣи и тигры рождаются безъ особаго нашего на то разрѣшенія. Отрицать силу значитъ закрыть глаза, чтобъ не видѣть убійцу; поэтому по сто разъ лучше признать и изучить ее, чтобы узнать, гдѣ она соприкасается съ правомъ и гдѣ она отъ него удаляется.

Устное слово всемогуще, потому что оно и мысль, и чувство въ одно и то-же время, потому что входитъ къ намъ черезъ уши, глаза и умъ, подчиняя насъ дѣйствию тройнаго ряда силъ. Писанное слово—это оборонительная сила, точка опоры для сражающихся отрядовъ, убѣжище для побѣжденныхъ, поддержка для побѣдителей. Устное слово—это пѣхота, которая преслѣдуетъ вражескіе ряды, артиллерія, которая разитъ ихъ своимъ убійственнымъ огнемъ, кавалерія, которая разбиваетъ ихъ; устное слово—это человеческое дыханіе, зависящее отъ мысли, но согрѣваемое сердцемъ и заставляющее трепетать все, что въ насъ есть человеческого. XX

Въ устной рѣчи мысль убѣждаетъ, чувство увлекаетъ, голосъ очаровываетъ насъ. Какъ-же намъ противиться столькимъ различнымъ силамъ, нападающимъ на насъ сразу со всѣхъ сторонъ?

Читайте по нѣскольку разъ Гюссюэта, Массильона.

Бурдалу, Демосфена, Цицерона, Мирабо, О'Коннели, Мингетти, Манчини, Кастеллара—и вы, все-таки, не составите себѣ даже блѣднаго представленія о страшномъ могуществѣ этихъ ораторовъ. Въ ихъ писаніяхъ вы найдете лишь свѣдѣть красиваго тѣла; но развѣ кто могъ-бы влюбиться въ кости Фрины или рафаэлевской Мадонны?

Устная рѣчь сохраняется даже лучшими стенографами лишь въ видѣ блѣдной тѣни живаго тѣла. Краснорѣчіе живаго слона не можетъ быть передано ни однимъ фотографомъ въ мірѣ: оно витаетъ въ воздухѣ, переходитъ отъ устъ къ сердцу, и ни одинъ человѣческій инструментъ не въ состояніи остановить или удержать его, подобно тому какъ мы не въ состояніи фиксировать на полотнѣ или бумагѣ золотистый ароматный воздухъ майскаго дня. Вы вдыхаете его, онъ опьяняетъ васъ, и вы довольствуетесь этимъ. Кто желаетъ большаго, тотъ пусть попытается послать солнце и замариновать радугу.

Подумали-ли вы когда-нибудь о томъ, что такое краснорѣчивое слово вдохновеннаго человѣка, священника, парламентскаго оратора или профессора—безразлично? Подумали-ли вы когда-нибудь о силахъ, развиваемыхъ той молніей, которая громитъ и утѣшаетъ, убиваетъ или придаетъ жизнь?

XX | Ораторомъ нужно родиться, но овладѣть толпою можно лишь съ появленіемъ первыхъ сѣдыхъ волосъ, когда голоса и мысли всѣхъ мертвыхъ и живыхъ существъ прошли чрезъ наши нервы. Мы должны раньше испытать пожары страстей, мы должны предварительно вдоволь наплакаться и наемѣяться, мы должны раньше расточить много ласкъ невиннымъ младенцамъ, мы должны испытать на своихъ плечахъ оцущеніе электрической волны волосъ Евы, мы должны раньше вкусить горечь сердечныхъ ядовъ и сладость нектара цвѣтовъ,—и, все-таки, все пережитое будетъ лишь оболочкой нашей мысли; мы

должны еще раньше продумать все умом и, не теряя своей индивидуальности, почувствовать себя братьями XX
всѣхъ людей, взобравшихся на Олимпъ. Глубокіе знатоки міра мертвыхъ, мы должны жить жизнью живыхъ, умѣя читать въ совѣти людей и вѣрно толковать біеніе скрытаго сердца по выраженію ихъ лица.

Ораторъ, котораго не связываютъ невидимые нити со слушателями,—не ораторъ и никогда не будетъ ораторомъ. XX
Каждый звукъ его голоса долженъ найти откликъ въ каждомъ слушающемъ его человѣкѣ, и онъ самъ долженъ чувствовать всѣ ощущенія, вызываемыя его страстнымъ, вдохновеннымъ словомъ. И чѣмъ болѣе сердце, бьющееся за одно съ нимъ, тѣмъ вдохновеннѣе становится его краснорѣчіе. Это высказалъ уже много вѣковъ назадъ одинъ изъ первыхъ римскихъ ораторовъ: *non est magnus orator, sine multitudine audiente* (нѣтъ великаго оратора безъ многочисленной аудиторіи); то-же повторилъ Тацитъ въ нѣсколько иныхъ словахъ.

Пусть однако этихъ слушателей будетъ сто, тысяча или десять тысячъ, но если они не всѣ покорены ораторомъ, если онъ не всѣхъ ихъ очаровалъ и слилъ въ одну компактную индивидуальность, которая называется убѣжденной публикой,—ораторъ не можетъ рассчитывать на экстазъ ни для себя, ни для другихъ. Ораторъ и публика должны быть двумя существами, притягивающими другъ друга и приближающимися другъ къ другу, пока они не сольются въ одномъ могучемъ объятіи.

Пока разсѣяныя монады не всѣ наэлектризованы однимъ и тѣмъ-же токомъ, пока индивидуумы изолированы другъ отъ друга, предъ вами будутъ симпатическіе токи, судьи, критики, слушатели, но не будетъ толпы побѣжденныхъ.

И ораторъ видитъ и чувствуетъ разрозненность отрядовъ, которые хочеть побѣдить, и въ качествѣ дол-

каго гипнотизера овладѣваетъ ими по одному или по группамъ, пока не побѣдитъ и не сдѣлаеть своими ихъ всѣхъ. Ораторъ читаетъ въ глазахъ и жестахъ, въ молчаніи и вздохахъ начало побѣды, которую онъ долженъ одержать, и его рѣчь ставится все теплѣе, страстнѣе, пока тысяча или десять тысячъ человѣкъ не становятся двумя людьми, изъ которыхъ одинъ о тысячѣ головъ, а другой объ одной головѣ. Одинъ человѣкъ, который говоритъ, другой, который слушаетъ; одинъ человѣкъ, который овладѣваетъ, другой, который позволяетъ овладѣть собою; одинъ человѣкъ, который волнуется, другой, который исполненъ удивленія; два человѣческихкія сознанія, созерцающихъ другъ друга, какъ въ зеркаль, любящихъ и обнимающихъ другъ друга однимъ страстнымъ объятіемъ. Каждое слово оратора сопровождается эхо, которое тысячи разъ повторяется въ мысли и сердцѣ всѣхъ; каждый жестъ его волнуется, дакъ етъ, потрясаетъ или успокоиваетъ весь этотъ легионъ слушателей. Борьба нравственныхъ силъ и великая побѣда!

Великая побѣда и тысяча побѣжденныхъ, но безъ униженія чьей-либо гордости. Съ одной стороны некрайней свѣтъ, согревающая теплота, увлекающая сила; съ другой—внутренній трепетъ человѣка, видящаго, какъ его мысли блестяще истолковываются другимъ человекомъ, появившимъ всѣ мысли и чувства толпы и объясняющимъ ихъ своимъ чарующимъ голосомъ.

Это очарованіе есть гипнотизмъ и экстазъ. Лица блѣднѣютъ или краснѣютъ, и безсознательное движеніе глазъ и членовъ приближаетъ этихъ людей, ставшихъ однимъ человекомъ, къ тѣмъ устами, которая какъ-бы говорятъ отъ имени всѣхъ, чувствуютъ, плачутъ, гнѣваются, любятъ, ненавидятъ, надѣются и проклинаютъ.

И тогда экстазъ овладѣваетъ ораторомъ и слушателями, представляя намъ одну изъ самыхъ грандіозныхъ и самыхъ возвышенныхъ сценъ человѣческаго міра. Жизнь цѣлой массы личностей какъ-бы сконцентрировалась въ жизни одного человѣка, который за всѣхъ го-

ворить, волнуется, повелѣваетъ и желаетъ. Тогда немалыми ни противорѣчя, ни перерывы, ни противодѣйствіе.

*Какое чудовище!
Какой амель!
Какое очарованіе!
Сколько гармоній!
Сколько чувства!
Сколько гениальности!*

Но этотъ человекъ—Богъ! Какъ онъ можетъ быть неправымъ? Все, что онъ говоритъ, справедливо, возвышенно; мы все объ этомъ думали, но никто изъ насъ не успѣлъ этого высказать такъ, какъ онъ это сдѣлалъ.

И втеченіе нѣсколькихъ моментовъ покой слушатели смотрятъ другъ другу въ глаза, чтобы прочесть тамъ то-же очарованіе, то-же волненіе, тотъ-же восторженный гимнь. Затѣмъ раздается взрывъ рукоплесканій или проносится шепотъ одобренія.

Тогда ораторъ убѣждается въ томъ, что слияніе сердецъ дѣйствительно произошло, что въ данномъ мѣстѣ—въ храмѣ, въ школѣ, на площади, въ парламентѣ существуютъ лишь два человѣческихкія существа, которыя обожаютъ другъ друга, которыя счастливы тѣмъ, что могутъ испытать такое ощущеніе; которые горды тѣмъ, что могутъ столько чувствовать, плакать, мыслить при каждомъ словѣ, каждымъ жестѣ, каждымъ крикомъ презрѣнія или похвалы.

Сказаніе про Орфея олицетворяетъ собою не только очарованіе, производимое музыкой, но и очарованіе, вызываемое краснорѣчіемъ, которое во все времена было однимъ изъ самыхъ завидныхъ даровъ человѣческаго мозга. Если между всеми животными только человекъ умѣетъ *говорить*—хотя все обладаетъ своимъ языкомъ

для выраженія своихъ ощущеній—то и между людьми лишь немногіе нмѣютъ отъ природы и могутъ усовершенствоваться искусствомъ вышее дарованіе—превращать голосъ въ силу, покоряющую умы и сердца, сѣющую между толпою симпатіи, энтузіазмъ, увлеченіе.

Все женщины въ мірѣ могутъ сказать вамъ: *я люблю тебя*; но лишь одна сумѣла сказать вамъ ихъ съ такою сладостью въ голосѣ, съ такою стыдливостью или страстью, что вы никогда не позабудете божественной музыки этихъ трехъ простѣйшихъ словъ.

Все люди на землѣ умѣютъ говорить; но исторія отмѣчаетъ, какъ героевъ мысли, лишь тѣхъ немногихъ, которые одною рѣчью умѣли выиграть сраженіе или провести реформу, которыя однимъ лишь голосомъ сумѣли вписать въ исторію народа одну изъ самыхъ прекрасныхъ и славныхъ ея страницъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Экстазы борьбы и могущества.

Очарованія Кавура, Гарибальди, Мольтке и Бисмарка.— Сложная и непредвѣдимая природа этихъ экстазовъ. — Два слова о психологій воли. — Локомотивы и геній дѣла. — Кратковременность и интенсивность этихъ экстазовъ.

И прожить уже болѣе полувѣка, и немногіе годы, которые мнѣ еще осталось прожить, могутъ служить лишь для продолженія того, что я дѣлалъ до сихъ поръ, ибо я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые всю жизнь посвящаютъ одной цѣли. Поэтому я могу сказать, что мнѣ никогда не привелось испытать и я не буду имѣть случая испытать экстазовъ борьбы и политическаго могущества.

Мнѣ поэтому слѣдовало-бы отказаться отъ бесѣды съ вами о великихъ политическихъ и военныхъ экстазахъ людей, которые своимъ умомъ, вооруженнымъ перомъ или шпагой, измѣняютъ форму правленія страны и пишутъ безсмертныя страницы въ исторіи народа. Но я видѣлъ и зналъ Кавура и Бисмарка, Гарибальди и Мольтке: могу даже сказать, что изучилъ ихъ, а эти люди несомнѣнно испытали въ своей славной жизни экстазы могущества и дѣятельности.

Будучи почти еще юношей, я, затерявшись въ не-
смѣтной толпѣ предъ народной трибуной въ Туринѣ,
былъ свидѣтелемъ невѣроятной борьбы между двумя ги-
гантами. Гарибальди и Кавуромъ.

Одинъ возсѣдалъ на министерской скамьѣ; его мыслью
была объединенная Италія, и для этой цѣли онъ бо-
ролся противъ троновъ государей и идей консервато-
ровъ, противъ трусости малодушныхъ и предразсудковъ,
невѣждъ; онъ былъ одинъ противъ всѣхъ, но это не
лишало его вѣры въ себя и свои силы. Другой, спра-
ведливо гордясь своей американской славой и послед-
ними чудесами въ отечествѣ, былъ сердцемъ Италіи,
унаслѣдовавшимъ всю страсть и любовь изгнанниковъ и
мучениковъ отчизны. И эти двѣ одинаково великія,
но безконечно различныя силы столкнулись между собою,
прежде чѣмъ обняться и слиться въ одномъ стремленіи
къ возсозданію Италіи. Политическій геній и вели-
кодушное сердце, могучая мысль и порывъ страсти,
благоразуміе и отвага столкнулись, какъ двѣ рѣки, те-
кущія съ двухъ отдаленныхъ горъ, сталкиваются между
собою, передъ тѣмъ какъ слиться въ одну рѣку.

И я видѣлъ, какъ итальянскій парламентъ, состоя-
ній изъ столькихъ разнородныхъ силъ, бушевалъ, тре-
петалъ и клекоталъ при видѣ борьбы этихъ двухъ ти-
тановъ, и на лицахъ толпы я читалъ возбужденіе на-
рода, съ дрожью слѣдившаго за этимъ гигантскимъ еди-
ноборствомъ. Кавуръ побѣдилъ; геній мысли увлекъ въ
поворотъ всеобщей любви къ Италіи генія сердца. И
на лицѣ великаго борца мелькнула улыбка, мистическая
и повышенная въ одно и то-же время; это была улыбка
экстаза, вызваннаго побѣдой. Побѣда принадлежала ему,
но еще болѣе Италіи, присутствовавшей при состязаніи
двухъ возлюбленныхъ своихъ сыновъ и при союзѣ тѣхъ
двухъ великихъ силъ, которыя должны были перевер-
нуть и похоронить прошлое, создать для всѣхъ итал-
янецъ новое и великое отечество.

И много разъ видѣлъ Гарибальди, но особенный восторгъ онъ вызвалъ во мнѣ, когда, смѣло отвергнувъ амнистію, подписанную Карломъ Альбертомъ въ августѣ 1848 года въ Миланѣ, онъ вступилъ въ бой съ австрійцами при Лувино, и несмотря на далеко неравныя силы, съ войскомъ, состоявшимъ изъ новичковъ и добровольцевъ, побѣдилъ ихъ. Я видѣлъ, какъ онъ дѣлалъ смотръ своимъ героямъ, галопируя на своемъ конѣ, съ развѣвающимися по плечамъ свѣтлыми волосами, въ своей красной рубашкѣ, ярко горѣвшей на солнцѣ. Его лицо сіяло и ликовало, и на этой львиной головѣ отражался весь блескъ вѣры, любви къ отечеству и силы воли. Вдругъ онъ остановилъ лошадь и уставился взглядомъ въ солнце, какъ-бы вглядываясь въ какое-то далекое видѣніе. Что онъ видѣлъ, о чемъ онъ думалъ въ этотъ моментъ— я не знаю. Несомнѣнно однако, что это было экстатическое видѣніе. Быть можетъ, онъ сквозь послѣднія пораженія, роковое перемиріе и дикіе крики реакціи, покрывшіе въ своемъ триумфѣ голоса столькихъ мучениковъ, видѣлъ Италію, въ нѣсколько лѣтъ воскресшую для новой жизни, и предчувствовалъ движенія 59, 66 и 70 годовъ; быть можетъ, онъ мечталъ о Римѣ и видѣлъ, какъ король Викторъ-Эммануилъ почтительно преклонялся предъ борцомъ народа тамъ, въ Капитоліи, подъ сѣнью древней славы.

И видѣлъ также Мольтке скромно засѣдающимъ въ германскомъ парламентѣ, подобно другимъ представителямъ народа. Я видѣлъ его однажды на полѣ сраженія рядомъ съ другимъ гениальнымъ титаномъ, Бисмаркомъ, и цѣлой фалангой уметвенныхъ силъ Германіи. Я видѣлъ, какъ онъ добродушно-лукаво улыбнулся при видѣ нѣмецкихъ отрядовъ, составленныхъ изъ сыновъ столь различныхъ отечествъ, но теперь живущихъ подъ кровлей одного обширнаго дома—Германской имперіи. Этотъ ураганъ бурной оппозиціи, это возстаніе столь-

кихъ сильныхъ волю противъ сильнѣйшей и могущественной воли великаго деспота нисколько не смущали его и не начертали на его олимпійскомъ челѣ ни одной морщины. Исполненный несокрушимой вѣры, онъ навѣрное шепталъ слова изъ Библии: *non praevalerunt!*

Побѣды, одержанныя имъ, стоили слишкомъ много крови, и потребуется слишкомъ много вѣковъ историческаго развитія, чтобы плоды ихъ могли погибнуть. Германское единство болѣе не могло быть разрушено. Быть можетъ, въ тотъ моментъ экстаза онъ видѣлъ все одержанныя имъ побѣды и молчалъ, не теряя терпѣнія, подобно тому какъ левъ даетъ трепать свою свѣтлую гриву маленькимъ собачкамъ.

Я видѣлъ также князя Бисмарка, пожималъ его руку и бесѣдовалъ съ нимъ въ раззолоченныхъ залахъ дворца императора Вильгельма. Онъ, быть можетъ, посмѣется надо мною, когда узнаетъ, что я говорилъ о немъ въ книгѣ *объ экстазахъ человека*. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнiю, что онъ часто впадаетъ или, лучше сказать, возвышается до экстаза. Онъ слишкомъ нервенъ, его гений имѣетъ слишкомъ могучія крылья, чтобы они не возносили его часто на небо очарованiй.

Я видѣлъ его во дворцѣ императора Вильгельма въ военномъ мундирѣ, высокихъ сапогахъ и блестящихъ орденлахъ, но ярче сабли и драгоценныхъ камней блестѣли его большія глаза. И мышцы его лица ежеминутно судорожно подергивались, какъ будто сокрытая въ немъ сила не могла быть удержана тамъ ни желѣзнымъ лицомъ, ни желѣзной волей, ни всею тѣмъ желѣзомъ, изъ котораго онъ состоитъ.

И какъ онъ могъ въ этотъ день, въ этотъ часъ не испытывать экстаза могущества, когда по его волѣ созваны были въ Берлинъ и сгруппировались вокругъ него ученые и представители могущественнѣйшихъ морскихъ державъ въ мiрѣ, чтобы обсудить новую колониальную

политику? Какъ ему было не придти въ очарованіе, когда онъ своей волей заставилъ Англію, Францію, Америку и Португалію спорить насчетъ Конго въ столицѣ страны, которая лишь вчера водрузила свое знамя на горети африканскаго песку, чтобы имѣть предлогъ также назваться колониальной державой?

Экстазы, которыя мы теперь изучаемъ, принадлежатъ къ самымъ сложнымъ и труднѣе всего поддающимся опредѣленію; поэтому психологической анализъ ихъ является весьма смѣлой задачей. Многие, безъ сомнѣнія, откажутся признать за ними особенный, точно опредѣленный видъ. Одни скажутъ: *Но вѣдь это экстазы гордости!* А другіе: *Но вѣдь это экстазы любви къ отечеству!* И такъ далѣе. Каждый относитъ эти экстазы къ той или другой группѣ, смотря по преобладающему въ немъ чувству.

И они не совѣмъ неправы. Но они ставятъ на первый планъ черту, которая въ сложномъ явленіи очарованія составляетъ нѣчто второстепенное и побочное. Въ приведенныхъ мною четырехъ примѣрахъ, въ очарованіяхъ Кавура и Гарибальди, Мольтке и Бисмарка несомнѣнно играли немалую роль гордость и любовь къ отечеству; но вы также согласитесь со мною, если я скажу, что и одной силы воли, доведенной до границъ возможнаго, бываетъ достаточно, чтобы вызвать въ насъ состояніе экстаза, и такіе экстазы должны испытывать всѣ люди живаго дѣла.

Что такое воля—мы узнаемъ лишь тогда, когда гистологія и біологія скажутъ намъ, что происходитъ въ нервныхъ двигательныхъ клѣточкахъ, когда онѣ посылаютъ нервамъ свои силы, освобождаясь мыслящимъ я. Но для того чтобы это узнать, нужно смѣниться многими поколѣніямъ или, пожалуй, вѣкамъ. Но и будучи

незнакомыми съ физико-химической сущностью явленія, мы, все-таки, можемъ описать и поставить его на принадлежащее ему мѣсто въ ряду психическихъ явленій. Поэтому мы и безъ гистологій, а при помощи однихъ основаній экспериментальной физиологій можемъ попытаться заняться позитивной психологійю.

Возможно, что воля, которая вълѣдствіе своей практической важности съ незапамятныхъ, мифологическихъ временъ причислялась психологами къ тремъ основнымъ способностямъ души,—не есть способность, имѣющая свои спеціальныя органы, не есть опредѣленная функція какой-нибудь части нашего мозга; вѣроятно же всего, она представляетъ собою моментъ, когда накопленная въ двигательной клѣткѣ сила переходитъ въ движеніе, благодаря какому-нибудь внѣшнему или внутреннему возбужденію.

Представляя функцію или моментъ многихъ сознательныхъ функцій мозга, воля, однако, весьма различна въ различныхъ людяхъ, что достаточно доказывается дѣленіемъ ихъ на слабыхъ и сильныхъ, на слабѣйшихъ и атлетовъ; и умѣть хотѣть и желать хотѣть составляетъ первую доблесть великаго характера, дѣловаго человѣка.

Чувствовать—дѣло хорошее; много чувствовать значитъ накапливать много матерьялу, годнаго для обильной работы; мыслить—дѣло еще лучшее, потому что это значитъ распредѣлить на различныя группы и тысячи картинъ образы, воспринимаемыя нашими чувствами; но хотѣть—лучше всего, и въ области дѣла одна маленькая мысль, которая хочетъ, гораздо полезнѣе, чѣмъ сто мыслей, которыя безцельно погибаютъ въ мозгу.

Весьма многіе дѣлаютъ и собираютъ наблюденія; они распредѣляютъ въ известномъ порядкѣ все видѣнное въ своемъ мозгу, но съ тою-же пользой, съ какой собиратели разныхъ вещей распредѣляютъ въ своихъ витринахъ насакомыхъ, раковины или разныя антикварныя рѣдкости. Невинное, но и бесполезное занятіе. Существуютъ старьевщики мысли, подобно старьевщикамъ тряпца; они фантазируютъ о картинахъ, которыхъ ни-

когда не нарисуютъ. о статуяхъ, которыхъ никогда не создадутъ, о книгахъ, которыхъ никогда не напишутъ.

На противоположномъ полюсѣ вы находите людей, которые, какъ только имъ попадется въ руки камешекъ или травка, тотчасъ начинаютъ стругать, обрабатывать эти вещи, чтобы сдѣлать изъ нихъ что-нибудь, превратить ихъ въ какое-нибудь орудіе. Дайте имъ солому, и они слетутъ вамъ изъ нея веревку, дайте имъ песокъ, и они превратятъ вамъ его въ стекло; на всякой вещи, которая пройдетъ черезъ ихъ руки, они оставятъ свою печать. Фантазеры будутъ извиваться между вещами, какъ угри, коснутся своими мотыльковыми крыльями цвѣтовъ каждаго сада; но они не оставятъ ничего человѣческаго въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ прошли. Люди дѣла, напротивъ, подчиняютъ все своей волѣ. Они растворяютъ въ водѣ все, что растворяется, и плавятъ въ своихъ котелкахъ все, что можно сплавить; они дистиллируютъ летучія вещества, гнутъ эластичныя матеріалы и ничѣмъ не довольствуются, если оно не носитъ на себѣ печати ихъ воли.

Изъ всѣхъ матерій, которыми особенно охотно занимаются люди дѣла—*человѣкъ* самая благородная и дорогая для нихъ. Существуютъ гиганты воли, которые, обладая огромной силой, нуждаются въ плотной и прочной матеріи, которой слабѣе не могли-бы согнуть или сломить. А есть-ли какая-нибудь другая матерія, которая-бы болѣе противоdѣйствовала вліянію воли, чѣмъ та, изъ которой сдѣланы люди? Человѣкъ тверже алмаза, эластичнѣе каучука, измѣнчивѣе Протея, летучѣе эфира, безцвѣтнѣе воздуха, разноцвѣтнѣе анилиновыхъ препаратовъ. Подобно тому какъ алмазъ можетъ быть отшлифованъ лишь порошокомъ другихъ алмазовъ, такъ и человѣкъ, укрощающій молніи и измѣняющій форму континентовъ, можетъ быть укрощенъ лишь другимъ человѣкомъ.

Силою нашей воли мы можемъ подчинить себѣ волю десяти, ста, тысячи людей; такъ мы можемъ изъ тайн-

ственныхъ источниковъ Кордильеровъ зачерпнуть кубокъ воды, направлявшейся къ устью Амазонки, и вылить ее въ потокъ, который вмѣсто этого понесетъ ее въ Рио-де-ля-Плату. Точно также мы можемъ взять цѣлую націю, закованную въ цѣни рабства, и сказать ей: *ты будешь свободна!* — Мы можемъ подчинить себѣ расу, счастливую своимъ невѣжествомъ, и наложить на нее иго азбуки; мы можемъ заставить націю преклоняться предъ Христомъ, Буддой или Кораномъ; мы можемъ заставить курить фиміамъ предъ обнаженной женщиной, называя ее Богиней Разума; мы можемъ ежедневно измѣнять крикъ „*расни его*“ въ „*да здравствуетъ*“ и „*осанна*“.

И если человѣку, называясь онъ Александромъ или Цезаремъ, Вашингтономъ или Лютеромъ, Магометомъ или Тамерланомъ, если человѣку удастся совершить все это, то какъ же ему не придти въ очарованіе отъ этой нѣмой, но колоссальной силы, заключенной въ скромномъ тѣлѣ этого двуногаго животнаго безъ перьевъ, какъ ему не впасть въ экстазъ въ виду такой возвышенной картины морального міра? Какъ этотъ человѣкъ, даже помимо гордости и любви къ отечеству, можетъ не впасть въ одинъ изъ величайшихъ экстазовъ при одномъ эстетическомъ созерцаніи своей воли?

Стояли-ли вы когда-нибудь предъ локомотивомъ, прицѣпленнымъ къ поѣзду, который онъ долженъ увлечь за сотни верстъ, въ ожиданіи сигнала къ отходу? Наверное стояли. Локомотивъ неподвиженъ; ни огня, ни пара, скрывающихся въ немъ, незамѣтно; тѣмъ не менѣе онъ обладаетъ силой, которую можетъ проявить каждую минуту, и онъ какъ-бы чувствуетъ это и дрожитъ всѣми своими желѣзными членами. Это очень глубокая и, все-таки, едва замѣтная дрожь, которая даетъ вамъ почувствовать неимоверность силы, скрывающейся внутри; это дыханіе гиганта, который можетъ убить насъ

и перевернуть міръ. И вотъ, если-бы этотъ локомотивъ былъ одаренъ сознаниемъ, то онъ испыталъ-бы экстазъ могущества безъ всякой гордости или другаго человѣческаго чувства.

Человѣкъ дѣла очень похожъ на этотъ локомотивъ; онъ знаетъ свои силы и, не проявляя ихъ нисколько, чувствуетъ свое могущество, а также и то, что онъ является полнымъ его господиномъ. Даже не превращая этой силы въ работу, даже не рѣшивъ, какъ ее примѣнить и направить, онъ созерцаетъ свою силу, и именно потому, что она такъ неизмѣрима и такъ безгранична, онъ можетъ испытать очарованіе, какое доставляютъ только сильныя, но неопредѣленные ощущенія. Съ своей высоты онъ видитъ все, что можетъ сдѣлать, весь трудъ, который въ состояніи совершить, все перевороты и революціи, которые можетъ вызвать, направить и укротить.

Это экстазъ потенціальный; но человѣкъ дѣла, человѣкъ съ сильной волей можетъ испытать еще другой экстазъ, экстазъ побѣды, который можетъ овладѣть имъ и безъ рукоплесканій толпы и одобренія избранныхъ. Онъ сражался и побѣдилъ; онъ—полный хозяинъ и повелитель поля, которымъ овладѣлъ.

Послѣ парламентской битвы или бомбардировки министръ или полководецъ могутъ испытать это омыненіе, этотъ экстазъ. Историки пытались изобразить это состояніе на бумагѣ, и художники—на полотнѣ; но все ихъ попытки даютъ лишь самое блѣдное изображеніе одной изъ безмолвныхъ, но весьма интенсивныхъ по чувству сценъ человѣческаго міра. Онъ длится недолго, но за то тѣмъ сильнѣе охватываютъ человѣческую душу. Я говорю, что эти экстазы длятся недолго, потому что воля даже при высшихъ степеняхъ омыненія представляетъ собою по преимуществу центробѣжную силу, которая всегда переходитъ въ какую-нибудь работу, поэтому экстазы воли такъ рѣдки, а если проявляются, то

по необходимости длятся самое короткое время. Но если они кратки, то весьма интенсивны, потому что возбужденіе генія такъ-же возвышенно, какъ самый геній и, подобно ему, можетъ взлетать въ самыя возвышенныя области.

Великіе геніи дѣла, безсмертныя имена которыхъ сохранны на мраморѣ или бронзѣ, всё испытали эти экстазы воли. Они, быть можетъ, провели всю жизнь въ ожиданіи этого момента очарованія, но этотъ моментъ былъ чудной наградой за весь потъ и всю кровь, пролитые ими втеченіе ихъ жизни. Нѣтъ той триумфальной арки, нѣтъ того безумнаго восторга рукоплещущей толпы, нѣтъ такого золоченаго трона или лавроваго вѣнка, которые могли-бы доставить внутреннее блаженство, испытываемое геніемъ, пребывающимъ въ состояніи экстаза предъ своимъ произведеніемъ; многовѣковая жизнь цѣлыхъ милліоновъ обыкновенныхъ людей не можетъ сравниться съ однимъ такимъ мгновеніемъ, котораго, быть можетъ, не сумѣли-бы измѣрить никакіе часы въ мірѣ, но который подмѣчается и поглощается человѣческимъ сознаніемъ, какъ дождевая капля пожирается жаждущей пустыней.

Я желалъ и сумѣлъ—это болѣе чѣмъ человѣческой, это божественный крикъ, который могутъ издавать лишь тѣ весьма немногіе, которыхъ люди возвели на степень полубоговъ или боговъ Олимпа.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Экстазы творчества.

Моисей и Дарвинъ.—Создатель и его созданіе.—Различныя творчества.—А все-таки движется.—Какой экстазъ самый возвышенный? какая вершина самая выдающаяся на Гималаяхъ мысли?—Природа и творчество человѣка.—Заключеніе.

Человѣкъ не сотворилъ міра и не присутствовалъ при его сотвореніи; но онъ совершилъ нѣчто третье, отличное отъ того и другаго. *Онъ создалъ космологію міра*, даже два рода такого сотворенія. Слѣдя за часами, минутами и секундами на тѣсномъ циферблатѣ своихъ часовъ, онъ за краткими часами доступнаго ему времени видитъ безконечное позади и впереди себя; онъ съ большимъ лукаствомъ, а, можетъ быть, и съ проіеіей изобрѣлъ двѣ величины *нуль* и *безконечность*—два величайшихъ отрицанія, какія только его умъ могъ понять и по ту сторону которыхъ не могли проникнуть никакой глазъ, никакая фантазія.

Лишь немногіе, освободившись отъ первороднаго грѣха гордости и погружившись въ священныя волны науки, весьма скромно отвергли *нуль* и *безконечность*, какъ ложныхъ боговъ, и удовлетворялись, а можетъ

быть и до конца вѣковъ будутъ довольствоваться заключеніемъ вселенной между двумя неизвѣстностями, удаляя одну отъ другой на вѣкоторое разстояніе при каждомъ шагѣ человѣка и поколѣнія.

Большинство людей являются сторонниками творчества, и прекрасно дѣлаютъ. Искы заострены, и на нихъ неудобно садиться. Гипотеза-же—мягкій, эластическій, удобный диванъ, на которомъ можно сидѣть, лежать и, главное, спать. Такимъ образомъ человѣкъ создалъ два рода космогоніи міра: одно изъ нихъ принадлежитъ Моисею, другое Дарвину. Однако, эти два имени не служатъ для меня олицетвореніемъ двухъ историческихъ истинъ, а двухъ системъ, стоящихъ одна противъ другой и, повидимому, противоположныхъ, но въ сущности подающихъ другъ другу руку, такъ какъ обѣ онѣ одинаково теологическія.

Космогонія міра у Моисея возвышенна и поэтична; имъ прямо разрубается гордіевъ узелъ, котораго нельзя развязать. Не даромъ узелъ Соломова составляетъ сплетеніе множества иксовъ. Космогонія міра у Дарвина напоминаетъ Лютера, комментирующаго Христа: наука включаетъ союзъ съ вѣрой. Творчество Моисея—это Минерва, выходящая изъ головы Юпитера послѣ удара топоромъ; творчество Дарвина—это яйцо, становящееся курицей вълѣдствіе длиннаго ряда эволюцій, изучаемыхъ ножомъ и микроскопомъ. Но предъ *fiat lux* и предъ яйцомъ стоятъ сотни и тысячи иксовъ и злобно издѣваются надъ законодателями древности и современности. Ни Моисей, ни Дарвинъ не отрицаютъ Бога. Зодчій Моисея говоритъ при посредствѣ грома и молніи; Зодчій Дарвина разсуждаетъ какъ академикъ, какъ ученый; одинъ приводитъ хаосъ въ порядокъ своимъ словомъ, другой устраниваетъ это, какъ опытный и практическій управляющій. Моисей долженъ былъ родиться на Востоку, гдѣ любятъ чувствовать и фантазировать; Дарвинъ долженъ былъ родиться въ Англии, гдѣ предпочитаютъ работать. Моисей

сей и Востокъ предпочитаютъ прекрасное: Дарвинъ и Западъ—полезное.

Вотъ двѣ космогоніи міра, и каждый, смотря по вѣрѣ или по скептицизму, можетъ выбрать одну изъ нихъ, болѣе соотвѣтствующую его вкусу. Это двѣ гипотезы, на которыхъ можетъ сидѣть, лежать и спать каждый ненавидящій четыре острія Х'а, проникающія въ нашъ организмъ чрезъ глаза, мускулы, чрезъ все чувствительныя части кожи, терзая и мучая насъ отъ колыбели до могилы.

Но я не имѣю въ виду заниматься здѣсь критикой Моисея и Дарвина. Моя скромная задача—упомянуть объ экстазахъ творчества, которые всего лучше воплощаются въ этихъ двухъ именахъ—противуположныхъ полюсахъ человѣческой мысли. Но влѣдствіе роковаго соприкосновенія атомовъ вѣсомой матеріи и эфира эти противуположности должны, наконецъ, сойтись, ибо онѣ принадлежать къ одной и той-же сферѣ человѣческаго микрокосмоса.

Космогоническое начало Моисея нуждалось въ хаосѣ, чтобы создать изъ него міръ, а человѣкъ для всего создаваемого имъ нуждается въ *ubi consistam*, въ хаотической матеріи, съ которой можетъ обращаться по своему усмотрѣнію. Но это, во всякомъ случаѣ, неважно: видя сотворенный міръ предъ собою, великій Зодчій останавливается и находитъ, *что это хорошо*, и какъ Моисей, такъ и Дарвинъ впадаютъ въ экстазъ, одинъ предъ генезисомъ библіи, другой—предъ генезисомъ эволюціи. Гдѣ только рождается какая-нибудь вещь, тамъ возстанавливается великое равновѣсіе между разсѣянными и разрозненными силами, и вздохъ блаженства возвѣщаетъ, что новое созданіе увидѣло свѣтъ солнца. Будь это міръ или гипотеза, человѣкъ или теорія, во всѣхъ случаяхъ оно остается творчествомъ. Приготовьте колыбель для новорожденнаго: религію или философскую школу, чтобы онъ могъ расположиться и выспаться въ ней. Творческая дѣятельность устала и нуждается въ отдыхѣ.

Появленіе на свѣтъ младенца въ первые моменты поражаетъ, но не истолковывается; оно болѣе волнуетъ насъ, чѣмъ заставляетъ мыслить, и, разумѣется, болѣе всѣхъ волнуется отецъ новорожденного. То, что существуетъ сегодня, вчера еще не существовало; то, что вчера еще не двигалось, не дышало, не имѣло имени, сегодня движется, дышетъ, имѣетъ имя.

Изъ самыхъ мрачныхъ безднъ прошедшаго или изъ самыхъ отдаленныхъ границъ пространства разбѣянные атомы, созданные нашимъ голосомъ, сблизились и соединились: туманъ сталъ образомъ, а образъ принялъ очертанія и форму; и эта форма живетъ и притягиваетъ въ водоворотъ своей жизни другіе атомы. Поэзія желанія, сладострастіе любви, гордость мысли покорились нашей волѣ, и творчество было создано. — *Да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ.* — Одной минутой раньше человѣкъ былъ организмомъ, теперь онъ сталъ отцомъ. Величайшая функція жизни проявилась, и жизнь создала жизнь.

Творецъ, останавливающійся предъ своимъ твореніемъ, впадаетъ въ очарованіе, будетъ-ли предметомъ этого творенія—міръ, поэма, статуя, картина, наука, теорія, гимнъ или храмъ. Сколько труда, терпѣливаго размысленія и напряженныхъ думъ потребовалось для того, чтобы могъ наступить этотъ моментъ! Сколько выкидышей, пока получился новорожденный: сколько безплодной любви, пока получилось оплодотвореніе; сколько оплодотворяющей пыли для одного сѣмени; сколько черновыхъ стиховъ для одного законченнаго поэтическаго произведенія!

И творецъ останавливается и созерцаетъ свое произведеніе, которое только что родилось, которое живетъ и будетъ жить. Какъ гармонично строеніе членовъ, какъ остроумна работа органовъ, повинующихся центру, которому они возвращаютъ произведенныя имъ силы! Какъ проченъ скелетъ, какъ сильны

мышцы, какъ нѣжно и искусно распредѣлены сѣти сосудовъ и нервовъ, доставляющихъ каждой клѣточкѣ кровь и силу! Какъ красива, нѣжна и плотна кожа, заслоняющая отъ глаза всѣ сокровенныя напряжения тысячи механизмовъ! Какъ прекрасна внѣшность, какъ хороша внутренность! Стихотвореніе или картина, книга или храмъ—все это будетъ жить, если оно прекрасно, хорошо и истинно!

Въ исторіи человѣческаго труда я называю творчествомъ всякое произведеніе искусства, музыки, рѣзца, кисти, пера. Къ произведеніямъ искусства я отношу также поэзію, не придавая, однако, никакого значенія этой классификаціи.

Измѣните опредѣленіе искусства, и поэзія съумѣетъ выдѣлиться въ отдѣльный классъ, что доставитъ намъ невинное развлеченіе поспорить, стоитъ-ли поэзія выше изящныхъ искусствъ или ниже. По моему мнѣнію, высота искусства измѣняется не орудіемъ, употребленнымъ въ дѣло, а благородствомъ самого произведенія. Картина, статуя, храмъ могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ продуктами промышленности, удачными фотографіями или ловкими комбинаціями линій, а поэзія съ своей стороны можетъ проявиться въ видѣ акростиха или невиннаго рифмоплетства. Съ другой стороны въ картинѣ или статуѣ можетъ сказаться столько поэтического творчества, что ничто не задумается поставить ихъ наравнѣ съ гимномъ или стихотвореніемъ.

Не будемъ терять нашихъ—увъ, столь короткихъ—часовъ въ безплодныхъ словопреніяхъ и пустыхъ софизмахъ, а станемъ употреблять слова на то, чему они должны служить, т. е. на платье, которымъ покрываются вещи и которое слѣдуетъ выбрасывать, когда оно испортилось или износилось. Животворящая природа придастъ новую жизнь и новую форму хрупкой матеріи, изъ которой это платье сдѣлано, а если обязательно должна

существовать ветошь, то пусть она сохраняется въ пыльных шкафахъ лингвистовъ и академій.

Для насъ важны сами вещи, съ внутренней природой которыхъ мы такъ мало знакомы и цѣлыя тысячи которыхъ намъ предстоитъ еще открыть; для жизненнаго-же обихода, а также для идейной борьбы намъ достаточно знать, что наука преслѣдуетъ истину и что искусство создаетъ прекрасное посредствомъ элементовъ, замѣтуемыхъ отъ природы. Съ этимъ опредѣленіемъ, я надѣюсь, всѣ согласны, и его вполне достаточно для отличенія выдающихся формъ интеллеутальныхъ экстазовъ.

Безъ горячей, пылкой любви нѣтъ творчества ни въ мѣрѣ живыхъ существъ, ни въ мѣрѣ искусствъ.

Статуя, книга, картина, музыкальная пьеса могутъ придти на мысль мгновенно; это называется вдохновеніемъ. Но какъ-бы кратко ни было это мгновеніе, оно можетъ потрясти всѣ фибры мозга и сердца, его можетъ быть вполне достаточно, чтобы привести насъ въ экстазъ. Конечно, этому мгновенію предшествовали долгія и бессознательныя напряженія. Но подобно тому какъ женщина вдругъ испытываетъ въ глубинѣ своихъ внутренностей потрясеніе, говорящее ей, что она мать, когда зародышъ проявляетъ способность къ жизни,—такъ и художнику внезапно является на темномъ горизонтѣ сознанія бѣглый, но блестящій образъ, который потомъ принимаетъ форму книги, картины или стихотворенія.

Въ каждомъ произведеніи искусства творческое вдохновеніе есть та спинномозговая линія, которая прежде всего появляется въ оплодотворенномъ яйцкѣ и обозначаетъ собою начало жизни. Изъ всѣхъ эволюціонныхъ моментовъ творчества это—первый, основной. Изъ этой линіи можетъ развиваться гигантъ или карликъ, чудовище или изящное произведеніе. Эта линія обозначаетъ собою скелетъ, къ которому прикрѣплятся мускулы и вну-

тренности: отъ нея зависятъ фигура и форма всѣхъ органовъ, располагающихся вокругъ нея въ предназначенномъ для нихъ порядкѣ. Никакія вліянія климата, никакія усилія ортопедіи не въ состояніи измѣнить зародыша, изъ котораго должна произойти курица, въ другой зародышъ, изъ котораго произошелъ-бы орелъ.

Однако, экстазъ творчества не кончается тѣмъ блаженнымъ моментомъ, когда намъ во мракѣ несотвореннаго является оплодотворенный зародышъ. Наши мысли, наши чувства окружаютъ это нѣжное созданіе крыльями неимоверной любви и берегутъ и холятъ его въ тѣни нашихъ надеждъ. Здѣсь, въ области мысли, мы снова встречаемся со всѣми нѣжностями и болѣзненными капризами, съ которыми познакомились при изученіи экстазовъ материнской любви.

Въ человѣческихъ семьяхъ имѣется много мнимыхъ отцовъ, но нѣтъ ложныхъ матерей. То-же самое можно сказать и о твореніяхъ искусства, гдѣ встречается множество посредственностей, претендующихъ на священные экстазы родительскаго чувства, но безсильныхъ. Ихъ созданіе заключаетъ въ себѣ кровь, кости, привязанности другого или другихъ, а сами они даютъ своему незаконному дѣтищу лишь свое имя, имя, которое есть иронія, поруганіе истины, контрабанда супружеской любви.

Творчество всегда законное дитя, потому что въ области мысли оно имѣетъ мать, творческое вдохновеніе: объ отцѣ-же никто и не думаетъ заботиться. Языкъ, созданный болѣе мужчинами, чѣмъ женщинами, придавъ гению мужской родъ, между тѣмъ какъ справедливѣе было-бы, чтобы это слово было женскаго рода, въ виду плодovitости и неустанной производительной дѣятельности гения—качества, свойственныхъ болѣе Евѣ, чѣмъ Адаму. Ничто такъ не походитъ на плодovitую матку, какъ мозгъ творящаго гения.

Компиляторы, плагиаторы и всѣ промышленники ис-

искусства, всё поддѣльватели банковыхъ билетовъ, монеть или чужихъ произведеній могутъ приобрести почетъ между людьми и скопить золото въ своихъ шкафахъ; они даже могутъ на время похитить для себя мѣсто на Олимпѣ; но они никогда не знавали и никогда не узнаютъ прелестей священныхъ экстазовъ творчества, уединеннаго и скромнаго обожанія своихъ произведеній.

Нѣтъ болѣе грубаго хотя и стараго заблужденія, будто никто не можетъ быть судьей своихъ произведеній. Это—ложь, которая можетъ оказаться полезной для внутренней полиціи человѣческаго общества и весьма полезной для взаимной защиты тщеславія и зависти; но все-таки ложь. Любовь матери какъ-бы она не была слѣпа, обладаетъ внутреннимъ, неоспоримымъ ясновидѣніемъ, открывающимъ ей самыя затаенныя уродливости тѣла и души ея сына; то-же самое мы наблюдаемъ и у той чудной матери, которая создаетъ произведенія искусства или науки.

Никто не относится критически строже къ произведенію искусства, чѣмъ тотъ, который создалъ его; никто не бываетъ требовательнѣе его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не можетъ быть справедливѣе его. Въ то время какъ художникъ въ своей мастерской разматриваетъ испытующимъ взглядомъ свое дѣтище, онъ видитъ всё внутреннее и внѣшнее недостатки его, бонтея и надеется, но высказываетъ свое сужденіе и свои взгляды безъ обиняковъ и безъ снисхожденія.

Публика, увлеченная фальшивой внѣшностью или изъ чувства благоговѣнія предъ именемъ великаго художника, можетъ восторгаться какимъ-нибудь посредственнымъ его произведеніемъ; но самъ художникъ не поддается иллюзіи и молча говоритъ самому себѣ: это не твореніе, а выкидышъ. Это созданіе родилось живымъ, но оно умретъ.

Можетъ случиться и совершенно обратное. Публика можетъ быть недовольна, пожимать плечами, относиться съ презрѣніемъ, но если художникъ полюбитъ свое произведеніе и остался имъ доволенъ, то онъ даетъ ей возможность ругаться и обивать его сколько угодно; улыбаясь и высоко поднявъ голову, онъ можетъ повторять тогда забытое *Errit si tuoce* (а все-таки она движется), которое еще задолго до Галилея твердили и долго послѣ него будутъ твердить все непонятые или оклеветанные гени.

Никакой энтузіазмъ рукоплещущей толпы, никакіе знаки отличія государей не могутъ доставить творцу художественнаго произведенія даже малой доли того блаженства, какое доставляетъ ему удивленный экстазъ, вызванный созерцаемъ своего обнаженнаго, исполненнаго жизни дѣтища, которое онъ находитъ прекраснымъ. Сказка про Пигмаліона воплощаетъ собою великую истину, и во все времена, въ тиши своихъ рабочихъ комнатъ многіе художники расточали поцѣлуй своей картинѣ, своей статуѣ, своей книгѣ. Это—цѣломудренныя, но жгучіе поцѣлуи, которые возвращаются намъ сторицею произведеніемъ нашей любви, нашихъ томительныхъ усилій и напряженныхъ стараній.

Марцело, великій Марцело вскакиваетъ со смертнаго одра и ведетъ пріятеля въ свою бібліотеку, гдѣ бросаетъ послѣдній взглядъ на безсмертное произведеніе своей жизни, хвалитъ, приветствуетъ и цѣлуетъ его въ послѣдній разъ. Рафаэль проситъ передъ смертью поставить предъ нимъ *Преображеніе*, чтобы еще разъ, еще послѣдній разъ, взглянуть на самое любимое дѣтище своего гениа. Точно также безсмертные музыканты уснули на вѣки подъ звуки своихъ божественныхъ симфоній. Точно также многіе писатели умерли, прижимая къ сердцу слабѣющими руками томъ своихъ произведеній.

Если относительно аффективных и эстетических экстазов трудно сказать, который между ними занимает высшее мѣсто, то относительно умственных экстазов можно, я полагаю, смѣло утверждать, что экстаз творчества занимает самое высокое мѣсто между ними и, достигая высочайшихъ вершинъ человѣческаго Олимпа, видитъ и обнимаетъ съ этой высоты всѣ силы ума, всѣ высшія ощущенія чувства.

Хотя истина и есть верховный Богъ многихъ другихъ Боговъ, но это грозный и почти недоступный Иегова. Его жизнь коротка: то, что сегодня—живая истина, завтра будетъ мертвой, изъ которой однако родится безконечное множество другихъ истинъ. Въ области прекраснаго творчество такъ-же вѣчно, какъ самъ человѣкъ; вотъ почему Исаія и Гомеръ такъ-же трогаютъ насъ въ настоящее время, какъ иѣкогда волновали они отдаленныхъ предковъ Израиля и Эллады. Экстаз истины весьма возвышенъ, но онъ почти всецѣло интеллектуаленъ и эфиренъ, какъ мысль. Очарованія художественнаго творчества высоки, но отличаются теплотою, которая никогда не охлаждается. Прекрасное всегда остается высочайшей человѣческой вершиной, потому что оно охватываетъ и истину, и добро. Нѣтъ красоты, которая не была-бы истиной; нѣтъ красоты, которая не была-бы благомъ. Сказаніе о трехъ Богахъ въ одномъ Богѣ воплощается въ святой троицѣ истины, добра и красоты: три божества въ одномъ божествѣ—въ прекрасномъ.

Если-бы гений былъ въ состояніи одинаково испытать очарованіе, внушаемое каждымъ изъ этихъ трехъ великихъ Боговъ человѣчества, и притомъ испытать ихъ при одинаковой высотѣ чувства, то онъ несомнѣнно увѣрилъ-бы насъ, что Эверестомъ этихъ человѣческихъ Гималаевъ служитъ прекрасное. Народы, которые болѣе или лучше другихъ обожали прекрасное, всегда шли впереди всѣхъ на пути прогресса, были пионерами цивилизаціи и, даже утомившись, все еще составляютъ аристократію среди обширной толпы человѣческихъ су-

щество. Найти великую истину—полезно; стремиться къ добру—похвально, но воздвигнуть природѣ прекрасный храмъ—прекрасно, похвально и полезно, такъ какъ прекрасное—самое возвышенное божество на всѣхъ священныхъ Олимпахъ, на всѣхъ небесахъ прошедшаго и будущаго. Гомеръ всегда будетъ стоять выше чѣмъ Аристотель, и Шекспиръ выше чѣмъ Ньютонъ.

Подобно тому какъ ни одинъ человѣкъ на землѣ не можетъ такъ любить свою мать, какъ она его любила, такъ и мы всѣ, дѣти природы, можемъ лишь тогда возратить ей горячій и любовный поцѣлуй, когда сами становимся родителями живаго созданія.

Природа дала намъ не одинъ, а тысячу поцѣлуевъ, поцѣлуевъ вѣжнихъ и горячихъ, спокойныхъ и страстныхъ, въ лобъ, губы и сердце, и мы въ своемъ творчествѣ возвращаемъ ей то, что получили отъ нея.

Лучи солнца, согревающіе нашу кровь, неходятъ отъ нея, да и сама кровь, питающая насъ, есть сокъ ея жилъ. Вся, имѣющаяся въ насъ, сокрытая энергія, спокойное терпѣніе и внезапные порывы—все это мы получаемъ отъ общей матери всего живущаго, отъ природы.

Экстазъ, испытываемый нами предъ твореніями нашей мысли,—это далекое или близкое эхо всѣхъ эстетическихъ очарованій, которыми омыняли насъ въ часы созерцанія цвѣтущіе дуга, звѣздное небо и ибнящіе волны. Наши дѣти—плоть отъ плоти природы; отъ нея неходятъ вѣжнія дуновения сладострастія и сердечные урганы, радуги фантазій и ароматы чувства, успокоивающая зелень и привлекательная роза, духъ и матерія, сила и сонъ, созидающій порывъ и охраняющій миръ; словомъ, отъ нея неходитъ все, что въ насъ есть прекраснаго и великаго.

Если вѣрно, что Богъ, сотворивъ міръ и человѣка, предался отдыху—„почилъ отъ дѣлъ“, наслаждаясь созерцаніемъ созданныхъ имъ вещей, то и другая великая

Богиня, мать всѣхъ Боговъ и всѣхъ людей—природа, должна чувствовать себя счастливой при созерцаніи произведеній своихъ созданій, возвращающихъ матери улыбки всего свѣта, пылъ всей любви, полученной ими отъ нея.— За этимъ предѣломъ прекращается все человѣческое и теряется крылья мыслимое.

Не будемъ-же посылать проклятій жизни, если она способна одарить насъ столькими аффективными, эстетическими, интеллектуальными экстазами. Бываютъ минуты, которыя стоятъ столѣтій и воспоминаніе о которыхъ наполняетъ сладкимъ блаженствомъ всю нашу жизнь. Не будемъ проклинать никакихъ экстазовъ, ни религиозныхъ или интеллектуальныхъ, ни мистическихъ или аффективныхъ. Преклонимъ колѣна предъ всѣми высотами, и если мы не въ состояніи взобраться на всѣ вершины, то будемъ хоть созерцать ихъ влюбленнымъ окомъ изъ глубины долинъ. Не будемъ проклинать никакихъ экстазовъ и не станемъ завидовать тѣмъ, которые ихъ испытываютъ, потому что каждый изъ насъ способенъ взобраться на какую-нибудь вершину мысленныхъ Альповъ. Ни одному человѣку никогда не было отказано въ солнечномъ лучѣ или въ часѣ экстаза.

Природа создала насъ столь различными по цвѣту и силѣ, по уму и красотѣ; протянемъ-же другъ другу руки, заключимъ священный союзъ нравственнаго альпинизма и позаботимся о созданіи культа, который-бы заключался въ обожаніи идеала.

